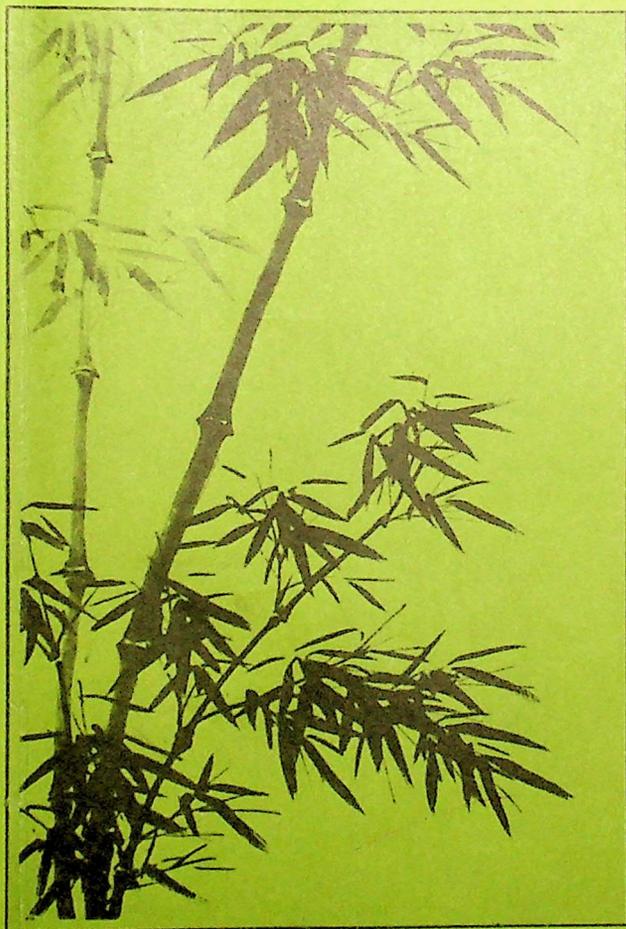

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2000

ISSN 0131 – 2812

Документы визитов
Президента РФ В.В.Путина
в КНР и КНДР

●
Россия и Китай на рубеже веков

●
Визит Президента РФ в КНР

●
КНР в глобальной
стратегии Запада

●
О творчестве Чжан Имоу

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2000

Сентябрь - Октябрь

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики.....	5
Совместное заявление Президента РФ и Председателя КНР по вопросам противоракетной обороны.....	9
Совместная российско-коре́йская декларация.....	11
Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР.....	14

ПОЛИТИКА

<i>Л.Моисеев.</i> Россия и Китай на пороге нового старта. (К итогам визита Президента РФ В.В.Путина в КНР).....	16
<i>Г.Толорая.</i> Новый старый партнер на Дальнем Востоке.....	24
<i>Г.Бульчев, Д.Кулькин.</i> Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений.....	33
<i>В.Балакин.</i> КНР в глобальной стратегии Запада на рубеже веков.....	39
<i>В.Бунин, А.Шлындов.</i> Военный потенциал Японии.....	59
<i>П.Каменнов.</i> Проблемы оборонного строительства КНР на рубеже веков.....	76
<i>Н.Ахметшин.</i> О преступлениях против общественной безопасности в современном Китае.....	89

ЭКОНОМИКА

- П.Мозиас.* Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня.....98
Л.Ходов. Государственное регулирование импорта товаров и капиталов в Монголии.....110

ИСТОРИЯ

- А.Москалев.* Подходы к принципу самоопределения в Китае (XX в.).....117
М.Крюков. Еще раз о "Северо-Западном плане" Сунь Ятсена.....130

РУССКИЕ В КИТАЕ

- Л.Маркизов.* Из истории Харбинского политехнического института (К 80-летию основания ХПИ).....145
А.Хисамутдинов. Предприниматель В.Ф.Ковальский и его роль в развитии Маньчжурии.....149

ФИЛОСОФИЯ

- А.Лукьянов.* Цивилизация палингенеза в даосизме.....154

КУЛЬТУРА

- Л.Черникова, Бэй Вэньли.* История памятника А.С.Пушкина в Шанхае.....169
О.Родионова. Творчество Чжан Сянляна в оценке современной критики.....176
С.Торопцев. Кинорежиссер Чжан Имоу: становление мастера. (К 50-летию со дня рождения).....185

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Государственная премия Российской Федерации - академику С.Л.Тихвинскому.....195
В.Чуванкова. Защита диссертаций по экономическим наукам в ИДВ РАН.....198

РЕЦЕНЗИИ

- Е.Таскина.* Моравский Н.В. Остров Тубабао. 1949-1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции.....200

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Л.Переломов.* Виталию Федоровичу Феокистову 70 лет.....203

Редакционная коллегия

А.М. Григорьев (главный редактор), Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Боляtko, О.Н. Бороx, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, А.А. Писарев, В.Я. Портяков, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, Ю.С. Столяров, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

Л.Моисеев. Россия и Китай на пороге нового старта

В статье анализируются итоги визита Президента РФ В.В.Путина в Китай 17-19 июля 2000 г., рассматривается нынешнее состояние российско-китайских отношений в различных областях. "Новым существенным элементом" двусторонних связей, подчеркивает автор, стала достигнутая в ходе визита договоренность о начале работы над базовым договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между двумя странами.

Г.Толорая. Новый старый партнер на Дальнем Востоке

Статья посвящена развитию отношений России и КНДР во второй половине XX века. Подробно рассмотрен процесс заключения нового договора о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Дана оценка визита в Пхеньян Президента РФ В.В.Путина в июле 2000 г.

Г.Булычев, Д.Кулькин. Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений

В статье рассмотрены история, современное состояние и факторы, определяющие перспективы развития отношений России и Республики Корея.

В.Балакин. Китайская Народная Республика в глобальной стратегии Запада на рубеже веков

Автор статьи, отмечая, что к концу XX в. между индустриально развитым Западом и КНР в целом сложилась устойчивая система взаимоотношений, анализирует состояние и перспективы отношений в области инвестиционного сотрудничества между КНР и Западной Европой, КНР и США, КНР и Японией.

В.Бунин, А.Шлындов. Военный потенциал Японии

В статье на основе изучения последних японских материалов и документов дается анализ современного состояния и перспектив развития военного потенциала Японии, рассматриваются основные проблемы военного строительства, сильных и слабых сторон национальной системы обеспечения военной безопасности страны.

П.Каменнов. Проблемы оборонного строительства КНР на рубеже веков

В статье исследуются основные тенденции и проблемы оборонного строительства КНР на рубеже XX и XXI веков. В качестве преобладающей тенденции автор отмечает акцент на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала при сохранении принципа оборонной достаточности.

Н.Ахметшин. О преступлениях против общественной безопасности в современном Китае

Автор рассматривает преступные деяния против общественной безопасности, такие как терроризм, устройство взрывов, захват самолетов и других средств общественного транспорта и их отражение в новом Уголовном кодексе КНР.

П.Мозиас. Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня

Автор знакомит читателя с опытом внешнеэкономической деятельности Тайваня в 50-60-е годы, полагая, что Россия могла бы эффективно использовать этот опыт.

Л.Ходов. Государственное регулирование импорта товаров и капиталов в Монголии

Автор знакомит читателя с нынешним состоянием экономики и внешнеэкономических связей Монголии, с особенностями оформления, ведения и расчета экспортно-импортных операций, показывает широкие возможности восстановления и развития традиционных торгово-экономических связей РФ с Монголией.

А.Москалев. Подходы к принципу самоопределения в Китае (XX в.)

В статье анализируются подходы к принципу самоопределения в политике КПК и Гоминьдана со времени первых съездов этих партий, отношение к самоопределению руководства КНР, понимание этого принципа современными китайскими учеными.

М.Крюков. Еще раз о "Северо-Западном плане" Сунь Ятсена

Проблема "Северо-Западного плана" Сунь Ятсена затрагивалась автором в статье "Извилистый путь к альянсу: Советская Россия и Сунь Ятсен (1918-1923)" (ПДВ, 1999, №№ 2,3). В данной публикации на основании новых, в том числе архивных источников подробно раскрывается предыстория и содержание военного плана д-ра Суня, предусматривавшего получение прямой военной поддержки со стороны Советской России.

Л.Маркизов. Из истории Харбинского политехнического института

В связи с 80-летием со дня основания института автор рассказывает о вкладе, который внесли его преподаватели и выпускники в развитие Северо-Восточного Китая.

А.Хисамутдинов. Предприниматель В.Ф.Ковальский и его роль в развитии Маньчжурии

В статье рассказывается о судьбе одного из русских предпринимателей, активно способствовавших экономическому развитию Маньчжурии.

А.Лукьянов. Цивилизация палингенезиса в даосизме

В статье конкретизируются мировоззренческие параметры древнекитайской философии на примере анализа концепции цивилизации палингенезиса в даосизме, дается типология цивилизаций в зависимости от способов и направлений реставрации культуры Дао.

О.Родионова. Творчество Чжан Сяньляна в оценках современной критики

Статья посвящена анализу сложного жизненного и творческого пути китайского писателя Чжан Сяньляна.

С.Торопцев. Кинорежиссер Чжан Имоу: становление мастера.

В статье рассматриваются основные социально-психологические факторы становления известного китайского кинорежиссера.

Документы

Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя Президент Российской Федерации В.В.Путин 17-19 июля 2000 года совершил официальный визит в Китайскую Народную Республику. В Пекине состоялись официальные переговоры между главами государств России и Китая.

Во время визита В.В.Путин провел встречи с Председателем Постоянного Комитета Всекитайского Собрания Народных Представителей Ли Пэнном, Премьером Государственного Совета Китайской Народной Республики Чжу Жунцзи и Председателем Всекитайского Комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая Ли Жуйхуанем.

Главы двух государств, всесторонне рассмотрев развитие связей между Россией и Китаем на протяжении последнего десятилетия, с удовлетворением отметили, что провозглашенное в 1996 году установление отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке, полностью отвечает коренным интересам народов двух стран. Подчеркнуто, что развитие отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия имеет важное значение для укрепления всестороннего сотрудничества между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, упрочения дружбы народов России и Китая, способствует формированию многополярного мира и нового справедливого и рационального международного порядка.

Главы двух государств считают, что с наступлением XXI века откроются еще более широкие перспективы для развития российско-китайских отношений. Российская Федерация и Китайская Народная Республика на основе стратегического взаимодействия намерены и дальше углублять добрососедство и дружбу, расширять взаимовыгодное сотрудничество, стремиться к совместному развитию и процветанию. Оба государства будут укреплять взаимодействие в международных делах, способствовать миру и стабильности во всем мире.

Исходя из вышеизложенного, главы государств России и Китая заявляют о следующем:

I

Все подписанные и принятые Россией и Китаем совместные политические документы служат прочной основой для благоприятного развития двусторонних отношений. Будучи приверженными духу и принципам этих докумен-

тов, Россия и Китай преисполнены решимости прилагать неустанные усилия для вывода своих взаимоотношений на новый уровень.

II

Россия и Китай будут и впредь поддерживать постоянные и тесные контакты между высшими руководителями двух стран, используя различные каналы, вести обмен мнениями по важнейшим вопросам двусторонних отношений и международной обстановки. Внешнеполитические, оборонные, правоохранительные, экономические и научно-технические ведомства двух стран будут поддерживать регулярные и тесные контакты, усиливать координацию и укреплять сотрудничество. Это способствует дальнейшему углублению взаимопонимания и доверия между двумя странами и укреплению всестороннего российско-китайского стратегического взаимодействия.

III

На международной арене Россия и Китай выступают в поддержку сил мира, стабильности, развития и сотрудничества, против гегемонизма, силовой и блоковой политики, попыток пересмотра основополагающих норм международного права, против силового давления либо вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН должны предпринимать совместные усилия по поддержанию ведущей роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах, прежде всего в вопросах поддержания мира и безопасности, тем самым способствуя продвижению мира к многополярности.

Главы двух государств выразили удовлетворение итогами встречи руководителей стран "Шанхайской пятерки" в Душанбе 5 июля 2000 года с участием Президента Республики Узбекистан и считают, что сотрудничество пяти государств выходит на новый уровень. Россия и Китай готовы всесторонне содействовать укреплению взаимодействия в рамках "Шанхайской пятерки".

Между Россией и Китаем существует взаимопонимание по вопросу обеспечения безопасности и стабильности в регионах, сопредельных с их территориями.

IV

Целью подписанного в ходе настоящей встречи на высшем уровне Совместного заявления Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны является укрепление глобальной и региональной стратегической стабильности, сохранение существующей системы договоров в области контроля за вооружениями и разоружения, продвижение процесса нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, гарантирование интересов безопасности всех без исключения государств.

Анализ нынешних международных реалий показывает полную несостоятельность использования так называемой ракетной угрозы со стороны некоторых государств в качестве предлога для обоснования требований об изменении Договора по ПРО.

V

Россия и Китай, исходя из уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности друг друга, решительно выступают против лю-

бых замыслов и действий внешних и внутренних сил, направленных на раскол государства, выражают понимание и поддержку всех усилий друг друга по защите государственного единства, суверенитета и территориальной целостности.

Национальный сепаратизм, международный терроризм, религиозный экстремизм и трансграничная преступность представляют серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности во всем мире. Россия и Китай полны решимости на двусторонней и многосторонней основе предпринять активные и эффективные конкретные шаги по борьбе с вышеуказанными явлениями.

VI

Россия подтверждает свою неизменную принципиальную позицию по тайваньскому вопросу, состоящую в том, что Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством Китая, а Тайвань является неотъемлемой частью территории Китая. Российская Федерация не поддерживает концепцию "независимости Тайваня" в какой бы то ни было форме, поддерживает неприятие Китайской Народной Республики "двух Китаев", "одного Китая, одного Тайваня". Россия против принятия Тайваня в ООН и другие международные организации, членами которых являются лишь суверенные государства. Россия не намерена поставлять вооружения Тайваню.

Китайская Народная Республика выразила Российской Федерации искреннюю признательность за то, что по тайваньскому вопросу Россия последовательно придерживается принципа одного Китая.

Россия и Китай считают недопустимым вмешательство внешних сил в решение тайваньской проблемы, являющейся сугубо внутренним делом Китая, и подчеркивают, что подобные попытки способны привести лишь к усилению напряженности в Азиатско-тихоокеанском регионе.

VII

Дальнейшее всестороннее и комплексное развитие сотрудничества между Россией и Китаем в торгово-экономической, научно-технической и военно-технической областях является одним из главных направлений углубления и расширения российско-китайских отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия.

Главы двух государств выразили удовлетворение работой механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая и считают, что он играет важную роль для продвижения вперед сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической, оборонной, энергетической (включая нефтегазовую) сферах, в области транспорта, а также в ядерной промышленности, авиации и космосе, банковском деле.

Россия и Китай будут прилагать усилия для наращивания двустороннего сотрудничества в конкретных областях в целях дальнейшего укрепления материальной базы стратегического взаимодействия между двумя странами. Россия и Китай изучат возможности российского участия в освоении западных районов КНР, включая разработку нефтегазовых месторождений и строительство газопроводов.

Подчеркнута необходимость укрепления и расширения двустороннего сотрудничества в науке и технике, образовании, культуре и спорте.

VIII

Успешная реализация не имеющего прецедента в истории Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской

Народной Республики о совместном хозяйственном использовании отдельных островов и прилегающих к ним акваторий пограничных рек от 9 декабря 1999 года является еще одним важным шагом, направленным на превращение российско-китайской границы в полосу добрососедства и дружбы.

Россия и Китай намерены в конструктивном и деловом духе продолжать переговоры с целью ускорения выработки вариантов решений по несогласованным участкам границы между двумя государствами. До этого будет сохраняться статус-кво на несогласованных участках границы между двумя государствами.

IX

Россия и Китай выразили удовлетворение в связи с началом практической реализации соглашений между Россией, Китаем, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном об укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. Четкое выполнение положений указанных соглашений будет способствовать миру, спокойствию, стабильности и процветанию в районе границы, развитию добрососедских отношений между всеми государствами-участниками соглашений. Признано целесообразным провести дальнейшее изучение возможности укрепления мер доверия в военной области.

X

Дружба народов двух стран, передающаяся из поколения в поколение, отвечает общим чаяниям народов России и Китая. Ее упрочение требует широкого участия и неустанных усилий как органов власти, так и народов двух стран. В этих целях будут активно поддерживаться деятельность российско-китайского Комитета дружбы, мира и развития, поощряться общественные контакты в различных формах.

XI

Для утверждения долгосрочных и стабильных отношений между двумя государствами на основе добрососедства и дружбы, взаимного доверия и взаимной выгоды главы двух государств договорились о начале переговоров по разработке российско-китайского договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве.

XII

Президент Российской Федерации В.В.Путин пригласил Председателя Китайской Народной Республики Цзян Цзэминя посетить Российскую Федерацию с официальным визитом в удобное время в 2001 году. Приглашение было с благодарностью принято. Сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

Президент Российской Федерации

В.В.Путин

**Председатель Китайской
Народной Республики**

Цзян Цзэминь

г. Пекин, 18 июля 2000 года.

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны

Президент Российской Федерации и Председатель Китайской Народной Республики заявляют:

Развитие международной обстановки в полной мере доказало правильность выводов и оценок в отношении вопросов противоракетной обороны, содержащихся в принятом на высшем уровне 23 ноября 1998 года Совместном заявлении "Российско-китайские отношения на пороге XXI века", в "Российско-китайском информационном коммюнике о консультациях по вопросам, относящимся к Договору по ПРО" от 14 апреля 1999 года, а также в принятом на высшем уровне "Российско-китайском совместном заявлении" от 10 декабря 1999 года.

Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года, далее именуемый Договором по ПРО, остается краеугольным камнем глобальной стратегической стабильности и международной безопасности, лежит в основе структуры ключевых международных договоренностей о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений и нераспространении оружия массового уничтожения. Сохранение и строгое соблюдение Договора по ПРО имеют крайне важное значение.

В этой связи вызывает глубокую озабоченность план США создать запрещенную Договором по ПРО систему национальной противоракетной обороны территории страны. Россия и Китай полагают, что сущность такого плана заключается в стремлении к одностороннему превосходству в военной сфере и вопросах безопасности. Реализация такого плана имела бы самые серьезные негативные последствия для безопасности не только России, Китая, других государств, но и для безопасности самих США, для глобальной стратегической стабильности в мире в целом. Поэтому Россия и Китай решительно выступают против такого плана.

Разрушение Договора по ПРО привело бы к раскручиванию нового витка гонки вооружений, повороту вспять позитивных тенденций в мировой политике, появившихся после окончания "холодной войны". Это, безусловно, не соответствует коренным интересам ни одного из государств мира. Государства, выступающие за пересмотр этого основополагающего договора в области сокращения вооружений, понесут всю ответственность за подрыв международной стабильности и безопасности, а также за все вызванные этим последствия.

Анализ нынешних международных реалий показывает полную несостоятельность использования так называемой ракетной угрозы со стороны некоторых государств в качестве предлога для обоснования требований об изменении Договора по ПРО. Предложения по так называемой "адаптации" этого Договора призваны прикрыть стремление действовать вопреки его положениям. Изменение содержания текста Договора по ПРО равнозначно разрушению этого Договора со всеми вытекающими негативными последствиями. В нынешней стратегической ситуации сохранение целостности и действенности Договора по ПРО имеет крайне важное реальное значение.

Правильный путь реагирования на новые вызовы в сфере международной безопасности, сохранения мира во всем мире и защиты законных интересов безопасности любого государства заключается не в разрушении Договора по ПРО, а в содействии формированию справедливого и рационального нового международного политического порядка, в отказе от методов силовой политики и чрезмерного использования вооруженной силы в международных делах, в дальнейшем укреплении региональной и глобальной безопасности. Одновременно важно, чтобы Россия и США, на основе строгого соблюдения Договора по ПРО, продолжали и углубляли процесс сокращения стратегических наступательных вооружений, в дальнейшем привлекая к этому процессу в надлежущее время другие ядерные державы. Необходимо, используя политические, юридические и дипломатические методы, наращивать международные усилия по предотвращению распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, изучать возможность поэтапного формирования глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, а также развивать широкий и недискриминационный диалог и сотрудничество в данной сфере.

Нестратегическая противоракетная оборона и международное сотрудничество в этой области, не запрещенные Договором по ПРО, не должны наносить ущерба интересам безопасности других стран, приводить к созданию и усилению замкнутых военных и политических блоков, подрывать глобальную и региональную стабильность и безопасность. Исходя из этой позиции, Россия и Китай выражают серьезную озабоченность и решительный протест в связи с планами некоторых государств по развертыванию в Азиатско-тихоокеанском регионе такой системы нестратегической противоракетной обороны, которая приведет к вышеуказанным негативным последствиям. Подключение Тайваня в любой форме к системам ПРО, создаваемым иностранными государствами, является неприемлемым и серьезно подорвет стабильность в регионе.

Принятая на 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюция "Сохранение и соблюдение Договора об ограничении систем противоракетной обороны" имеет важное значение. Россия и Китай призывают мировое сообщество продолжать уделять серьезное внимание действиям соответствующих государств по форсированному развитию систем противоракетной обороны, которые могут привести к разрушению глобального стратегического равновесия и стабильности в мире, а также предпринимать необходимые меры для предотвращения такого опасного развития событий.

Вызывает удовлетворение ход сотрудничества России и Китая, осуществлявшегося до настоящего времени в вопросах сохранения глобального стратегического равновесия и стабильности. Исходя из отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия между двумя странами, Россия и Китай продолжают тесное взаимодействие по вышеупомянутым вопросам, а также будут в рамках принятых каждым из государств международных обязательств усиливать сотрудничество в других, связанных с этими вопросами областях, во имя обеспечения собственной, региональной и глобальной безопасности.

Президент Российской Федерации

В.В.Путин

**Председатель Китайской
Народной Республики**

Цзян Цзэминь

г. Пекин, 18 июля 2000 года.

Совместная российско-корейская декларация

Президент Российской Федерации В.В.Путин с 19 по 20 июля 2000 года посетил по приглашению Председателя Комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ира Корейскую Народно-Демократическую Республику.

Состоявшиеся в Пхеньяне встречи и переговоры руководителей Российской Федерации и Корейской Народно-Демократической Республики стали рубежным событием в истории дружественных отношений между двумя странами.

Руководители двух стран провели откровенный обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений и представляющим взаимный интерес международным проблемам и по итогам переговоров заявляют о следующем.

1. Подписание 9 февраля 2000 года Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой продемонстрировало обоюдное стремление укреплять отношения традиционной дружбы, добрососедства, взаимного доверия и разностороннего сотрудничества, уважать цели и принципы Устава ООН, добиваться обеспечения международной безопасности и стабильности, развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и во всем мире.

Дальнейшее развитие сотрудничества и тесного взаимодействия между Россией и КНДР отвечает коренным интересам народов двух стран, тенденциям формирования многополярного мира и создания нового справедливого и рационального международного порядка, основанного на принципах равноправия, взаимного уважения и взаимовыгодного сотрудничества. Такой международный порядок призван обеспечить надежную безопасность всех стран в политической, военной, экономической, социально-культурной и иных областях.

2. Российская Федерация и Корейская Народно-Демократическая Республика твердо намерены выступать против всех проявлений политики агрессии и войны, прилагать активные усилия в целях сокращения вооружений и обеспечения стабильности и безопасности во всем мире. В случае возникновения опасности агрессии в отношении России или КНДР или ситуации, угрожающей миру и безопасности, а также в случае необходимости консультаций и взаимодействия Россия и КНДР выражают готовность незамедлительно вступить в контакт друг с другом. Россия и КНДР подтверждают обязательства воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в каких-либо действиях, мероприятиях или союзах, направленных против суверенитета, независимости, территориальной целостности друг друга.

3. Приветствуя усилия по самостоятельному решению вопроса воссоединения Кореи объединенными усилиями корейской нации в соответствии с Совместной декларацией Севера и Юга, Россия и КНДР придерживаются единого мнения о недопустимости внешнего вмешательства в этот процесс и считают важным его поддержку всеми заинтересованными государствами. Россия подтвердила поддержку договоренностей на этот счет между корейцами Севера и Юга.

4. Россия и КНДР подтвердили свою приверженность целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций, которые доказали свой универсальный и непреходящий характер. Россия и КНДР будут способствовать дальнейшему укреплению и обновлению Организации Объединенных Наций, упрочению ее центральной роли в мировых делах.

Россия и КНДР исходят из того, что применение силы или угроза ее применения в нарушение Устава ООН являются неприемлемыми действиями, бросающими вызов самим основам системы международных отношений.

Россия и КНДР будут тесно взаимодействовать в интересах успешного и результативного проведения Саммита и Ассамблеи тысячелетия и призывают все государства-члены ООН внести свой конструктивный вклад в достижение этих целей.

5. Подтверждая суверенное право каждого государства на выбор собственных путей политического, экономического и общественного развития, Россия и КНДР выступают против вмешательства во внутренние дела других государств, в том числе под предлогом "гуманитарной интервенции", поддерживают усилия друг друга, направленные на защиту своей независимости, суверенитета и территориальной целостности.

6. Россия и КНДР выступают за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. Ключевое значение имеют скорейшее вступление в силу и выполнение в полном объеме Договора СНВ-2 и скорейшее заключение Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора по ПРО 1972 года, являющегося краеугольным камнем стратегической стабильности и основой дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений. Корейская Народно-Демократическая Республика выразила полную поддержку усилиям России в этом направлении.

Россия и КНДР считают, что анализ нынешних международных реалий подтверждает полную несостоятельность ссылок на так называемую "ракетную угрозу" со стороны некоторых государств в качестве обоснования планов ревизии Договора по ПРО 1972 года. В этой связи КНДР заверила, что ее ракетная программа никому не угрожает и носит сугубо мирную направленность.

Россия и КНДР считают, что размещение в Азиатско-тихоокеанском регионе замкнутых блоковых систем ПРО ТВД может привести к серьезному нарушению региональной стабильности и безопасности.

7. Россия и КНДР убеждены в том, что международный терроризм и сепаратизм во всех его формах, религиозный экстремизм, а также трансграничная преступная деятельность создают угрозу для безопасности суверенных государств, для международного мира в целом. Исходя из этого, стороны будут взаимодействовать в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, в том числе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и морского судоходства, незаконным оборотом наркотиков, оружия, культурных и исторических ценностей.

8. Россия и КНДР выступают за то, чтобы XXI век стал веком процветания для всех народов мира, что требует, наряду с упрочением собственной экономической базы суверенных государств, расширения равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества по обеспечению устойчивого экономического роста.

9. Россия и КНДР подтверждают свою заинтересованность в том, чтобы Северо-Восточная Азия стала зоной мира и добрососедства, стабильности и равноправного международного сотрудничества, и подчеркивают неизменную важность взаимодействия между ними в этом направлении. Стороны высоко

оценивают роль Регионального форума АСЕАН и выражают намерение внести достойный вклад в его работу

10. Россия и КНДР намерены активно развивать двусторонние торгово-экономические и научно-технические связи, создавая для этого благоприятные правовые, финансово-экономические условия. В этих целях они будут заключать соглашения в хозяйственной сфере в соответствии с национальным законодательством и общепризнанными принципами и нормами международного права.

Были даны поручения руководителям российской и корейской частей Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству активизировать проработку крупных проектов сотрудничества в различных областях, включая металлургию, энергетику, транспорт, лесную, нефтяную, газовую, легкую промышленность и другие. При этом решено уделить особое внимание реконструкции построенных совместными усилиями предприятий.

11. Россия и КНДР будут углублять связи между законодательными органами, структурами государственной власти и общественными организациями двух стран, а также осуществлять сотрудничество в области безопасности и обороны, науки и образования, культуры и здравоохранения, социального обеспечения, права, охраны окружающей среды, туризма, физической культуры и в других сферах.

Президент Российской Федерации В.В.Путин выразил признательность за теплый прием в Пхеньяне и пригласил Председателя Комитета обороны Корейской Народно-Демократической Республики Ким Чен Ира посетить Россию в удобное для него время. Приглашение было принято с благодарностью.

**Президент
Российской Федерации**

В.В.Путин

**Председатель Комитета обороны
Корейской Народно-
Демократической Республики**

Ким Чен Ир

г. Пхеньян. 20 июля 2000года

Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Российской Федерацией и Корейской Народно-Демократической Республикой

Российская Федерация и Корейская Народно-Демократическая Республика, далее именуемые Сторонами,

выступая за укрепление отношений традиционной дружбы, добрососедства, взаимного доверия и разностороннего сотрудничества между народами двух стран,

уважая цели и принципы Устава Организации Объединенных Наций, исходя из стремления обеспечить мир и безопасность, развивать равноправное и взаимовыгодное сотрудничество в Северо-Восточной Азии и во всем мире,

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Стороны будут поддерживать и развивать дружественные отношения на принципах взаимного уважения государственного суверенитета, невмешательства во внутренние дела, равенства, взаимной выгоды, территориальной целостности и других общепризнанных принципах международного права.

Статья 2

Стороны будут, выступая против всех проявлений политики агрессии и войны, прилагать активные усилия в целях сокращения вооружений и обеспечения прочного мира и безопасности во всем мире.

В случае возникновения опасности агрессии в отношении одной из Сторон или ситуации, угрожающей миру и безопасности, а также в случае необходимости консультаций и взаимодействия Стороны незамедлительно вступят в контакт друг с другом.

Статья 3

Стороны будут регулярно консультироваться по всем важным вопросам, представляющим взаимный интерес.

Стороны обязуются воздерживаться от заключения договоров и соглашений с третьими странами, участия в каких-либо действиях или мероприятиях, направленных против суверенитета, независимости и территориальной целостности другой Стороны.

Статья 4

Стороны признают, что скорейшая ликвидация раскола Кореи, который является постоянным фактором международной напряженности, и ее объединение на основе принципов самостоятельности, мирного воссоединения и национальной консолидации всецело отвечают национальным интересам всего корейского народа и послужат вкладом в дело мира и безопасности в Азии и во всем мире.

Статья 5

Стороны будут оказывать активное содействие развитию торгово-экономических и научно-технических связей, создавая для этого благоприятные правовые, финансовые и экономические условия.

В этих целях Стороны будут всемерно способствовать двустороннему сотрудничеству в хозяйственной сфере и заключать отдельные соглашения, поощряющие инвестиции, в соответствии с национальным законодательством и общепризнанными принципами и нормами международного права.

Статья 6

Стороны будут углублять связи между парламентами, другими органами государственной власти и общественными организациями, а также будут осуществлять отвечающее обоюдным интересам сотрудничество в области обороны и безопасности, науки и образования, культуры и здравоохранения, социального обеспечения, права, охраны окружающей среды, туризма, физической культуры и в других сферах.

Статья 7

Стороны будут поощрять всесторонние контакты на различных уровнях, включая побратимские связи между городами, прямые связи между предприятиями и организациями, контакты между людьми.

Статья 8

Стороны признают, что находящиеся на их территории граждане другой Стороны имеют право пользоваться достижениями своей культуры и родным языком.

Статья 9

Стороны будут взаимодействовать в борьбе с организованной преступностью, терроризмом, в том числе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации и морского судоходства, незаконным оборотом наркотиков, оружия, культурных и исторических ценностей.

Статья 10

Настоящий Договор не затрагивает прав и обязательств Сторон по международным договорам, участниками которых они являются, и не направлен против интересов какой-либо третьей страны.

Статья 11

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступит в силу с даты обмена ратификационными грамотами.

Статья 12

Настоящий Договор действует в течение десяти лет и будет автоматически продлеваться на последующие пятилетние периоды, если за 12 месяцев до истечения очередного периода ни одна из Сторон не уведомит в письменной форме другую Сторону о своем намерении прекратить его действие.

Совершено в Пхеньяне 9 февраля 2000 года в двух экземплярах, каждый на русском и корейском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Российскую Федерацию

И.С. Иванов

**За Корейскую Народно-
Демократическую Республику**

Пэк Нам Сун

**Россия и Китай на пороге нового старта
(к итогам визита Президента Российской Федерации
В.В.Путина в КНР)**

© 2000

Л.Моисеев

Отношения России и Китая всегда в фокусе внимания. Встречи высших руководителей двух стран анализируются в мельчайших деталях. И это не случайно: российско-китайское партнерство реально влияет на ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом.

Объявление в начале 2000 года о том, что Китай станет одной из первых стран, где побывает новый Президент России, дало толчок многочисленным прогнозам и комментариям.

Зачастую выносившиеся в СМИ суждения носили откровенно предвзятый, конъюнктурный характер. Утверждалось, например, будто Москва и Пекин движутся в направлении создания военно-политического альянса, что чревато чуть ли не новым стратегическим расколом мира.

В первую очередь кивают на российско-китайское военно-техническое сотрудничество, которое квалифицируется как направленное на подрыв глобальных позиций США. В июне 2000 г. в Комиссии по делам вооруженных сил палаты представителей Конгресса США состоялись слушания на тему «Военные возможности КНР». На них прозвучали утверждения о том, что Китай форсированно наращивает свою военную мощь, замышляя в качестве первоочередного шага захват Тайваня. Затем якобы настанет очередь решения территориальных вопросов в Южно-Китайском море и с Японией. Китаю приписана стратегическая цель вытеснения США из АТР и установления там китайского доминирования.

Российско-китайское ВТС в этом контексте расценено как имеющее ключевое значение, требующее соответствующей реакции¹.

Вашингтоном был начат жесткий прессинг и по другим направлениям. 27 июня комиссия по ассигнованиям Конгресса приняла резолюцию, призывающую Израиль расторгнуть контракт с КНР на создание самолета ДРЛО на базе российского ИЛ-76.

Широкое распространение получали и суждения, согласно которым российско-китайское партнерство - явление сугубо временное и уже в недалеком будущем будет взорвано сохраняющимися между двумя странами коренными противоречиями².

Для анализа нынешнего этапа и перспектив российско-китайского партнерства, видимо, стоит обратиться в первую очередь к тем реальным сдвигам, которые произошли в отношениях двух крупнейших стран за несколько последних лет.

В 90-х гг. Россия и Китай прошли путь от нормализации отношений к формированию интенсивного разностороннего сотрудничества и взаимодействия по широкой повестке дня. Историческая заслуга в этом принадлежит первому Президенту России Б.Н.Ельцину и Председателю КНР Цзян Цзэминю. Несмотря на имевшиеся и в России, и в Китае различные суждения на этот счет, жизнь подтвердила полное соответствие курса на мир, дружбу и сотрудничество между Россией и Китаем коренным интересам народов обоих государств.

В эти же годы впервые за 300-летнюю историю было завершено пограничное урегулирование на 98% протяженности границы двух стран. В ходе последнего зарубежного визита Б.Н.Ельцина в качестве Президента России в Пекине 9 декабря 1999 г. были подписаны Протоколы-описания линии прохождения российско-китайской границы на ее Восточном и Западном участках.

Во-вторых, Россия и Китай сформировали уникальную не только для двух стран, но и для всего Азиатско-Тихоокеанского региона систему мер доверия, распространяющихся как на 100-километровые полосы вдоль общей границы, так и на межгосударственные отношения в целом (к ним в первую очередь необходимо отнести договоренность о взаимном ненацеливании стратегических ядерных ракет, о неприменении первым ядерного оружия друг против друга).

Наконец, в-третьих, Россия и Китай в короткие сроки наладили тесное эффективное взаимодействие и координацию в международных делах практически по всем наиболее острым проблемам современного мира и региональным конфликтам. Достаточно одного примера. В ноябре 1997 г. в ходе пятого российско-китайского саммита в Пекине тогдашний министр иностранных дел России Е.М.Примаков предложил Председателю КНР, чтобы Россия и Китай на высшем уровне обнародовали совместную позицию в связи с иракским кризисом. Китайский руководитель порекомендовал тогда сделать это на уровне министров иностранных дел. Результатом стало достаточно скромное и по объему, и по содержанию согласованное сообщение для печати. Это был чуть ли не первый опыт согласования внешнеполитических позиций. Спустя два года на очередной встрече в верхах в декабре 1999 г. высшие руководители двух стран принимают уже развернутое заявление с изложением общих позиций по всему спектру важнейших международных проблем.

Разумеется, - и это отмечается многими комментаторами - экономическая основа российско-китайского стратегического партнерства (Россия сейчас замыкает десятку крупнейших торговых партнеров Китая, российско-китайский товарооборот на порядок ниже достигнутого между Китаем и США, Китаем и Японией уровня) значительно уступает взаимопониманию в политической сфере. Во многом - и это тоже справедливо - атмосфера доверительности и доброжелательности между Москвой и Пекином сформировалась благодаря исключительно теплым личным отношениям первого Президента Российской Федерации с Председателем КНР. В этой связи многие гадали о том, как сложатся российско-китайские отношения после ухода Б.Н.Ельцина и появления в российской внешней политике новых элементов - прагматизма, деловитости, конкретности.

Повестка дня российско-китайских переговоров к визиту В.В.Путина готовилась весьма основательно. В Москве побывали министр обороны и министр иностранных дел КНР. В Китае торгово-экономические и военно-

технические вопросы специально прорабатывались 2-4 марта заместителем Председателя Правительства Российской Федерации И.И.Клебановым. Буквально накануне саммита 14 июля в Пекин прибыл министр иностранных дел И.С.Иванов. Президент В.В.Путин и Председатель КНР Цзян Цзэминь дважды разговаривали по «горячей линии» связи. 5 июля в Душанбе в рамках мероприятий «Шанхайской пятерки» состоялась и личная встреча двух руководителей.

В Пекине 17-19 июля в ходе первой азиатской поездки В.В.Путина российскому Президенту были оказаны высшие почести по китайскому протоколу. Уже первые минуты визита подтвердили: Россия и Китай намерены не только строго следовать всему позитивному, что уже достигнуто в двусторонних отношениях, но и на этой основе поднять свое взаимодействие на качественно новый уровень.

Подписанную В.В.Путиным и Цзян Цзэмином Пекинскую декларацию пронизывает убежденность в том, что стратегическое партнерство двух стран зиждется на сходимости или общности интересов в трех областях, имеющих жизненно важное значение для России и Китая:

- сохранение единства и территориальной целостности;
- недопущение подрыва сложившейся системы обеспечения глобальной стратегической стабильности;
- вхождение в мировую экономику на условиях, максимально отвечающих национальной специфике, уровню развития и интересам России и Китая.

Из Пекина прозвучал четкий сигнал о том, что выбор России и Китая - сотрудничество и диалог со всеми странами. Но вести его Москва и Пекин намерены с достойных и сильных позиций, не допуская какого-либо ущемления своих интересов. Ясно дано понять: содержание российско-китайского партнерства может изменяться в ответ на вызовы, которые создает нынешняя международная обстановка.

Главным из них, как было отмечено в специальном заявлении, являются планы США создать систему национальной противоракетной обороны территории страны (НПРО), а также планы развертывания замкнутых или фактически блоковых систем нестратегической ПРО, в первую очередь в азиатско-тихоокеанском регионе. Разговор по теме ПРО в Пекине подтвердил: совместное внесение на 54-й сессии Генассамблеи ООН Россией и Китаем (совместно с Белоруссией) проекта резолюции в поддержку Договора по ПРО не было лишь эпизодом. Москва и Пекин осознают, какую важную роль играет их взаимодействие в мобилизации усилий международного сообщества в поддержку целостности и незыблемости Договора по ПРО, удержании США на позициях сохранения этого Договора. После принятия резолюции в мире повысилось внимание к вопросам стратегической стабильности, ряд союзников США стал заявлять о несогласии с американскими планами развертывания национальной системы ПРО, усилилась критика этих планов со стороны других государств.

Пекин быстро преодолевает прежний принцип дистанцирования от международных проблем, которые, казалось бы, не затрагивают напрямую национальные интересы и безопасность Китая. Сейчас там исходят из того, что внесение поправок в Договор по ПРО 1972 г. и тем более его односторонняя денонсация Вашингтоном привели бы к исключительно серьезным негативным последствиям для КНР, для международных режимов нераспространения ОМУ и контроля над вооружениями. Китайские эксперты предостерегают в этом случае нарушение стратегического баланса, подрыв всей системы российско-американских договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, развертывание широкомасштабной гонки вооружений с участием не только ведущих ядерных держав, но и развивающихся стран, резкое уменьшение

доверия к международным нераспространенческим механизмам, включая такие ключевые компоненты, как ДНЯО и ДВЗЯИ.

Китайская сторона не приемлет американскую аргументацию относительно того, что планируемая Вашингтоном «ограниченная» ПРО не направлена против России и Китая. В Китае обращают внимание на то, что у американской НПРО имеются значительные «встроенные» возможности для расширения масштабов и модернизации, которые могут быть реализованы в перспективе. Кроме того, усиливаются опасения, что даже в первоначальной «ограниченной» конфигурации НПРО США будет способна нейтрализовать нынешний относительно небольшой арсенал китайских МБР.

ПРО ТВД в Восточной Азии рассматривается в Пекине как передовой эшелон НПРО. При этом учитывается, что сотрудничество в разработке ПРО ТВД будет способствовать существенному укреплению американо-японского военного союза. Подключение к ПРО ТВД Тайваня осложнило бы ситуацию в Тайваньском проливе³.

Китай настойчиво дает понять о нежелании включаться в гонку вооружений. Однако при этом подчеркивается, что КНР должна иметь достаточный оборонный потенциал для того, чтобы быть в состоянии адекватно встретить новые угрозы своей безопасности, исходящие от американской НПРО.

Визит В.В.Путина снял появившиеся в некоторых китайских политологических кругах утверждения о якобы имеющем место постепенном отходе России от твердой позиции неприятия любой ревизии Договора 1972 г. и частичном восприятии тезисов о наличии новых ракетных угроз. Выдвижение инициативы налаживания сотрудничества в области нестратегической ПРО в Европе было также поначалу воспринято как сигнал о готовности Москвы «проявлять гибкость» в вопросах ПРО.

Чрезвычайно важное значение в плане подготовки единой позиции по ПРО имел телефонный звонок В.В.Путина Цзян Цзэминю 8 июня сразу после завершения российско-американских переговоров на высшем уровне в Москве.

В Пекине констатировалось, что России и Китаю удалось сделать немало для ослабления аргументов Вашингтона в пользу развертывания национальной ПРО США. Тем не менее американцы по-прежнему стремятся внедрить тезис о наличии «ракетной угрозы» со стороны КНДР в международное общественное мнение в качестве формального повода для продвижения своих планов. В этой связи признано важным активно работать в пользу утверждения в мировом сообществе представления о целесообразности ориентации в отношениях с КНДР на ослабление напряженности, а не на силовое давление.

Обоснованность подобного подхода подтвердили итоги поездки российского Президента в Пхеньян 19-20 июля, а также обсуждение корейской темы на саммите «восьмерки» на Окинаве. В частности, изложенная северокорейским руководителем Ким Чен Ирром позиция, согласно которой КНДР была бы готова отказаться от разработки своих ракет-носителей в обмен на запуск другими странами северокорейских научных спутников открывает возможности для вовлечения Пхеньяна в более предметное обсуждение ее ракетной программы.

В китайской реакции в связи с итогами обсуждения темы ПРО на российско-китайской встрече на высшем уровне обращают на себя внимание следующие моменты.

Подчеркнуто, что Россия и Китай накануне саммита «восьмерки» подали Вашингтону однозначный сигнал о необходимости сохранения стратегической стабильности и защиты Договора по ПРО. Сообщения о встречах в Пекине в китайской англоязычной печати, ориентированной на внешний мир, были так и озаглавлены «Цзян Цзэминь и В.В.Путин выступают против НПРО».

Тексты Пекинской декларации и Совместного заявления по ПРО были опубликованы во всех китайских центральных газетах и полностью зачитаны по центральному теле- и радиоканалам. Они сопровождались информацией о состоявшейся в Пекине отдельной встрече министров обороны двух стран, на которой Чи Хаотянь высоко отозвался о сотрудничестве России и Китая в области ПРО.

Переговоры в Пекине дополнили картину российско-китайского партнерства новым существенным элементом. В ходе визита китайская сторона выступила с предложением о начале работы над базовым российско-китайским договором. Китайская логика проста и понятна: укрепляющимся партнерским отношениям с Россией, которые вступили в свою практическую фазу на весьма непросто международном фоне, следует придать соответствующую юридическую форму. Новый договор призван закрепить высокий уровень, достигнутый в развитии двусторонних связей, наметить их основные ориентиры на долгосрочную перспективу. Как подчеркнул Председатель КНР Цзян Цзэминь, российско-китайское партнерство - это «правильный исторический выбор двух стран, оно необходимо для обеспечения стратегических интересов обоих государств, для сохранения мира и стабильности в мире, для продвижения к многополярности. Углубление добрососедства и дружбы, упрочение стратегического взаимодействия закрепляются в качестве нашего курса отношений с Россией».

Китайская инициатива является весьма примечательной. Как известно, в апреле 1979 г., официально информируя СССР о своем намерении не продлевать действие союзнического советско-китайского договора, срок действия которого истекал в 1980 г., китайская сторона одновременно отвергла предложения о выработке какого-то нового межгосударственного документа. В последние годы подход КНР формулировался следующим образом: проводя самостоятельную линию на международной арене, Китай не намерен был идти на подписание договоров базового характера ни с одной страной мира. Такая линия выдерживалась Китаем на протяжении достаточно длительного времени.

Видимо, в российско-китайском договоре, разработка которого уже началась, найдут отражение те принципиальные положения, которые в той или иной форме уже вошли в канву двусторонних отношений: о развитии и углублении на долгосрочную перспективу отношений дружбы и добрососедства, уважении права на выбор собственного пути развития, о консультациях и сотрудничестве в интересах формирования справедливого и рационального миропорядка, о решении возникающих вопросов на основе общепринятых норм международного права, о строгом соблюдении статус-кво на границе, о предотвращении нелегальной миграции и др.

На переговорах В.В.Путина и Цзян Цзэминя зафиксированы базовые подходы двух стран к строительству нового миропорядка, реформе ООН, борьбе с международным терроризмом и различными проявлениями экстремизма, подчеркнута недопустимость вмешательства во внутренние дела.

Обсуждение наиболее актуальных международных проблем подтвердило, что скоординированные усилия России и Китая являются важным фактором в противодействии рецидивам гегемонизма, блоковой политики, попыткам ревизовать нормы международного права, которые еще проявляются на внешнеполитической арене.

Не меньшее значение имеет взаимопонимание между Россией и Китаем по вопросам, связанным с обстановкой в регионах, сопредельных с двумя странами, а также совместные действия по стабилизации ситуации в этих регио-

нах. Хорошим примером такого взаимодействия является двустороннее сотрудничество в рамках «Шанхайской пятерки»⁴.

Россия твердо поддержала позицию КНР по так называемому тайваньскому вопросу. Москва считает, что вмешательство внешних сил в урегулирование «тайваньской проблемы», являющейся сугубо внутренним делом Китая, может только создать новые трудности в ее решении, существенно осложнить ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Были рассмотрены вопросы двусторонних отношений, включая торгово-экономическое и военно-техническое сотрудничество, укрепление мер доверия.

Достигнута договоренность о продолжении в рамках переговоров пограничных делегаций активного поиска взаимоприемлемых развязок на остающихся двух небольших участках российско-китайской границы на основе скрупулезного учета взаимных интересов.

Приоритетной задачей двустороннего сотрудничества становится наращивание усилий по формированию материальной основы стратегического партнерства, создание оптимальных условий для ведения нормального торгово-экономического взаимодействия, обеспечения сбалансированного и гармоничного развития военно-технического и торгово-экономического сотрудничества.

Хорошие перспективы открываются в связи с тем, что впервые за последние годы экономика России, как и экономика Китая, находится на подъеме. Так, в первом полугодии темпы роста ВВП в Китае составили 8,3 процента, а в России - 7,5-8 процентов. На 25 процентов увеличился экспорт Китая, а экспорт России - на 40 процентов. На российском рынке вновь вырос спрос на китайские товары. В результате за тот же период поставки товаров из Китая в Россию увеличились на 70 %, а в обратном направлении - на 30 процентов. Вместе с тем российский экспорт в Китай по-прежнему превышает российский импорт на 1,8 млрд. долл.

При подготовке российских предложений по экономическому сотрудничеству учитывалось и то, что в Китае завершается разработка десятой пятилетки (2001-2005 гг.). Поэтому те совместные проекты, которые будут согласованы в ближайшие месяцы, имеют шанс попасть в новую пятилетку. Кроме того, с января 2001 г. Китай, скорее всего, вступит в ВТО.

Разумеется, торгово-экономические отношения - и это было подтверждено в Пекине - должны строиться на рыночных принципах. Преимущество будет у того, кто будет предлагать товары более высокого качества по низкой цене, с лучшим уровнем сервиса. В этом плане российским товаропроизводителям - авиастроителям, поставщикам энергетического оборудования предстоит немало потрудиться над тем, чтобы создать привлекательные финансовые схемы работы с китайскими партнерами. Разумеется, при этом российские деловые люди должны быть поставлены на китайском рынке в условия, не уступающие условиям, предоставляемым третьим странам. То же правило должно действовать и в отношении китайских бизнесменов на российском рынке⁵.

В Пекине сделан новый шаг в создании инфраструктуры финансового обеспечения торгово-экономических связей - подписано соглашение о сотрудничестве между Внешэкономбанком и Банком Китая.

К приоритетным сферам российско-китайского взаимодействия относятся, бесспорно, проекты в области нефти и газа, вооружения и военной техники, ядерной энергетики.

В Пекине подписано соглашение о продолжении сотрудничества двух стран в энергетической сфере. Обсуждены связанные с этим ключевые вопросы, включая подключение Республики Корея к разработке ТЭО Ковыктинского проекта и реализацию проекта строительства нефтепровода Россия - Китай. Подписаны следующие документы:

- Меморандум о взаимопонимании между Минэнерго России, ОАО «АК Транснефть», ОАО «НК «Юкос» и Китайской национальной нефтяной корпорацией о подготовке Соглашения о разработке ТЭО проекта нефтепровода Россия - Китай. В соответствии с ним будут выработаны решения по объемам поставок российской нефти в Китай, по взаимоприемлемой формуле цены на нее, формам гарантий на поставки и закупки согласованных объемов нефти в течение определенного срока;

- Меморандум между российской и китайской частями рабочей группы по нефти и газу российско-китайской Подкомиссии по сотрудничеству в области энергетики о взаимопонимании по вопросу участия корейской компании, уполномоченной правительством Республики Корея, в разработке ТЭО строительства трубопровода с Ковьектинского газоконденсатного месторождения.

Готовящиеся проекты во многом облегчат проблему дефицита энергоресурсов в Китае, которая неуклонно обостряется. К 2010 г. импорт в Китай нефти составит не менее 100 млн. тонн в год, природного газа - 60-100 млрд. куб. м в год. Встает вопрос о диверсификации рынков снабжения энергоносителями, обеспечения безопасности путей их доставки. Сухопутные маршруты из России (и центральноазиатского региона) представляются важнейшим стратегическим дополнением к традиционным источникам, самыми крупными из которых являются Ближний Восток (обеспечивает 46% импортных потребностей Китая), страны Африки (20%), страны АТР (19%). Затяжка с решением вопросов строительства нефте- и газопроводов может поставить под вопрос саму перспективу их реализации: китайский рынок не является безальтернативным для России, в которой наблюдается рост платежеспособного спроса на углеводородное сырье. Кроме того, открываются привлекательные варианты экспорта в другие страны АТР.

Крупнейшие проекты сотрудничества между Россией и Китаем в области нефти и газа будут иметь огромное значение не только для двусторонних отношений, но и для регионального сотрудничества, могут стать масштабными факторами сопряжения экономических интересов России, Китая, Японии, КНДР, Республики Корея, Монголии, а также внерегиональных держав, послужить стабилизации ситуации в Северо-Восточной Азии. К Ковьектинскому проекту все более активно подключается англо-американская компания «Бритиш Петролеум-Амоко».

Подтверждением углубляющихся связей двух стран в сфере науки и техники стало подписание Межправительственного соглашения о сотрудничестве в сооружении и эксплуатации в Китае экспериментального реактора на быстрых нейтронах (ориентировочно в 2003 году, тепловой мощностью 65 МВт). Статьей 6 соглашения специально оговаривается, что поставляемые из России материалы не будут использоваться для производства ядерного оружия или в военных целях.

Серьезное внимание со стороны глав государств уделено вопросу упорядочения контактов и взаимных поездок граждан России и Китая. Уже в силу масштабов взаимных поездок в них появилось немало проблем, которые не должны игнорироваться, проявились и неприглядные реалии. В частности, за нарушение правил пребывания в России ежегодно задерживается около 60 тыс. граждан КНР, несколько тысяч депортируется. Возрастает число проблем, связанных с деловой активностью российских граждан в Китае, осуществлением «челночной» торговли (число чартерных рейсов между двумя странами достигает 2500 в год, ими перевозятся до 100 тыс. т грузов).

Здесь намечено действовать по двум направлениям. Во-первых, неукоснительно, в том числе и совместными усилиями, обеспечивать соблюдение законных прав граждан России и Китая, совершающих взаимные поездки на

легальных основаниях. Во-вторых, активизировать совместную борьбу с нелегалами, обратив особое внимание на т.н. «змеиные головы» - преступные группировки, делающие бизнес на нелегальной миграции.

Приобретают особую остроту экологические проблемы. Загрязнение промышленными и бытовыми отходами рек Амур, Уссури и Сунгари, хищническая эксплуатация живых водных ресурсов наносит огромный ущерб российским приграничным территориям. Имеющиеся двусторонние соглашения по сотрудничеству в природоохранной области выполняются неудовлетворительно. Назрела необходимость обстоятельных переговоров по всему комплексу этих проблем.

Стержневое значение в дальнейшем развитии двусторонних связей будет играть повышение эффективности созданных механизмов регулярных переговоров и встреч глав государств и правительств России и Китая, постоянные тесные контакты между заинтересованными государственными ведомствами.

Намеченная на осень 2000 г. пятая регулярная встреча глав правительств России и Китая должна способствовать нахождению решений по широкому кругу двусторонней повестки дня. Новой вехой в поступательном развитии связей станет визит Председателя КНР в Россию в первой половине будущего года. В свою очередь Президент России будет иметь возможность посетить Китай летом 2001 г. во время очередного саммита «Шанхайского форума».

1. Особую тревогу в США вызывает возможность оснащения поставляемых Китаю эсминцев класса «Современный» противокорабельными ракетами «Москит» (SS-N-22). В этой связи в палате представителей Конгресса США подготовлен законопроект Д.Рорабакера, предусматривающий введение против России санкций за поставку «Москитов» Китаю.
2. Так, по утверждению профессора Стэнфордского университета М.Оксенберга, единственное, что объединяет Москву и Пекин, - стремление Китая получить российские современные вооружения и лицензии на их производство. Передовые же гражданские технологии и инвестиции могут попадать в Китай только с Запада и, очевидно, Пекин никогда не пожертвует этими интересами.
3. По свидетельству американской печати, США пригрозили передать Тайбэю средства ПРО ТВД в случае дальнейшей эскалации размещения китайских ракет в прибрежных районах КНР. Китай пригрозил в ответ предпринять собственные шаги в случае такого развития ситуации.
4. Во время визита российского Президента 18 июля с.г. МИД и Минобороны Киргизии выступили с совместным заявлением по итогам встречи «Шанхайской пятерки» в Душанбе. В нем, в частности, отмечается огромный вклад России и Китая в укрепление стабильности и безопасности в центральноазиатском регионе и АТР, в мире в целом. Указывается, что именно Россия и Китай первыми пришли на помощь Киргизии в тяжелое для страны время осенью 1999 г., оказав «неоценимое содействие обороноспособности страны и боеспособности ее вооруженных сил, укреплению государственной границы, а также в борьбе с международным религиозным экстремизмом и другими угрозами национальной безопасности». Киргизия с благодарностью отмечает содействие двух стран в обустройстве государственной границы, включая военно-техническую и материальную помощь.
5. Настораживает ситуация с поставками в КНР традиционных видов российского энергомашиностроительного оборудования. С 1996 г. российская компания «Энергомашэкспорт» участвовала в шести тендерах в Китае, в четырех из которых заняла первые места. Однако китайская сторона ни разу не допустила ее к подписанию контрактов. В 1999 г. между Россией и Китаем не было подписано ни одного нового крупного контракта на поставки энергетического и машиностроительного оборудования.

Новый старый партнер на Дальнем Востоке

© 2000

Г. Толорая

Визит Президента РФ В.В.Путина в КНДР стал своеобразной внешне-политической сенсацией минувшего летнего сезона, озадачившей многих наблюдателей в России и за рубежом. Несмотря на то, что уже к осени стало ясно, что на Корейском полуострове начали разворачиваться серьезные политические процессы, в которых России необходимо участвовать, поначалу было немало недоумевающих и недовольных в связи с пхеньянским визитом российского лидера. Приходилось сталкиваться с немалым числом рассуждений о "внезапности" этой дипломатической акции, "подчиненности" ее какой-то скоропреходящей конъюнктуре (скажем, только лишь желанию подорвать основания для реализации американских планов в области ПРО) или даже о том что, мол, в борьбе за "многополярность" Россия ищет новых союзников среди "государств-изгоев" и резкий поворот в сторону КНДР - лишь начало новой тенденции в российской внешней политике¹. Некоторые, не слишком осведомленные о "политической кухне" комментаторы, увязывали принятие решения о визите с не вполне удачным исходом российско-американских переговоров на высшем уровне в Москве в начале июня 2000 г. (в частности, по теме НПРО США, одним из главных оправданий для которой служит "северокорейская ракетная угроза") или же с визитом Председателя Государственного Комитета Обороны КНДР Ким Чен Ира в Пекин в мае 2000 г., после которого, мол, и России надо было "не отстать".

Следует, наверное, согласиться с тем, что время и обстоятельства визита (перед саммитом "восьмерки" на Окинаве) были выбраны исключительно удачно, дав мощный демонстрационный эффект, столь же важный в дипломатии, сколь и рутинная черновая работа. Визит действительно застал многих врасплох, поскольку перечеркнул ряд устоявшихся представлений и теорий. Во-первых, постулат о том, что Северная Корея — государство, находящееся в глубокой дипломатической изоляции, с которым "невозможно иметь дело", непонятное, непредсказуемое, а потому опасное. Во-вторых — представления о незначительности роли России на Корейском полуострове в связи с тем, что "северокорейцы не хотят контактов с Москвой". В-третьих — визит дал альтернативную "линии кнута и пряника" концепцию стабилизации обстановки на Корейском полуострове - через преодоление изоляции Пхеньяна, равноправное сотрудничество без нажима и шантажа.

Вместе с тем ничего сенсационного в таком развитии событий нет. Российско-северокорейский саммит вызревал на протяжении довольно длительного времени, хотя физически вряд ли мог состояться ранее, скажем, мая 2000 г. (в связи со сроками инаугурации нового российского президента). Если дан-

---

Толорая Георгий Давидович, заместитель директора Первого департамента Азии МИД России.

ный шаг, олицетворяющий активизацию политики Москвы на корейском направлении и был для кого-то неожиданным, то только не для внимательных наблюдателей, следящих за событиями в регионе. Для того, чтобы доказать это, придется напомнить недавнюю историю.

В первой половине 90-х годов перед российской внешней политикой встало множество новых вызовов, на фоне которых корейская проблематика пусть и сохраняла важность, но потеряла остроту. Ситуация контролируемой напряженности в Корее хотя и составляла потенциальную угрозу безопасности дальневосточным рубежам России, но не шла ни в какое сравнение с действительно насущными вызовами (от Чечни до Ирака и Югославии), при том, что "ракетно-ядерная угроза" со стороны КНДР многим в Москве казалась не самой опасной для судеб человечества, а в скорый коллапс КНДР верило еще меньшее число серьезных людей. Россия, вопреки распространившемуся на Западе мнению, на деле сохраняла потенциальные рычаги влияния на корейскую ситуацию (та же военная помощь), но не прибегала к ним, потому что ситуация с российской точки зрения—то есть воспринимаемая через призму российских национальных интересов—того не требовала. Конечно, на эмоциональном уровне отстранение нашей страны от переговоров по корейской проблематике по формуле "два плюс два" вызвало в Москве негативную реакцию, но на практике оказалось, что эти переговоры малоэффективны и неучастие в них России хотя бы избавляет ее от досады от бесплодности усилий. Вряд ли большой потерей было и, скажем, неучастие России в КЕДО (Организация развития энергетики Кореи, сооружающая в КНДР АЭС): политические цели этой организации ("вовлечение" КНДР) для России не так важны, а с экономической точки зрения КЕДО сталкивается с постоянными проблемами (нет даже уверенности в том, что дело не закончится полным фиаско), которые Россия помочь решить не в состоянии, а ответственность несла бы (при том, что российские реакторы для АЭС были отвергнуты КЕДО "с порога").

Нельзя, конечно, не признать, что параллельно с ослаблением внимания к корейским делам сократились и наши возможности воздействия на ситуацию в Корее при одновременном резком возрастании здесь роли США. Если же задаться вопросом о причинах такого положения, придется признать, что возможности Москвы на Корейском полуострове существенно сократились не только из-за общего ослабления международных позиций России, но и потому, что тем внешнеполитическим капиталом, которым для нас являлись многолетние связи с Пхеньяном, Советский Союз в последний период его существования распорядился не лучшим образом.

Закономерная нормализация отношений с Сеулом в конце 80-х годов вовсе не должна была бы сопровождаться фактически полным разрывом с Пхеньяном при всех идеологических разногласиях с ним. Не помешали же эти разногласия США несколькими годами позже вступить в прямой диалог с северокорейцами. Россия же за более чем вековую историю вовлеченности в корейские дела, казалось бы, должна была усвоить урок: все, что происходит здесь, самым непосредственным образом сказывается на ее национальных интересах, а потому дестабилизации обстановки в Корее допустить нельзя независимо от того, что мы думаем по поводу порядков в Северной Корее. Тем более что суждения об агрессивности и "опасности" КНДР в нынешних геополитических условиях явно страдают тенденциозностью. К сожалению, северокорейцы - непростые партнеры, и поверхностное знакомство с корейскими делами зачастую толкало непрофессионалов от внешней политики к скоропалительным, но в итоге не обязательно верным выводам.

Поддержание мира и стабильности на полуострове остается важнейшим приоритетом России в этом регионе. Разумеется, мы — за мирное самостоятель-

ное объединение Кореи, результатом которого должно стать появление у России процветающего соседа и дружественного партнера, однако решение этой задачи, в конце концов, в первую очередь дело самого корейского народа. России нет особой необходимости непосредственно вмешиваться в этот процесс, поскольку нашим практическим интересам он не угрожает, скорее наоборот. Роль России в нем сводится к благожелательной поддержке и к конструктивному содействию межкорейскому примирению и снижению напряженности в отношениях между двумя корейскими государствами. Как свидетельствует многолетний опыт, в корейских делах роль посредника—неблагодарна и мало-результативна. В интересах России развивать добрососедское взаимовыгодное сотрудничество с корейским народом в целом — с нацией, у которой нет негативных чувств к России, поскольку никогда в истории мы друг против друга не воевали.

Возможно ли достичь все вышеназванные цели без нормальных, добрососедских отношений с каждым из корейских государств? С учетом того, что отношения с Южной Кореей в 1990-е годы после весьма эффективного старта развивались поступательно и стабильно (хотя, не безпроблемно), с прагматической точки зрения стало необходимо — и это было ясно любому непредвзятому человеку — подтянуть “слабое звено,” то есть наладить отношения с Севером, как бы ни оценивать политическое и экономическое устройство этой страны. Ведь эта страна и ее жители — наши близкие соседи, и Россия просто не может и не должна игнорировать 20 с лишним миллионов человек у собственного порога. Нормализация отношений с КНДР, помимо собственно национальных интересов России, имеет важное значение и с точки зрения региональной безопасности: изоляция Северной Кореи, ее ослабление и деградация и тем более системный кризис могли бы стать для региона серьезной угрозой. В стабильном развитии и прогрессе Северной Кореи заинтересованы, по сути, все региональные “игроки”, однако наилучшие возможности внести наиболее весомый вклад в это у России появились именно во второй половине 90-х гг.

Восстановление доверия к России со стороны КНДР нельзя назвать легкой задачей. В Пхеньяне с конца 80-х годов с большой опаской следили за преобразованиями в России, видя в них угрозу существующему в КНДР строю и опасаясь влияния, а тем более переноса “российского опыта” на корейскую землю. Для руководства Северной Кореи, в отличие от других бывших соцстран, такой сценарий был неприемлем абсолютно, так как означал бы потерю власти, быстрое и неизбежное поглощение республики “врагами”. Именно поэтому в начале 90-х годов в КНДР, как нам кажется, воспринимали Россию (хотя серьезные специалисты в нашей стране никогда не разделяли теорий о “скором крахе КНДР”) скорее как враждебное или во всяком случае как недружественное государство, “предателей дела социализма”. Понадобилось время и целенаправленные дипломатические усилия для того, чтобы в Пхеньяне поняли: Россия искренне заинтересована в мире и стабильности на Корейском полуострове, что невозможно без стабильного развития самой КНДР и без налаживания Москвой с ней нормальных, корректных отношений.

Движение навстречу друг другу началось с середины 90-х годов, когда на разных уровнях в России была провозглашена важность развития сбалансированных отношений с обоими Кореями, и Пхеньян престал опасаться практики “координации” Москвой антисеверокорейских акций с США и другими западными странами (хотя обмен оценками и наше влияние на корейскую политику других стран даже усилились). С осени 1994 г. руководство КНДР изменило свое отношение к России как к враждебному государству и стало видеть в ней “дружественную страну”, с которой оно готово развивать отношения, независимо от различий идеалов и общественных систем.²

Процесс сближения особенно активизировался примерно с 1998 г. Хочется подчеркнуть, что именно тогда в северокорейской политике начались изменения, которые весь мир заметил лишь в ходе "дипломатического наступления" КНДР в конце 1999-начале 2000 г. Как представляется, отнюдь не случайно северокорейцы избрали именно российское направление в качестве "пилотного": с одной стороны, сыграло свою роль то обстоятельство, что Россия - знакомый, традиционный партнер, с другой—то, что Россия - член Совета Безопасности ООН, член "восьмерки", то есть авторитетная страна, которой вполне по силам помочь КНДР добиться большего понимания ее проблем от мирового сообщества.

Как нам кажется, именно в середине 1998 г. северокорейцы сделали выбор в пользу предлагавшихся уже с середины 1990-х годов российской стороной восстановления и нормализации отношений, хотя в Пхеньяне, похоже, имелись как сторонники, так и противники такого выбора.

Внешне такой поворот проявился, в частности, в ходе дипломатических консультаций осенью 1998 г. практически единственного сохранившегося на тот момент канала межгосударственного общения. Северокорейская сторона вдруг проявила заметный конструктивизм в подходе к переговорам о новом базовом межгосударственном договоре (как известно, еще в 1996 г. стороны согласились, что прежний союзнический договор 1961 г. себя исчерпал и необходимо подготовить новый). Осенний 1998 г. раунд переговоров был столь успешен, что позволил ставить вопрос о выходе на парафирование и последующее подписание договора. В результате поездки в Пхеньян в марте 1999 г. заммининдел Г.Б.Карасина текст был полностью согласован и парафирован. Россия и КНДР вплотную подошли к поворотному моменту в своих отношениях. Этому способствовали и внешние и внутренние факторы—в частности, переход южнокорейской администрации Ким Дэ Чжуна не на словах, а на деле к политике примирения и сотрудничества с Севером, некоторые позитивные сдвиги в отношениях КНДР с США, острота экономических проблем в КНДР.

Вместе с тем стороны именно в тот момент, возможно, еще не вполне были готовы к такому прорыву. КНДР только разворачивала свое "внешнеполитическое наступление", приведшее в первой половине 2000 года к полосе дипломатического признания со стороны ряда государств. Россия же вступала в трудный переиод предвыборных и военных кампаний. Перенос запланированного на май-июнь 1999 г. визита в Пхеньян российского министра иностранных дел (как из-за занятости корейских хозяев визитом в Пекин Председателя Президиума Верховного Народного Собрания КНДР Ким Ён Нама, так и в связи российско-южнокорейским саммитом в Москве) в целом пошел на пользу делу. Стороны как бы взяли (пусть непреднамеренный) "тайм-аут", который позволил спокойно проанализировать свои возможности и задачи, перспективы предстоящего сближения, его пределы, еще раз прощупать позиции друг друга. Определенную роль в этом сыграла "тихая дипломатия", в частности, неофициальные визиты в Москву, в том числе транзитом, конституционного главы северокорейского государства Ким Ён Нама (будучи долгие годы министром иностранных дел КНДР, он накопил немалый международный опыт), других северокорейских руководителей.

Приход к власти в России Президента В.В.Путина, новый прагматизм и динамизм российской внешней политики, ставящей во главу угла защиту национальных интересов, не могли не внести новые позитивные изменения в ситуацию. Повышение самостоятельности во внешнеполитической сфере России явно импонировало Пхеньяну. В частности, закрепленное в Концепции внешней политики России стремление к многополярности вполне созвучно как идеологическим установкам КНДР, так и ее непосредственным практическим

политическим целям — укрепить свои позиции в тяжелом противостоянии с США, для чего российский «тыл» — не лишний.

КНДР разделяет подходы России по важным для нее вопросам ПРО, центральной роли ООН, расширения НАТО и др. Не осталось незамеченным в Пхеньяне и укрепление связей России с Китаем — фактически единственным оставшимся крупным политическим союзником КНДР. Все это обеспечило возможность, несмотря на идеологические различия и несогласие по ряду кардинальных вопросов, сотрудничать не только в двустороннем формате, но и на международной арене. Возможность тем более ценную, что Россия в состоянии оказать реальную помощь северокорейцам в преодолении дипломатической блокады, что отвечает не только интересам самой КНДР, но и задачам укрепления безопасности в регионе.

Совокупность вышеперечисленных факторов сделала визит в Пхеньян главы российского МИД И.С.Иванова не просто успешным, но этапным. Если предыдущий визит главы внешнеполитического ведомства нашей страны (Э.А.Шеварднадзе в 1990 г.) означал окончание этапа «социалистического интернационализма», то визит И.С.Иванова в феврале 2000 г. символизировал переход накапливавшихся в последние годы изменений в новое качество.

Подписанный 9 февраля 2000 г. в Пхеньяне новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве стал политико-юридическим символом и формальной базой новой системы двусторонних отношений. Принципиально важно то, что Договор заключен на базе стремления уважать цели и принципы Устава ООН, общепризнанные нормы международного права, обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии, не направлен против интересов третьих стран.³ Документ с такими формулировками и обязательствами в дипломатической истории КНДР появился впервые, и то, что республика подписалась под этими общепризнанными международными принципами — немалая заслуга России. Договор предусматривает механизм регулярных консультаций, незамедлительное вступление сторон в контакт друг с другом в случае агрессии против одной из них или возникновения ситуации, угрожающей миру и безопасности (это, по сути, мягкая форма политических гарантий безопасности). В нем зафиксирована поддержка дела скорейшей ликвидации раскола Кореи и объединения на основе принципов самостоятельности, мирного объединения и национальной консолидации (эти принципы, согласованные Севером и Югом 4 июля 1972 г., были также подтверждены лидерами Севера и Юга в ходе исторического межкорейского саммита в июне 2000 г.)⁴

Таким образом, договор стал не только современной правовой базой для всего комплекса российско-северокорейских отношений, но и своего рода «декларацией о намерениях» политики двух стран — для КНДР первой такого рода в новейший период ее дипломатической истории.

Вряд ли можно считать удивительным, что именно Россия сыграла роль «ледокола», взломавшего льды дипломатической изоляции вокруг Северной Кореи. У нашей страны особая роль на Корейском полуострове. Историю не переделать — КНДР создавалась в рамках советской парадигмы, а потому ее устройство политической системы, механизмы принятия решений, особенности функционирования управления находят в Москве значительно большее понимание, чем, скажем, в Вашингтоне. Естественно, это известно и нашим северокорейским партнерам, которыми преодоление периода взаимного отчуждения, как у нас, явно воспринято с облегчением. В этом, в известном смысле сказались многолетние традиции общения и взаимодействия.

Подписание договора и возобновление политического диалога между нашими странами создали условия для всестороннего наращивания сотрудничества, в том числе, в принципе, и возможность для контактов на высшем

уровне. Однако, как это нередко бывает в “саммитовой дипломатии”, реализация такой возможности могла занять довольно длительный срок. Инициативность российской стороны и удачное стечение обстоятельств способствовали тому, что российско-северокорейский саммит состоялся без проволочек и имел максимальный эффект.

Определенную роль в принятии соответствующего решения в Москве сыграло объявление в апреле 2000 г. о беспрецедентной межкорейской встрече в верхах, что привлекло к Корейскому полуострову внимание всего мира. Настал момент для реализации Россией возможностей своего позитивного воздействия на корейскую ситуацию, для того, чтобы “подтолкнуть” процессы межкорейского сближения и оздоровления обстановки, одновременно учитывая свои национальные интересы. Представилась возможность скорректировать гипертрофированные оценки о степени опасности северокорейской ракетной программы и тем самым противопоставить серьезные аргументы сторонникам развертывания НПРО США. Поездка в Пхеньян непосредственно перед “азиатским” саммитом “восьмерки” на Окинаве была весьма своевременна и с точки зрения активизации азиатской политики России в целом, демонстрации ею внимания к насущным проблемам Азии и к тому же удачно вписывалась в график визитов российского лидера.

Благодаря доверительным контактам с северокорейскими партнерами уже в начале мая 2000 г. в адрес российского президента было передано официальное приглашение от лидера КНДР Ким Чен Ира—кстати, первое подобное в истории КНДР. Подготовка визита велась с упором в первую очередь на его политическую составляющую с учетом того, что визит — первый в истории приезд в Пхеньян лидера российского государства и потому является рубежным событием в отношениях двух стран-соседей. Вообще, многое в визите было первым— это был первый визит иностранного лидера по личному приглашению Ким Чен Ира, первые официальные переговоры с ним на высшем уровне в Пхеньяне после прихода его к власти (если не считать “внутрикорейского” саммита), первый подписанный лидером КНДР международный документ...

О протокольной части визита немало писалось в СМИ и можно только добавить, что подобной теплоты встречи Пхеньян давно не видел⁵. Глубоко символичны детали, например, Ким Чен Ир не только встречал и провожал российского президента у трапа самолета, но и совместно с ним возложил венок к памятнику советским воинам, погибшим за освобождение Кореи в 1945 г., тем самым связав нынешние события с традициями скрепленной кровью боевой дружбы... Лидеры двух стран провели вместе более семи часов и не только обсудили широкий круг проблем двусторонних отношений и международной жизни, но и существенно углубили взаимопонимание, установили ориентированный на будущее доверительный контакт. Ким Чен Ир с удовлетворением принял приглашение об ответном визите в Россию. Добавим, что после саммита в практику вошел обмен посланиями между руководителями двух государств.

В подписанной по итогам визита совместной декларации⁶ лидеры двух стран еще раз отметили закрепленные в двустороннем межгосударственном договоре принципы взаимного общения, которые отвечают не только коренным интересам двух стран, но и “тенденциям формирования многополярного мира и создания нового рационального международного порядка”, призванного обеспечить “надежную безопасность всех стран в политической, военной, экономической, социально-культурной и иных областях”. Особый акцент сделан на важности укрепления роли ООН, выражено намерение взаимодействовать в ее рамках, подчеркнуто решительное несогласие с практикой вмешательства во внутренние дела государств. Стороны высказались за снижение роли фактора

силы в международных отношениях, осудили международный терроризм и сепаратизм. Таким образом, зафиксирована созвучность оценок и озабоченностей относительно кардинальных проблем нынешней международной ситуации, важных для обеих стран.

Особое значение для российской стороны имела выраженная в декларации поддержка КНДР усилий России по укреплению стратегической и региональной стабильности, в том числе по сохранению Договора по ПРО 1972 г., выполнению Договора СНВ-2 и по скорейшему заключению Договора СНВ-3. Наибольшее внимание иностранных наблюдателей привлекла констатация "полной несостоятельности ссылок на так называемую "ракетную угрозу" со стороны некоторых государств в качестве обоснования планов ревизии Договора по ПРО 1972 года" в связи с чем КНДР впервые официально заверила, что "ее ракетная программа никому не угрожает и носит сугубо мирную направленность" (последняя формулировка была окончательно согласована лично главами государств на переговорах в узком составе). В этом контексте Ким Чен Ир заявил о том, что если какое-либо государство, озабоченное ракетной программой КНДР, согласилось бы на безвозмездной основе осуществлять запуски для КНДР ежегодно двух-трех спутников, КНДР не понадобились бы собственные ракеты, способные выводить спутники на орбиту. С согласия корейского руководителя В.В.Путин довел эту идею до сведения мировой общественности и политических деятелей заинтересованных государств. Выдвижение и последующее обсуждение этой инициативы вызвало оживленные комментарии во всем мире, поскольку открылась реальная возможность развязки "ракетного узла" и дальнейшего укрепления безопасности в регионе.

Следует признать, что обсуждение этого тезиса в мировой прессе не всегда было доброжелательным. Со ссылкой на встречу Ким Чен Ира 12 августа 2000 г. с южнокорейскими корреспондентами рядом западных СМИ была запущена в оборот версия о том, что Ким Чен Ир сказал об этом якобы "в шутку".⁷ На самом деле Ким Чен Ир и на этой встрече фактически подтвердил высказанную им ранее идею, заявив (цитируется по материалам прессы РК): "Я сказал российскому Президенту Владимиру Путину, что мы не будем разрабатывать ракеты, если США согласятся запускать на орбиту наши спутники для нас."⁸ О степени серьезности разговора с В.В.Путиным на эту тему (а он состоялся в ходе официальных переговоров в узком составе) можно судить и по тому, что Ким Чен Ир даже предлагал включить эту идею в Совместную российско-корейскую декларацию. Упомянув о «шуточном» контексте обсуждения, северокорейский лидер, скорее всего, имел в виду действительно выраженную обоими руководителями иронию по поводу того, сколь сложно эту идею всерьез воспринять тем, кто больше всех говорит о своей озабоченности ракетными программами КНДР. Описанный эпизод с инсинуациями прессы именно это и доказывает. Вместе с тем подходы администрации США, которая выразила готовность рассмотреть возможность запуска спутников КНДР в обмен на прекращение разработок последней баллистических ракет большой дальности свидетельствуют о том, что в «коридорах власти» Вашингтона данный ход северокорейского руководителя был воспринят всерьез.⁹

Для КНДР важна зафиксированная в декларации российская поддержка усилий по самостоятельному решению вопроса воссоединения Кореи объединенными усилиями корейской нации, недопустимости внешнего вмешательства в этот процесс. Россия и КНДР договорились о взаимодействии в интересах того, чтобы Северо-восточная Азия стала зоной мира и добрососедства, стабильности и равноправного международного сотрудничества и в этом контексте выразили намерение внести достойный вклад в работу Регионального

форума АСЕАН (членом которого КНДР официально стала несколько дней спустя, в том числе благодаря поддержке России).

Разумеется, короткий визит после длительного периода ограниченных контактов не мог позволить сразу решить все вопросы восстановления двусторонних связей. К тому же понятно, что глубокий экономический кризис на Севере и суженные, мягко говоря, возможности у продолжающей реформы России для оказания экономического содействия делают резкий подъем экономического сотрудничества делом весьма сложным. Тем не менее эти проблемы (в том числе в ходе переговоров "по направлениям" во время визита) хотя бы начали обсуждаться. Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству поручено активизировать проработку крупных проектов сотрудничества в металлургии, на транспорте, в лесной отрасли, нефтяной, газовой, легкой промышленности и в других отраслях. При этом решено уделить особое внимание реконструкции предприятий, построенных при советском техническом содействии. Конкретно речь может идти о завершении строительства Восточно-Пхеньянской ТЭЦ, расширении Пхеньянской ТЭЦ, возможно, о сотрудничестве в налаживании производства на металлургическом комбинате им. Ким Чака, выделении корейской стороне новых территорий в России для лесозаготовок, переработке нефти на нефтеперерабатывающем заводе "Сынни" в Сонбоне (при условии восстановления его мощностей.)

Понятно, что реализация этих проектов будет зависеть от источников финансирования. Возможностей для выделения кредитов у российской стороны пока нет, и это корейской стороне хорошо известно. Более того, предстоит еще урегулировать (очевидно, путем реструктуризации) проблему северокорейской задолженности советских времен (3,8 млрд. переводных рублей по состоянию на 1991 год), о чем также шла речь в ходе российско-северокорейского саммита.

Очевидно, России надо объединить усилия с другими членами мирового сообщества, заинтересованными в стабильном развитии КНДР, для реализации упомянутых и других проектов. Такое сотрудничество (принято называть его трехсторонним, имея в виду прежде всего участие Южной Кореи, но на деле речь может идти и об участии Японии, Китая, ЕС, США, а также международных финансовых институтов) представляется весьма перспективным и взаимовыгодным. Как показали переговоры в Пхеньяне, в целом северокорейцы в принципе готовы к такой постановке вопроса. Особое внимание было уделено проекту восстановления транскорейского железнодорожного сообщения и организации транзита грузов из Южной Кореи по Транссибирской железной дороге. Север и Юг Кореи позднее в принципе договорились о восстановлении железнодорожного сообщения, и данному проекту российская сторона намерена уделять приоритетное внимание.¹⁰

Говорилось и о сотрудничестве в гуманитарной сфере—например, северокорейцы заинтересованы в обновлении учебников русского языка для студентов и школьников КНДР. Не исключены и возобновление обмена студентами, другие формы сотрудничества в области науки и образования, культуры и здравоохранения, социального обеспечения, права, охраны окружающей среды, туризма, спорта и др. Впервые за многие годы состоялись контакты и с северокорейскими военными, что важно и с политической точки зрения с учетом той роли, которую они играют в северокорейском обществе. Восстановление контактов и по этой линии будет способствовать выравниванию военного баланса на Корейском полуострове (в последние годы менявшегося не в пользу КНДР), а значит, укреплению стабильности и повышению безопасности.

Россия, выводя из застоя свои отношения с КНДР, вовсе не стремится к "равноудаленности" от Севера и Юга, не намерена ущемлять чьи-либо законные интересы, "вытеснять" кого-либо из корейского и регионального процессов, строить какие-то "треугольники" и т.п. Наши цели транспарентны и вполне совместимы с целями других региональных "игроков". Достигать их мы предлагаем вместе всем странам, заинтересованным в мире, стабильности и процветании стран на Корейском полуострове.

1. См. Сегодня.2000, 20июня; Известия.2000. 10июня. International Herald Tribune June 10, 2000; Korea Times. June 10, 2000 и др.
2. Панов А.Н. Речь на открытии IY международной конференции ИМЭМО-IFANS. Москва, октябрь 1994.
3. Проблемы Дальнего Востока 2000, N2. С. 8-9
4. Чосон Ильбо.2000 15июня.
5. Сообщения ИТАР-ТАСС из Пхеньяна, Время новостей.2000 20июля.
6. Сообщение ИТАР-ТАСС(Атлас) .2000. 15августа.
7. Сообщение Reuters 14.06.2000, "Сегодня" 15.08.2000
8. Korea Times .2000 14августа.
9. Время новостей.2000. 31августа; , Сообщение ИТАР-ТАСС 2000. 1сентября.
10. Korea Herald. 2000 30июля.

Россия и Южная Корея: некоторые размышления о первом десятилетии отношений

© 2000

Г. Бульчев, Д. Кулькин

10 лет назад, 30 сентября 1990 г. в Нью-Йорке было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений между бывшим СССР и Республикой Корея. В вихре перемен, закружившем нашу страну, несколько подзабылся весь драматизм этого действительно неординарного в то время события: СССР официально подвел черту под последним конфликтом «холодной войны», в котором он участвовал, признал политические реалии, сделал заявку на полноправное, не искаженное «классовой солидарностью» с северокорейцами, участие в делах Корейского полуострова и Северо-Восточной Азии.

За прошедшее десятилетие Южная Корея перестала быть для россиян «тега incognita». Многие побывали там с туристическими или «шопинговыми» целями, в обиход прочно вошли названия южнокорейских компаний - производителей электроники и электротехники, автомобилей, одежды, все помнят Сеульскую олимпиаду 1988 г., положившую начало «открытию» для нас этой страны. Это нормально и вызывает удовлетворение. Но все ли сбылось из того, о чем тогда мечтали в Москве и Сеуле, какие уроки можем мы извлечь из прошедших десяти лет?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо вспомнить некоторые предшествовавшие дипломатической нормализации события.

В 70-80-е годы южнокорейские администрации Пак Чжон Хи, Чон Ду Хвана неоднократно предлагали наладить контакты с Советским Союзом, развивать торгово-экономические связи. Однако СССР не шел на установление каких-либо отношений с Сеулом, ограничивался небольшой по объему торговлей через посредничество третьих стран, в исключительных случаях допускал южнокорейские делегации на форумы, проводившиеся в нашей стране по линии международных организаций. В основном это диктовалось стремлением «не обидеть» КНДР, категорически выступившей против каких-либо контактов с «марионетками» Запада, хотя уже тогда в Москве многие, особенно в академической среде, сомневались в обоснованности и дальновидности такой жесткости.

Этапным моментом в сближении с Республикой Корея стало выступление Президента СССР М.С.Горбачева в Красноярске в сентябре 1988 г.¹ В него, под давлением либеральной части советского истеблишмента и ученых, была включена революционная идея в отношении Южной Кореи, которая фактически положила начало коренному пересмотру корейской политики СССР.

Бульчев Георгий Борисович, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, доктор экономических наук.

Кулькин Дмитрий Иванович, слушатель Дипломатической академии МИД РФ, кафедра Международного права,

«Думается, - говорил М.С.Горбачев, - в контексте общего оздоровления обстановки на Корейском полуострове могут открыться возможности для налаживания экономических связей с Южной Кореей». Этому заявлению была дана позитивная оценка как со стороны сеульской администрации, обсудившей красноярскую речь на специальном заседании правительства, так и лидерами основных оппозиционных партий РК. Правительственные круги Южной Кореи в целом положительно реагировали также на выдвинутое М.С.Горбачевым предложение обсудить на многосторонней основе вопрос о снижении военного противостояния в районах, где сближаются побережья СССР, КНР, Японии, КНДР и Южной Кореи.

Начавшийся пересмотр советской политики в отношении РК способствовал ускоренному развитию двусторонних отношений по неправительственной линии. Это и развитие прямой торговли, либерализация визового режима между двумя странами, коммерческое соглашение между авиакомпаниями СССР и РК, открытие морского сообщения, телефонной связи. Рубежным событием стало открытие в апреле 1989 г. первых официальных представительств: Торгово-промышленной палаты в Сеуле и КОТРА (в июле) в Москве. Позднее при них были созданы консульские отделы.²

Несмотря на тенденцию к расширению двусторонних экономических отношений, южнокорейская сторона, тем не менее, проявляла осторожность в подходе к развитию контактов с СССР в этой области, выдвигая как предлог отсутствие межгосударственных отношений и невозможность получения гарантий со стороны правительства по экономическим сделкам. Фактически это была форма давления на правительство СССР в пользу скорейшей официализации отношений. США, к тому же, добились от правительства Южной Кореи запрета на экспорт в Советский Союз ряда «стратегических товаров».

Начало взаимному официальному признанию Советского Союза и Республики Корея положила встреча М.С.Горбачева с президентом Ро Дэ У в Сан-Франциско в июне 1990 г., организованная благодаря усилиям ряда прогрессивных деятелей советской верхушки.³

Под давлением южнокорейской стороны в августе 1990 г. в Москве были проведены первые переговоры между правительственными делегациями СССР и РК о развитии взаимовыгодного экономического сотрудничества. Южнокорейской стороной рисовалась впечатляющая перспектива сотрудничества. Делались намеки и на возможность оказания экономического содействия советской экономике со стороны РК. Под влиянием этих заверений тогдашний министр иностранных дел Э.А.Шеварднадзе пошел на досрочное, 30 сентября 1990 г. (предполагалось с 1 января 1991 г.) дипломатическое признание Сеула.⁴

Наша линия в отношении Южной Кореи не находила понимания со стороны КНДР и подвергалась открытой критике. Вместе с тем в Пхеньяне, хоть и с большой долей раздражения, вынуждены были согласиться с необратимостью процесса развития советско-южнокорейских связей. Визит Ро Дэ У в Москву в декабре 1990 г. и подписание Московской декларации не вызвали в Пхеньяне особых эмоций.⁵

Нельзя не признать, что игнорирование Советским Союзом в течение продолжительного периода Южной Кореи наносило ущерб его авторитету как великой державы, ослабляло его позиции в АТР и фактически устранило от активного влияния на процесс корейского урегулирования, в котором Москве оставалась роль поддержки северокорейских инициатив. Слабость советской позиции в корейском вопросе состояла в том, что СССР длительное время не признавал наличия на Корейском полуострове двух государств, в то время как они к середине 80-х гг. имели довольно широкое дипломатическое признание в мире. КНДР и РК на тот момент поддерживали дипотношения более чем со ста странами и имели статус Постоянного наблюдателя при ООН. Обе Кореи были представлены в качестве полноправных членов почти в 20 международных организациях.

По нашему мнению, выбор в пользу установления дипотношений с РК надо было делать раньше, скажем, сразу после прихода к власти более или менее демократическим путем Президента РК Ро Дэ У в 1987 г., или уж во всяком случае в связи с Сеульской олимпиадой 1988 г. Время было упущено, и СССР не воспользовался всеми преимуществами от нормализации отношений с РК.

К началу 90-х гг. линия на всемерную поддержку лишь северокорейского видения проблемы воссоединения Кореи означала отказ от учета существования двух корейских государств и продолжение заведомо тупиковой политики. Линия же на то, чтобы, сохраняя и развивая сотрудничество с КНДР, постепенно вести дело к налаживанию широких экономических, политических и культурных связей с РК вплоть до взаимного признания фактически не была реализована, в том числе из-за нарастающей анархии в государственном управлении СССР. Это привело к весьма негативным последствиям: ослаблению возможности Москвы влиять на ситуацию на Корейском полуострове из-за резкого ухудшения отношений с КНДР, так и из-за того, что политика Москвы в отношении Сеула поначалу была "реактивной", что создало у южнокорейской стороны впечатление, что она может строиться под ее диктатом. Понадобилось время и «набитые шишки», чтобы отношения стали действительно взаимоваажительными и ровными.

Не секрет, что СССР, устанавливая в 1990 г. дипломатические отношения с Южной Кореей, преследовал две цели. Это, во-первых, насыщение пустого на тот момент потребительского рынка и получение инвестиций и, во-вторых, усиление своей роли в регионе Северо-Восточной Азии за счет сохранения отношений с КНДР и развития партнерства с Югом.

На обоих направлениях результаты были довольно ограниченными. Южная Корея, похоже, поначалу рассматривала свои отношения с нашей страной главным образом через призму межкорейской конфронтации. Для южан Россия представлялась хорошим средством давления на КНДР. Сеул предпринял целый ряд таких попыток для того, чтобы досадить своему северному оппоненту. Южане муссировали тему Корейской войны, добиваясь, чтобы Россия осудила агрессию Севера. Множество антисеверокорейских заявлений было сделано по проблемам нарушений прав человека «в лагерях на Дальнем Востоке», где использовался труд лесорубов КНДР. Южная Корея пыталась диктовать Москве линию поведения по «ядерной проблеме КНДР», склоняла ее к наиболее жесткому варианту давления на Пхеньян, старалась склонить руководство России к расторжению союзнического договора с Пхеньяном.

Столкнувшись с многочисленными нападками в свой адрес в ряде российских СМИ и в выступлениях отдельных политиков и официальных лиц, лидеры Северной Кореи в самом деле поверили в то, что Россия слепо «идет на поводу» у Юга. Ирония истории состояла в том, что позже, когда ухудшение отношений РФ с КНДР стало фактом, наша страна с подачи Сеула и Вашингтона была исключена из процесса урегулирования северокорейской ядерной проблемы в 1993-1994 гг., а затем и из предложенных в 1996 г. четырехсторонних переговоров. Делались ссылки на то, что бывший СССР был причастен к наращиванию ядерных вооружений Севера, подготавливая и «поставляя» туда высококвалифицированных специалистов в этой области, а также и на то, что Москва «не имеет рычагов влияния» на Пхеньян, так как отношения с ним оказались «заморожены» как раз во многом благодаря усилиям Сеула.

В ходе визита президента РК Ким Ен Сама в Москву в 1994 г., в принципе, Южная Корея вновь получила от нас то, что хотела. Несмотря на предварительные оговорки, фраза «санкции против КНДР» все же слетела с уст Б.Н.Ельцина. По заявлению тогдашнего министра иностранных дел России А.Козырева, «конференция по Корейскому полуострову с участием РК, КНДР, России, США, Китая, Японии, а также представителей ООН и МАГАТЭ, является последним методом оказания влияния на Северную Корею и в случае, ес-

ли она завершится безуспешно, Москва однозначно поддержит идею санкций, но сначала попытается ее образумить, заставить отказаться от своих планов».⁶ При обсуждении вопроса о союзническом договоре с КНДР Ким Ен Саму также во многом удалось привлечь Президента России на свою сторону. Было решено если не аннулировать, то уже, по крайней мере, не продлевать его на следующий срок.

В дальнейшем Сеулом были также предприняты попытки добиться поддержки Москвы по вопросу о недопущении переброски тайваньских ядерных отходов на север Корейского полуострова. Особенно настойчиво южане говорили об этом перед визитом в Сеул Е.М.Примакова. Все эти антисеверокорейские заходы вызывали растущее раздражение в Москве.

Не все шло гладко и в экономике. РК предоставила, как обещала трехмиллиардный кредит СССР, но после его распада платежи были Сеулом заморожены в одностороннем порядке. Проблема российского долга Южной Корее стала многолетней головной болью, и вдобавок предлогом для торможения экономических связей. Торговля, правда, росла, главным образом, за счет экспорта корейских потребительских товаров в Россию, и «серого» импорта - за счет «челночной торговли», а российский экспорт в РК оставался ограниченным (в том числе вследствие протекционистских мер южнокорейской стороны в отношении российской стали, удобрений). Кризис 1997-1998 гг. в РК и 1998 г. в России привел к резкому спаду товарооборота - с 3,3 млрд до 2,1 млрд долл.⁷ К 2000 г., правда, тенденция к росту была восстановлена.

Общие объемы южнокорейских инвестиций в российскую экономику остаются невелики, реализованные проекты в среднем незначительны по масштабам, сравнительно малы и инвестиции в производственную сферу. Корейские предприниматели в целом пассивно относятся к осуществлению масштабных долгосрочных инвестиций в Россию. Главными факторами, препятствующими этому процессу, они называют политическую и экономическую нестабильность в нашей стране (частые смены правительства, конфликты между федеральной и региональной властями, нестабильные цены, колебание курса валюты, преступность и т.д.). В период валютно-финансового кризиса подобные опасения усугубились. Предпринимательская деятельность в России оценивалась как еще более усложнившаяся из-за ухудшения состояния финансовой сферы и возможности невыплат, усиления валютного контроля и других факторов. Южнокорейские бизнесмены отмечают также, что причинами пассивной позиции в отношении России являются отсутствие исчерпывающей информации и недостаточное понимание ее экономической ситуации.

Хотелось бы отметить, что Республика Корея и Россия начали экономический обмен 10 лет назад, когда все знания корейцев о нас основывались на косвенном и поверхностном опыте. Поэтому в условиях недостатка реального опыта и информации, неблагоприятного делового климата в России, разгула криминала, в принципе, и не на что было рассчитывать, кроме как на краткосрочные капиталовложения, спекулятивные операции на фондовом рынке.

Со временем в Москве стали прозревать, что многочисленные политические контакты и даже встречи на высшем уровне, где обсуждались все аспекты двустороннего сотрудничества, в том числе и экономического, с «многообещающими» перспективами, нужны были Югу, главным образом, для воздействия на Пхеньян с помощью Кремля. В такие игры Москва больше играть не хотела, из-за чего в Сеуле сразу заговорили о «похолодании» в отношениях. В России же начало распространяться, в том числе и, пожалуй, прежде всего в академических кругах, мнение о необходимости изменить курс политики в отношении Корейского полуострова от «проюжнокорейской» направленности к сбалансированности, когда отношения с Сеулом и Пхеньяном развиваются независимо друг от друга и в той мере, в какой позволяет их реальный потенциал. В Сеуле на такой подход (его там называли «равноудаленность») реагировали довольно нервно, считая его поражением и проигрышем в борьбе

за доминирование на Корейском полуострове. Кульминационным моментом в таком восприятии явился «шпионский скандал» летом 1998 г. (опять же на «антисеверокорейской» почве), в котором пострадал российский дипломат. В Сеуле этому, в общем, не слишком значимому эпизоду был придан характер чуть ли не национальной катастрофы, воспринят как «унижение» Южной Кореи, ее «поражение» и свидетельство чуть ли не полного перехода Москвы на просеверокорейские позиции.

Но нет худа без добра. Для администрации Ким Дэ Чжуна возник хороший повод освободиться от наследия прошлого в отношениях с Россией, когда они строились лишь как функция от противоборства с Пхеньяном. Это заставило РК и Россию пойти на коренной пересмотр своих взаимоотношений.

Президенту РК Ким Дэ Чжуну удалось более мудро и сбалансированно подойти к российско-южнокорейским отношениям. Это проявилось уже в ходе его визита в Москву в мае 1999 г., когда Сеул добивался нашей поддержки политики «солнечного тепла» в отношении Пхеньяна. Как известно, дух и философия этой политики в России приветствуют, так как это - наиболее разумный и реалистичный подход к межкорейским отношениям. Однако КНДР усматривала в ней «двойное дно» - желание развалить ее систему политикой «вовлечения», уподобляла эту линию политике США в отношении СССР, приведшей к его распаду. Представителям России удалось убедить РК, что для того чтобы сделать свою политику результативной, надо добиться доверия КНДР, а оно не может базироваться только на декларациях и жестах. Между тем не сделаны еще даже первые шаги - скажем, установление дипломатических отношений США и Японии с КНДР, что в международной практике означает как минимум признание факта существования государства.

То, что в Сеуле стали прислушиваться к подобной аргументации, учитывать российскую точку зрения и российские интересы - знак отрадный. Это дало новый старт российско-южнокорейским отношениям. В то же время в Сеуле набирает силу взвешенный, спокойный подход к отношениям с КНДР. По логике предшественника Ким Дэ Чжуна выходило, что «друзья моих врагов - мне не друзья», что не раз служило почвой для недоразумений. Снижение конфронтационного накала в межкорейских отношениях снимает этот раздражитель. В Сеуле поняли, что РК и Россия нужны друг другу. Россия - политический гарант ситуации на полуострове и потенциально важнейший рынок для Кореи. Корейский полуостров для России - зона исторического внимания. Любая нештатная ситуация здесь немедленно скажется на дальневосточном регионе. Теперь уже сами южнокорейцы признают, что в РК имела место недооценка российского потенциала в решении проблем Корейского полуострова.

Наполнение реальным содержанием зафиксированного в базовом Договоре между РФ и РК 1992 г. уровня отношений конструктивного взаимодополняющего партнерства, как очевидно, предполагает более активное подключение России к корейскому урегулированию. Нынешнее руководство Юга, похоже, понимает это: ему принадлежит идея о принятии шестью странами (двумя Кореями, КНР, США, Японией и РФ) «Совместной декларации за мир и стабильность в СВА». Такая точка зрения перекликается с российской инициативой созыва многосторонней конференции по Корею.

На сегодняшний день российско-южнокорейские отношения носят характер конструктивного взаимодополняющего партнерства, что закреплено в соответствующих двусторонних документах.⁸ Весьма активен политический диалог, который по интенсивности среди азиатских стран уступает, пожалуй, лишь Китаю, Японии и Индии. Регулярно проводятся встречи на уровне глав государств (визит Б.Н.Ельцина в Сеул в ноябре 1992 г., визит президентов Южной Кореи в Россию Ким Ён Сама в июне 1994 г. и Ким Дэ Чжуна в мае 1999 г.). Идет активное взаимодействие на уровне министерств иностранных дел двух стран (с 1992 по 2000 год состоялось несколько взаимных визитов

министров иностранных дел). На очереди - новые встречи на высшем и высоком уровне.

На территории наших двух стран действует множество совместных предприятий. Согласовано несколько крупных проектов экономического сотрудничества, включая строительство газопровода РФ-КНР-РК из Иркутской области, создание российско-корейского индустриального комплекса в Находкинской СЭЗ. Хорошо идет взаимодействие в международных организациях: в ООН, АТЭС (куда РК помогла нам вступить), по тематике АСЕАН, АРФ, АСЕМ. Поддерживается прямое воздушное и морское сообщение, расширяются научно-технические связи по линии академий наук, научных учреждений, культурный и спортивный обмен. В ограниченных масштабах развивается и военно-техническое сотрудничество.

В будущее можно смотреть с оптимизмом: будет расти торговля, региональные связи, инвестиционное сотрудничество (особенно, если в РК смогут оказать ему соответствующую государственную поддержку). Южнокорейцы по-прежнему заинтересованы в нашей науке и технологиях.

С позиций заботы о завтрашнем дне нет важнее задачи, чем углубление понимания двумя народами друг друга. Нам необходимо с помощью СМИ, ученых, деятелей культуры и «народной дипломатии» наладить созидательный процесс взаимного познания.

Думается, что если корейцы с присущей им целеустремленностью и настойчивостью возьмутся за дело, «процесс пойдет». И, похоже, именно так настроено нынешнее руководство Южной Кореи. Разумеется, для этого нужны практические шаги и решения и с нашей стороны.

На пороге нового века у наших стран появляется хороший шанс наладить действительно взаимовыгодное, необходимое друг другу партнерство. Изменилась Россия, идущая по пути демократии и рыночного развития. Это делает ее все более привлекательным партнером для Республики Корея - и политически, и экономически. Изменилась и Республика Корея: пройдя через кризисы, она сегодня стремится к более самостоятельной, сбалансированной политической линии, для чего дружественные, доверительные отношения с Россией жизненно важны. И вовсе не утопия предсказать сегодня, что в XXI веке отношения между Москвой и Сеулом станут одним из важнейших компонентов политической и экономической картины всей Азии, привнося в нее, мы в этом уверены, мир, стабильность и процветание.

Две страны нуждаются в тесном сотрудничестве в своих интересах и в интересах мира и стабильности на Корейском полуострове и в СВА. Думается, Россия будет продолжать вносить более конструктивный вклад в проблему урегулирования в Корее.

XXI век - это время стремительно меняющегося мира, эпоха информатизации и телекоммуникаций. В начале нового тысячелетия Россия и Республика Корея, разделяя такие общепринятые ценности как демократия и рыночная экономика, должны продолжать усилия, чтобы внести вклад в развитие двух стран и мира в целом.

-
1. Правда. 1988. 18 сентября.
  2. Вестник МИД СССР. 1990. 31 марта. С.38.
  3. Первый российско-корейский форум. Москва, 1999 г. С.52.
  4. Торкунов, А.В. Уфимцев Е.П. Корейская проблема: новый взгляд. Москва, 1995. С.53.
  5. Известия. 1990. 15 декабря.
  6. Независимая газета. 1994 г. 3 июня.
  7. Первый российско-корейский форум. С.69-70.
  8. Совместное российско-корейское заявление. май 1999 г. // Дипломатический вестник. 1999. N7.

Китайская Народная Республика в глобальной стратегии Запада на рубеже веков

© 2000

В. Балакин

Прогнозируя главные тенденции формирования взаимоотношений в XXI веке между индустриально развитым Западом и КНР, можно с большой долей уверенности утверждать, что в конце уходящего столетия уже в целом сложилась устойчивая система взаимозависимостей прежде всего в области инвестиционного сотрудничества этих двух крупнейших мировых цивилизаций. Олицетворяющие индустриально развитый Запад Европейский Союз, Соединенные Штаты Америки и Япония настойчиво стремятся к глобализации экономических процессов, прекрасно осознавая при этом принципиальную невозможность добиться её необходимой сбалансированности без вовлечения в активный мировой хозяйственный оборот огромного и постоянно растущего китайского рынка. Так называемый "фактор России" дополнительно накладывает свой заметный отпечаток на будущее экономическое взаимодействие Запада и Китая, привнося в отношения двух экономических гигантов серьезный элемент недоверия друг к другу.

Некоторые известные исследователи стратегии Запада в отношении КНР в своих работах настойчиво проводят мысль о том, что инвестиции ЕС, США и Японии в китайскую экономику уже давно перестали быть некоей отвлечённой экономической категорией. Инвестиционное сотрудничество Китая с индустриально развитыми западными демократиями превратилось в самодостаточное явление, разрушение которого по собственным эгоистическим или другим причинам объективно не может допустить ни та, ни другая сторона. За всем этим вывели настолько глубокие национальные интересы, что поверхностные сиюминутные "политические бури" не только не способны вызывать даже малейших негативных подвижек в спрессованных долговременной экономической выгодой "тектонических пластах" базисных взаимоотношений, но и более того, превратившись в объективную категорию, вышеназванные интересы надёжно обеспечивают весьма дефицитную на сегодняшний день относительную политическую стабильность в Азии.

С переходом в новый век и новое тысячелетие, при неуклонном следовании политике открытости миру, Китай в настоящее время переживает подлинный расцвет отношений с Европейским Союзом. Со своей стороны, Европейский Союз формирует свои отношения с КНР уже не как совокупность отдельных государств, а, по-существу, как единая интегрированная федерация, открыто противопоставляя себя двум другим своим традиционным центрам соперничества: Соединенным Штатам и Японии. Активно разыгрывается так называемая "китайская карта" (что зачастую стимулируется самим Пекином), изыскиваются потенциальные возможности для стратегического сотрудничест-

ва: в определённом смысле Китай стал для ЕС важнейшим фактором "восточной политики" в отношении России. На сегодняшний день заложена добротная основа для развития стратегического сотрудничества между ЕС и КНР в политической, экономической, научно-технической и даже военной областях.

Необходимо подчеркнуть, что ЕС имеет свои собственные долговременные расчёты относительно КНР. Несомненно, это - геополитическая роль Китая как сдерживающего противовеса России. Всё более проявляется стремление европейцев "обойти" США и Японию, занять с помощью Пекина своё особое место в формирующемся многополярном мире. Китай представляет собой уникальный по ёмкости рынок сбыта для европейской продукции и в то же время выступает потенциально важным поставщиком ценных видов сырья для производства новейших материалов. Очень привлекателен для Европейского Союза гуманитарный потенциал КНР с точки зрения определяющего влияния и контроля зарубежных китайских общин (хуацяо), занимающих ключевые позиции в экономиках наиболее перспективного в инвестиционном плане региона, каким последовательно становится АСЕАН. Ещё Мао Цзедун неоднократно заявлял в 1970 г., что, выстраивая свою политику в Юго-Восточной Азии, Китай обязан привлечь на свою сторону такие страны как Великобритания, Франция и ФРГ¹. Заветы председателя Мао претворяются в жизнь. Ныне Европейский Союз занимает особое место в пекинской иерархии внешнеполитических интересов, являясь надёжным каналом проникновения на рынки развивающихся государств так называемого "третьего мира", сохранивших устойчивые связи со своими бывшими европейскими метрополиями.

Необходимо признать, что экономическое и научно-техническое сотрудничество с ЕС связано для Китая с меньшим риском попасть в политическую зависимость по сравнению с США и Японией. Член Госсовета КНР Чжан Цзиньфу говорил в своё время, что сотрудничество с Западной Европой нацелено на то, чтобы показать Вашингтону и Токио отсутствие у Пекина желания ориентироваться на их условия². Практика подтвердила правильность сделанного расчёта. У Китая и Евросоюза объективно нет столкновения коренных интересов, наоборот, уже долгие годы наблюдается взаимное стремление к сотрудничеству и расширению экономического и технологического обмена. Именно ЕС предоставляет Пекину во многом уникальные возможности по приобретению отдельных видов вооружений, а главное — технологий военного производства. Помимо этого объединённая Европа, по перспективной оценке китайского руководства, вполне способна помочь Пекину ускорить решение тайваньской проблемы. Опыт возвращения в состав КНР Гонконга и Макао является прекрасным подтверждением обоснованности таких далеко идущих планов.

В настоящее время Европейский Союз представляет собой крупного инвестора капиталов в экономику Китайской Народной Республики. В межведомственном бюллетене по Китаю, издаваемом правительством ФРГ, говорится: "Самыми успешными экономическими проектами в сотрудничестве государств ЕС и КНР являются как раз те, которые разработаны на основе прямых инвестиций в конкретные китайские предприятия"³. Яркими примерами таких успешных проектов называются строительство метрополитена в Шанхае и Гуанчжоу.

Но прежде чем приступить к рассмотрению конкретных направлений инвестиционной политики Евросоюза в отношении Китайской Народной Республики, хотелось бы остановиться на основных принципах взаимоотношений между ЕС и КНР, сформулированных Старым светом в 90-е годы.

Прежде всего Западная Европа полностью исключила из своих взаимоотношений с Пекином так называемую идеологическую компоненту, чего не было сделано в отношениях между Востоком и Западом даже на самом европейском континенте. "Глобализация" экономического сотрудничества стала приоритетным направлением работы обоих правительств. Были задействованы

наиболее дешёвые источники финансовых средств, подконтрольных Евросоюзу и находящихся зачастую в самых различных уголках земного шара. В 1991 г. в рамках Европейской Унии нашли своё законодательное подтверждение официальные принципы, которыми должны руководствоваться страны ЕС при реализации экономических проектов в Китае. Эти принципы следующие: приоритет частных прямых инвестиций в экономику КНР при гарантированной правительственной поддержке; широкое участие заинтересованных предпринимательских кругов Европейского Союза в подготовке любых правительственных решений в отношении КНР; правительственные гарантии со стороны ЕС любым крупным сделкам с китайскими фирмами; введение в торговое сотрудничество с КНР концепции социально ориентированной рыночной экономики; упор в развитии экономического сотрудничества с КНР на последовательное увеличение межгосударственного товарооборота⁴.

Следует отметить, что реальная практика развития экономического сотрудничества между Европейским Союзом и КНР подтвердила обоснованность полного исключения с самого начала фактора идеологических различий из двусторонних отношений. Это позволило ЕС внести довольно существенные элементы либерализации в торговлю с Китаем, добиться собственных далеко идущих политических целей и в то же время не дать возможности определённым враждебно настроенным силам в Пекине проявить так называемый "классовый подход" и тем самым сорвать взаимовыгодное долгосрочное деловое партнерство. Весьма своевременным оказался также акцент европейских инвестиционных программ для Китая на проблемах экологии и ресурсосбережения, совместном развитии высоких технологий двойного применения.

Достаточно наглядным примером стабильного инвестиционного сотрудничества в 90-е гг. могут служить отношения в данной области между КНР и ФРГ. Нижеприведённая таблица подтверждает это⁵:

в миллионах DM

Вид сотрудничества	1992	1993	1994	1995	1996	1997
Финансовое	180	180	180	180	180	140
Технологическое	45	45	40	40	40	50

Следует отметить, что последние пять лет уходящего века Китай продолжал оставаться крупнейшим получателем германских прямых инвестиций, из которых более 45% направлялись в развитие так называемой малой энергетики, охрану окружающей среды и переработку отходов. Территориально указанные германские инвестиционные проекты концентрируются в Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Цзянсу и Чжецзяне. Участвующие в проектах фирмы ФРГ стараются создать в Китае на их основе экспортоориентированные производства полного профиля, продукция которых уже заранее имеет своего потребителя не только в Европе, но и в других регионах мира. Такой подход позволяет заметно поднять ликвидность вкладываемых средств за счёт загрузки немецких машиностроительных концернов, размещения многочисленных заказов среди широкого круга средних и мелких субподрядчиков, являющихся прочной базой для более или менее стабильного функционирования экономики ФРГ. Кроме всего прочего, в рамках инвестиционного сотрудничества с германскими предприятиями китайский военно-промышленный комплекс смог провести эффективную модернизацию ключевых оборонных заводов, работающих в интересах ядерной энергетики, авиации и космоса⁶. Отдельные европейские эксперты в данной связи утверждают, что политические отношения между КНР и ФРГ полностью подчинены обслуживанию экономических при-

оритетов, носят тактический характер, оставляя немногочисленные стратегические цели вниманию политического руководства Европейского Союза⁷.

Весьма интересна и показательна для ЕС деятельность в Китае специализированных германских фондов: Фридриха Эберта, Конрада Аденауэра, Ганса Зайделя, Фридриха Наумана, Генриха Бёля и др. Названные полуправительственные финансовые институты ФРГ учредили свои представительства в различных городах КНР, активно изучают социально-экономическую ситуацию на местах, разрабатывают конкретные целевые инвестиционные программы в различных секторах китайской экономики. Фактически через эти неформальные организации Европейский Союз формирует собственную инфраструктуру долгосрочных капиталовложений в народное хозяйство Китая на длительную перспективу.

Необходимо отметить, что правительство ФРГ и руководство ЕС в целом стараются содействовать созданию и развитию в КНР стройной системы социального партнёрства, основанной на обширном и доказавшем свою эффективность европейском опыте. Трехсторонняя система непрерывного диалога китайских работодателей, профсоюзов и государства может стать, по мнению европейцев, наилучшей гарантией долгосрочным инвестициям против самых непредсказуемых политических рисков⁸. Вышеупомянутый фонд Фридриха Эберта весьма успешно работает в указанном направлении со Всекитайской федерацией профсоюзов, ориентируясь прежде всего на обучение местных кадров как в самом Китае, так и в Европе, помогая становлению регулярного менеджмента на средних по размеру производственных китайских предприятиях, продукция которых преимущественно идёт на экспорт.

Большое внимание германское правительство уделяет в последнее время продвижению на китайский рынок новейших европейских высоких технологий, справедливо рассчитывая таким образом повлиять на развитие научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в КНР, особенно в военно-промышленном комплексе, с точки зрения перспективной привязки последнего к стандартам ЕС. Заметную роль здесь играют фонды Конрада Аденауэра и Ганса Зайделя, соответственно находящиеся под контролем Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза ФРГ. В значительной степени благодаря этим структурам европейским производителям военной техники, разработчикам технологий двойного применения удалось уверенно закрепиться на китайском рынке, завязать тесное сотрудничество с аэрокосмическим и ядерным исследовательскими центрами КНР, фактически проникнуть в самое сердце китайских оборонных программ. Деятельность фондов Аденауэра и Зайделя в Китае уже приносит Европе достаточно ощутимые плоды в виде растущих заказов германским концернам на новейшее оборудование, а также, что более важно для будущего, в виде формирующейся среди китайского руководства устойчивой и влиятельной прослойки деятелей, симпатизирующих ЕС⁹. Названный процесс затронул и китайские вооружённые силы. Всё больше действующих военных из КНР неофициально проходит стажировку в учебных заведениях бундесвера, армий других европейских государств, постигая не только военную науку, но и, как считает руководство Евросоюза, "... впитывая европейские гуманистические ценности"¹⁰.

Размышляя над будущим развитием сотрудничества между Европейским Союзом и КНР, руководство ЕС последовательно и неуклонно приходит к одному и тому же объективному выводу о необходимости делать ставку исключительно на экономические приоритеты, подчас закрывая глаза или просто игнорируя такую деликатную область взаимоотношений как права человека. Правительство КНР всегда давало и даёт жёсткий отпор любым попыткам критики в свой адрес по гуманитарным вопросам и рассматривает подобные попытки в качестве недружественных актов или просто недопустимого вмеша-

тельства во внутренние дела. В Европейском Союзе уже неоднократно имели многочисленные возможности убедиться в последовательности и неотвратимости такой реакции со стороны Пекина. Там не хотят рисковать гораздо более ощутимыми экономическими выгодами от инвестиционного взаимодействия с КНР в угоду "отвлечённому понятию справедливости в отношении конкретного человека"¹¹. Китай для Европы всё более становится фактором глобальной политики, особенно в свете собственных растущих амбиций и притязаний на участие в решении мировых проблем. Лучшее всего объясняет этот уникальный феномен фраза, которую в сердцах бросил мэр французского города Лиона Раймон Барр во время триумфального октябрьского 1999 г. визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Великобританию, Францию и Португалию: "Хотел бы я посмотреть на то, как наши болтуны из ЕС решатся противостоять правительству страны, население которой превышает миллиард человек!"¹². В итоге, в то время, как на улицах европейских городов Цзян Цзэминя встречали на редкость массовые демонстрации протеста правозащитников, лидеры вышеназванных государств оказывали "китайцу номер один" столь же редкостно высокие почести. И всем сразу стало ясно, что ведущие европейские политики готовы принести в жертву своим прагматическим экономическим расчетам принцип соблюдения прав человека, ещё недавно (в ходе косовской кампании) казавшийся почти священным. Более того, таким образом руководство Евросоюза продемонстрировало миру свою полную готовность окончательно сменить поддержку американского курса на конфронтацию с Китаем в вопросах прав человека на собственную позитивную стратегию широкого политического диалога с Пекином во имя формирования прочной базы для долгосрочного инвестиционного сотрудничества. Сложившееся полное взаимопонимание было незамедлительно подкреплено со стороны Цзян Цзэминя договорённостью о покупке Китаем 28 аэробусов на общую сумму 15 млрд. франков в дополнение к уже заказанным ранее 30 авиалайнерам европейского производства. Неплохими контрактами на сумму 3,4 млрд. долларов китайский лидер подкрепил своё расположение к Европе также в Лондоне и Лиссабоне. Президент Португалии Жорже Сампайо высоко оценил такой вклад в торговлю между КНР и ЕС. Он подтвердил, что будет лично присутствовать 20 декабря 1999 г. на церемонии официальной передачи Китаю территории Макао (Аомынь) - первой европейской колонии в Азии, основанной португальцами в 1557 г. Дабы предотвратить возможные беспорядки, Лиссабон даже согласился на ввод китайских войск в анклав ещё до ухода португальской администрации.

Только выгодными коммерческими контрактами трудно объяснить триумфальное "покорение" Китаем Европы. Здесь речь идёт уже о большой политике, вернее о принципиальном стратегическом развороте, когда КНР и ЕС предпринимают попытку разработать проект другого миропорядка, в котором США уже не будут иметь монопольного влияния. Европейцы считают, что процесс формирования многополюсного мира в новом варианте практически неизбежен. Свидетельством тому является усиление в политике Соединенных Штатов тенденций к самоизоляции, выразившихся в провале ратификации в американском конгрессе Договора о нераспространении оружия массового поражения и заявленное Вашингтоном намерение развернуть национальную систему ПРО. Ощутимый удар по престижу Пекина как раз в дни визита председателя Цзян Цзэминя в Европу нанес комитет по международным делам палаты представителей конгресса США, одоббив законопроект об укреплении военных связей Соединенных Штатов с Тайванем. В соответствии с этим документом Вашингтон готов взять на себя обязательства использовать собственные вооруженные силы для защиты Тайваня от внешних угроз. Оценивая подобное развитие событий, европейские руководители начинают подходить к

Китаю как к новому важному полюсу мировой политики, постепенно, но всё более уверенно оттесняющему на задний план Россию в качестве противовеса США.

Со своей стороны Соединенные Штаты также прекрасно осознают, что немногие страны мира способны играть такую важную роль в формировании будущего Азии как Китай. Со своим огромным населением, географическим разнообразием, богатой историей культурного влияния на мировую цивилизацию, уверенно растущей военной мощью и новой экономической системой КНР представляет собой уникальное государство. Когда американская администрация формирует свою политику и осуществляют свою дипломатию по отношению к Китаю, она стремится просчитать свои долгосрочные интересы на перспективу и в глобальном масштабе.

США вряд ли когда-нибудь пойдут на изменение стратегического курса на китайском направлении. Политика признания одного Китая выдержала испытание временем и позволила Вашингтону построить фундаментальные отношения с Пекином, не подверженные влиянию постоянно возникающих негативных факторов регионального и глобального значения. Названная политика предоставила Соединенным Штатам на редкость долгосрочную возможность использовать "тайваньскую проблему" для воздействия на КНР в таких вопросах как модернизация китайских вооружённых сил, соблюдение режима нераспространения оружия массового уничтожения и решение задачи укрепления региональной стабильности. Будучи ядерной державой как и США, Китай несет особую ответственность за сохранение мирового баланса силы, особенно с учётом недавнего вхождения в "ядерный клуб" Индии и Пакистана. По словам госсекретаря США Мадлен Олбрайт "Соединенные Штаты не могут позволить себе такую роскошь как игнорирование роли Пекина в разрешении противоречий на азиатском континенте, особенно когда существуют такие тоталитарные режимы, как Иран."¹³

В XXI веке американо-китайские отношения, по глубокому убеждению Вашингтона, должны базироваться на комплексном стратегическом диалоге, основой которого будет служить взаимная объективная заинтересованность в инвестиционном сотрудничестве. Тем не менее, проблема несбалансированности двусторонней торговли уже приобрела зловещую актуальность. По данным министерства торговли США, впервые в истории отрицательный баланс с Китаем превысил аналогичный отрицательный баланс с Японией. Единственное, что до определенной степени пока успокаивает нынешнюю американскую администрацию, так это впечатление, что для наращивания своей государственной мощи Китай прежде всего будет опираться не на увеличение военного потенциала, а, скорее, на продолжение экономической модернизации.

Продолжение политики "вовлечённости" в отношении КНР неизбежно останется в той или иной степени доминантой и для всех последующих администраций США. В Вашингтоне прекрасно понимают, что только Китай, активно встроенный в глобальные экономические связи и несущий за это свою собственную существенную долю ответственности, не сможет одновременно отвлекаться на милитаризацию, строить агрессивные планы и предпринимать авантюрные действия. Главное, чтобы военный потенциал КНР никогда не представлял непосредственной угрозы Соединенным Штатам, включая американские интересы в Восточной Азии. США полностью устраивает Китай, погружённый в решение внутренних экономических проблем, способный "нависать" над восточными рубежами России и эффективно противостоять чрезмерному усилению так называемого "исламского фактора" в мире. Ради этого Вашингтон в принципе готов согласиться с долгосрочной целью руководства КНР - "реально стать одной из великих держав мира". Многие эксперты в США считают, что уже к середине 21-го столетия Китай сможет занять место ведущей экономической и политической силы в глобальном масштабе¹⁴.

В Соединенных Штатах в отношении Китая и его политики ведутся весьма оживленные споры. Мнения разделяются на две большие группы: проводить в отношении Китая курс на его "вовлеченность" или политику "закрытости". Администрация президента Клинтона выступает в пользу политики "вовлеченности", поскольку она себя во многом оправдала. Проведение в отношении Китая политики "закрытости", аналогичной той, которую США во время холодной войны применяли к Советскому Союзу, тем не менее также поддерживается широкими и достаточно влиятельными силами из стана республиканской партии. Но в условиях углубляющейся в мировом сообществе экономической взаимозависимости такая политика была бы нереальной. Если осуществлять в отношении Китая политику "закрытости", то Китай вскоре может стать причиной нестабильности в регионе Восточной Азии, превратиться в объект угрозы, в связи с чем возрастет необходимость дорогостоящих мер противодействия. Как показывает практика, слишком высокая "цена вопроса" начинает заметно уменьшать число сторонников политики "закрытости" в Соединенных Штатах.

В итоге можно сделать достаточно определенный вывод, что ключевой тенденцией развития современных американо-китайских отношений становятся комплексные меры по обеспечению безопасности в регионе Восточной Азии. Важнейшей составной частью этих мер всё более вырисовывается взвешенная инвестиционная политика нынешней администрации США в реальный сектор китайской экономики. Для президента Клинтона и его команды развитие тесных партнерских связей с Китаем, содействие внедрению американских корпораций в китайское народное хозяйство всегда было важнейшим приоритетом. Недавно подписанное соглашение в области двусторонней торговли открыло Пекину путь в ВТО. Достигнутая договоренность явилась серьезным успехом вашингтонской администрации. Казалось бы, можно сделать вывод, что стороны заключили сбалансированную сделку, учитывающую обоюдные интересы. Но на самом деле оценка подписанных соглашений не может быть столь однозначной. Эти соглашения действительно устраивают нынешние власти в Вашингтоне и Пекине и одновременно прямо противоречат национальным интересам двух стран.

Как ни странно, сделка больше напоминает акт о безоговорочной капитуляции китайской стороны. Ключевым условием названного договора стало снижение уровня импортных тарифов на американские товары в течение пяти лет с 22,1 до 17%. Это кажется несущественным только на первый взгляд. Нельзя исходить из выводов, основанных на усреднённых показателях. Более детальный анализ свидетельствует, что, согласно отдельным положениям подписанных документов, Китай явно "пошёл навстречу" американским корпорациям во всех стратегически важных отраслях экономики. В наибольшей степени снижение пошлин коснется сферы продовольственного импорта. Причём американские фирмы получили право напрямую, без участия местных посредников, реализовывать свою продукцию. Более того, в течение семи лет (до 2006 г.) ввозные пошлины на американские автомобили должны быть снижены с нынешних 80-100% до 25%. В дополнение, американским банкам через несколько лет будет разрешено начать кредитовать покупку этих автомобилей. Нет нужды объяснять, что это даже чисто психологически означает для преимущественно "пуританского" в сфере потребления общества КНР.

В существенном выигрыше окажутся и финансовые институты США. Через два года после вступления КНР в ВТО американские банки и финансовые компании получат право предоставлять свои услуги китайским предприятиям, оперируя в юанях. Ещё через три года они смогут работать с индивидуальными вкладчиками. Через три года после вступления Китая в ВТО американцев допустят до прямых операций на местном фондовом рынке, и они

смогут иметь до 49% в капитале китайских компаний по управлению акциями. Отдельно стоит вопрос о телекоммуникациях - секторе, особо оберегаемом в китайской экономике. До сих пор телекоммуникационным компаниям из США был разрешен властями КНР лишь экспорт оборудования. После присоединения Китая к ВТО они получают право владения до 50% капитала китайских предприятий связи и превратятся в полноценных игроков самого перспективного и динамично развивающегося рынка связи в мире. Американцам также будет разрешено вкладывать деньги в развитие китайского Интернета (они смогут даже заниматься оказанием провайдерских услуг), что позволит им создать инфраструктуру для продвижения собственных товаров и услуг в Китае. Поэтому становится понятно, почему в Америке соглашение было с восторгом встречено представителями крупнейших транснациональных корпораций, таких как Boeing, General Motors, Merrill Lynch, Microsoft, Motorola, имеющих весьма значительные интересы в КНР.

Что касается самого Китая, то вступление в ВТО на согласованных с американцами условиях потенциально грозит ему серьезными экономическими и даже социальными осложнениями. Прежде всего следует подчеркнуть исключительную роль китайского государства, которое до настоящего времени искусственно поддерживает соответствующие внутренние цены на сельскохозяйственную продукцию, чтобы хоть как-то обеспечить приток денежных средств в бедные аграрные районы страны. Производительность подавляющего большинства индивидуальных и коллективных крестьянских хозяйств в Китае низка по многим причинам, в том числе климатическим и технологическим, от негативного влияния которых быстро избавиться не удастся. Поэтому приток дешевого импортного продовольствия из США, имеющих изоцированную систему поддержки своих фермеров, должен привести к снижению внутрикитайских цен и исчезновению массы крестьянских хозяйств, учитывая как минимум двухсотмиллионную армию избыточной рабочей силы на селе. Это грозит порвать хрупкий социальный мир в стране, разделенной на относительно богатые приморские районы и бедные внутренние провинции¹⁵. И ещё одно немаловажное обстоятельство. Прямая конкуренция китайских предприятий, значительная часть которых по-прежнему находится в руках государства или приватизирована чисто номинально, с высокоэффективными транснациональными корпорациями, по-видимому, вызовет волну банкротств или массовые сокращения персонала. Это тем более вероятно, что самые современные китайские предприятия если не юридически, то фактически уже давно кооптированы в существующую систему транснациональных корпораций, а положения подписанного соглашения предусматривают отмену всех экспортных субсидий китайской стороной. Поэтому одновременно с увеличением безработных на селе ожидается рост безработицы и в городах - по мере того, как иностранная конкуренция заставит промышленные предприятия сокращать штаты.

Проникновение в Китай американских финансовых институтов угрожает и стабильности национальной банковской системы, перегруженной "плохими" кредитами, выданными неэффективным госпредприятиям. Настроения китайских бизнесменов уже сегодня позволяют говорить, что наиболее успешные китайские предприятия предпочтут обслуживаться в более надёжных и технологически развитых иностранных банках, а не быть заложниками неустойчивых и неповоротливых гигантских госбанков КНР.

Наконец, развитие Интернета, которое после вступления Китая в ВТО окажется в руках американцев, представляет значительную идеологическую угрозу для стабильности китайского общества.

На фоне десятилетнего китайского "экономического чуда" такая картина может показаться излишне устрашающей. Однако фантастический рывок КНР был обусловлен прежде всего реформами, проводившимися в условиях

высокой степени изоляции народного хозяйства и в соответствии с древней имперской философией "самодостаточности" китайского общественно-экономического уклада¹⁶. Сегодня нельзя сказать, что экономика КНР настолько устойчива, чтобы наконец-то полностью открыться миру, тем более на жестких условиях, записанных в американо-китайских соглашениях. Скорее наоборот, за время мощного роста в экономике и именно из-за него сложились огромные диспропорции в развитии регионов и отраслей. Перед Пекином встала чрезвычайно противоречивая задача —повысить эффективность госпредприятий при одновременном увеличении занятости и совокупного внутреннего спроса.

Все названные проблемы надёжнее решаются в стабильной ситуации, тогда как полномасштабная интеграция в мировое хозяйство на этом этапе представляется слишком рискованной. Понятно, что за два-три года, отведенных Китаю подписанными соглашениями с США, устранить структурные перекосы, накопленные в китайском народном хозяйстве, малореально. Также вряд ли стоит рассчитывать, что Китаю в подобных вопросах захотят помочь ВТО и "приглашенные" американские транснациональные корпорации. У последних есть над чем поработать и у себя в Соединенных Штатах. С громкими протестами против заключенных с Пекином соглашений выступили американские профсоюзы, опасющиеся потери рабочих мест в ориентированных на внутренний спрос традиционных отраслях. Только в текстильной промышленности, по оценке соответствующего профсоюза, эта цифра может составить 150 тысяч по отрасли и это без учёта "обреченных" предприятий, уже запланированных к переводу в КНР. В миллиардном же Китае эти предприятия просто растворятся и никак не повлияют на снижение общего высокого уровня безработицы.

Тем не менее есть серьезные причины, которые заставили китайские и американские власти пойти на заключение столь неоднозначной сделки. В Вашингтоне практически не скрывают, что "вписывание" КНР любыми средствами в современную капиталистическую систему через проникновение американских корпораций на китайский рынок является самым эффективным и безопасным способом предотвратить превращение Китая в обозримом будущем в сверхдержаву. В результате появится не амбициозное, самодостаточное и мощное государство, а своеобразная "производственная площадка" и одновременно ёмкий рынок для американских корпораций. Кроме того, администрация президента Клинтона во внутривнутриполитической борьбе традиционно опиралась на поддержку американских транснациональных финансово-промышленных группировок, для которых огромный китайский рынок имеет стратегическое значение. А с приближением выборов и постоянно снижающимися шансами демократического кандидата эта поддержка становится ещё более важной.

У китайской стороны имеются собственные причины идти навстречу президенту Клинтону и его возможным наследникам от демократов в Белом доме. В последнее время положение главного китайского реформатора Чжу Жунци заметно ослабло. Сделавший ставку на развитие экономических связей с США кабинет Чжу оказался по сути дела загнанным в угол. В апреле 1999 г. фактически провалился широко разрекламированный визит китайского премьера в Вашингтон. Тогда целью визита Чжу было подписание соглашения в области двусторонней торговли, открывающее Пекину путь к вступлению в ВТО. Причем пакет предложений китайской стороны был принципиально идентичен недавно подписанному. Однако в Вашингтоне в тот момент разразился скандал, связанный с китайским шпионажем, и Клинтону пришлось "проявить жёсткость". Президент США, к удивлению китайского руководства, не рискнул одобрить документ, который содержал беспрецедентные уступки со стороны КНР и весьма устраивал американскую администрацию. Для премьера Чжу Жунци это было самое страшное - "потеря лица". Тем более что

вскоре переданные Вашингтону конфиденциальные предложения Китая оказались опубликованными в Интернете противниками приема КНР в ВТО. В адрес китайского премьера-реформатора сразу прозвучали обвинения в предательстве со стороны консервативного крыла в КПК и госаппарата. Затем была бомбардировка посольства Китая в Белграде, что привело к повсеместному росту антиамериканских настроений. На фоне весьма непростой экономической ситуации в КНР правительство Чжу искало любой повод, чтобы добиться хотя бы небольшого, но видимого стратегического успеха. Это было прежде всего необходимо для восстановления авторитета премьера-реформатора среди китайских бизнесменов новой формации, тесно связанных с американскими корпорациями и являющихся основной опорой премьера Чжу. Администрация Клинтон в конце концов помогла своему китайскому партнеру "пробить" подписание соглашения, отчасти восстановив тем самым репутацию Чжу Жунци. Некоторые осведомленные западные эксперты по Китаю полагают, что весь драматизм ситуации был специально разыгран для реабилитации премьера-реформатора в глазах высшего партийного руководства КНР.

Подписание с Пекином соглашения по ВТО имеет огромное внутривнутриполитическое значение для Вашингтона. Оно является лучшей гарантией того, что реформы в Китае будут продолжаться по американскому образцу и под руководством Чжу Жунци. Одновременно Соединенные Штаты вынуждены учитывать и такой факт, как наличие достаточно сплоченной группы консерваторов в руководстве КПК, сохраняющих верность "идеям Мао". Эта группа при определенных обстоятельствах способна консолидировать значительную часть китайского общества. Их позиция может получить поддержку подавляющей части работников госсектора и крестьян, чье положение оказывается под вопросом в результате реформ, а также в армейских структурах, где, по закрытым американским оценкам, давно зреет глухое недовольство правительством Чжу Жунци и проводимым им курсом. Позиция китайских военных, которые в своей массе придерживаются древней имперской доктрины "самодостаточности Китая как государства", особенно беспокоит нынешнюю администрацию США. Согласно современной интерпретации названной доктрины, "КНР вовсе не вынашивает планов покорения мира, но через технологическую модернизацию стремится обрести, насколько это возможно, свою утраченную самодостаточность как цивилизация"¹⁷. Принимая во внимание имеющийся негативный исторический опыт, Китай намерен обеспечить себе все возможные гарантии того, что его независимое развитие никогда больше не будет нарушено. Основное условие достижения этой цели заключается в том, чтобы предоставить населению КНР приемлемые по местным понятиям стандарты жизни. В этой связи стратегической задачей пекинских властей является увеличение в среднесрочной перспективе ВВП Китая примерно в 2,6 раза по сравнению с уровнем 1990 г. То есть поднять уровень жизни китайских граждан до показателей средней европейской страны семидесятых годов. Естественно, что для этого Пекину совершенно необходима внешне- и внутривнутриполитическая стабильность, поддержание которой давно является главным императивом действий пекинского руководства.

Однако, по расчетам американцев, обеспечение заявленного уровня жизни при нынешнем уровне технологии неизбежно натолкнется на серьезные экологические и сырьевые ограничения. При существующих уровнях потребления и выработки отходов в развитых странах, и в первую очередь в США, запланированное повышение стандартов жизни 1,2 миллиарда китайцев угрожает одновременно и кризисом экологическим, и кризисом нехватки минеральных ресурсов. На различных закрытых конференциях, посвященных экологической проблематике, китайские представители уже неоднократно ставили

вопросы, касающиеся "упорядочения" уровней потребления минерального сырья. Вероятно, недалек тот день, когда вопрос, почему американцы, а их менее 5% мирового населения, потребляют около 50% мировых ресурсов, будет поставлен Пекином в открытую. Этого момента в Вашингтоне ждут с большим напряжением, ведь есть немало желающих в мире присоединиться к Китаю и здесь уже не помогут никакие, даже самые эффективные, меры сдерживания.

Надо признать, что столкновение между США и Китаем из-за распределения потоков минерального сырья уже началось. Сейчас на КНР с его почти четвертью населения Земли приходится всего 5,5% мирового потребления нефти. На три четверти потребности страны в энергии удовлетворяет уголь. Понятно, что при такой структуре энергопотребления создать экономику, которая нужна КНР, невозможно. Разногласия между Соединенными Штатами и Китаем вызывают ресурсы бывшего СССР, которые, по американской установке, ни под каким предлогом не должны попасть в распоряжение китайцев. Именно подобной установкой можно как-то объяснить "странности", происходящие вокруг энергетических проектов на так называемом постсоветском пространстве. Классическим примером может служить Ковыктинское газоконденсатное месторождение в Иркутской области. Контролирующая его англо-американская корпорация BP Атосо прилагает огромные усилия, чтобы отложить на неопределенный срок строительство газопровода в КНР. Аналогичная картина и в республиках Средней Азии, где, несмотря на обилие авансов и посулов, реальных инвестиций в нефтегазовые проекты сделано не было. Американские транснациональные компании прилагали невероятные усилия, чтобы "застолбить" здешние месторождения, опередив осторожных и рассчитывающих каждый шаг китайцев. В качестве альтернативы среднеазиатским государствам предлагались многочисленные "западные" (через Турцию в Европу) маршруты транспортировки энергоресурсов. Однако проходят годы, а грандиозные планы оказываются блефом. Страны, подобные Казахстану, извлекали большие выгоды из противостояния, попеременно склоняясь то к китайцам, то к американцам. Казахи подписали с КНР только в 1997 г. сразу три нефтяных контракта на общую сумму в 9,5 млрд. долларов. Но сегодня ветер подул в другую сторону. Согласно недавнему заявлению вице-президента Китайской национальной нефтяной корпорации Юй Фэня, казахское правительство отозвало все свои гарантии проектам и обложило китайцев дикими налогами. Высокопоставленный китайский чиновник также признал, что Казахстан совершенно неожиданно стал отдавать предпочтение американским фирмам, которые даже не собираются в ближайшей перспективе начинать работы на ранее предоставленных Китаю месторождениях.

Специалисты министерства энергетики США сделали вывод, что КНР не сможет выровнять диспропорции регионального развития и провести необходимую индустриализацию без значительного увеличения уровня энергопотребления. Так, если в более развитых прибрежных районах Китая структура потребления энергии уже приближается к требуемому уровню, то на западе КНР она заметно ниже. Это порождает колоссальные потоки мигрантов, рост безработицы в крупных городах, как магниты притягивающих к себе людей. В результате в стране нарастает огромное социальное напряжение, несущее серьезную угрозу её государственной целостности¹⁸.

Многие американские эксперты по Китаю (преимущественно из лагеря республиканцев) полагают, что для КНР в её нынешнем виде просто нет места в современной мировой экономической системе. Желание нынешней администрации президента Клинтона интегрировать КНР пока не поздно в мировую экономику не более чем блеф, а переговоры о вступлении в ВТО давно превратились в особую "церемонию при императорском дворе в Пекине". В США все без исключения прекрасно понимают, что "вписать" Китай в мировое хо-

зайство означает самоубийство. КНР, ежегодно экспортирующая только часов миллиард штук, просто "съест" ВТО изнутри. Казалось бы, на Китай приходится всего 3% мировой торговли (ЕС - почти 40%, США - около 20%). Однако товар, продаваемый китайцами за рубеж, практически полностью произведен в КНР, доля импортных компонентов в нём минимальна. Китай почти уже стал мировым лидером по экспорту произведенной добавленной стоимости. В Соединенных Штатах существуют гигантские товаропотоки, в рамках которых сама Америка производит незначительную часть добавленной стоимости и передает товар следующему обработчику (так можно "накачивать" объем торговли до бесконечности). В КНР же предпочитают не делить добавленную стоимость ни с кем. Принятие Китая в ВТО означает для США добровольное включение гигантского устройства, снимающего самую крупную прибыль с конечного продукта по огромному числу товарных позиций, имеющихся в мире.

Именно поэтому Соединенным Штатам в стратегическом плане не нужно такое государство как КНР в её нынешних масштабах и виде. Было замечено, что во время недавнего азиатского кризиса американцы начали предпринимать первые осторожные попытки расколоть Китай, используя противоречия между регионами. Клин вбивался между южными провинциями, прежде всего Гуандун - первой специальной экономической зоной, всегда тяготевшей к Гонконгу, Тайваню и Макао, - и официальным Пекином. Не случайно, что именно юг КНР в ходе азиатского кризиса понёс наиболее существенный ущерб. На определенном этапе властям в Пекине пришлось срочно наводить там жёсткий порядок, расставляя на руководящие посты своих людей. Однако Китай в тот раз устоял перед финансовым нажимом американцев и не стал дрейфовать в сторону "менее сплочённого царства"¹⁹. Пекин сбалансировал ситуацию, не допустив девальвацию юаня и даже благодаря этому увеличил политической вес в остальном мире. Произошла немыслимая ранее моральная консолидация вокруг КНР всего китайского сообщества в глобальном масштабе.

По признанию ряда авторитетных американских синологов, непоправимый ущерб будущему характеру отношений между Соединенными Штатами и КНР нанесла балканская война. Вплоть до начала югославских событий в Пекине были уверены, что Америка готова честно соблюдать установленные правила игры на глобальном уровне. Натовская агрессия, да ещё "ошибочная" бомбардировка китайского посольства в Белграде все расставили на свои места. Китай был вынужден отвлечься от проблем своего экономического обустройства и неохотно занялся глобальной политикой. К глубокому сожалению пекинского руководства, сохранение внутренней стабильности КНР сегодня во многом зависит от внешних факторов, например, от возможности проникновения исламских экстремистов в Синьцзян-Уйгурский автономный район. Администрация США весьма обеспокоена тем, что после встречи на высшем уровне в Бишкеке Пекин начал интенсивно координировать с Москвой некоторые действия в Средней Азии, активизировал отношения с Белоруссией и Германией. Китайские представители уже совершенно откровенно дают понять своим американским коллегам, что за экономической модернизацией не последуют либеральные политические реформы и расчёты на это администрации президента Клинтона выглядят необоснованными.

Китай начал выбирать себе нового стратегического партнера, способного дать ему возможность провести экономическую и военную модернизацию, но без всякой опасной нарузки в виде идеологии и с ясной перспективой после этого вновь стать самодостаточной державой на новом уровне развития. Как уже указывалось выше, наиболее возможный вариант китайского выбора вполне очевиден - это объединенная Европа. Во-первых, она способна обеспечить Пекину, и уже обеспечивает, доступ к широкому спектру современных

технологий, так необходимых ему для достижения цивилизационной самодостаточности. Во-вторых, Европейский Союз настойчиво стремится занять место глобального противовеса Соединенным Штатам. Вдобавок ко всему прочему, благодаря евро ЕС объективно способен стать центром притока капитала, а значит, вынужденно будет иметь торговый дефицит, что идеально дополнит китайский профицит. Главным партнером КНР при подобном раскладе несомненно становится объединенная Германия. Благо, опыт сотрудничества на крутых поворотах истории у Пекина и Берлина имеется весьма богатый.

В последнее время среди специалистов по КНР в различных странах мира развернулась оживленная дискуссия относительно японо-китайского стратегического соперничества в двадцать первом столетии за лидерство в азиатском регионе. Действительно, отношения Японии и Китая сегодня можно охарактеризовать как весьма разнообразные и далёкие от какой бы то ни было гармонии. Совершенно очевидно, что в политическом и военном плане Токио по всем статьям уступает Пекину. Китай является ядерной державой, постоянным членом Совета безопасности ООН, проводит полностью самостоятельный внешнеполитический курс в глобальном масштабе. Однако в экономическом плане Япония все еще намного сильнее Китая. Как представляется, именно от того, какой интеграл в двусторонних политических и экономических отношениях выработают между собой Токио и Пекин, будет зависеть мир и стабильность в азиатском регионе.

Долгое время Китай и Япония считались двумя государствами одной цивилизации, но в действительности между ними существует немало принципиальных различий. К настоящему времени отношения двух стран уже перестали быть просто двусторонними. Они развились в отношения, уровень которых в значительной степени ощущает влияние и воздействие как региональных так и глобальных проблем. Для Японии Китай стал вторым после США важнейшим торговым партнером и, пожалуй, самым привлекательным объектом прямых инвестиций. В свою очередь для Китая Япония является таким партнером, на которого он может весьма эффективно воздействовать и в политическом и в экономическом плане. Следует констатировать, что к концу двадцатого века сложилась уникальная ситуация, когда экономически более развитое государство Япония зависит от менее экономически развитого государства Китай по причине отсутствия собственной внутренней самодостаточности. Будучи преимущественно ориентированной на экспорт японская экономика на протяжении длительного времени формировала в Китае спрос на свою продукцию, а, сформировав его, вынуждена была масштабно расширять импорт китайских полуфабрикатов и сырья. К середине 90-х гг. в японо-китайской торговле сложилась нынешняя структура, которая вряд ли претерпит изменения в течение ближайших десяти лет. Япония поставляет в Китай машины и оборудование, а также потребительские товары с высокой добавленной стоимостью. Китай в свою очередь экспортирует в Японию сырую нефть, различные виды каменного угля, редкоземельные металлы, а также сельскохозяйственную продукцию. Именно в середине 90-х гг. японское правительство окончательно осознало тот факт, что огромный китайский рынок будет определять выживаемость Японии как самостоятельного государства в XXI веке. Поэтому отношения с КНР для Токио стали на сегодняшний день без преувеличения самыми приоритетными.

Начиная с 1994 г. японский экспорт в Китай начал активно расти и к концу 1995 г. практически удвоился с 8% до 17%. В подавляющей своей части это были машины и оборудование для китайской текстильной промышленности, которая переживала процесс модернизации при содействии японского капитала. Уже в 1996 г. позитивный результат для экономики КНР не заставил себя ждать. Произведённый на японском оборудовании и под руководством

японских менеджеров высококачественный китайский текстиль хлынул на американский и европейский рынки, оставляя все меньше шансов конкурентам из стран АСЕАН и Южной Европы. Фактически в 1997 г. текстильный экспорт Китая на основе японских технологий и инвестиций показал ошеломляющий прирост в 30%. Произошло немыслимое прежде, когда готовая текстильная продукция сравнивалась с сырьевыми товарами в общем китайском экспорте²⁰. Более того, один из самых "капризных" в мире японский рынок в значительной мере признал китайскую текстильную и продовольственную продукцию. В Японии уверенно формируется спрос на китайские так называемые "брендовые" товары. И это "бренды" не в европейском и американском понимании, а торговые марки "от старых поставщиков китайского императорского двора", что в культурологическом плане осталось намного более престижным для подавляющей части японского среднего класса, составляющего по некоторым оценкам более 80% населения страны.

Решающим фактором, однако, здесь стали решения правительства КНР переориентировать на внутренний рынок поставки чугуна и стали. Цифры говорят сами за себя. Экспорт в 55% в 1977 г. снизился до 11% в 1995г. и продолжал последовательно снижаться все последующие годы²¹. Ускоренными темпами рос внутренний спрос на металл. Создание современной хозяйственной инфраструктуры требовало его во всё более возрастающих количествах. Дефицит немедленно заполнялся критическим импортом качественного металла из разных стран мира (включая Россию), что снова ставило на повестку дня острейший вопрос о немедленном расширении товарной номенклатуры для экспорта, пополняющего китайские резервы твёрдой валюты. По аналогии с так называемым "текстильным прорывом" упор руководством КНР был перенесён на организацию массовой сборки при японском содействии бытовой электроники и электротоваров на китайских предприятиях. Начиная с 1995 г., практически все крупнейшие японские производители вышеназванной группы товаров открыли свои сборочные производства в Китае. Это были масштабные прямые инвестиции в ещё один реальный сектор китайской экономики, позволившие в рекордно короткие сроки существенно поднять экспортный потенциал КНР. О размерах японо-китайского инвестиционного сотрудничества в тот период можно судить по следующим цифрам: если в 1995 г. Китай занимает в общем объёме зарубежных инвестиций Японии около 28,6% , то уже в 1997 году Пекину достаётся более 44,9% японских капиталовложений в производство, организованные Токио за пределами собственного государства²². Однако успешному повторению "текстильного прорыва" поначалу очень мешают социалистические принципы трудовой морали, господствующие в плановой китайской экономике. Японским менеджерам с большим трудом удалось добиться приемлемого уровня качества производимой продукции, но тем не менее подавляющая её часть стала реализовываться на местном рынке, никак не наращивая столь необходимый КНР экспортный потенциал. Перелом наступил, как не раз уже бывало, совершенно неожиданно. Значительные объёмы собранной в Китае недорогой, но достаточно качественной японской бытовой электроники и электротоваров начали экспортироваться на быстро растущие рынки стран Восточной Европы и СНГ. Затем постепенно часть японских сборочных предприятий в КНР прошли фазу перепрофилирования в высокотехнологичные производственные комплексы по выпуску комплектующих для электронной промышленности. Это позволило Китаю не только создать мощную современную элементную базу для собственного военно-промышленного комплекса, но и стать одним из ведущих поставщиков комплектующих в такие страны как Южная Корея, страны АСЕАН, Индия, ЮАР и Россия.

Очевидно, что массивные прямые японские инвестиции в КНР складывают в отношения между двумя государствами прочную и, главное,

долговременную экономическую основу. Сама структура инвестиций корпораций из Японии свидетельствует о намерениях Токио взять на себя главную международную ответственность за процессы модернизации в Китае. Понимая решающую роль в народном хозяйстве КНР инфраструктурных проектов, японцы выбрали главными направлениями своих прямых инвестиций обрабатывающую промышленность, электронику, машиностроение и транспортные системы. Об этом свидетельствует нижеприведенная таблица²³:

Отрасль китайской экономики	Объемы инвестиций в млрд. долл. США	Доля в %
Обрабатывающая промышленность	4,905	56,2
- Пищевая промышленность	0,305	6,2
- Химическая промышленность	0,280	5,7
- Металлообработка	0,323	6,6
- Машиностроение	0,551	11,2
- Электроника	1,393	28,4
- Транспорт	0,357	7,3
Горнорудная и энергетика	0,107	1,2
Сельское хозяйство	0,130	1,5
Торговля	0,289	3,3
Финансы	0,036	0,4
Сфера услуг	1,461	16,3
Недвижимость	0,371	4,3
Всего инвестиций	8,729	100,0

С середины 90-х гг. наметились определенные изменения в инвестиционных потоках из Японии в Китай. Начали сокращаться прямые японские инвестиции в деревообработку, производство бумаги, химикатов, пластмасс и даже бытовой электроники при одновременном росте капиталовложений в такие прежде непривлекательные области китайской экономики как сфера услуг и недвижимость. Самым парадоксальным явлением названного периода стало активное проникновение на эти рынки крупнейших промышленных гигантов Японии, таких как Hitachi, Matsushita, Sanyo, Sony, Toshiba и NEC Corporation²⁴. Были созданы специальные совместные компании в гостиничном бизнесе, индустрии развлечений и отдыха. Понятно, что построенные японско-китайскими совместными предприятиями отели, рекреационные центры, курорты, торговые комплексы оснащались на 100% продукцией участвовавшего японского концерна, но с точки зрения снижения инвестиционных рисков такой подход оказался весьма продуктивным как для японской, так и для китайской стороны. Более того, таким образом японцы умудрились создать для себя в Китае привычную инфраструктуру жизнеобеспечения, а китайцам были продемонстрированы долгосрочность и прогнозируемость инвестиционной политики правительства Японии на китайском рынке.

Внедряясь в повседневную хозяйственную жизнь КНР, японское деловое сообщество зачастую использовало весьма нетрадиционные предпринимательские схемы. Чтобы проиллюстрировать это, достаточно привести пример с открытием в Шанхае и Чанчуне сборочных производств германского автомобильного концерна Volkswagen²⁵. Однако инициатором выступила отнюдь не германская сторона. Японский концерн Nissan, имевший с конца 80-х гг. совместную с Volkswagen сборку на одном из своих заводов в Японии автомашины среднего класса "SANTANA", по согласованию с немецким партнером предложил китайскому правительству перенести свой опыт на автомобильные заводы

в Китае, обещав при этом профинансировать этот проект. Так на японские деньги в КНР стал собираться самый недорогой и эргономичный по тем временам западный автомобиль. Некоторые специалисты в ФРГ тем не менее тогда отмечали, что между корпорациями Nissan и Volkswagen произошёл элементарный "финансовый взаимозачёт безнадёжных долгов", в результате которого все (включая Китай) оказались в выигрыше²⁶. Вышеназванная инвестиционная схема оказалась весьма "заразительной" и для других крупных корпораций Японии. Isuzu Motors, Itochu, Honda, Mazda, Yamaha, Suzuki и Toyota также смогли продемонстрировать в различных сферах производства свою способность работать на китайском рынке через возможности своих американских и европейских стратегических партнеров.

Ещё одной особенностью поведения крупного японского капитала в КНР стало его успешное проникновение в сферу розничной торговли. Известные торговые дома Daiei и Seibu развернули практически во всех китайских мегаполисах собственные сети супермаркетов, ориентируясь при этом в товарных поставках для их нужд на продукцию японских производителей, функционирующих на местном рынке. Начиная с 1996 г., крупнейшие японские национальные торговые сети "накрыли" огромные пространства китайской территории от Гонконга до Шанхая, привнося в местную торговую культуру современные технологии и западную философию "деловой прозрачности". Внедрение названной философии позволило крупнейшим инвестиционным институтам из Японии приступить к реализации амбициозной программы прямых капиталовложений в торговый сектор экономики Китая, рассчитанной на период до 2001 г. и с ежегодным уровнем инвестиций в размере 300 млн долларов²⁷.

Японская инвестиционная активность в реальном секторе и сфере обслуживания повлекла за собой приход на китайский рынок крупнейших банковских структур Японии. Ниже приводится таблица присутствия представительств шести крупнейших японских банков в городах Китая²⁸:

Банк	Пекин	Шанхай	Гуанчжоу	Далянь	Шеньчжень	Тяньцзинь	Всего
Сумитомо	1	1	1	1	1	2	7
Фудзи	1	2	1	1	1	1	7
Токио-Мицубиси	1	1	1	1	1	1	6
Санва	1	1	2	1	1	-	6
Дайитикангё	1	1	1	2	-	1	6
Сакура	1	2	-	-	1	1	5

Более того, из восьми иностранных банковских групп, открывших в последнее время свои филиалы в шанхайской специальной зоне Пудун, четыре имеют японское происхождение. Общая сумма их капиталовложений приблизилась к 11 млрд долларов. Японские банки осуществляют преимущественно прямые инвестиции, финансируя инфраструктурные проекты в таких крупных городах как Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Это составляет 41% всех капиталовложений Японии в Китае. Но наибольшая часть прямых японских инвестиций - 51%, пришлась в 90-х гг. на провинцию Гуандун и юг КНР в целом, поскольку в их составе имелись значительные средства тайваньского происхождения. Вместе с тем, к 1996 г. можно проследить повышенную инвестиционную активность японских финансовых групп на северо-востоке Китая в провинции Ляонин и особенно в городе Далянь. Общая сумма составила около 1,2 млрд долларов, что значительно превышает капиталовложения Евросоюза и США в вышеназванном районе вместе взятых.

Гарантирование правительством Японии поступательного развития экономики Китая превратилось в настоящее время в важнейшую проблему обеспечения японской национальной безопасности и даже в принцип самосохранения. Как подчёркивал в начале 90-х гг. директор Организации содействия внешней торговли Японии (JETRO) Томодзо Морино, "... Ситуация с поддержанием Японией в КНР преемлемого жизненного уровня весьма напоминает усилия Евросоюза по поддержанию минимальной экономической выживаемости в России"²⁹. Этим самым как бы было признано, что японская сторона рассматривает проведение любых рыночных хозяйственных реформ в Китае неоспоримым благом и минимально необходимым залогом сохранения спокойствия в самой Японии. При этом прагматичные японцы, не слишком рассчитывая на приверженность западным "демократическим ценностям" своих китайских партнеров, повсеместно стремились и стремятся извлечь для себя максимальные экономические выгоды даже в самой неблагоприятной ситуации, складывающейся на любом из рынков КНР, минимизируя таким образом собственные заранее запланированные потери. Отсюда приоритет промышленных концернов Японии прямым инвестициям в энергетические, транспортные, сельскохозяйственные и экологические проекты, то есть в те сектора китайской экономики, в отношении которых имеется полный консенсус среди пекинского руководства и которые в наибольшей степени защищены в государственном бюджете страны. Ниже приводится таблица, демонстрирующая целевую направленность японских капиталовложений в Китае на протяжении последнего десятилетия³⁰.

Период кредитования	Объёмы кредитов	Число проектов	Секторы китайской экономики
1979 - 1983	1,4 млрд долл	6	Энергетика. Транспорт.
1984 - 1989	2,1 млрд долл	7	Энергетика. Транспорт. Связь.
1990 - 1995	6,5 млрд долл	42	Энергетика. Транспорт. Связь.
1996 - 1998	6,1 млрд долл	40	Энергетика. Транспорт. Связь. Сельское хозяйство. Экология.
1999 - 2000	4,1 млрд долл	30	Энергетика. Связь. Экология.

Таким образом реальная практика инвестиционного сотрудничества между Японией и КНР со всей очевидностью показывает, что ни Евросоюз ни США в ближайшей перспективе не смогут составить для Токио достойную конкуренцию на китайском рынке. Причина этого кроется прежде всего в области национальной психологии основных участников этих взаимоотношений. Для японцев Китай и сегодня продолжает оставаться центром Великой Цивилизации, маленькой частью которой они себя ощущают буквально на генном уровне. Японское правительство вполне отчётливо осознаёт прямую зависимость судьбы своей страны от реальной будущей самодостаточности Китайской Народной Республики. В Токио уже многие годы прекрасно понимают, что современная Япония сохранит свою идентичность лишь до тех пор, пока континентальный Китай будет исключительно занят достижением целей восстановления собственной самодостаточности, а также сохранит в качестве главного приоритета на относительно длительный период поддержание внутренней социальной стабильности.

Именно поэтому японское правительство весьма болезненно воспринимает любые согласованные инициативы Евросоюза и США в сотрудничестве с КНР, так или иначе объективно приводящие к снижению влияния Японии в китайской экономике. Японское правительство давно уже считает аксиомой, что добиться высоких темпов экономического роста в Китае можно лишь ре-

лизуя "японскую модель" внедрения рыночных механизмов³¹, где лидирующую роль всегда играли инвестиции частного сектора, а роль государства сводилась к обеспечению условий, необходимых для создания рынка. Реформы в КНР буксуют, по мнению японских специалистов, из-за острой нехватки капитала. И тем не менее относительно быстрые темпы роста экономического развития могут быть достигнуты прежде всего за счёт использования внутренних сбережений. Для того, чтобы бедный китайский народ все-таки понёс накопленные тяжким непроизводительным трудом средства в банки и другие финансовые институты, необходимо выработать доверие к последним. Именно такую задачу предстоит решать китайскому правительству. Кроме того, в КНР должна быть разработана такая налоговая система, которая поощряла бы сбережения. Следует создать систему налоговых льгот для предприятий, вкладывающих деньги в новое оборудование. С одной стороны, для этого необходимо будет сокращать потребительские расходы правительства, с другой - увеличивать государственные инвестиции, активно использовать международные финансовые инструменты и кредиты.

Когда будут достигнуты стабильные темпы роста китайской экономики в среднем не менее десяти процентов в год, правительству КНР следует стремиться поддерживать сбалансированный бюджет. А это трудно сделать без доверия населения к налоговой системе и налоговым институтам в целом. Параллельно должны быть разработаны долгосрочные цели развития. В частности, с психологической точки зрения оправданно принять амбициозный план удвоения национального дохода. Если проводить аналогии с Японией, то в настоящее время Китай как раз находится на этапе перехода к длительному подъёму в экономике. Отсюда особенно важны и актуальны вопросы выработки рациональной стратегии развития.

Китайскому правительству предстоит ещё определить приоритетные отрасли промышленности для того, чтобы обеспечить приток капитала именно туда. Помимо налоговых льгот эти отрасли должны получить и целевое финансирование. Его источником скорее всего будут сбережения населения, которые собираются в низовых сберкассах. При этом нельзя забывать, что все это необходимо делать в качестве дополнения к той инвестиционной активности, которая предполагается со стороны китайского национального частного сектора. Каждой фирме-производителю предстоит разработать свою собственную стратегию хозяйственного роста. Правительство должно будет решить, в какой степени этот план соответствует долгосрочной экономической стратегии развития данной отрасли в КНР. Если приоритеты совпадут, компания может получить соответствующие льготы или целевые государственные кредиты. Опыт Японии свидетельствует, что для выработки долгосрочной стратегии и отбора приоритетных отраслей Китаю необходимо будет использовать различные консультативные советы, куда должны входить влиятельные представители местных деловых кругов. Таким образом, саму долгосрочную стратегию развития отдельных отраслей и китайской экономики в целом следует определять в тесном контакте между правительством КНР и частными компаниями - производителями, как национальными, так и с иностранным участием³².

По некоторым японским оценкам, в Китае, особенно в его северных провинциях, в настоящее время ощущается настоятельная потребность в масштабных внутренних и зарубежных инвестициях. В первую очередь это связано с необходимостью реконструкции инфраструктурных объектов, построенных в своё время с помощью Советского Союза. Острота проблемы состоит в том, что очень трудно аккумулировать необходимые средства. Точнее, отсутствует система, которая могла бы консолидировать национальные финансовые ресурсы КНР, привлечь необходимые средства из Японии, других постиндуст-

риальных стран, но главное - интегрировать в вышеназванный сложный процесс техническую и технологическую составляющую из России. Проведенные многочисленные экспертные расчёты показывают, что при реконструкции и модернизации инфраструктурных промышленных комплексов практически нереально по стоимостным причинам на сто процентов сменить заложенную в прошлом функциональную концепцию, в данном случае советскую, наследницей которой волею судеб пока остаётся Российская Федерация.

Приоритетную роль России и Японии в хозяйственной модернизации северных провинций КНР вынуждены сегодня признавать как европейский, так и американский бизнес. В качестве наглядного примера можно привести инвестиционную деятельность на китайском рынке крупнейшей англо-американской нефтяной компании BP Amoco. Вскоре ожидается заключение ею соглашения о стратегическом партнерстве с китайской компанией Petro-China. Последняя создана недавно и является подразделением корпорации CNPC, нефтяной монополии Китая, контролирующей самые перспективные отрасли китайской национальной нефтегазовой индустрии. Двое партнеров намерены создать СП для поставок на рынок КНР импортного и местного газа, прежде всего в мегаполис Шанхай и промышленно развитую дельту реки Янцзы, займется также сооружением всей необходимой инфраструктуры. BP Amoco планирует построить на побережье терминал для приёма сжиженного газа и принять участие в монтаже газопровода, соединяющего западные газовые месторождения Китая с восточной частью страны. Предполагается строительство масштабной сети бензозаправок и формирование совместной структуры, способной контролировать рынок топлива (включая авиационное) в приморских, наиболее богатых провинциях КНР.

Претензии англо-американского гиганта на китайский газовый рынок могут оказаться весьма созвучными российским интересам в Китае. РАО "Газпром" уже на протяжении достаточно длительного времени планирует продавать в Китае ежегодно до 100 млрд. кубометров природного газа. Однако до сегодняшнего дня эти планы остаются нереализованными исключительно из-за отсутствия у российской и китайской сторон необходимых средств на протяжку магистрального трубопровода от Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Иркутской области до границы с КНР и создание разветвленной трубопроводной сети собственно на китайской территории. Следует отметить, что одним из основных акционеров компании, управляющей Ковыктинским месторождением, является всё та же BP Amoco, возможный альянс которой в Китае предоставит крупнейшим корпорациям России хороший шанс стать влиятельными участниками "мегасделки" на одном из самых перспективных мировых нефтегазовых рынков XXI века. Помимо всех прочих экономических выгод, активная наступательная позиция России в развитии стратегического партнерства с КНР вполне реально может привести к формированию такой объективной ситуации, когда без самого тщательного учёта так называемого "российского фактора" Запад уже окажется не в состоянии проводить свой политический курс в отношении Китайской Народной Республики. А это будет уже не что иное как один из элементов восстановления статуса России в качестве великой державы, а в более широком смысле - статуса самодостаточной цивилизации, существенно влияющей на самые разнообразные процессы глобального развития.

1. Beijing Review. 1970. October 12.
2. Жэньминь жибао. 31 мая 1984.

3. BMZ : Länderbericht China. Bonn 1996. S.7. Künftig zitiert als: BMZ 1996d.
4. BMZ 1996b. S.8.
5. Vgl. Pan, Qichang : "Merkmale, Probleme und Perspektiven der chinesisch-deutschen Beziehungen" in : ASIEN (Januar 1997) 62. S.73.
6. Vgl. Weltbank 1996a. S.248.
7. Bass, Hans-Heinrich/Schüller, Margot (Hrsg.): Weltwirtschaftsmacht China. Hamburg 1995. S. 184-203.
8. Vgl. Friedrich-Ebert-Stiftung: Jahresbericht 1996 für das Gesellschaftspolitische Kooperationsprogramm VR China, Teil B. Beijing 1997. S.11.
9. Konrad-Adenauer-Stiftung, a.a.O., S.7.
10. Hanns-Seidel-Stiftung in der Volksrepublik China 1983-1993. München 1993. S.3.
11. Die Neue Züricher Zeitung., 16.06.1996.
12. ЭКСПЕРТ. №41. 1 ноября 1999 г. С.65.
13. Wall Street Journal, 10 January 1999.
14. Murray, Geoffrey. China: The Next Superpower: Dilemmas in Change and Continuity. Richmond Surrey. Curzon, 1998. P.204.
15. Roy, Denny: China's Foreign Relations. Macmillan Press, 1998. P.61.
16. Lardy, Nicholas R. China's Unfinished Economic Revolution. Washington, DC. The Brookings Institutions. 1998. P.95.
17. Blayo, Yves. Des Politiques Démographiques en Chine. Paris. Presses Universitaires de France. Institut National d'études Démographiques, 1997. P.41.
18. Scharping, Thomas. Floating Population and Migration in China: The Impact of Economic Reforms. Hamburg, Institut für Asienkunde, 1997. P.37.
19. Xu, Xiaoping. China's Financial System under Transition. Macmillan Press. New York, 1998. P.10.
20. Nihon Boeki Shinkokai (JETRO), 1997-nen Jetro hakusho, toshihen: Sekai to Nihon no kaigai chokusetsu toshi. Tokyo, 1997.
21. Guo, Sizhi Nihon kigyō no tai-chugoku shinshutsu no tokushitsu. Toa. No.372. 6/1998. P.60.
22. Tateishi, Yoji. Atarashii dankai ni haitta tai chugoku toshi. Toa. No.372. 6/1998. P.42.
23. Ogaki, Chieko. The Japanese Apparel Industry in China. JETRO China Newsletters. Tokyo, 1995. No.114. Jan.- Feb. P. 15.
24. Nihon Kogyō Shimbun. Japanese Semiconductors Makers Said Heading for China. Tokyo, 26 May 1997.
25. Ebana, Tōru. A Review of China Industry. JETRO China Newsletter. Tokyo, 1997. No.128. Vol.3. P.2-3.
26. Waibel, Otto. Siehe zum Engagement japanischer Unternehmen in der chinesischen Automobilindustrie. Yukawa. Tokyo, 1995. S.2-6.
27. South China Morning Post. 13 March and 19 May 1996.
28. Nihon Keizai Shimbun. 16 September 1996.
29. Far Eastern Economic Review. 22 October 1992. P.52.
30. Japans Wirtschaftsbeziehungen zur Volksrepublik China // Japan, Analysen - Prognosen. Februar 1997. No.116. S.17.
31. Legewie, Jochen. Aussenwirtschaftliche Verflechtungen. Die Wirtschaft Japans, Springer. Berlin, 1998. S.315.
32. Lin, Huang. A comparison of investment strategies in China between Japanese and American Firms. // China Newsletter. 1998. Vol.5. No. 136. P.7-16.

Военный потенциал Японии

© 2000

В. Бунин, А. Шлындов

Военный потенциал страны представляет собой "совокупность всех материальных и духовных сил государства и его способности мобилизовать эти силы для достижения целей войны или решения других задач. Обусловливается экономическими, социальными, научно-техническими, морально-политическими возможностями государства, непосредственно воплощается в вооруженных силах, в их способности выполнять задачи, поставленные политическим руководством"¹.

В данной статье делается попытка анализа основных составляющих военного потенциала Японии, ее военной доктрины, рассматривается современное состояние национальных вооруженных сил, называемых ниже силами самообороны, процесс их модернизации в соответствии с перспективной программой военного строительства начиная с 1996 по 2015 г., а также материальная основа их существования – государственное оборонное финансирование; структура военного бюджета, в частности затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) и закупки вооружения и военной техники (ВВТ); возможности военно-научного потенциала Управления национальной обороны (УНО) и отраслей промышленности, выполняющих заказы УНО, основные черты военного производства страны и его особенности в условиях ограничений 9-й статьи конституции и существующего запрета на экспорт вооружений. Делаются среднесрочные и долгосрочные оценки перспективы наращивания в Японии такой военной мощи, которая могла бы стать инструментом укрепления и проецирования на региональном уровне комплексной мощи государства.

Превращение Японии в XXI в. в полноценную военную державу требует решения комплекса задач по приведению как политических и военных возможностей, так и влияния государства в соответствие с имеющимися у него экономическим, финансовым, научно-техническим и технологическим потенциалами. Это необходимо для того, чтобы с максимальной эффективностью воздействовать на международную обстановку в интересах создания наиболее благоприятных условий для реализации стратегии устойчивого развития и укрепления позиций Японии в мире и в регионах путем активного участия в формировании и функционировании нового международного порядка.

Обеспечение национальной безопасности в Японии понимается как сдерживание и нейтрализация угроз различного характера, направленных против независимости государства, его территориальной целостности, политической самостоятельности, экономического благополучия, жизни, свободы и

Бунин Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ЦИЯ ИДВ РАН.

Шлындов Александр Васильевич, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук, старший научный сотрудник ЦИЯ ИДВ РАН.

имущества граждан. В настоящее время это понятие охватывает широкий круг вопросов, связанных с обеспечением защиты государства и его населения от внешних и внутренних угроз таких, как сырьевая, энергетическая, экологическая, военная, продовольственная и др.

Для наиболее полного и многоаспектного обеспечения безопасности в 80-х годах в качестве основы внешнеполитической стратегии и военной политики Японии была разработана и принята концепция "комплексного обеспечения национальной безопасности", в соответствии с которой реализация национальных целей государства может быть осуществлена в полном объеме только при опоре на его совокупную мощь при оптимальном сочетании военных и невоенных средств. Эта концепция, в которой приоритет отдается использованию политических, экономических и других невоенных средств как наиболее эффективному пути повышения влияния Японии в мире, стала стержнем военной доктрины страны, что предопределило ее оборонительный характер.*

С учетом изменений, происходящих в современном мире и в самой Японии, на современном этапе в национальной военной доктрине ставятся следующие задачи на ближайшую и среднесрочную перспективу:

- укрепление внутривнутриполитической стабильности, преодоление кризисных явлений в экономике и финансах, осуществление реформы в указанных сферах, преодоление существенного отставания Японии от США и некоторых других стран Запада в научно-технической сфере, особенно в области информационных технологий;

- развитие равноправных союзнических отношений с США, укрепление партнерских связей со странами Западной Европы, расширение всестороннего сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, добрососедское сосуществование с Китаем и Россией.

Отдавая предпочтение в обеспечении безопасности невоенным мерам, Япония тем не менее не исключает в определенных условиях использование вооруженных сил, строительство которых на современном этапе осуществляется на основе концепций "самостоятельной обороны" и "базовых вооруженных сил". Принятая еще в начале 70-х годов концепция "самостоятельной обороны" ориентирует вооруженные силы страны на достижение такого боевого потенциала, который позволял бы самостоятельно обеспечивать военную безопасность Японии путем сдерживания агрессии с применением сил общего назначения. Что касается сдерживания широкомасштабной агрессии с применением ядерных средств, то здесь Япония полагается на США.

Концепция "базовых вооруженных сил" предусматривает создание компактных, укомплектованных хорошо обученным личным составом и оснащенных современным вооружением и военной техникой (ВВТ) вооруженных сил с оптимальной для решения оборонительных задач организационно-штатной структурой и составом средств вооруженной борьбы.

В мирное время они должны обеспечивать сдерживание агрессии против Японии с минимально необходимыми для обороны численностью личного состава и количеством ВВТ.

В угрожаемый (особый) период такие вооруженные силы должны обеспечивать базу для развертывания крупной армии военного времени.

---

* В Японии не существует отдельного документа под названием "военная доктрина", тем не менее это не свидетельствует об отсутствии таковой. Основные положения японской военной доктрины отражены в различных документах и законодательных актах основополагающего характера в том числе в конституции, законах, концепциях и программах.

Концепция “базовых вооруженных сил” основное внимание уделяет качественному совершенствованию японских сил самообороны, которое предполагает как оптимизацию их общей структуры, так и совершенствование организационно-штатной структуры соединений (частей) за счет поддержания рационального соотношения между боевыми частями и частями (подразделениями) боевого обеспечения; повышению эффективности и боевой устойчивости органов управления; увеличению ударной и огневой мощи воинских формирований за счет их оснащения современными видами ВВТ национальной разработки и производства; совершенствованию профессиональной и морально-психологической подготовки личного состава, а также улучшению системы тылового обеспечения, повышению надежности и живучести структуры оперативного оборудования территории. Важная роль в реализации мероприятий по качественному совершенствованию вооруженных сил страны отводится системе от мобилизации войск и расширению и интенсификации военных НИОКР.

Появившаяся в японских военно-теоретических разработках идея “превентивной обороны” хотя и допускает возможность разгрома сил противника на дальних подступах к Японии, не предполагает нанесения первыми превентивных ударов по его территории. Эта идея до сих пор не получила концептуального оформления. Более того, для ее реализации японские силы самообороны не имеют соответствующих сил и средств. Как известно, в их составе нет бомбардировочной авиации и оперативно-тактических ракет.

В военной доктрине Японии ни одно из государств прямо не называется потенциальным противником. Тем не менее она довольно четко вскрывает источники потенциальной военной угрозы для Японии, а так же выделяет страны, которые могут представлять для нее такую угрозу.

В качестве источников потенциальной угрозы называются сохраняющаяся напряженная обстановка на Корейском полуострове и в Тайваньском проливе, а к числу стран, способных использовать военно-силовые методы против Японии, отнесены Китай, Российская Федерация и КНДР. Следует отметить, что на современном этапе в иерархии стран, представляющих потенциальную угрозу для Японии, Китай стал занимать первое место. Особое беспокойство японского военно-политического руководства вызывают беспрецедентно высокий, по его мнению, рост военных расходов Китая, которые ежегодно уже более десяти лет подряд увеличиваются на 10% и более (в 1998 г. был зафиксирован рекордный для КНР 13%-ный рост военного бюджета), а также тот факт, что столь масштабное усиление военной мощи Китая закрепляется в соответствующей законодательной базе. Так, в ежегоднике УНО “Оборона Японии 1998” подчеркивается: “Китай в феврале 1992 г. ужесточил свой Закон о территориальных водах, зафиксировав в нем положение о том, что принадлежащие Японии Сэнкаку, а также Спратли и Парасельские острова, на которые претендуют некоторые государства АСЕАН, являются территорией КНР”².

По поводу развития военного потенциала в перспективной долгосрочной программе строительства сил самообороны на 1996 - 2025 г.г. записано: “Япония в соответствии с конституцией по своей собственной инициативе ограничивает темпы и масштабы своего оборонного строительства, строго следуя основным принципам политики, исключительно ориентированной на оборону; она не станет военной державой, которая могла бы представлять угрозу другим государствам, осуществляет гражданский контроль за вооруженными силами, остается приверженной трем неядерным принципам и неукоснительно реализует японо-американские мероприятия по безопасности.”³ В этом заключается основное кредо военной политики Токио, имеющей четко выраженную оборонительную направленность.

Характеристика сил самообороны Японии

Основу военного потенциала Японии составляют ее вооруженные силы (силы самообороны). Они имеют трехвидовую структуру, в соответствии со сферами применения: сухопутные войска, военно-морские и военно-воздушные силы.

Таблица 1

Численный состав сил самообороны на 31.3. 1999

	СВ	ВМС	ВВС	ОКНШ	Всего
По штату	172 866	45 752	47276	1426	267 280
В наличии	145 928	43 838	47 236	1379	236 368
Укомпл., %	84,4	95,8	95,7	96,7	88,4

Бозй хакусе. 1999. С.437.

Сухопутные войска, по мнению японского командования, должны обладать способностью самостоятельно или совместно с другими видами вооруженных сил решать следующие задачи: обеспечивать противодесантную оборону Японских островов во взаимодействии с ВВС и ВМС; вести все виды боевых действий против высадившихся сил противника; участвовать в противовоздушном прикрытии центров государственного и военного управления, промышленных районов и районов базирования войск; осуществлять высадку морских и воздушных десантов; участвовать в поддержании или восстановлении общественного порядка; проводить поисково-спасательные операции, ликвидировать последствия стихийных бедствий и катастроф техногенного и иного характера, а также принимать участие в миротворческих операциях.

Штатная численность личного состава по состоянию на 31 марта 1999 г. - 172 866 человек. В боевом составе насчитывается 5 полевых армий, 13 дивизий (пехотных - 12, танковых - 1) и 14 бригад. На вооружении состоит 1100 танков, более 50% из них новой разработки (Т-90), 710 бронетранспортеров, более 820 орудий полевой артиллерии, 430 самолетов и вертолетов армейской авиации.

Дальнобойных разведывательно-ударных, разведывательно-огневых комплексов, оперативно-тактических и крылатых ракет на вооружении сухопутных войск Японии нет. В перспективе рассматривается возможность принятия на вооружение высокоточных авиационных ракет и артиллерийских снарядов.

ПВО объектов и районов обеспечивается 8 группами зенитных управляемых ракет (ЗУР) - улучшенный "Хок" в количестве 20 пусковых установок. Оперативно-территориальным объединением сухопутных войск, имеющим свою зону ответственности, является полевая армия.

Основным тактическим соединением сухопутных войск является дивизия.

Оперативное руководство сухопутными войсками осуществляет штаб во главе с командующим, который одновременно является начальником штаба.

Военно-морские силы в силу островного положения Японии занимают главное место в системе обороны страны. Они призваны самостоятельно или во взаимодействии с другими видами вооруженных сил решать следующие основные задачи: защита морских границ Японии, а также обеспечение свободы судоходства и защиты морских коммуникаций; борьба с корабельными группировками противника; ведение разведки и наблюдения морских районов; защита военно-морских баз и портов; блокирование проливов в районе Японских островов; обеспечение противодесантной обороны и высадки морских десантов;

организация морских перевозок в интересах сил самообороны и конвоирование торговых судов.

Численность личного состава ВМС на 31 марта 1999 г. – 45 752 человек. На вооружении находится 147 боевых кораблей общим водоизмещением 336 тыс. т., в том числе 55 эскадренных миноносцев, 16 подводных лодок, 34 минных тральщика, более 300 вспомогательных кораблей, 205 противолодочных патрульных самолетов и вертолетов, включая 99 самолетов Р-3С. Почти половина эсминцев морских сил самообороны являются кораблями новой и новейшей разработки. Причем эсминец “Конго” (водоизмещением 7200 т.) оснащен американской системой “Иджис”, которой не имеет ни один из союзников США по НАТО.

На вооружении морских сил самообороны нет кораблей с атомной силовой установкой, а так же авианосцев, крейсеров и больших десантных кораблей.

Организационно ВМС состоят из флота, военно-морских районов и других соединений и частей.

Высшим оперативным объединением является флот. Оперативное руководство ВМС осуществляет штаб во главе с командующим (начальником штаба), в состав которого входят три командования (эскортных сил, подводных сил и авиационное), две флотилии тральщиков, дивизион десантных кораблей и другие формирования.

Военно-воздушные силы предназначены для самостоятельного или во взаимодействии с другими видами сил самообороны решения следующих задач: обеспечение ПВО основных административно-промышленных и военных объектов; оказание непосредственной авиационной поддержки сухопутным войскам; борьба с корабельными группировками; участие в проведении противодесантных (десантных) операций; высадка воздушных десантов; ведение воздушной разведки и наблюдения; организация военно-транспортных перевозок. В соответствии с решаемыми задачами ВВС подразделяется на тактическую, истребительную ПВО, разведывательную, военно-транспортную и вспомогательную авиацию.

ВВС Японии в своем составе не имеют бомбардировочной авиации и тяжелых (стратегических) военно-транспортных самолетов. На их вооружении состоит 510 самолетов, в том числе истребителей-перехватчиков (F-15J, F-4E) – 302 ед., истребителей непосредственной авиационной поддержки: F-1 – 61 ед., F-2С – 29 ед., транспортных самолетов – 55 ед., учебно-тренировочных самолетов – 87 ед. Кроме того, организационно в ВВС входят 6 групп ЗУР “Пэтриот” (24 батареи со 144 пусковыми установками).

Организационно ВВС включают боевое авиационное командование, учебное авиационное командование и транспортные крылья, ряд соединений и частей центрального подчинения.

Высшим оперативным объединением ВВС является боевое авиационное командование. Основным оперативным соединением считается авиационное направление. Оперативное руководство ВВС осуществляется штабом во главе с командующим (начальником штаба).

Система высших органов военного управления Японии включает Совет национальной безопасности (СНВ), УНО и Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ). Верховным главнокомандующим, согласно существующему законодательству, является премьер-министр, который наделен правом объявлять чрезвычайное положение в стране, приводить силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжение о начале военных действий.

Совет национальной безопасности – консультативный орган при премьер-министре. В его функции входит разработка основных направлений воен-

ной политики, базовых положений военной доктрины, перспективных планов строительства вооруженных сил, развития военного производства, мер на случай возникновения чрезвычайной обстановки. В состав СНБ входят: премьер-министр (председатель), его заместитель из числа министров, министры иностранных дел и финансов, начальник канцелярии кабинета министров, начальник УНО, начальник Управления экономического планирования.

УНО является основным руководящим органом сил самообороны. На него возложено решение задач по их строительству, материально-техническому обеспечению, осуществлению руководства военными НИОКР. Начальник УНО (государственный министр) - член правительства. Ему предоставлено право с санкции премьер-министра приводить силы самообороны в различные степени боевой готовности и отдавать распоряжения по их боевому применению. Руководство ими он осуществляет через Объединенный комитет начальников штабов и штабы сухопутных войск, ВМС и ВВС. ОКНШ подчинен начальнику УНО. В его состав входят председатель и командующие СВ, ВМС и ВВС. ОКНШ отвечает за разработку планов строительства сил самообороны, организацию оперативной и боевой подготовки войск (сил) и их тылового обеспечения. В случае войны ОКНШ становится высшим органом оперативного руководства.

Штабы сухопутных войск, ВМС и ВВС являются органами непосредственного руководства вооруженными силами. Их возглавляют соответствующие командующие, одновременно являющиеся начальниками штабов.

Модернизация сил самообороны

В новой перспективной программе уровень базовых вооруженных сил, являющихся составным элементом организационного строительства японских сил самообороны, впервые с начала их создания в 1954 г., подвергается некоторому сокращению, что в целом не снижает их боеспособности. Решением Совета безопасности и кабинета министров 4 из 12 пехотных дивизий преобразуются в смешанные бригады с меньшей численностью личного состава. В дальнейшем предполагается перевести на бригадную структуру и другие дивизии сухопутных сил самообороны, что позволит снизить некомплект личного состава частей (подразделений), достигавший ранее 30% от их общей численности. Все организационные преобразования намечено произвести постепенно в течение периода действия программы (примерно до 2010-2015 гг.), чтобы обеспечить гибкий переход к новым структурам.

Одновременно расформируются следующие подразделения: три дивизиона эсминцев военно-морских районов, одна флотилия минных тральщиков, три эскадрильи противолодочной авиации, одна эскадрилья истребителей-перехватчиков. 20 из существующих 28 групп ПВО преобразуются в эскадрильи ПВО.

Сокращаются и основные виды вооружения: танки - на 300 ед., артиллерия - на 100 артсистем, эсминцы - на 10 ед., боевые самолеты противолодочной авиации - на 50 ед., боевые самолеты ВВС - на 30 ед., что в совокупности по всем видам вооруженных сил составляет снижение уровней вооружений на 10-15%.

Вместо признанного неэффективным так называемого резервного корпуса, насчитывающего немногим более 40 тыс. человек, предполагается создать резерв повышенной готовности численностью 15 тыс. человек, личный состав которого в отличие от прежних лет будет ежегодно призываться на месячные учебные сборы. Таким образом, в начале XXI в. "базовые силы обороны" будут иметь численность, боевой состав, вооружение и военную технику,⁴ как указано в Таблице 2.

Таблица 2

Базовые силы обороны (1996-2015 гг.)

Сухопутные войска

Численность, тыс. человек	160 000
Действующий состав сил самообороны	145 000
Резерв повышенной готовности	15 000
Основные формирования:	
Пехотные дивизии	8
Смешанные бригады	6
Мобильные формирования	
Бронетанковая дивизия	1
Воздушно-десантная бригада	1
Вертолетная бригада	1
Группы ЗУР ПВО	8
Вооружение:	
Танки, ед.	до 900
Ракетно-артиллерийские системы, ед.	до 900

Военно-морские силы

Основные формирования:	
Флотилии эскадронных миноносцев	4
Дивизионы эсминцев ВМР	7
Флотилии подводных лодок	6
Минно-тральные флотилии	1
Патрульные авиаэскадрильи наземного базирования	13
Вооружение:	
Эскадренные миноносцы, ед.	до 50
Подводные лодки	16
Патрульные самолеты	Ок. 170

Военно-воздушные силы

Основные формирования:	
Группы радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН)	8
Эскадрильи радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН)	20
Палубные эскадрильи РЛДН предупреждения	1
Эскадрильи истребителей-перехватчиков	9
Эскадрильи непосредственной авиационной поддержки	3
Разведывательная эскадрилья	1
эскадрилья военно-транспортной авиации.	3
Группы ЗУР ПВО	6
Вооружение	
Боевые самолеты, ед.	до 400
в том числе истребители - перехватчики, ед.	до 300

Низон-но бозй., 1999. Токио. 1999. С. 382.

Качественные изменения в составе группировок войск произойдут в первой декаде следующего столетия. В частности вместо двух пехотных и одной бронетанковой дивизии на Хоккайдо предполагается оставить одну броне-

танковую дивизию и две смешанные бригады. При некотором уменьшении численности личного состава и количества ВВТ, боевые возможности указанных формирований не претерпят существенных изменений в силу повышения их качественных показателей. Это свидетельствует о том, что Япония пока еще не избавилась от традиционного стереотипа "угрозы, исходящей с Севера", хотя и низвела ее на существенно более низкий уровень.⁵

Основные направления программы национальной обороны на период с 1996 г. в будущий процесс оборонного строительства закладываются следующие принципы, которые должны быть присущи силам самообороны:

1. Способность принимать своевременные и адекватные меры по оказанию помощи населению в районах стихийных бедствий в любом месте Японии, содействия в ликвидации последствий крупномасштабных стихийных бедствий или им подобных ситуаций, требующих защиты жизни людей и их имущества;

2. Участие в мероприятиях по международному военному сотрудничеству и ликвидации стихийных бедствий международного масштаба с применением своевременных и адекватных мер, способствующих установлению мира и стабильности в международном сообществе.

3. Непрерывное осуществление наблюдения за обстановкой и передача данных на соответствующие пункты управления в реальном масштабе времени, анализ и использование полученной информации для оперативного принятия адекватных решений. Силам самообороны Японии вменяется в обязанность сбор и анализ разведанных на всех уровнях, включая стратегическую разведку, путем использования различных технических средств и систем сбора и анализа информации, обслуживаемых высококвалифицированными специалистами. Создание собственного центрального разведывательного органа - это новый шаг в расширении функций сил самообороны, которые до 1996 г. формально имели лишь войсковую разведку. Общее руководство и координацию разведработы в УНО вела специальная группа ОКНШ. В соответствии с рекомендациями программы "Разведка, командование, контроль и связь" в 1998 г. при ОКНШ создан штаб разведки численностью 1600 человек. С целью дальнейшего повышения качества разведки и наблюдения продолжается совершенствование оперативных возможностей средств радио-электронной разведки (РЭР), включая радиолокационные станции (РЛС) наземного, воздушного и морского базирования; более эффективно используются боевые возможности самолетов радиолокационного дозора и наблюдения (РЛДН), включая самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления (ДРЛОиУ) типа АВАКС, что существенно повышает эффективность контроля воздушного пространства над территорией собственно Японии и окружающих ее акваторий и воздушного пространства над ними.

4. Повышение качества функционирования систем управления войсками и оружием. На вооружение будут поступать современные системы управления войсками и оружием, резко повышающие степень автоматизации и механизации работ в штабах и центрах управления (командных пунктах);

5. Силы самообороны Японии призваны постоянно совершенствовать свою организационную структуру в интересах повышения ее эффективности, упрощения управления и оптимизации затрат материально-технических и финансовых средств, а так же прилагать усилия для укомплектования подразделений хорошо обученными и профессионально подготовленными военнослужащими, обладающими высокими морально-психологическими качествами. В интересах многопрофильной подготовки личного состава предполагается иметь программы замены и продвижения личного состава как внутри сил самообороны, так и по линии других министерств и ведомств, а также частного сектора. Обращается внимание на повышение качества отбора личного состава, его воспитания, учебы и подготовки с особым

акцентом на выполнение задач международного военного сотрудничества и миротворческой деятельности по линии ООН и других международных организаций.

6. В процессе расширения функций и задач сил самообороны Японии их структура должна приобрести соответствующую гибкость, способность оперативно адаптироваться к изменяющимся условиям. Самое серьезное внимание будет уделяться профессиональной подготовке личного состава, а так же боевому слаживанию экипажей и подразделений. Решение указанных задач предполагается возложить на специальные учебные технические подразделения. Это обеспечит адекватное повышение интенсивности боевой подготовки, облегчит процесс боевого слаживания при разумной экономии выделяемых для этих целей ресурсов всех видов.

7. Повышение качества военного потенциала Японии будет осуществляться в органическом единстве с мероприятиями в других сферах обеспечения жизненно-важных национальных интересов, таких как политико-дипломатическая, экономическая, финансовая, информационная, экологическая, демографическая. В свете ужесточения финансового курса признано необходимым особое внимание обращать на корректное составление бюджетных заявок на среднесрочную и долгосрочную перспективу с тем, чтобы система национальной обороны могла четко и эффективно выполнять свои функции в обозримом будущем;

8. Принятие необходимых мер для повышения эффективности содержания войск (сил) путем слияния или сокращения некоторых объектов при тесном сотрудничестве с местными властями с целью сокращения расходов, соблюдения экологических требований при сохранении нормальных условий расквартирования войск и улучшения качества жизни личного состава.

Реализация намеченных мероприятий позволит силам самообороны обеспечивать на уровне оборонной достаточности безопасность собственно территории Японии, а также морской зоны вокруг нее, не создавая критической нагрузки и серьезных проблем для ее экономики, финансов и экологии.

Программа "Технологические исследования и открытия" особо нацеливает на проведение НИОКР по созданию высокотехнологических систем ВВТ, включая высокоточное оружие и радиоэлектронные средства. В частности в соответствии с этой программой ведутся работы по созданию новых управляемых ракет, в том числе зенитных, противокорабельных и авиационных систем управляемого ракетного оружия, а так же модернизированных поисково-спасательных гидросамолетов US-1A. Приоритетное внимание уделяется повышению эффективности НИОКР, особенно в тех сферах, которые обеспечивают научно-технический и технологический прогресс. Особая значимость при проведении НИОКР военного назначения придается соблюдению критерия "эффективность-стоимость", то есть сопоставлению достигнутой или требуемой эффективности и необходимых для этого затрат с учетом стоимости разработки, серийного производства и эксплуатации ВВТ.

Военное финансирование

Рост экономической мощи Японии и опережение ею по ряду экономических и научно-технических показателей США и стран Западной Европы способствовали небывалому подъему националистических амбиций японского монополистического капитала. Под флагом наращивания оборонительных усилий в качестве вклада в общую с государствами Запада систему безопасности наиболее консервативные представители японских правящих кругов в годы холодной войны ставили своей целью - не допустить отставания от членов НАТО в сфере вооружения и военной техники. Важное место они отводили увеличению ассигнований на строительство вооруженных сил, развитию оборонных отрас-

лей промышленности, проявляли постоянную заботу о дальнейшем укреплении экономической и научно-технической составляющих военной мощи государства.

Под нажимом Вашингтона, стремившегося переложить на плечи Японии равную с государствами - членами Североатлантического союза долю ответственности за обеспечение безопасности Запада, оборонные расходы Японии непрерывно росли, причем годовые темпы их прироста до 90-х годов более чем в 2 раза опережали западноевропейские страны и колебались в пределах 6 - 7,5%. Абсолютная сумма военных ассигнований с 1957 по 1983 г. практически удваивалась через каждые пять лет (табл. 3).

Таблица 3

Военные ассигнования (1957-2000 гг.), трлн. иен

Пятилетние планы	Годы	Сумма (трлн.иен)
1-й план	1957-1961	0,46
2-й план	1962-1966	1,15 - 1,18
3-й план	1967-1971	2,34
4-й план	1972-1976	4,63
1-й среднесрочный план	1980-1984	12,9
2-й среднесрочный план	1983-1987	15,6 - 16,4
3-й среднесрочный план	1986-1990	18,4
4-й среднесрочный план	1991-1995	22,5
Среднесрочный план 1996 г.	1996-2000	25,1

Бозй гандобукку. 1998. Токио. 1998. С. 118.

С принятием 2-го среднесрочного плана укрепления и развития сил самообороны пятилетний прирост несколько сократился, что объяснялось довольно высоким уровнем прямых военных расходов, которого Япония достигла к началу 80-х годов.

На реализацию 3-й среднесрочной программы строительства сил самообороны была выделена сумма на 12% больше чем на 2-ю программу, а в 1996-2000 гг. предусмотрено израсходовать на 2,1 % больше, чем в предыдущей пятилетке. По сравнению с 1-м планом обороны (1957-1960) текущий военный бюджет, как видно из табл. 3, вырос более чем в 50 раз.

Начиная с 90-х годов темпы ежегодного роста военного бюджета значительно снизились и к концу десятилетия стали показывать уже отрицательный результат. Прирост на 2,58 % в 1996 г. и на 1,95 % в 1997 г. объясняется тем, что в первом случае было заказано на год 11, а во втором - 8 новых самолетов непосредственной авиационной поддержки F-2С. Кроме того, начиная с 1997 г. в соответствие с японо-американским соглашением по базам США на Окинаве в бюджет 1997 г. была добавлена сумма 6,1 млрд. иен, в 1998 г. - 10,7 млрд, в 1999 г - 12, 1 млрд. иен⁶.

Несмотря на начавшийся в Японии в первой половине 90-х годов экономический кризис и период стагнации, ВВП страны неуклонно увеличивался и достиг своего пика в 1998 г, когда он составил 519,7 трлн. иен или примерно 4, 33 трлн. долл., в то же время темпы роста национального бюджета падали иногда до отрицательных величин по сравнению с предыдущим годом. То же самое можно сказать и о военном бюджете, темпы роста которого к концу 90-х годов характеризовался отрицательными показателями. Доля военных расходов в ВВП страны за 10 лет ни разу не превысила 1%. Что касается общей доли военных расходов в национальном бюджете, то она стабильно удерживается на уровне до 6,5 %

Рост оборонного бюджета, который в долларовом исчислении составляет примерно 41 млрд. американских долл., в то время как в России он адекватен 17 млрд. долл. (в США - 259 млрд. долл.), объясняется не только политическими мотивами, связанными со стремлением правящих кругов удовлетворить требования Вашингтона и поддерживать адекватный экономической мощи Японии военный потенциал, но и происходящими в стране инфляционными процессами, которые в первую очередь сказываются на удорожании стоимости производимого на японских заводах ВВТ, а также резким повышением за последние четыре десятилетия жизненного уровня населения, что повлекло за собой соответствующее увеличение денежного содержания военнослужащим. Только за 20 лет (с 1980 по 2000 г.) жалование военнослужащего первого года службы возросло на 28,8%, унтер-офицера - на 27,7, офицера - на 33, генерала - на 27,6%. Денежное содержание рядового первого года службы составляет больше 1 тыс. долл. в месяц.⁷

Соотношение военных расходов с другими статьями общегосударственного бюджета наглядно продемонстрировано в таблице 4, где выделены в основном приоритетные направления. Больше всего расходов приходится на социальные нужды - свыше 19 %, в том числе на пенсии государственным служащим, к которым причислены и военнослужащие (специальной статьи на выплату пенсий в военной части бюджета нет), общественное предпринимательство, развитие культуры и науки. Военный бюджет занимает одно из последних мест. Тем не менее военные расходы на душу населения Японии составляют около 3,93 тыс. иен, что эквивалентно примерно 330 долл. О финансировании НИОКР будет сказано ниже. Около 50% падает на все остальные статьи государственного бюджета.

Таблица 4

Динамика структуры государственного бюджета, (трлн. иен)

	Бюджет	Оборона	%	Соц. сфера	%	Культ. наука	%	Общест. работы	%
1990	66,2	4,2	6,3	11,6	17,5	5,1	7,7	6,2	9,4
1991	70,3	4,4	6,2	12,2	17,4	5,4	7,7	6,6	9,4
1992	72,2	4,5	6,3	12,7	17,6	5,7	7,9	8,0	11,1
1993	72,3	4,6	6,4	13,1	18,2	5,8	8,0	8,5	11,8
1994	73,0	4,7	6,4	13,5	18,4	5,9	8,2	11,1	15,3
1995	70,9	4,7	6,7	13,9	19,6	6,1	8,6	9,2	13,0
1996	75,1	4,8	6,5	14,3	19,0	6,2	8,3	9,6	12,8
1997	77,3	4,9	6,4	14,5	18,8	6,3	8,2	9,7	12,6
1998	77,6	4,9	6,3	14,8	19,1	6,3	8,2	9,0	11,6
1999	81,8	4,9	6,0	16,	19,7	6,4	7,9	9,4	11,5

Бозй хакусё. 1999. Токио. 1999. С.405.

Структура военного бюджета

Структура военного бюджета 1998/99 фин. г. выглядит следующим образом: из общей суммы 4,9 трлн. иен 43,9% было потрачено на содержание личного состава, 19,6 - на закупку вооружения и военной техники, 2,7 - расходы на НИОКР, 3,7- строительно-ремонтные работы, 2,2 - содержание жилищного фонда, 17,5 - на боевую подготовку и обучение, 11 - на содержание баз, 1,6 % - на прочие расходы⁸. Следует отметить тенденцию роста ассигнований на содержание личного состава, сокращение расходов на закупки вооружения и во-

енной техники, некоторое сокращение за последние два года затрат на НИ-ОКР. Неизменно возрастают ассигнования на содержание американских баз, к ним с 1997 г. приплюсовывается специальный бюджет на базы США на Окинаве (в связи с объявленным сокращением числа баз в основном за счет их слияния происходит уплотнение территорий, освоение новых намывных участков, а также осуществляется перевод баз в другие районы Японии).

При обнаружении Управлением национальной обороны Японии общей суммы ассигнований на выполнение 3-й среднесрочной программы укрепления и развития сил самообороны специалисты подсчитали, что расходы на оборону в период с 1986 по 1990 г. превысят "политический потолок" в 1% ВВП Японии, установленный правительством в 1976 г. Поскольку еще правительство Я. Накасонэ в начале 80-х годов взяло курс на отмену ограничений на оборонные ассигнования, по всей стране развернулась своего рода кампания за сохранение существовавшего в течение десяти лет лимита на военные расходы. Оппозиционные партии - СПЯ и Комэйто выступили с серьезной критикой военного курса Я. Накасонэ и потребовали от него оставить в неприкосновенности установленный для национального оборонного бюджета потолок в 1% ВВП. Компартия также высказалась за резкое сокращение военных расходов.

Проведенный кабинетом министров в 1995г. опрос общественного мнения показал, что подавляющее большинство японского народа в условиях развернувшегося в стране антивоенного движения выступало за сохранение ограничений оборонных расходов, за соблюдение их лимитирования рамками 1% ВВП. "Соблюдения ограничения военных расходов не выше 1% ВВП" стало в середине 80-х годов лозунгом антивоенного движения в Японии.

По сравнению с 1981 г. в 1995 г. число респондентов, выступивших за сохранение бюджета УНО на нынешнем уровне и соблюдение рамок 1% ВВП увеличилось на 11,2%; число лиц, высказавшихся за сокращение ассигнований на нужды обороны в то же время возросло на 4,7%, а число, ратующих за наращивание военного бюджета, снизилось на 14,9%.

Статистические данные свидетельствуют, что резкого повышения процентного соотношения уровня военных расходов от ВВП, как предсказывали многие политологи во второй половине 80-х годов, не произошло, более того, начиная с 1990 г. они показывают устойчивое, хотя и небольшое, снижение указанного показателя. Это объясняется тем, что наращивания количества ВВТ и численности личного состава в эти годы не происходило. Кроме того, финансовые заявки УНО находились под постоянным пристальным административным (со стороны министерства финансов) и парламентским контролем.

Военно-научный потенциал

Со второй половины 70-х годов Япония стала более интенсивно проводить линию на разработку и производство вооружения и военной техники собственными силами. Большое значение в этом смысле имели рекомендации Федерации экономической организации Японии (Кэйданрэн). Военно-промышленный комитет, действующий в ее рамках, проанализировав состояние исследований и разработок военного назначения, высказался за преимущественное развитие японских разработок вооружения и военной техники, освоение военного производства на базе японских технологий и соответственно рекомендовал сокращение импорта вооружения и боевой техники, а также военного производства по иностранным лицензиям. При этом комитет имел в виду, что в результате увеличения военного производства на основе собственных разработок фирмы производители получают возможность приобрести необходимый опыт для создания перспективных образцов ВВТ, налаживания их серийного выпуска в мирное время и формирования базы для расширения военного производства в угрожаемый период.

С этого времени наблюдается небольшое, но стабильное повышение ассигнований на НИОКР военного назначения.

В 1998 г. на такие НИОКР в военном бюджете было предусмотрено ассигновать 127,7 млрд. долл., что составило 2,2 % общей суммы на оборону (в США – 10%, в Великобритании – 13 %, в ФРГ – 4,7 %).

Однако фактически на военные НИОКР в Японии затрачиваются гораздо бо́льшие средства, которые не учитываются официальной статистикой (ассигнования частных корпораций, производящих вооружение и военную технику, а также компаний, выпускающих продукцию двойного применения, государственные ассигнования на фундаментальные и прикладные исследования в области космоса, освоения океана, атомной энергетики и т.д.)

НИОКР военного назначения осуществляются, организуются и координируются Научно-исследовательским техническим центром (НИТЦ) УНО и находящимся в его ведении институтами, а также рядом государственных и частных НИИ и лабораторий. Существенным научно-исследовательским потенциалом обладают крупные японские корпорации.

С 1977 г. в УНО установлен порядок перспективного планирования НИОКР военного назначения. Управления ВВС, ВМС и сухопутных войск разрабатывают соответствующие планы на десятилетний срок, а НИТЦ – на пятилетний с ежегодным отчетом о ходе выполнения этих планов.

Непосредственно в ведении НИТЦ находится пять научно-исследовательских институтов, которые занимаются вопросами выработки тактико-технических требований к разрабатываемым системам ВВТ, осуществляют тактико-технико-экономический анализ и обоснование, участвуют в разработке, производстве и испытаниях новых образцов вооружения. 1-й НИИ специализируется на разработке и испытаниях огнестрельного оружия, боеприпасов, кораблей и их систем оборудования и эксплуатации, средств связи, радиоэлектронного противодействия и разведки. 2-й НИИ – на исследованиях и разработках в области тылового обеспечения войск (сил), в том числе создания новых комплектов питания, обмундирования и экипировки, перевязочных средств, медицинского оборудования, средств радиохимической и биологической защиты; 3-й НИИ – на исследованиях и разработках авиационной техники и систем вооружения, в частности самолетов истребительной авиации, вертолетов, самолетов вертикального взлета и посадки, дистанционно-пилотируемых летательных аппаратов (ДПЛА), управляемых ракет, включая зенитные средства; 4-й НИИ – на исследованиях и разработках бронетанковой, инженерной и автотранспортной техники; 5-й – НИИ на исследованиях и разработках военно-морских вооружений, в том числе средств противолодочной обороны, гидроакустического оборудования, глубинных бомб, морских мин, торпед и др.

По состоянию на 31 марта 1999 г. НИТЦ и находящиеся в его ведении НИИ, а так же соответствующие структуры промышленных корпораций завершили работы по 13 типам ВВТ, включая основной танк-90, БМП-91 и другие образцы. При этом на доведение до серийного производства каждого образца ВВТ затрачивалось от трех до семи лет.

В настоящее время доля ВВТ отечественной разработки и производства, в том числе выпускаемого по иностранным лицензиям, составляет, по оценочным данным приблизительно 95%. Около 5% авиационного оборудования, а так же радиоэлектронных средств ВМС импортируется из США. Совместно с США Япония проводит в настоящее время исследования и разработки по следующим направлениям:

– создание реактивного авиационного двигателя пятого поколения на основе новых технологий, при чем основное внимание обращается на решение проблем повышения его мощности, экономичности и увеличения технического ресурса;

- разработка технологий новых типов стали и сплавов для военного кораблестроения, в частности для создания нового поколения подводных лодок с увеличенной глубиной погружения;

- использование керамических и композитных материалов в двигателестроении с целью снижения габаритов, расхода топлива, повышения мощности и надежности перспективных силовых установок для бронетанковой техники и транспортных средств;

- создание радиолокационных станций нового поколения с большей дальностью обнаружения, помехозащищенностью и безопасной для зрения системой отображения информации, а так же оптико-электронных устройств с применением инфракрасной и лазерной техники. В процессе разработки новых образцов ВВТ особая значимость придается повышению ее надежности, эргономических характеристик и экономичности при соблюдении "критерия эффективность-стоимость".

- стандартизация ВВТ в интересах обеспечения ее совместимости и взаимозаменяемости при проектировании, производстве, испытаниях, приемке, ремонте, эксплуатации и хранении.

Наращивание усилий в сфере передовых научно-технических разработок и технологий с учетом критерия "эффективность-стоимость" позволит поддерживать достаточно высокий качественный уровень японского военного потенциала, сопоставимый с другими высокоразвитыми государствами современного мира, при сохранении существующих финансовых ограничений⁹.

Военное производство и система закупок

В отличие от России, США и некоторых других промышленно развитых стран, в Японии нет системы корпораций (предприятий), занятых исключительно производством ВВТ. В этом смысле в Японии чисто военно-промышленного комплекса в нашем понимании не существует. ВВТ выпускается японскими компаниями наряду с гражданской продукцией, которая является профилирующей и явно преобладает в общем объеме и стоимости произведенной продукции.

Военное производство Японии, включая производство ВВТ, базируется на прочной общеэкономической основе, развитой индустрии и научно-техническом и технологическом потенциале страны. В целом Япония, за незначительным исключением, может полностью удовлетворить потребности национальных вооруженных сил в количественном и в качественном отношении как в мирное время, так и в угрожаемый период.

Япония, хотя и обладает ограниченной в сравнении с США, Англией, Францией, Германией и Россией военной научно-технической, технологической и производственной базой, способна за некоторым исключением, разрабатывать и производить в необходимых количествах современные виды ВВТ. При наличии политического решения Япония может в течение четырех-пяти лет разработать собственное ядерное оружие и средства его доставки, а также наладить их производство. Проблема испытания такого оружия может быть решена путем компьютерного моделирования.

Правительство Японии ставит перед национальной промышленностью задачу наладить собственное производство и выпуск всех типов современного вооружения и военной техники за исключением оружия массового уничтожения и средств его доставки, необходимых для удовлетворения потребностей сил самообороны в условиях их качественного реформирования, сократив до минимума зависимость оснащения японской армии от американских поставок.

Вооружение и военная техника, а также оборудование и предметы (средства) материально-технического обеспечения войск (сил) производятся по заказам УНО. Большое влияние на распределение этих заказов имеет военно-промышленный комитет Федерации экономических организаций (Кэйданрэн).

Этот комитет посредничает в связях УНО с компаниями, выпускающими военную продукцию, разрабатывает рекомендации правительству по вопросам оснащения вооруженных сил, организации военного производства, исследований и разработок военного назначения.

В 1995 г. число генеральных подрядчиков, выполняющих заказы Управления поставок УНО, составило около 2400 компаний. Из них 2/3 приходилось на фирмы, производящие оборонную продукцию и средства материально-технического обеспечения для сил самообороны, и 1/3 - на фирмы, организующие поставки ВВТ и средства материально-технического обеспечения от производителей к потребителям. Свыше 50% подрядчиков УНО - это мелкие и средние фирмы, состав которых постоянно обновляется. Стабильная клиентура УНО насчитывает примерно 800 крупных компаний, что не идет ни в какое сравнение с 30 тыс. подрядчиков и 50 тыс. субподрядчиков в США.

Претендовать на получение солидных оборонных заказов может лишь незначительная часть японских компаний. На долю 20 из них приходится 75% поставок ВВТ, в том числе девять крупнейших монополий "Мицубиси дзюкоге", "Кавасаки дзюкоге", "Исикавадзима Харима дзюкоге", "Мицубиси дэнки", "Тосиба", "Хитати", "Сумитомо", "Мицуи", "Нихон Сэйко", обладающие солидным опытом развертывания производства вооружений в годы второй мировой войны, сосредоточивают в своих руках 52,2% общего количества заказов сил самообороны. Однако эта цифра нестабильна, из года в год она может повышаться или понижаться на 2-3%. Тем не менее одна только "Мицубиси" с ее 40 основными и дочерними фирмами, выпускающими танки, самолеты и корабли, обеспечивает более трети оборонного производства. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже у этих крупнейших генеральных подрядчиков УНО на долю оборонной продукции приходится менее 13,5% их общего производства. Закупки УНО в 1997 г. составили 0,57% общего объема промышленного производства Японии¹⁰.

Сравнительно небольшая доля военных заказов в общем объеме японской промышленной продукции не отражает реального производственного потенциала корпораций, выполняющих заказы УНО. Динамика закупок вооружения и военной техники по всем видам сил самообороны в течение 1998 и 1999 гг. не выявляет тенденции в направлении ее наращивания и свидетельствует о том, что Япония строго придерживается рамок перспективной программы.

Считается, что реализация этой программы будет осуществляться более эффективно, если при этом главное внимание уделять таким аспектам, как быстрое восполнение недостающего ВВТ и средств материально-технического обеспечения, упрощение заявок на обучение и подготовку личного состава, повышение эффективности затрат на эти цели, общую экономию средств, включая будущие обязательные затраты, связанные с вводом в строй новой техники, развитие системы закупок и механизмов снабжения, которые снижают закупочную стоимость ВВТ и других средств материально-технического обеспечения.

Следует отметить, что при заключении контрактов на поставку вооружения большую роль играют тесные личные связи руководства финансово-промышленных групп и компаний - производителей боевой техники с правительственным аппаратом и, в частности, с УНО. Так, в руководстве "Мицубиси дзюкоге" находится несколько десятков бывших старших и высших офицеров сил самообороны (всего в руководстве финансово-промышленных групп насчитывается более 160 бывших военнослужащих).

В соответствии с неофициально принятой системой "амакудари" ("схождения с небес на землю"), что означает принятие уходящих в отставку офицеров и генералов сил самообороны и служащих УНО в штат промышленных фирм, и системой "амаагари" ("вознесения на небеса"), т.е. назначения пред-

ставителей руководства этих фирм на государственные посты, связи военно-промышленного бизнеса с правительством постоянно укрепляются.

Используя эти связи, военные чиновники и военный бизнес превратили официальную систему распределения военных заказов в источник личного обогащения. Всеми способами содействуя росту высокоприбыльных военных заказов со стороны правительства, они заинтересованы в увеличении военного производства, в укреплении военно-политических и военно-экономических связей с США. Они - источник коррупции среди офицеров Управления поставок УНО. Об этом свидетельствуют, в частности, признания начальника УНО в "Белой книге по обороне 1999 г."¹¹.

Не признаваемая официально, но растущая и крепнущая система военного бизнеса и связанных с ним многочисленных правительственных организаций, союзов и обществ постепенно обретает черты, присущие военно-промышленному комплексу.

Особенности военного потенциала Японии

Военная доктрина Японии имеет четкую оборонительную направленность. Она ориентирует национальное военное строительство и правительство вооруженных сил на обеспечение надежной обороны государства. Ее отличает реалистический подход в оценке угроз и вызовов военного характера, на основе которого определяются как оптимальная численность личного состава вооруженных сил и их структура, так и соотношение между видами ВВТ и средствами различного назначения, которые в наибольшей степени соответствуют всему диапазону возможных боевых задач и вариантов обстановки. Адекватная оценка угроз позволяет правильно определить потребный состав группировок войск (сил), их структуру и дислокацию, а также рациональное распределение ресурсов на главных потенциально-опасных направлениях, не выходя за рамки оборонной достаточности. В японских силах самообороны преобладают оборонительные системы ВВТ. На их вооружении нет бомбардировочной авиации, оперативно-тактических ракет, авианосцев, дальнебойного высокоточного оружия (ВТО), разведывательно-ударных (огневых) комплексов и других систем оружия, объединяющих огневые (поражающие) средства с системами обеспечения и функционирующих в реальном масштабе времени.

Силы самообороны с имеющейся в настоящее время численностью и уровнем подготовки личного состава, количеством ВВТ с учетом их боевых возможностей, качеством функционирования систем управления войсками и оружием обеспечивают требуемый военной доктриной страны уровень оборонной достаточности. По насыщенности современный ВВТ, доля которых в общем количестве состоящих на вооружении систем, составляет около 50% и приближается к странам НАТО, а по некоторым параметрам, например, таким, как качество военно-морских вооружений, достигает уровня США. Силы самообороны Японии соответствуют облику современных вооруженных сил наиболее развитых государств мира.

Финансирование вооруженных сил, даже не превышая 1% ВВП в полной мере обеспечивает решение задачи по поддержанию военной мощи Японии на уровне оборонной достаточности и не является обременительным для государства, позволяя концентрировать необходимые ресурсы для решения экономических и социальных задач, обеспечивая потенциал, необходимый для стабильного развития.

Органы управления войсками (силами) всех степеней укомплектованы личным составом в оптимальном приближении к штатам военного времени и имеют достаточно высокую степень автоматизации и компьютеризации.

Важным моментом, обеспечивающим четкое функционирование вооруженных сил, является высокое развитие на всем пространстве Японии комплекса коммуникационных структур.

Занимая одно из первых мест в мире по числу инженерно-технических и рабочих кадров в промышленности, Япония способна в полном объеме обеспечить потребность всего спектра специалистов в условиях мобилизационного развертывания экономики. Крупные предприятия базовых отраслей промышленности могут в оптимальные сроки перейти на выпуск военной продукции. Определенные, но вполне преодолимые трудности могут возникнуть при решении задачи воссоздания системы кооперации в условиях нарушения производственного цикла в связи с размещением многих сборочных предприятий в других странах.

При исключительно высоком развитии базовых отраслей промышленности, сельскохозяйственного производства, транспорта и коммуникационных систем и довольно высоком уровне потребления, Япония практически не имеет собственной сырьевой базы и полностью зависит от экспорта сырьевых ресурсов, особенно энергоносителей.

Производственный потенциал страны в силу его высокой концентрации, наличия общих систем коммуникации и ряда других особенностей обладает недостаточной живучестью.

Несмотря на то что в силах самообороны налажена эффективная система боевой и специальной подготовки личного состава во всех видах вооруженных сил, родах войск и службах, обеспечивающая достаточно высокий уровень использования боевых возможностей ВВТ, она явно недостаточна для подготовки необходимого для военного времени резерва специалистов всех профилей, особенно для обслуживания и управления высокосложными видами ВВТ, не говоря уже о военно-технической подготовке всего взрослого дееспособного населения страны.

Помимо несовершенства системы профессиональной подготовки и накопления резерва военнообязанных, для японской системы обеспечения безопасности характерны недостаточная устойчивость отмобилизования войск и сил, весьма слабое развитие нормативной базы и механизма комплектования вооруженных сил и поставок техники из частного сектора в условиях кризисного развития обстановки и в период военного конфликта.

Судя по масштабам проводимых силами самообороны учений и маневров, в условиях приближенных к боевым достаточно высокая степень реализации потенциальных возможностей ВВТ достигнута лишь в составе войсковых формирований тактического звена, совместное применение ВВТ видов вооруженных сил и родов войск не отработано и, по всей видимости, не отличается высокой эффективностью.

Япония обладает довольно ограниченной научно-экспериментальной и опытно-конструкторской базой, непосредственно работающей в интересах обеспечения военных целей государства и его вооруженных сил, и вынуждена в связи с этим значительную часть ВВТ производить по иностранным лицензиям.

1. Военно-энциклопедический словарь. М., 1984. С.136.
2. Defense of Japan, 1998. Токио, 1998. P.50
3. Бэй хакусэ 1999. С. 375.
4. Нихон-но бэй, 1997. Токио, 1999. С.335..
5. Japan-U.S. Security Alliance for the 21st Century. Tokyo, 1996. P. 92.
6. Бэй хакусэ 1999. Токио, 1999. С.404.
7. Подсчитано по: Бэй хакусэ. 1999. Токио, 1999.С. 407.
8. Бэй хакусэ, 1999. Токио, 1999. С. 406.
9. Бэй хакусэ, 1999, Токио, 1999. С.90-91.
10. Бэй хандобукку, 1998. Токио, 1998. С.392.
11. Бэй хакусэ, 1999. Токио, 1999. С.11.

Проблемы оборонного строительства КНР на рубеже веков

© 2000

П. Каменнов

На рубеже XX и XXI столетий основные тенденции в области оборонного строительства КНР формируются под влиянием новых моментов в военно-доктринальных взглядах, главным из которых является тезис об отсутствии неизбежности возникновения новой мировой войны. Так на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) отмечалось, что мир и развитие стали преобладающей тенденцией нынешней эпохи, становится многополюсной структура мира и существуют возможности обеспечения мирной международной обстановки в течение относительно длительного периода. Вместе с тем, по китайским оценкам, стереотипы мышления периода холодной войны по-прежнему сохраняются, а гегемонизм и политика с позиции силы, как и прежде, несут угрозу миру и стабильности на планете. Сохраняет актуальность вопрос о вмешательстве во внутренние дела других стран под предлогами проблемы "прав человека" и другими предложениями¹.

В последнее время в международных отношениях отмечается развитие таких негативных тенденций, как попытки ослабить роль ООН и ее Совета Безопасности, укрепление и расширение военных блоков, подмена международного права силовым давлением вплоть до военного, использование тезиса о "превосходстве прав человека над суверенитетом" и теорией "гуманитарного вмешательства" для посягательств на суверенные права независимых государств². Таким образом, военный фактор, несмотря на сужение сферы своего влияния, продолжает занимать важное место в системе международных отношений.

В этих условиях, как следует из официальных заявлений, в частности из "Белой книги" по вопросам национальной обороны, опубликованной Госсоветом КНР в июле 1998 г., основным содержанием политики КНР в области военного строительства является укрепление обороны, противодействие агрессии и вооруженной подрывной деятельности, обеспечение государственного суверенитета, территориальной целостности, безопасности страны. При этом подчеркивается, что КНР не может быть источником агрессии и никогда не применит ядерное оружие первым, в особенности против неядерных стран и регионов³.

Значение, которое придается в Китае военному фактору, в частности можно видеть на примере тайваньской проблемы. Стремясь к объединению страны мирными средствами, Китай, однако "не берет на себя обязательства не прибегать к силе", полагая, что каждое государство имеет право использо-

---

Каменнов Павел Борисович, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №99-02-00287а.

вать все средства, если это необходимо, для защиты своего суверенитета и территориальной целостности⁴.

В Китае осознают, что роль стран и соотношение сил в мировой политике не остаются неизменными, поэтому следует быть готовым к любому изменению международной обстановки в неблагоприятном для Китая направлении. Руководство страны воспринимает как исторический императив необходимость превращения Китая в государство с мощными вооруженными силами, способными эффективно обеспечить защиту страны от внешней угрозы. Последний тезис в значительной мере обосновывается историческим опытом отношений страны с Западом в прошлом веке, когда Китай, отсталый в техническом и военном отношениях, несмотря на свою высокую культуру, испытал национальное унижение и попал в полуколониальную зависимость от западных стран⁵.

В рассматриваемый период серьезную озабоченность Пекина вызывают проявления нестабильности в отдельных регионах мира, в ряде случаев приводящие к различным по длительности и интенсивности локальным войнам и конфликтам. В этой связи, как следует из анализа китайских публикаций, в том числе директив по девятому пятилетнему плану экономического и социального развития КНР и перспективной программе до 2010 г., сохраняется долговременная установка на укрепление оборонного потенциала⁶. Как и в предшествующие годы, уделяется внимание развитию китайских вооруженных сил как инструмента опоры власти и поддержания внутривнутриполитической стабильности.

Вместе с тем подход к проблеме соотношения экономического и оборонного строительства претерпел коренные изменения. В отличие от периода "холодной войны", когда оборонный сектор находился в привилегированном положении и развивался в значительной степени автономно, ныне утвердилась новая концепция, согласно которой главной гарантией национальной безопасности страны являются рост ее совокупной национальной мощи, внутривнутриполитическая стабильность, наращивание научно-технического и технологического потенциала, согласованное развитие военной и гражданской сфер. Военное строительство не только увязывается с общей стратегией экономического развития, но и предполагает использование потенциала оборонного комплекса в интересах подъема экономики.

Последние годы характеризуются развитием законодательной базы оборонного строительства. Среди большого количества новых законодательных актов особое место занимает принятый в марте 1997 г. Закон КНР "О государственной обороне", которым, в частности, определены полномочия государственных органов власти в данной сфере и предусмотрено создание совместных координационных совещаний военных и гражданских органов в центре и на местах, решения которых в пределах их компетенции являются обязательными для исполнения. Эти меры призваны способствовать осуществлению единой государственной политики в области военного строительства. Закон юридически закрепляет руководство вооруженными силами со стороны КПК.

Согласно Закону, вооруженные силы КНР состоят из действующих войск НОАК и войск резерва, войск народной вооруженной полиции (НВП) и народного ополчения. Действующие войска НОАК представляют собой войска постоянной готовности, выполняющие внешние функции по защите государства; войска резерва в мирное время занимаются боевой подготовкой, а с объявлением мобилизации преобразуются в действующие войска. Войска НВП выполняют задачи по обеспечению государственной безопасности и общественного порядка. Народному ополчению отводится роль резерва, подчиненного военным органам. Законом прямо предусмотрена возможность использования для выполнения внутренних функций по поддержанию общественного порядка не

только полицейских формирований, но и НОАК, войск резерва и народного ополчения.

Преобладающей тенденцией в области военного строительства ныне становится совершенствование качественных параметров оборонного потенциала при одновременном сокращении численности НОАК. Руководством страны выдвигается требование "...укреплять армию за счет науки и техники, усиливать исследования оборонного значения, создать и совершенствовать механизм оборонной промышленности в соответствии с системой рыночной экономики, постепенно обновлять вооружение и снаряжение"⁷. Перед вооруженными силами ставится задача: повышать возможности ведения боевых действий при внезапных изменениях обстановки в условиях использования современной техники, в особенности "высоких" (научоемких) технологий⁸. Акцент на совершенствование технической оснащенности НОАК, в частности, нашел свое отражение в создании нового руководящего органа военного ведомства — Главного управления вооружений НОАК, подчиненного непосредственно Центральному военному совету КНР⁹.

Начиная с 1998 г. Китай в одностороннем порядке проводит поэтапное сокращение численности НОАК на 500 тыс. человек — с 3 млн. до 2,5 млн. человек, которое намечено завершить к концу текущего года. Сокращению подлежат главным образом сухопутные войска (на 19%), а также военно-воздушные и военно-морские силы (на 11,6 и 11%, соответственно)¹⁰. Наряду с этим, как отмечено выше, осуществляются меры по развитию резервных компонентов НОАК, а также по усилению народной вооруженной полиции, численность которой к 2000 г. намечается увеличить с 1,1 млн. до двух млн. человек¹¹.

Согласно новому Закону о воинской службе КНР 1998 г.,¹² комплектование вооруженных сил личным составом осуществляется на основе сочетания обязательной военной службы с добровольной. Для всех видов вооруженных сил установлен единый срок обязательной службы — 2 года, по истечении которого возможен переход на добровольную службу по контракту сроком от трех до 30 лет. Тем самым расширены возможности создания в вооруженных силах контингента высококвалифицированных военных и военно-технических специалистов, а также строительства резервных компонентов.

В области военного строительства Китай придерживается стратегии "активной обороны", суть которой выражена в принципе "Китай не нападает первым, пока против него не совершена агрессия, однако в случае нападения, Китай ответит контрударом".

Ядерная стратегия Китая отражена в концепции "ограниченного ответного ядерного удара", предполагающей строительство ограниченных по боевому составу ядерных сил сдерживания, способных созданием угрозы нанесения неприемлемого ущерба вероятному противнику заставить последнего отказаться от применения ядерного оружия против Китая. Такой подход не делает акцента на достижение ядерного паритета с развитыми странами и потому является рациональным с точки зрения экономии материальных и финансовых ресурсов.

Формирование взглядов на строительство сухопутных войск, военно-воздушных сил и военно-морских сил происходит на основе анализа крупных вооруженных конфликтов, происходивших в текущем десятилетии. Эволюция взглядов в этой области привела к утверждению концепции "быстрого реагирования" и "ограниченной войны в условиях применения "высоких" (научоемких) технологий", предполагающих создание сравнительно компактных вооруженных сил, оснащенных современной техникой и вооружением и способных к немедленному выполнению боевых задач в локальном (приграничном) конфликте. Соответственно в китайских вооруженных силах получили развитие мобильные силы НОАК и сделан особый акцент на разра-

ботку различных электронных систем военного назначения, включая системы дальнего обнаружения и оповещения, связи, управления войсками и оружием, средства "информационной войны".

Отличительной особенностью оборонного строительства Китая на рубеже веков является то, что оно осуществляется при умеренных военных расходах и сопровождается широкомасштабными конверсионными мероприятиями. В текущем десятилетии официальные военные расходы (ассигнования из госбюджета по статье "национальная оборона") не превышают 14,5 млрд.долл. США в год, что составляет менее 1,5% ВВП.

Следует отметить, что, согласно оценкам западных аналитиков, официальные расходы Китая на оборону являются частью общей суммы военных ассигнований, имеющей сложную структуру и включающую расходы на оборону, предусмотренные в других статьях госбюджета, а также внебюджетные военные ассигнования. Так, если официальные военные расходы предназначены главным образом для финансирования НОАК, то финансирование фундаментальных оборонных исследований осуществляются из других бюджетных источников — фонда научных исследований и разработок и фонда развития новых видов продукции; оба фонда предназначены для поддержки главным образом гражданских проектов, однако включают и средства для оборонных целей, доля которых составляет 10–15%. К другим бюджетным статьям, содержащим расходы на оборону, относятся капитальное строительство, пособия демобилизованным военнослужащим и их семьям, субсидии оборонной промышленности, специальные ассигнования на импорт вооружений¹³.

Внебюджетные военные расходы включают главным образом доходы от экспорта вооружений. Коммерческая деятельность армии, ранее приносившая немалые доходы, ныне свертывается как наносящая ущерб моральному состоянию личного состава и боевой учебе войск.

Отсутствие в китайской печати полных сведений о структуре финансирования расходов на оборону приводит к появлению различных оценок по данному вопросу. Так, Стокгольмский международный институт исследований проблем мира (СИПРИ) приводит следующие данные о расходах Китая на оборону (см. таблицу 1).

Таблица 1.

Расходы Китая на оборону в 1991–1998 гг.

	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.
1. Официальные расходы (в текущих ценах), млрд. юаней	33,031	55,071	72,006	91,710
млрд. долл.	7,2	6,0	8,4	11,0
2. Реальные расходы (в текущих ценах), млрд. юаней	53,7	97,2	124,0	155,6
млрд. долл.	11,7	9,5	14,5	18,7
3. Доля официальных расходов в ВВП, %	1,5	1,2	1,1	1,1
4. Доля реальных расходов в ВВП, %	2,5	1,9	1,8	1,9

Источник: SIPRI yearbook 1998: *Armaments, Disarmament and International Security*. 1998. New York. P. 348.

Эксперты Института оборонных исследований при Управлении национальной обороны Японии считают, что в последние годы фактические расходы Китая, как минимум, в три раза превышают официальные¹⁴. Эта точка зрения

разделяется Лондонским институтом стратегических исследований (ЛИСИ), который отмечал, что в 1998 г. при официальных военных расходах 11,0 млрд.долл. реальные военные расходы КНР составили 36,7 млрд.долл.¹⁵. Совершенно очевидно, однако, что даже при этих допущениях военные расходы КНР с учетом объективной необходимости модернизации оборонного комплекса, основы которого формировались в 50–60-е годы, численность населения и площади территории страны, не превышают уровня, соответствующего принципу оборонной достаточности. Для сравнения, в 1998 г. военные расходы Японии составили 36,99; Южной Кореи — 12,9; Великобритании — 36,6; Германии — 32,4; Франции — 39,8; США — 265,8 млрд.долл.¹⁶

Народно-освободительная армия Китая в результате сокращения насчитывает около 2,48 млн. человек и имеет в своем составе все компоненты современной армии, включая стратегические ядерные силы (см. таблицу 2), однако по технической оснащенности и мобильности продолжает отставать от вооруженных сил развитых в военном отношении стран.

Стратегические ядерные силы включают наземный, воздушный и морской компоненты и насчитывают в общей сложности около 180 носителей. Их основу составляют стратегические ракетные войска, на вооружении которых состоят 80–85 наземных пусковых установок баллистических ракет. Стратегическая авиация насчитывает 80 устаревших самолетов “Хун-6” (Ту-16). Морской компонент включает одну атомную ракетную подводную лодку с 12 пусковыми установками ракет “Цзюйлан-1”.

Сухопутные войска насчитывают 1,83 млн. человек и состоят из 59 общевойсковых дивизий полевых войск (в том числе 12 дивизий “быстрого реагирования” и 11 танковых), большая часть которых сведена в общевойсковые армии. Соединения и части недостаточно оснащены средствами противовоздушной обороны, противотанковыми ракетными комплексами, вертолетами армейской авиации, автотранспортом. Военно-воздушные силы насчитывают около 3500 боевых самолетов, в основном устаревших типов, и предназначены главным образом для решения задач противовоздушной обороны и в меньшей степени — для оказания поддержки сухопутным войскам. В их составе преобладает истребительная авиация, на долю которой приходится 85% самолетного парка. В военно-морских силах — 124 боевых корабля основных классов и 540 боевых самолетов и вертолетов морской авиации. Для охраны побережья имеется большое количество малотоннажных кораблей и катеров, способных действовать в прибрежной зоне. (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Численность, боевой состав и вооружение НОАК в 1991–2000 гг.

Наименование показателей	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.
1. Численность личного состава (тыс.чел.), в том числе:	3030	3030	2935	2840	2480
– стратегические ядерные силы	90	90	90	125	100
– сухопутные войска	2300	2300	2300	2090	1830
– военно-воздушные силы	470	470	470	470	420
– военно-морские силы	260	260	265	280	230
2. Боевой состав и вооружение <i>Стратегические ядерные силы</i>					
Носители ядерного оружия, в том числе:	200	206	219	167	173– 178
– пусковые установки ракет наземного базирования, из них:	68	74	87	75	81–86

Наименование показателей	1991 г.	1994 г.	1996 г.	1998 г.	2000 г.
пусковые установки МБР	8	14	17	17	15-20
- самолеты-носители*)	120	120	120	80	80
- пусковые установки ракет морского базирования**)	12	12	12	12	12
<i>Сухопутные войска</i>					
Общевойсковые дивизии полевых войск, в том числе:	90	91	96	89	59
- "быстрого реагирования"	—	—	—	3	12
- танковые	10	10	10	11	11
- воздушно-десантные	4	3	3	3	3
<i>Военно-воздушные силы</i>					
Боевые самолеты, в том числе:	5260	5260	5110	3740	3520
- бомбардировщики	470	470	420	300	280
- истребители-бомбардировщики	500	500	400	400	400
- истребители ПВО	4000	4000	4000	2750	3000
- самолеты разведчики	290	290	290	290	290
Вертолеты	400	400	190	190	210
<i>Военно-морские силы</i>					
Боевые корабли основных классов, в том числе:	149	103	107	115	124
- подводные лодки, из них:	93	47	63	61	71
- атомные ракетные	1	1	1	1	1
- эскадренные миноносцы	18	18	18	18	18
- фрегаты	37	38	36	36	35
Боевые самолеты авиации ВМС	880	880	605	535	541

Примечания: *) Из состава военно-воздушных сил.

**) Из состава военно-морских сил.

Источник: The Military Balance 1990-91, 1993-94, 1996-97, 1997-98, 1999-2000: By The International Institute For Strategic Studies. London.

Приведенные данные отражают начальную стадию процесса преобразования НОАК в армию современного типа, которая характеризуется сокращением численности личного состава и снятием с вооружения наиболее устаревших образцов техники, в результате чего к 1999 г. боевой состав и парк вооружения НОАК существенно сократились. Так, количество общевойсковых дивизий полевых войск уменьшилось с 89 до 59, стратегических носителей ядерного оружия — с 206 до 173-178, боевых самолетов в составе ВВС — с 5260 до 3520, подводных лодок — с 93 до 71, боевых самолетов морской авиации — с 880 до 540. Наряду с этим НОАК пополняется ограниченным количеством современных вооружений, закупаемых в России и странах Запада. Качественно новыми моментами являются создание формирований оперативно-тактических и тактических ракет, дивизий "быстрого реагирования", войск специального назначения. Особое внимание уделяется созданию и развитию сил и средств ведения "информационной войны", значение которой, как показал опыт вооруженных конфликтов последних десятилетий, постоянно возрастает.

В связи с ограниченностью оборонного бюджета и перестройкой военно-промышленного комплекса в условиях экономической реформы модернизация китайских вооруженных сил носит выборочный характер. Наибольшие усилия

прилагаются для переоснащения стратегических ядерных сил в качестве средства сдерживания. Другое направление — создание на базе имеющихся соединений хорошо оснащенных мобильных сил НОАК, предназначенных для действий в локальных войнах по периметру государственной границы, а также для оказания поддержки полицейским формированиям в обеспечении внутренней безопасности и общественного порядка. Численность этого компонента составляет около четверти миллиона человек (11% численности сухопутных войск); в перспективе предполагается включение в их состав ударной авиации и части сил флота¹⁷.

Одной из наиболее сложных проблем оборонного строительства остается модернизация научно-исследовательской и материально-технической базы военного производства. Этот процесс протекает в условиях формирования новых взглядов на роль и место ВПК в экономической системе государства, которые основываются на объективном анализе опыта предшествующего периода. Отмечается, что после образования КНР эта система создавалась по образцу плановой системы Советского Союза и отличалась высокой степенью централизации. В условиях слабой китайской экономики это сыграло положительную роль, поскольку позволило сконцентрировать усилия на ключевых объектах и в короткие сроки решить неотложные задачи по разработке и производству вооружений. Однако централизованная система перестала отвечать нынешним условиям бурного экономического роста. Кроме того, обособленное положение оборонного сектора привело к тому, что имеющиеся здесь передовые технологии не находили широкого применения в экономике страны. В свою очередь это вызвало укоренение в сфере производства таких негативных явлений, как чрезмерное потребление ресурсов, высокая стоимость и низкое качество продукции.

Ныне основные направления реформирования ВПК Китая на ближайшую перспективу определяются следующим образом: "...создать и совершенствовать механизм оборонной промышленности в соответствии с системой социалистической рыночной экономики" (из материалов XV съезда КПК, сентябрь 1997г.)¹⁸ и, наряду с этим, "...решить узловые технические проблемы, тормозящие прогресс военной науки и перевооружение армии, ускорить создание целевых НИИ и лабораторий для разработки современных высокотехнологичных вооружений"¹⁹.

Перед китайским ВПК ставится двойственная задача: во-первых — разработка и производство новых видов военной техники для продолжения модернизации вооруженных сил; во-вторых — активное участие в экономическом строительстве страны, в том числе посредством выпуска на оборонных предприятиях гражданской продукции, передачи передовых технологий из оборонного сектора в гражданский, подготовки научно-технических кадров "двойного" (военного и гражданского) назначения.

Китайские взгляды по проблеме реформирования оборонного научно-исследовательского комплекса исходят из умеренных военных расходов, отвечающих принципу оборонной достаточности. Так, исследования по созданию новых образцов вооружений предполагается вести в первую очередь в интересах совершенствования существующего вооружения и военной техники и одновременно развивать фундаментальные научные исследования, стремясь не допускать отставания от передового мирового уровня. Согласно стратегической концепции "активной обороны" китайские вооруженные силы должны быть готовы к ведению как оборонительных, так и наступательных боевых действий. Соответственно китайские системы вооружений должны обладать как оборонительными так и наступательными возможностями.

Среди проблем оборонной промышленности Китая, насчитывающей около 30 тыс. предприятий и 3 млн. человек персонала²⁰, следует выделить неадекватность структуры и оснащения отрасли, сложившихся в основном в 50-

60-е годы, новым военно-стратегическим условиям и проводимым в стране рыночным преобразованиям. Анализ практических мероприятий в данной сфере показывает, что военно-промышленный комплекс Китая преобразуется в качественно новую систему, в которой специфика оборонного сектора сочетается с требованиями рыночной экономики и усиливается интеграция военной и гражданской сфер с целью наиболее рационального использования интеллектуальных и материальных ресурсов как в мирное, так и в военное время.

По китайским взглядам, реформирование оборонной промышленности должно следовать ряду принципов, являющимися, с нашей точки зрения, общепринятыми в мировой практике. Важнейшим из них является создание так называемой системы малого военного производства и больших мобилизационных возможностей, при которой ограниченное по масштабам производство мирного времени служит базой для его интенсивного наращивания в военное время. Производственный потенциал мирного времени обеспечивает текущие ежегодные потребности армии в вооружении, замену устаревшего новым, создание более совершенных образцов техники, потребности торговли оружием на внешнем рынке; при этом реализуется принцип "больше научных исследований и разработок, выше технологический уровень продукции и меньше объемы ее производства; больше производственных и технологических резервов и меньше объемы запасов продукции". Мобилизационные возможности включают полное использование как мощностей оборонной промышленности, так и гражданской экономики того или иного региона.

В условиях проводимых в стране рыночных преобразований осуществляются меры по повышению экономической самостоятельности оборонных предприятий при сохранении руководства военно-промышленным комплексом со стороны государства в вопросах координации выпуска гражданской продукции с государственными, отраслевыми и региональными производственными планами. Наряду с этим изучается возможность использования в оборонной отрасли механизма конкуренции, предполагающего разработку и производство некоторых видов вооружений и военной техники несколькими ведомствами (предприятиями) с предоставлением заказчику возможности выбора разработчика и поставщика.

В Китае существует понимание того, что для сокращения сохраняющегося отставания от развитых стран в области оборонной науки, техники и технологии собственных усилий недостаточно. Решение проблемы связывается с открытостью внешнему миру и использованием в интересах модернизации оборонного комплекса научного и военно-технического сотрудничества с зарубежными странами, в том числе с Россией. Аргументом в пользу такой точки зрения служит объективно существующая тенденция развития мировой науки и экономики в направлении возрастающего взаимопроникновения и интеграции. Военно-техническая сфера в этом смысле не представляет исключения, поскольку многие страны не только импортируют передовые технологии и оборудование, но и осуществляют широкую кооперацию в создании новых видов вооружений.

Реформирование ВПК Китая включает две группы практических мероприятий: конверсию и создание новой научно-исследовательской и производственной структуры, отвечающей задачам модернизации вооруженных сил и участию оборонного сектора в экономическом строительстве.

В процессе конверсии Китай в течение двух последних десятилетий последовательно осуществил перевод оборонной промышленности из производителя только военной продукции в производителя военной и гражданской продукции, что способствовало технической модернизации традиционных отраслей производства и послужило весомым вкладом в развитие национальной экономики.

При формировании новой структуры оборонного научно-исследовательского и производственного комплекса Китай, под влиянием опыта развитых стран, совершает переход от прежней отраслевой системы оборонной промышленности, для которой характерна высокая степень централизации, к корпоративной системе, соответствующей рыночной экономике.

Начало этого процесса было положено созданием в конце 80-х — начале 90-х годов на базе министерств оборонной промышленности (2, 3, 4, 5, 6 и 7 министерств машиностроения) генеральных компаний, объединяющих научно-исследовательские учреждения и производственные предприятия соответствующих отраслей. После расформирования упомянутых министерств, осуществленного в 1998 г. в рамках масштабных мероприятий по сокращению государственного аппарата, китайский ВПК подвергся новой реорганизации, которая завершилась созданием в 1999 г. следующих десяти военно-промышленных корпораций:

- Китайская корпорация ядерной промышленности;
- Китайская ядерная строительная корпорация;
- Китайская космическая научно-техническая корпорация;
- Китайская космическая электротехническая корпорация;
- Первая китайская корпорация авиационной промышленности;
- Вторая китайская корпорация авиационной промышленности;
- Китайская судостроительная корпорация;
- Китайская корпорация тяжелого судостроения;
- Китайская промышленная корпорация;
- Китайская корпорация снаряжения (боеприпасов)²¹.

Военно-промышленные корпорации выполняют весь комплекс задач по выпуску военной и гражданской продукции, включая научные исследования, разработку, производство и реализацию. Руководство их деятельностью возложено на Государственный комитет оборонной науки, техники и промышленности, являющийся связующим звеном между Госсоветом КНР и Центральным военным советом КНР; с 1998 г. этот комитет осуществляет также функции отдела государственной обороны Государственного планового комитета КНР.

Создание военно-промышленных корпораций является отражением характерной для нынешнего Китая общей тенденции к созданию крупных научно-производственных объединений, обладающих, как показывает мировой опыт, более высокой экономической эффективностью по сравнению с отдельными предприятиями. В более широком смысле данный процесс является практическим шагом к созданию в оборонном секторе единой интегрированной системы военного и гражданского производства, позволяющей регулировать объемы и номенклатуру выпуска военной и гражданской продукции в зависимости от внешних и внутренних факторов. Качественно новым моментом здесь является создание благоприятных условий для сопряжения научно-технического и технологического потенциала военной и гражданской сфер в интересах их согласованного развития.

Корпорации включают военные предприятия, выпускающие только военную продукцию, и конверсионные, сочетающие выпуск военной и гражданской продукции. Основным направлением их деятельности является выполнение госзаказа для армии, некоторая часть военной и вся гражданская продукция производятся и реализуются по законам рынка. Исходя из реализуемого Китаем стратегического курса на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала, можно ожидать, что военно-промышленные корпорации будут иметь в качестве приоритетной задачи разработку и освоение производства высокотехнологичных вооружений для переоснащения НОАК.

Вместе с тем становление созданных военно-промышленных объединений будет, по-видимому, достаточно сложным и длительным процессом. Главным препятствием здесь является сохраняющееся научно-техническое отста-

вание Китая от уровня развитых стран, что влечет за собой недостаточное производственное освоение собственных научно-технических достижений, а также импортируемых технологий и оборудования.

Согласно оценкам Института экономики промышленности АОН Китая, несмотря на 20 лет экономической реформы и усилия по освоению "высоких" технологий, развитие Китая все еще не переведено на рельсы научно-технического прогресса. В стране сохраняется экстенсивная экономическая модель, которая характеризуется малой эффективностью капитальных вложений. На протяжении многих лет при больших объемах капитального строительства Китай уступает по этому показателю Японии и США в 5—8 раз. Среди причин отставания отмечаются недостаточное финансирование программ развития предприятий. Так, если в передовых странах на эти цели выделяется в среднем 3—5% стоимости реализованной продукции (в Японии и США этот показатель достигает 8—10%), то в Китае — менее 1,38%. В сфере "высоких" технологий, призванных играть ключевую роль в переходе от экстенсивной к интенсивной ресурсосберегающей модели развития, преобладают мелкие промышленные предприятия с персоналом 50 чел. и менее, которые, несмотря на предоставляемые им государственные льготы в налогообложении, испытывают большие трудности в конкуренции с иностранными транснациональными корпорациями. На научные исследования и разработку китайские предприятия расходуют менее 0,2% ВВП, в то время как в США этот показатель составляет 1,4%, а в Японии — 2,4%; в абсолютных цифрах эти расходы в 1990 г. составляли 1/170 расходов США и 1/100 расходов Японии²².

Существует и такая проблема, как непропорциональное финансирование закупок техники за рубежом и мероприятий по ее промышленному освоению в Китае: в то время как закупки осуществляются при финансовой поддержке государства, освоение целиком ложится на сами предприятия, возможности которых, как отмечено выше, весьма ограничены. Если в Японии и Южной Корее соотношение расходов на приобретение и освоение техники в среднем составляет 1:3, то в Китае оно не достигает и 6:1, что ведет к накоплению дорогостоящей техники, не находящей применения.

С учетом изложенного главные усилия при реформировании военно-промышленного комплекса направляются на развитие эффективной интеграции науки, техники и технологий при разработке вооружений в рамках новой научно-производственной структуры с конечной целью достижения оборонной промышленности КНР мировых стандартов к 2010 году²³.

Одним из важнейших направлений модернизации Китая, имеющем общегосударственное значение и непосредственно связанным с реформой военно-промышленного комплекса является перевод страны на современные "информационные рельсы", широкое освоение и внедрение современных информационных технологий. Для ускорения данного процесса на базе бывших министерств связи и электронной промышленности образовано министерство информации с широким спектром функций, охватывающим разработку политических решений, отраслевых программ, развитие производства электронной информационной продукции, программного обеспечения, сферы связи, обеспечение работы оборонной промышленности и других ведомств²⁴.

Особое значение придается воспитанию нового молодого поколения национальных научно-технических кадров, отвечающих требованиям XXI века. В кадровой политике делается упор на раскрепощение мышления и осознание широких возможностей по привлечению талантов в оборонный сектор на основе рыночных принципов и открытости. Для их реализации в стране создается целостная система по выявлению, привлечению и подготовке талантливых ученых и специалистов на конкурсной основе. Новым моментом здесь является открытие в г. Чанша (пров. Хунань) Научно-технологического университета национальной обороны, находящегося в ведении Центрального военного совета

КНР и являющегося центром подготовки командного состава и военно-технических специалистов высшей квалификации для НОАК и одновременно — центром разработок в области создания новейших вооружений и технологий, имеющих оборонное значение²⁵.

Оборонное строительство Китая ныне осуществляется в условиях нормализации отношений с Россией и другими сопредельными странами. С подписанием между Россией и Китаем Соглашения о границе на ее Восточной части (1991 г.) и Соглашения о границе на ее Западной части (1994 г.), которые ратифицированы парламентами двух стран и вступили в силу, российско-китайская граница впервые в истории определена договорными документами на всем ее протяжении. Особое значение имеет заключение между двумя странами важнейших соглашений, образующих уникальную систему мер доверия. Эти меры включают "...взаимные обязательства не применять первыми ядерное оружие, не нацеливать ядерные ракеты друг на друга, предотвращать опасную военную деятельность, исходя из принципа военной транспарентности в 200-километровой приграничной полосе". Пятисторонние соглашения между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Китаем о мерах доверия в районе государственной границы (1996 г.) и о взаимном сокращении вооруженных сил в районе государственной границы (1997 г.) являются беспрецедентными. Первое из них предусматривает "...неприменение силы или угрозы силой друг против друга, отказ от получения одностороннего военного превосходства, неиспользование войск, дислоцированных в районе границы как составной части всех вооруженных сил, для нападения на другую сторону". Вторым соглашением устанавливаются предельные уровни численности личного состава и количества вооружений и боевой техники каждой из сторон в 100-километровой пограничной полосе²⁶. В настоящее время страны-участницы соглашений работают над реализацией достигнутых договоренностей и намерены провести дальнейшее изучение возможностей укрепления мер доверия в военной области²⁷.

На рубеже веков оборонное строительство Китая направляется на совершенствование качественных параметров оборонного потенциала и создание вооруженных сил, способных при выполнении внешних функций по защите государства эффективно решать задачу ядерного сдерживания, действовать в ограниченной войне в условиях применения противником высокотехнологичного оружия и, наряду с этим, надежно обеспечивать внутреннюю безопасность страны, включая пресечение вооруженной подрывной деятельности. В этой области развиваются два параллельных процесса. Первый из них протекает в условиях конверсии значительной части оборонного комплекса и заключается в частичной модернизации армии, исходя из имеющихся на сегодня ограниченных возможностей, включая закупки партий вооружения за рубежом, главным образом в России. Второй процесс, как отмечено выше, заключается в глубоком реформировании военно-промышленного комплекса с целью коренного обновления научно-технического и экономического фундамента оборонного строительства и подготовки условий для выпуска военной техники нового поколения, основанной на "высоких" (наукоемких) технологиях. Это направление включает перспективные разработки систем вооружений, осуществляемые как самостоятельно, так и совместно с зарубежными странами, в первую очередь с Россией и Израилем.

Большое значение для Китая в решении проблем модернизации обороны имеет возобновление военно-технического сотрудничества с Россией, которое ныне осуществляется на долгосрочной основе в контексте развивающихся между двумя странами отношений равноправного доверительного партнерства и охватывает такие области, как военная наука, космос, связь, тыловое обеспечение, топография, гражданская оборона и другие. Китай получил возможность закупать российскую военную технику, готовить в России военно-

технических специалистов, осуществлять совместные проекты по разработке, модернизации и ремонту вооружений, обмену информацией, что, несомненно, способствует решению наиболее актуальных проблем модернизации НОАК.

В последние годы Китай закупил у России крупные партии бронетанковой, ракетной и военно-морской техники; приобретена лицензия на производство 200 российских истребителей Су-27 (в начале с.г. в г. Шэньян (пров. Ляонин) выпущена первая партия истребителей данного типа); заключено соглашение о ремонте на российских предприятиях китайских дизель-электрических подводных лодок. Заинтересованность в военно-техническом сотрудничестве с Китаем имеет и Россия, которая получает возможность использовать потенциал своего военно-промышленного комплекса для решения финансовых проблем.

В связи с ограниченностью оборонного бюджета и перестройкой военно-промышленного комплекса в условиях экономической реформы перевооружение НОАК ведется замедленными темпами. Наибольшие усилия прилагаются для переоснащения стратегических ядерных сил с целью повышения их боевой эффективности и живучести за счет развертывания твердотопливных баллистических ракет нового поколения взамен устаревших жидкостных. 1999 г. отмечен проведением первого испытательного пуска твердотопливной МБР "Дунфэн-31" мобильного базирования с дальностью свыше 7000 км, поступление на вооружение которой возможно в 2000 г.; ведется разработка более мощной МБР "Дунфэн-41" с дальностью около 11000 км. В сухопутных войсках перевооружение охватывает в первую очередь формирования, входящие в состав мобильных сил НОАК. Кроме того, по оценке Стокгольмского международного института исследований проблем мира (СИПРИ), с начала 90-х годов осуществляется развертывание оперативно-тактических ракет "Дунфэн-15" (М-9) и "Дунфэн-11" (М-11)²⁸.

В последние годы, наряду с разработкой новых образцов обычных вооружений, в частности основного боевого танка-2000 и многоцелевого истребителя "Цзянь-10" (F-10), предпринимаются усилия для преодоления отставания Китая от развитых в военном отношении стран в области высокоточного оружия. Так, в докладе министра обороны США о военной стратегии Китая (1997 г.) отмечено проведение работ по созданию китайской крылатой ракеты, поступление которой на вооружение возможно в начале XXI века²⁹. Ведется разработка китайской системы противоракетной обороны театра военных действий, опытный образец которой успешно прошел испытания в 1999 г.³⁰. Последний шаг, по-видимому, является реакцией Пекина на соглашение между США и Японией о совместных исследованиях по созданию аналогичной системы, представляющей собой усеченный вариант программы "стратегической оборонной инициативы" (СОИ), от которой Вашингтон вынужден был отказаться из-за ее высокой стоимости³¹.

Таким образом, на рубеже веков Китай совершает переход к военной системе, опирающейся на совокупную национальную мощь и согласованное развитие военной и гражданской сфер. Осуществив конверсию значительной части оборонного комплекса и сократив численность НОАК, Китай направляет основные усилия на создание прежде всего мощного научно-технического и производственного потенциала, позволяющего выпускать высокотехнологичные вооружения для переоснащения НОАК.

Становление китайского ВПК в рамках новой корпоративной структуры может быть завершено в ближайшие годы. При этом расходы на оборонные научные исследования и разработки, видимо, будут существенно возрастать, что объясняется общемировой тенденцией к усложнению и удорожанию военной техники нового поколения. По некоторым оценкам, к 2010 г. они могут достичь 9 млрд.долл. в год³², что сопоставимо с расходами на НИОКР США в середине 90-х годов. Тем не менее достижение китайским ВПК мировых стан-

дартов, ввиду сохраняющегося научно-технического отставания, представляется достаточно проблематичным и во всяком случае выходящим за пределы намеченного срока (2010 г.).

На рубеже веков Китай реализует исторический шанс: сосредоточить свои усилия на модернизации экономики и одновременно, по мере ее развития, укреплять национальную оборону. Учитывая приоритетное внимание, которое ныне уделяется в Китае экономическому строительству и решению сложных социально-экономических проблем, имеющих тенденцию к обострению — продолжающийся рост народонаселения, дефицит природных ресурсов, сокращение площади пахотных земель и т.д. — можно предположить, что масштабы и характер военного строительства Китая в обозримой перспективе будут определяться, исходя из принципа оборонной достаточности.

1. Информационный бюллетень Посольства КНР в РФ. 1997. № 28. С. 3; 1997. № 30. С. 5, 6.
2. Совместное российско-китайское заявление, декабрь 1999 г.// Проблемы Дальнего Востока. 2000г. № 1. С. 9.
3. Синьхуа 1998. 27 июля.
4. Жэньминь жибао 1998. 28 июля.
5. Internationale Politik. Bonn. 1997. 6/97. S. 11-16.
6. Девятый пятилетний план экономического и социального развития КНР и перспективная программа на период до 2010 г.// Жэньминь жибао. 1996. 20 марта).
7. Синьхуа 1997. 13 сентября.
8. Жэньминь жибао. 1995. 9 октября.
9. South China Morning Post. Internet edition. 1998. 6 апреля.
10. Оборона Китая. Примеч. автора: ("Белая книга" КНР по вопросам национальной обороны), 1998 // Жэньминь жибао. 1998. 28 июля).
11. ИТАР ТАСС. Токио. 1996. 18 июля.
12. Жэньминь жибао. 1998. 31 декабря.
13. SIPRI. 1998. P. 339-341.
14. ИТАР ТАСС. 1997. 3 марта.
15. The Military Balance 1999-2000, The International Institute For Strategic Studies. London. P.300, 302.
16. Ibid.
17. Зарубежное военное обозрение. 1996. № 7. С. 20-22.
18. Информационный бюллетень Посольства КНР в РФ. 1997. № 28. С. 3; 1997. № 30. С. 5, 6.
19. ИТАР ТАСС. 1995. 18 ноября.
20. Far Eastern Economic Review, 1998. 10 сентября.
21. Чжунго цзинцзи жибао. 1999. 5 июля.
22. Ли Цзинвэнь. Научно-технический прогресс и модернизация КНР. Пекин, 1998. С. 360-372.
23. Синьхуа. 1999. 28 октября.
24. Синьхуа. 1998. 10 марта.
25. ИНФО—ТАСС. 1999. 21 июня.
26. Карасин.Г. Россия—Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу.// Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 26.
27. Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 1 С. 6, 10.
28. Вооружения, разоружение и международная безопасность.//Ежегодник. 1995, СИПРИ / Перевод с англ. М.: Наука, 1996. С.271,296.
29. ИТАР ТАСС. Вашингтон. 1997. 8 мая.
30. Zhongguo Xinwen She. 1999. 14 сентября.
31. Зарубежное военное обозрение 1999. № 8. С. 51.
32. Мазин.А. Четвертая модернизация в Китае и российский ВПК ///. Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 12. С. 120.

О преступлениях против общественной безопасности в современном Китае

© 2000

Н. Ахметшин

После нескольких десятилетий топтания на месте КНР бурно финишировала во втором тысячелетии и на всех парусах устремилась в 21-й век. Становление мощной и влиятельной экономической державы, возвращение Сянган /Гонконга/ и Аомэня /Макао/, успешный запуск экспериментального космического корабля "Шэньчжоу" и другие яркие достижения на фоне политической стабильности в стране, устойчивого экономического роста действительно впечатляют.

Китаю с его огромным населением для продолжения поступательного движения по пути прогресса жизненно необходимы элементарный порядок в обществе и законопослушные граждане. Всего этого трудно было добиться за двадцать лет реформ, но, объективно, позитивные сдвиги налицо.

Уголовный кодекс /УК/1979 г.¹, принятый на второй сессии Всекитайского собрания народных представителей /ВСНП/ пятого созыва, был первым в истории КНР. После долгих лет сложных и неоднозначных политических процессов, судебного беспредела "культурной революции", весьма сомнительных, с точки зрения легитимности, заидеологизированных кампаний указанный кодекс при всех его недостатках и просчетах, бесспорно, стал не только очевидным достижением специалистов-разработчиков и китайских законодателей, но и продемонстрировал принципиальные положительные изменения в правовой культуре правящей элиты и всего общества.

О несовершенстве УК в стране заговорили очень скоро. Начавшиеся с конца 70-х гг. реформы не только привели к удивительным и грандиозным переменам в обществе, но и спровоцировали появление абсолютно новых для социалистического Китая видов преступлений, заставили по-иному взглянуть на криминогенную ситуацию. 14 марта 1997 г. после многолетних оживленных дискуссий, яростных споров и политических согласований на пятой сессии ВСНП восьмого созыва были внесены изменения в УК 1979 г.². Поправки и изменения носят столь масштабный и, временами, кардинальный характер, что можно с полным основанием говорить о реформе кодекса и всего уголовного законодательства.

Преступления, состоящие в нарушении установленных законодательством правил поведения, обеспечивающих общественную безопасность, выделены в отдельную главу 2 Особенной части. Нормы об уголовно наказуемых деяниях подобного рода в УК 1979 г. были закреплены в 11 статьях, сейчас - в 26 /ст. 114-139/. Сохранив почти все прежние составы преступлений, законодатель значительно увеличил число последних - до 42.

Почти четверть из них прописаны в статьях 114 и 115 /по пять в каждой/. Однако новым следует считать только отравление сельскохозяйственных угодий, водоемов, предприятий промышленности и инфраструктуры, общественных строений и т. д., которое наряду с поджогом, затоплением, взрывом или иным способом нанесения ущерба вышеуказанным объектам наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет, если эти действия не повлекли тяжких последствий /ст. 114/. Остальные 9 составов преступлений были и в прежнем кодексе - в диспозициях статьей 105 и 106. Еще одно дополнение можно обнаружить в части 2 статьи 115. Если раньше за перечисленные преступные деяния, причинившие тяжкое телесное повреждение, смерть человеку или крупный ущерб общественной, частной собственности, но совершенные по неосторожности, лишь проговаривались весьма различные по своей тяжести санкции /от ареста до семи лет лишения свободы/, то в нынешнем законе уже есть конкретные разъяснения относительно их применения.

Без изменений остались статьи 116 - нанесение повреждений железнодорожному подвижному составу, автотранспорту, транспортным средствам на электрической тяге, водным судам, воздушному транспорту, 117 - нанесение повреждений железнодорожным путям, мостам, тоннелям, шоссе, шоссейным дорогам, водным путям, маякам, указателям, 118 - нанесение повреждений линиям электропередачи, газопроводам или другому легковоспламеняющемуся и взрывоопасному оборудованию /ранее статьи 107 -109/. Все эти преступления, создавшие опасность аварии, катастрофы или совершенные в ущерб общественной безопасности, но в то же время не повлекшие тяжких последствий, караются лишением свободы на срок от трех до десяти лет. Минимальные поправки внесены в статью 119 /ст. 110 УК 1979 г./. Как и в случае со статьей 115, они касаются части 2 и носят уточняющий характер.

В старом Китае, судя по кинематографу, исторической и художественной литературе, террористические организации были не редкость. Достаточно вспомнить прекрасную ленту знаменитого китайского кинорежиссера Чжан Имоу "Шанхайская триада" /перевод очень условный/ с блистательной Гун Ли в главной роли о нравах, царивших в мегаполисе в 20-30-е гг. XX в. Согласно официальной версии, в дореформенном социалистическом Китае с ними было покончено, поэтому Уголовный кодекс 1979 г. умалчивает о такого рода преступной деятельности. По признанию специалистов, явление возродилось в 80-е гг. и быстро приобрело национальный размах. Выступая в марте 1997 г. на пятой сессии ВСНП восьмого созыва с разъяснениями по проекту нового варианта УК, заместитель председателя Постоянного комитета /ПК/ ВСНП Ван Ханьбинь отнес данную проблему к числу "изученных" "для принятия достаточно твердого решения о включении" новых положений в закон³.

За организацию, руководство или активное участие в террористической организации устанавливается лишение свободы на срок от трех до десяти лет; прочим участникам грозит лишение свободы до трех лет, арест либо надзор. Деяния, повлекшие убийство, взрыв, захват заложника и другие преступления, караются в соответствии с положениями о наказании за совершение нескольких преступлений /ст. 120 /. В этой связи хотелось бы заметить, что террористические акты с человеческими жертвами в современном Китае, по материалам местных СМИ, в последние годы участились.

Только 14 февраля 1998 г. мощные взрывы прогремели сразу в двух крупнейших городах - Ухань /административный центр провинции Хубэй/ и Чанша /административный центр провинции Хунань/. В Ухани на подъезде к мосту через реку Янцзы был взорван троллейбус, курсировавший по маршруту Ханькоу-Учан. В результате 16 человек погибли, 30 получили ранения. В Чанша из-за сильного взрыва на привокзальной площади погибла одна женщина, двое человек были тяжело ранены⁴. Как сообщило агентство Синьхуа от 3 марта 1999 г., полиция арестовала 3 подозреваемых в подрыве железнодо-

рожного полотна в провинции Хэбэй. 42-летний чиновник из уезда Синтай произвел взрыв на трассе Пекин-Гуанчжоу 20 января 1999 г., парализовав движение на четыре часа. Ли Хунсинь совершил это преступление после того, как "не получил комиссионных за посредничество в открытии угольной шахты". Двоюродный брат "рассердившегося" - Ли Юнсинь - помог изготовить взрывное устройство с часовым механизмом, а знакомый по имени Ван Цинху - установить его.

Наибольшую опасность для общества представляет деятельность мусульманских террористических организаций в северо-западном Синьцзян-Уйгурском автономном районе /СУАР/, выступающих за отделение от КНР и создание так называемого государства Восточный Туркестан. Как сообщило агентство Синьхуа 21 октября 1999 г., заместитель председателя общества китайских мусульман Ван Яобинь обвинил экстремистов в том, что "прикрываясь религиозными лозунгами, они занимаются террористической деятельностью", подвергают серьезной угрозе общественный порядок и стабильность в районе. По его словам, действия властей направлены не на ограничение свободы вероисповедания, а на обеспечение нормальной религиозной деятельности и прав граждан.

Согласно материалам ИТАР-ТАСС от 3 марта 1999 г., в СУАР по приговору суда были казнены 10 человек, являвшихся членами запрещенной подпольной террористической организации, выступающей за отделение Синьцзяна. В качестве главных пунктов обвинения им были предъявлены раскольническая деятельность, организация массовых беспорядков в ряде районов СУАР, совершение убийств, террористических актов и других особо тяжких преступлений. Еще 45 членов упомянутой организации были осуждены соответственно к смертной казни с двухлетней отсрочкой исполнения приговора и длительным срокам лишения свободы.

По данным того же агентства со ссылкой на сянганскую /гонконгскую/ печать от 23 января 1999 г., местный суд в СУАР приговорил одного человека к смертной казни и 29 - к различным срокам лишения свободы за их роль в волнениях в этом регионе в 1997 г., когда погибло девять и было ранено более 200 человек. На совещании прокуроров Синьцзяна один из партийных руководителей района Ван Лэцюань призвал "сделать приоритетной борьбу по ликвидации террористов". Синьцзян, сказал он, является постоянным объектом деятельности сепаратистов, находящихся как внутри страны, так и за ее пределами. Необходимо применять жесткие меры и суровые наказания в отношении таких преступников.

Указанная проблема неоднократно поднималась Китаем на международном уровне. Так, вопросы совместной борьбы с террористами неизменно стоят в повестке дня встреч руководителей КНР со своими коллегами из государств Центральной Азии и России, соответствующие пункты закреплены в подписанных по итогам переговоров соглашениях.

Лишением свободы на срок десять и более лет либо пожизненным заключением наказываются захват воздушного судна с применением насилия, принуждения или иных способов. Если эти действия повлекли тяжкое телесное повреждение, смерть человека или нанесли серьезный урон воздушному судну, применяется смертная казнь /ст. 121/. Используемое в статье понятие "захват" формально не предполагает цели "угона" воздушного судна, однако в общеполитической лексике и на практике четкие разграничения на этот счет отсутствуют.

Ранее схожая норма была закреплена в пункте 3 статьи 100 главы "Контрреволюционные преступления" Особенной части УК 1979 г. Ряд факторов способствовали ее переносу в рассматриваемую главу. Во-первых, властям трудно было рассчитывать на выдачу угонщиков, ибо по китайскому законодательству их действия квалифицировались как контрреволюция, в результате

чего во многих странах "воздушных пиратов" воспринимали как диссидентствующих политических преступников со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Во-вторых, присоединение КНР к ряду международных конвенций накладывало обязательства юридического характера. Например, многосторонние конвенции в области воздушного права регламентируют среди прочего вопросы борьбы с незаконным вмешательством в функционирование гражданской авиации, в частности с незаконным захватом воздушных судов/Гаагская конвенция 1970 г./, незаконными действиями, направленными против безопасности гражданской авиации / Токийская конвенция 1963 г. и Монреальская конвенция 1971 г./ . Официально присоединившись ко всем этим конвенциям в 80-е гг., Пекин должен был внести коррективы в собственное уголовное законодательство, что он и сделал. В 1987 г. и 1992 г. на 21-м и 29-м заседаниях ПК ВСНП соответственно шестого и седьмого созывов были приняты Установление о распространении уголовной юрисдикции на преступления, предусмотренные положениями международных договоров, которые КНР заключила или к которым присоединилась⁵, и Постановление о наказании преступников, захвативших воздушное судно⁶. Таким образом статья о захвате воздушного судна и оказалась в главе "Преступления против общественной безопасности".

В 80-90-е гг. неоднократно предпринимались попытки захватов и угонов самолетов китайской гражданской авиации. Летом 1999 г. Чжоу Вэйцян и Хань Фэнъин, обвиненные в угоне самолетов на Тайвань, были приговорены к лишению свободы на 15 и 7 лет. Чжоу Вэйцян в июне 1994 г. захватил самолет, следовавший из Фучжоу /административный центр провинции Фуцзянь/ в Гуанчжоу /административный центр провинции Гуандун /, и приказал пилотам совершить посадку на Тайване. По его словам, ссора с женой и несправедливая компенсация, выплаченная за гибель его двоюродной сестры в автодорожной катастрофе, натолкнули на мысль о мести. В феврале 1999 г. он был выдан тайбэйскими властями и вскоре предстал перед судом. Хань Фэнъин совершила подобное преступление вместе со своим мужем в сентябре 1993 г. Приговор ей был вынесен судом средней ступени города Цзинань /административный центр провинции Шаньдун/. О судьбе мужа не сообщалось⁷.

С вмешательством в работу летного состава при исполнении им служебных обязанностей и безопасностью полетов непосредственно связана статья 123 - насилие в отношении экипажа находящегося в полете воздушного судна. В зависимости от последствий оно карается лишением свободы на срок от пяти до десяти и более лет либо пожизненным заключением. В уголовном законодательстве КНР этот состав преступления прежде отсутствовал. Только в Законе о гражданской авиации 1995 г. /ст. 192/ впервые указанное насилие на находящемся в полете гражданском воздушном судне, не повлекшее тяжких последствий, предлагалось квалифицировать по статье 105 /поджог, затопление, взрыв или иными способами причинение ущерба общественной безопасности без тяжких последствий/, а если оно повлекло тяжкие последствия, - по статье 106 УК 1979 г. /те же преступные деяния, что и в статье 105, но при наличии тяжких последствий/⁸. При подготовке кодекса 1997 г. упоминание о "гражданском" воздушном судне было снято, поскольку действие статей 121 и 123 распространяется на воздушные суда различной принадлежности, включая гражданские, военные, полицейские, международных организаций и др.⁹

Захват водного судна, автотранспортного средства с применением насилия, принуждения или иных способов влечет за собой лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, при наступлении тяжких последствий -десять и более лет либо пожизненное лишение свободы /ст. 122/. Вслед за "захватом воздушного судна" в современном варианте Уголовного кодекса в отдельную статью выделен "захват водного судна, автотранспорта", хотя в УК 1979 г. они были объединены с "захватом поезда, транспортного средства на электрической тяге" /пункт 3 статьи 100/. Законодатель разумно посчитал, что захват и

угона транспортного средства, маршрут которого всецело зависит от проложенных рельсов или протянутых проводов, выглядят, мягко говоря, неубедительно, поэтому в законе остались лишь первые два "захвата".

Следует также заметить, что статья 100 главы 1 "Контрреволюционные преступления" Особенной части прежнего варианта УК включала широкий спектр общеуголовных преступлений, объединенных откровенно расплывчатой формулировкой "контрреволюционная цель". Так, помимо вышеуказанного захвата самых разнообразных транспортных средств, в ней можно было найти и поджог, и затопление, и разбой, и изготовление, грабеж, кражу стрелкового оружия, и т. д. Сейчас перечисленные составы преступлений уже включены в другие разделы УК.

Кроме того, в статье 122 используется иное слово, обозначающее судно. Нынешнее понятие-более широкое, чем прежнее. Помимо более или менее крупных гражданских и военных судов морского и речного базирования, оно включает в себя также рыбацкие шхуны, пассажирские катера, прогулочные теплоходы и т. д. Кстати, вряд ли случайным следует считать то обстоятельство, что в части 2 статьи 430 главы 10 "Преступления военнослужащих против воинского долга", где речь идет о бегстве за границу или за границей при управлении военным, гражданским водным судном, в несколько модифицированном виде прописан именно "старый" термин.

В 1998-1999 гг. на шумевшим стало дело о морском пиратстве в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Пираты захватили транспортное судно "Чаншэн" с 23 китайскими моряками и грузом металлолома, поднявшись на борт в форме сотрудников управления по борьбе с контрабандой, когда оно находилось в тайваньском порту по пути из Шанхая в Малайзию. После выхода судна в открытое море "полицейские" собрали членов команды на палубе и надели на них наручники. Через своего посредника в южнокитайском городе Шанвэй / провинция Гуандун/ пираты договорились с индонезийским бизнесменом в Сингапуре о продаже "Чаншэн" за 350 тысяч долларов без команды. От последней было решено избавиться в море. Моряков убили и выбросили за борт. Тела 20 из них позднее обнаружили рыбаки.

В начале 1999 г. большинство преступников было арестовано. В ходе следствия выяснилось, что пираты, возглавляемые индонезийцем китайского происхождения Суони Взем, предпринимателем из Шанвэя Вэн Сыляном и рабочим Цзя Хунвэем, в свое время захватили танкер, перевозящий пальмовое масло из Сингапура, и судно с грузом патоки. В декабре 1999 г. 38 человек предстали перед судом. Они обвинялись также в убийствах, разбое, контрабанде наркотиков, хранении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ¹⁰. Это был наиболее вопиющий случай морского пиратства за период после образования КНР.

Вероятно, под влиянием описанных событий министерство общественной безопасности в конце 1999 г. провело совещание по вопросам ужесточения борьбы с преступлениями на море, целью которого было обеспечение безопасности плавания в территориальных водах и международного судоходства. Как сообщало агентство Синьхуа 25 ноября 1999 г., ситуация на юго-восточном побережье Китая и в прилегающей к нему акватории в последние годы заметно ухудшилась. Поэтому министерство общественной безопасности призвало полицейские службы прибрежных районов усиливать координацию и укреплять сотрудничество с местными судами, прокуратурами и таможенными органами в борьбе с совершаемыми на море преступлениями.

В какой-то степени отражением достижений научно-технического прогресса в Китае и переменах в уровне жизни граждан обусловлены изменения в статье 124 - нанесение повреждений объектам телерадиовещания, телекоммуникаций в ущерб общественной безопасности / ст. 111 УК 1979 г./ Так, раньше говорилось о повреждении лишь радиостанций. С повсеместным рас-

пространением телевидения проблема была поставлена шире. Одновременно с учетом современных реалий мощного прогресса высокотехнологического и наукоемкого производства телеграф, телефон и другие средства связи были объединены в более емком и научном понятии "телекоммуникации".

Вопросы противоправной деятельности, связанной со стрелковым оружием, регулируются в шести статьях настоящей главы /ст. 125-130/. Если в УК 1979 г. была одна статья о незаконных производстве и обороте такого оружия /ст. 112/, то сейчас эта тема получила интенсивное развитие. В Уголовном кодексе нет деления на огнестрельное, пневматическое, сигнальное, газовое и другое оружие. В соответствии с Законом о контроле за стрелковым оружием, принятым ПК ВСНП в 1996 г., последнее - это ствольное оружие, пригодное для причинения человеку телесного повреждения, смерти или утраты им непосредственного отражения действительности органами чувств с помощью стрельбы металлическими пулями или другими материалами, получающими направленное движение за счет энергии порохового заряда, сжатого газа или другой энергии /ст. 46/¹¹.

Незаконные производство, торговля, перевозка, пересылка по почте, хранение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет; при отягчающих обстоятельствах - десять и более лет, пожизненным заключением либо смертной казнью. Точно так же караются незаконные торговля, перевозка ядерного материала /ст. 125/. Несмотря на очевидную схожесть с положениями прежнего УК /ст. 112/, в данной статье много нового. Появилось понятие "взрывчатые вещества". Правда, в уголовном законодательстве оно встречается уже в постановлении 2 сентября 1983 г. на 2-м заседании ПК ВСНП шестого созыва Постановлении об усилении наказаний преступников, серьезно нарушивших общественную безопасность¹². Кстати, в этом же постановлении за указанные преступные деяния вводилась смертная казнь /ранее максимальное наказание - пожизненное лишение свободы/. Обобщив опыт работы правоохранительных органов почти за два десятилетия, законодатель дополнительно включил в часть 1 статьи 125 положения о незаконных пересылке по почте и хранении стрелкового оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.

Новый состав преступления в части 2 данной статьи - незаконные торговля, перевозка ядерного материала. Его появление обусловлено внешнеполитическими факторами. Как известно, 3 марта 1980 г. была принята международная Конвенция о физической защите ядерного материала, в которой были закреплены технические и правовые способы его защиты при международной транспортировке и, учитывая особую опасность хищения и распространения этого материала во враждебных целях, определены составы преступлений, порядок привлечения к ответственности нарушителей и выдачи их. Основная цель борьбы с правонарушениями - предотвратить потенциальную опасность в результате незаконного захвата и использования ядерного материала. В 1989 г. КНР с оговорками присоединилась к конвенции, взяв на себя соответствующие обязательства, что и нашло отражение в законе.

Кроме того, в статье 125 предусматривается уголовная ответственность юридического лица за совершенное преступление /ч. 3/. Следующая статья, как бы развивая последнее положение, фиксирует уголовную ответственность организации, которая нарушила инструкции по стрелковому оружию, занимаясь производством и сбытом такого оружия на законных основаниях. К числу нарушений отнесены превышение квот или производство, снабжение стрелковым оружием, не отвечающим стандартам; производство такого оружия без номеров, с повторяющимися, фальшивыми номерами; незаконный сбыт внутри страны стрелкового оружия, произведенного на экспорт, и др. /ст. 126/. Норма, естественно, прописана в кодексе впервые, поскольку в УК 1979 г. уголовная ответственность юридического лица вообще не была предусмотрена.

За тайное или открытое хищение стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ следует лишение свободы на срок от трех до десяти лет: при отягчающих обстоятельствах - десять и более лет, пожизненное заключение либо смертная казнь. Лишение свободы на десять и более лет, пожизненное лишение свободы либо смертная казнь ожидает преступников, совершивших нападение в целях хищения стрелкового оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, их тайное или открытое хищение, если они принадлежали государственным органам, военнослужащим, сотрудникам полиции, бойцам народного ополчения /ст. 127/.

Указанная статья претерпела любопытную эволюцию. В кодексе 1979 г. была норма о тайном или открытом хищении стрелкового оружия, боеприпасов, принадлежавших государственным органам, военнослужащим, сотрудникам полиции, бойцам народного ополчения /ст. 112/. В приведенном выше Постановлении об усилении наказаний преступников, серьезно нарушивших общественную безопасность, упоминание о тех, кому стрелковое оружие или боеприпасы принадлежали, снимается. В то же время само преступление могло караться более строго, допускалось применение наказания "выше высшего предела". Поскольку максимальным по статье 112 было пожизненное лишение свободы, то новая формулировка означала в данном случае смертную казнь. Примерно в том же виде этот состав преступления закреплен в части 1 статьи 127 кодекса 1997 г. В части 2 несколько неожиданно вновь появляются "владельцы" стрелкового оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ. Внятных разъяснении на этот счет в китайской юридической литературе найти не удалось. Представляется, что их "второе пришествие" вызвано тяньань-мэньскими событиями 1989 г., когда подобные преступные действия действительно имели место.

Статьи 128-130 устанавливают уголовную ответственность за незаконные ношение или тайное хранение стрелкового оружия в нарушение инструкций, незаконные сдачу его в аренду или передачу иному лицу, несвоевременное заявление о его утере и т. д.

Работники гражданской авиации, нарушившие правила безопасности движения и эксплуатации воздушного судна, что привело к серьезному инциденту в полете, при тяжких последствиях караются лишением свободы на срок до трех лет либо арестом; если эти действия повлекли авиакатастрофу или смерть людей, они наказываются лишением свободы от трех до семи лет /с. 131/. По мнению китайских юристов, субъективная сторона этого состава преступления характеризуется неосторожной формой вины¹³. При легкомыслии лицо, нарушая правила безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта, предвидит возможность причинения вреда здоровью человека или крупного ущерба, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на их предотвращение или ненаступление, а при небрежности оно не предвидит наступления указанных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Субъектом преступления может быть лицо, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанное соблюдать правила безопасности движения или эксплуатации воздушного судна, т. е. работник гражданской авиации, как записано в статье 131. Данное понятие раскрывается в Законе о гражданской авиации 1995 г. Под "работниками гражданской авиации" понимаются: во-первых, летный состав /отряд/ - пилоты, штурманы, бортинженеры, бортрадисты, стюарды и стюардессы; во-вторых, наземный персонал - авиационно-технический состав, персонал управления воздушным движением, авиационно-диспетчерский состав, персонал, обслуживающий авиационные радиотехническое оборудование и средства связи /ст. 39/¹⁴.

Вопросы нарушения правил безопасности движения и эксплуатации работниками железнодорожного транспорта регулируются положениями ста-

тьи 132. Как и предыдущая, она впервые включена в Уголовный кодекс в качестве самостоятельной нормы. В Законе о железных дорогах 1990 г. об уголовной ответственности железнодорожников говорилось в самом общем виде. Однако по мере быстрого развития в стране этого вида транспорта весьма актуальной стала проблема обеспечения безопасности перевозок. Нередко аварии с тяжкими последствиями происходят по вине нерадивых работников.

В декабре 1999 г. в городе Хэнъян /провинция Хунань/ машинисты Ли Цзинчэн и Чжан Хун были приговорены соответственно к 1 году и 6 месяцам лишения свободы. 9 июля того же года в 22.43 по местному времени из-за нарушения ими правил безопасности движения пассажирский поезд 461, следовавший по маршруту г. Учан /провинция Хубэй/ - г. Чжаньцзян /провинция Гуандун/, сошел с рельсов в районе Хэнъяна. В результате железнодорожной аварии погибли 9 человек, 40 пассажиров получили ранения. Прямой экономический ущерб превысил 6, 1 млн юаней / более 700 тысяч долларов США/. Движение по важнейшей магистрали Пекин - Гуанчжоу /административный центр провинции Гуандун/ было остановлено на 32 часа¹⁵.

Еще целый ряд составов преступлений /ст. 133-134, 136/ в рассматриваемой главе в основном описаны в диспозициях статей УК 1979 г. /ст. 113-115/. Заслуживает внимания лишь отсутствовавшее раньше положение о бегстве с места дорожно-транспортного происшествия лица, нарушившего правила движения транспорта, в результате чего произошла авария с причинением тяжкого телесного повреждения, смерти человека или нанесением крупного ущерба общественной собственности. Наряду с другими особо злостными обстоятельствами оно наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет. Если бегство повлекло смерть человека, предусматривается лишение свободы на семь и более лет /ст. 133/.

Статьи 135, 137-139 в кодексе новые. В них определены санкции за преступления против общественной безопасности в отношении руководителей и конкретных ответственных лиц на производстве и в учебном процессе. В двух статьях закреплена ответственность должностных лиц за нарушение правил безопасности на заводах, рудниках, в лесных хозяйствах, строительных и других организациях /ст. 135/, а также в учебных заведениях или в ходе учебных мероприятий /ст. 138/. Лица, непосредственно ответственные за снижение строительными, проектными, монтажными, инженерными организациями нормативов качества на объектах, что привело к серьезному инциденту, связанному с безопасностью, могут быть приговорены к лишению свободы до пяти лет либо аресту, в качестве дополнительного наказания применяется штраф; при особо тяжких последствиях их ожидает заключение на срок от пяти до десяти лет, плюс штраф /ст. 137/.

Последняя статья все чаще оказывается востребованной в современном Китае. Поражающий воображение нынешний строительный бум имеет и свои теневые стороны. Так, постоянно поступает информация о низком качестве строительных работ, в результате чего происходят всевозможные аварии с человеческими жертвами. В 1998-1999 гг. рухнуло сразу несколько мостов, что вызвало резкое недовольство властей. Поэтому в марте-апреле 1999 г. на всю страну по центральному телевидению была организована трансляция суда над 13 обвиняемыми по делу о катастрофе в уезде Цицзян города центрального подчинения Чунцин, где в реку упал только что построенный пешеходный мост. Тогда погибли 40 и получили ранения 14 человек. Процесс исключительно широко комментировался в печати.

В июне 1999 г. в городе Ичан /провинция Хубэй/ к различным срокам лишения свободы были приговорены четыре человека, причастные к делу о рухнувшем мосте в уезде Бадун той же провинции. Авария произошла в феврале 1998 г. и унесла жизни 11 человек, 14 получили ранения. Суд решил, что

трагедия стала следствием серьезных нарушений в проектировании и строительстве моста¹⁶.

Глава завершается нормой об уголовной ответственности за нарушение правил противопожарной безопасности лицами, на которых лежала обязанность по их соблюдению /ст. 139/. Специалисты и местные СМИ признают, что пожары представляют собой самую большую угрозу для китайских городов. В 1999 г. в КНР произошло около 180 тысяч таких пожаров, что на 40 с лишним процентов выше показателя 1998 г. Они унесли жизни 2700 человек и причинили прямой экономический ущерб в размере 1,4 млрд юаней /170 млн долларов/. Несмотря на то, что по числу погибших пожары уступают дорожно-транспортным происшествиям, однако первые приводят к разрушению объектов инфраструктуры, материальному ущербу, а в более серьезных случаях к нарушению систем жизнеобеспечения городов. По словам экспертов, многие еще не осознали исключительную важность предотвращения пожаров. Главной причиной их увеличения является отсутствие необходимого противопожарного оборудования и строгого контроля за противопожарной безопасностью¹⁷.

В середине 1999 г. Ван Цзиньлай и Чжан Цзяньго, отвечавшие за соблюдение требований, норм и стандартов противопожарных сооружений и обеспечение средствами противопожарной защиты в пекинском доме мебели "Юйцюаньин", расположенном на юге столицы, были приговорены к лишению свободы соответственно на 4 и 3 года после того, как 5 мая этот крупный магазин был полностью уничтожен огнем. Прямой экономический ущерб составил 20,87 млн юаней /около 2,5 млн долларов/¹⁸.

Изменения в законодательстве о борьбе с преступлениями против общественной безопасности и практика его применения свидетельствуют о преэминентности политики пекинских властей, четкой и последовательной их позиции, адекватной реакции на современные китайские реалии.

1. КНР. Конституция и законодательные акты. М., 1984. С. 331-366.
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго синфа. (Уголовный кодекс КНР). Пекин, 1997. С. 1-96.
3. Синь синфа цюаньшу. (Энциклопедия нового Уголовного кодекса). Пекин, 1997. С. 56.
4. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1998. 16 февраля.
5. Синфа сюэ цюаньшу. (Энциклопедия уголовного права). Шанхай, 1993. С. 903.
6. Энциклопедия нового Уголовного кодекса. С. 1531.
7. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 20 июня.
8. Чжунхуа жэньминь гунхэго фалюй цюаньшу. (Полный свод нормативных актов КНР). Цзилинь, 1997. Т. 6. С. 1157.
9. Синь синьфа дьяньды чуаньчжи. (Разработка нового Уголовного кодекса). Пекин, 1997. С. 168, 171.
10. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 13 декабря.
11. Полный свод нормативных актов КНР. Т. 7. С. 1158.
12. Энциклопедия уголовного права. С. 901-902.
13. Синь синфа дьянь ши юй инюнь. (Комментарий и порядок применения нового Уголовного кодекса). Чанчунь, 1998. С. 248.
14. Полный свод нормативных актов КНР. Т. 6. С. 1143.
15. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 1999. 9 декабря.
16. Синьхуа мэжи дьяньсюнь. 1999. 4 июня.
17. Информационный бюллетень агентства Синьхуа. 2000. 10 марта.
18. China Daily. 05. 06. 1999.

Внешние связи и национальное развитие: опыт Тайваня

© 2000

П. Мозиас

С началом в 1997 г. азиатского финансового кризиса былые дискуссии о секретах «экономического чуда» Восточной Азии стали на какое-то время казаться многим просто неуместными. Методы экономической политики и институциональные структуры, сложившиеся в восточноазиатских странах, стали изображаться критиками как источники имманентной неэффективности, закономерно приведшие к хозяйственной катастрофе. Сторонников такого подхода, похоже, не смущает сам факт беспрецедентно высоких и устойчивых темпов экономического роста в странах этого региона, которые наблюдались в течение нескольких десятилетий и сопровождались глубокими изменениями в структуре национальных экономик и повышением уровня доходов населения. Между тем сравнительно быстро наступившее (уже в течение 1999 г.) новое оживление в затронутых кризисом азиатских экономиках, как представляется, должно послужить предостережением от излишне категоричных оценок. Особенно, если учесть, что кризисом оказались поражены отнюдь не все «азиатские драконы». И в частности финансово-экономических потрясений удалось избежать Тайваню, достижения которого традиционно признаются едва ли не эталоном успешной экономической модернизации.

Вопросы экономического развития Тайваня во второй половине XX в. остаются мало исследованными в отечественной литературе. Хотя для нашей страны тайваньский опыт имеет немалый практический интерес. Общеизвестно, что Тайваню (как, впрочем, и другим новым индустриальным странам Азии) удалось эффективно задействовать механизмы внешнеэкономического сотрудничества в интересах национального хозяйственного развития. Достигнуто это было путем проведения политики экспортной ориентации экономики. Превращение Тайваня и других «азиатских драконов» в ведущих поставщиков на мировые рынки широкого круга товаров обрабатывающей промышленности стало одним из впечатляющих символов восточноазиатского «экономического чуда».

В России активное развитие внешнеэкономических связей стало одним из главных направлений реформ 90-х годов. Но сложившуюся к настоящему

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИВС при Министерстве экономики РФ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Исследовательский проект № 00-02-00241а.

времени модель интеграции российской экономики в систему мирового хозяйства трудно признать удачной. Преобладание в российском экспорте ограниченного круга сырьевых товаров делает отечественную экономику весьма уязвимой к колебаниям мировых цен. Наплыв в Россию иностранных инвестиций чисто спекулятивного характера и их последующее быстрое изъятие послужили катализатором для процессов финансового кризиса 1998 г. Незначительными остаются показатели привлеченных прямых инвестиций из-за рубежа. В то же время на много лет вперед над отечественной экономикой оказался подвешен дамоклов меч внешней задолженности.

Все эти обстоятельства отнюдь не свидетельствуют о порочности самого курса на «открытие» экономики. Речь идет о другом — о необходимости оптимизации существующих форм внешнеэкономического сотрудничества с тем, чтобы сделать их в максимальной степени выгодными для России. И в этом плане как раз весьма привлекателен тайваньский опыт экспортной ориентации, сочетающий в себе использование внешних факторов экономического роста и меры по защите национальных экономических интересов.

Много позитивных наработок, полезных для использования в российских условиях, можно найти в опыте развития Тайваня в 80-90-е годы — в период, когда экономика острова быстро приближалась к уровню развитых стран, а в экономической политике все более явно прослеживалась тенденция к либерализации. Но наибольший интерес представляет период 50-70-х годов, когда Тайвань проходил стадию развития, во многом напоминающую ту, что переживает современная Россия. Именно на описании тенденций, свойственных этому периоду, и сделан основной акцент в настоящей статье.

1. Экспортная ориентация: цели и механизм политики.

Переход к политике экспортной ориентации на Тайване произошел в конце 50-х годов — на исходе первого десятилетия обособленного существования этого острова от остального Китая.

Тайваньская экономика вышла на траекторию быстрого и устойчивого развития уже к середине 50-х годов. Этому способствовала успешная аграрная реформа 1950-1953 гг., в ходе которой было практически ликвидировано помещичье землевладение, и земля была перераспределена в пользу фермерских хозяйств. Устойчивый рост сельскохозяйственного производства (в 1954-1967 гг. оно увеличивалось среднегодовым темпом в 4,4%¹) создал условия для перераспределения материальных, финансовых и человеческих ресурсов в пользу городского промышленного сектора. Другой предпосылкой для активизации экономического роста стала финансовая стабилизация, достигнутая к 1953 г. — после нескольких лет очень высокой инфляции. Если в 1950 г. прирост потребительских цен достигал 384%, то в 1953 г. он составил 19, а в 1954 г. — уже только 2%². И в дальнейшем проблема контроля над инфляцией оставалась в фокусе внимания тайваньских властей. Благодаря поддержанию высоких реальных процентных ставок и бюджетного профицита быстрый экономический рост, наблюдавшийся вплоть до нефтяного шока 1973-1974 гг., не сопровождался сколь-нибудь существенным ускорением роста цен. К примеру, в 1962-1972 гг. денежная масса в обращении (агрегат M1) увеличивалась в среднем на 20% в год, тогда как среднегодовой прирост потребительских цен не превышал 3%³. Отношение денежного агрегата M2 к ВВП (показатель, характеризующий степень монетизации экономики) увеличилось с 13 в 1955 г. до 57 в 1975 г. и 109% в 1985 г.⁴ В то же время положительные процентные ставки способствовали поддержанию на стабильно высоком уровне нормы частных сбережений, и тем самым были обеспечены финансовые условия для экономического роста.

На протяжении большей части 50-х годов на Тайване, как и во многих других развивающихся странах, осуществлялась политика импортзамещающей индустриализации. Иными словами, главным направлением экономической политики было задействие факторов экономического роста, связанных с освоением национальными производителями внутреннего рынка, при ограничении конкуренции со стороны импорта. В условиях 50-х годов речь преимущественно шла о так называемой «первичной» или «легкой» фазе импортзамещения, когда получают развитие отрасли, производящие потребительские товары (пищевая, легкая, текстильная промышленность и др.) Инструментами защиты внутреннего рынка были высокие таможенные тарифы, разветвленная система импортных квот и лицензий, жесткая система валютного контроля и множественность валютных курсов. Тайвань беден полезными ископаемыми, и поступления иностранной валюты в 50-е годы обеспечивались главным образом за счет экспорта сельскохозяйственной продукции (риса и сахара-сырца). Причем экспорт этих товаров был практически монополизирован государственными внешнеторговыми компаниями, и для них действовал валютный курс более высокий, чем тот, по которому осуществляли расчеты частные фирмы-экспортеры. Фактически, таким образом, речь шла о дополнительном налогообложении аграрного экспорта. Большую роль в мобилизации валютных поступлений играла также массированная финансовая помощь со стороны США, оказывавшаяся Тайваню как «непотопляемому авианосцу» в борьбе с коммунизмом.

В 1952-1958 гг. объем промышленного производства на Тайване увеличился более чем в 2 раза, а среднегодовые темпы прироста ВВП составляли 7,1%⁵. Однако уже к 1956 г. появились признаки насыщения относительно небольшого по размерам внутреннего рынка продукцией отраслей первичного импортзамещения. В промышленности образовались значительные неиспользуемые мощности. Капиталовложения частного сектора в экономику стали сокращаться. Для того чтобы предотвратить снижение цен, промышленники стали прибегать к картельным соглашениям.

Несмотря на успехи импортзамещения, сальдо платежного баланса по счету текущих операций оставалось к концу 50-х годов отрицательным, экспорт составлял в относительном выражении только 8-9% ВВП, тогда как импорт — 13-14% ВВП⁶. Перспективы прекращения американской помощи требовали активизации экспорта с тем, чтобы обеспечить бесперебойный импорт оборудования, топлива, сырья и комплектующих для вновь созданных промышленных производств. Между тем возможности роста традиционного экспорта были ограничены: по сахару — международными квотами, а по рису — ростом внутренних потребностей и нехваткой пахотных земель.

В таких условиях на рубеже 50-60-х годов ставка была сделана не на «углубление» импортзамещения, т.е. не на форсированное развитие капиталоемких отраслей промышленности, производящих товары инвестиционного спроса, а на придание экспортной направленности уже существующим производствам. Осуществление политики экспортной ориентации, как показывает практика, связано с целым рядом позитивных эффектов для процесса экономического развития.

Во-первых, благодаря экспортной ориентации преодолеваются ограничения, связанные с узостью внутреннего рынка страны, причем этим преимуществом могут воспользоваться не только малые страны, но и крупные страны с низким уровнем подушных доходов. В результате промышленные предприятия могут выйти на уровень производства, необходимый для достижения экономики на масштабах, задействуются избыточные производственные мощности, созданные благодаря импортзамещению.

Во-вторых, формируются механизмы стабильного притока валютных поступлений. Экспорт продукции обрабатывающей промышленности менее,

чем сырьевой экспорт, зависим от колебаний цен на внешних рынках. В условиях экспортной ориентации даже временное замедление роста экспорта не приводит к валютному кризису, так как соответствующим образом уменьшается и спрос на импортные комплектующие для экспортных производств. Кроме того, политика экспортной ориентации предполагает поддержание реального валютного курса, который быстро приводится в соответствие с уровнем внутренней инфляции.

В-третьих, рост экспорта влечет за собой и расширение внутреннего спроса на продукцию обрабатывающей промышленности. Это происходит за счет создания дополнительных рабочих мест, роста доходов работающего населения, за счет формирующейся потребности экспортных производств в промежуточной продукции со сравнительно высокой степенью обработки.

В-четвертых, предприятия вступают в международную конкуренцию, а это создает стимулы к уменьшению издержек, повышению качества продукции, внедрению новых технологий. Ценовая дисциплина, возникающая благодаря ориентации на внешние рынки, позволяет в определенной степени компенсировать неразвитость рыночных механизмов в экономике самой страны - экспортера.

В-пятых, страны, осуществляющие экспортную ориентацию, обычно не только располагают крупными валютными резервами, но и имеют сравнительно легкий доступ к ресурсам мирового рынка капиталов. Дело в том, что иностранные кредиты предоставляются в прямой зависимости от показателей обслуживания внешнего долга, т. е. от соотношения накопленных долгов и экспорта страны. Стабильные перспективы роста экспорта создают у иностранных инвесторов уверенность в возврате прямых валютных вложений. Разумная валютная политика, предотвращающая чрезмерное завышение курса национальной валюты, позволяет инвесторам воспользоваться относительной дешевизной тех факторов производства, которыми страна-экспортер обладает в избытке (например, недорогой и квалифицированной рабочей силой).

Экономические реформы, осуществленные на Тайване в 1958-1962 гг., предусматривали:

- установление единого валютного курса и значительную девальвацию национальной валюты, улучшившую экспортную конкурентоспособность тайваньских товаров;

- либерализацию мер валютного контроля, предусматривавшую, в частности, возможность для экспортеров оставлять у себя до 100% валютной выручки;

- снижение импортных тарифов и отмену значительной части количественных ограничений импорта, что должно было облегчить для экспортеров доступ к оборудованию и комплектующим, закупаемым по ценам мирового рынка;

- приоритетное кредитование экспортеров государственными банками;

- налоговые и таможенные льготы для экспортеров и других предпринимателей, осуществляющих долгосрочные инвестиционные проекты в промышленности, причем такие льготы предоставлялись как тайваньским, так и иностранным инвесторам; в частности инвесторам давалось право на 5-летнее освобождение от налога на прибыль, на ускоренную амортизацию основных фондов, на беспшлинный ввоз сырья и оборудования для экспортных производств и и.д.⁷

В течение 60-х годов правительство разработало и претворило в жизнь дополнительные меры по поддержке экспорта, такие, как поощрение экспортных картелей; государственная экспертиза качества экспортной продукции; моральное поощрение экспортеров престижными общенациональными премиями; маркетинг, осуществляемый в пользу частных экспортеров специальными государственными организациями и т.д. Для поощрения иностранных ин-

вестиций в экспортные отрасли в 1965 г. в г. Гаосюне была создана свободная зона экспортной переработки, а в 1972 г. еще две такие зоны были созданы в Наньцзе и Тайнуне⁸.

Опыт экономического развития Тайваня, как и других «азиатских драконов» (Южная Корея, Сингапур, Гонконг), также вступивших на путь экспортной ориентации в конце 50-х - начале 60-х годов, подтвердил обоснованность сделанного тогда выбора. Для сравнения, экономическое развитие большинства латиноамериканских стран, последовательно придерживавшихся курса на импортзамещение, характеризовалось в период 60-х — начала 80-х годов резкими колебаниями темпов экономического роста и устойчиво высокой инфляцией.

Для тайваньской экономики высокие темпы роста были характерны на протяжении всего периода 60-х — 90-х годов. Среднегодовые темпы прироста ВВП Тайваня составляли в 1965-1973 гг. — 9,8, в 1973-1984 гг. — 8,8, в 1985-1990 гг. — 8,1%⁹. Только в последующем, по мере того, как экономика достигала стадии индустриальной зрелости, темпы экономического роста несколько замедлились, до в среднем 6,2% за 1991-1998 гг.¹⁰.

В условиях экспортной ориентации последовательно усиливалась роль внешних рынков для экономики Тайваня. Об этом свидетельствует динамика таких показателей «открытости» экономики, как экспортная и импортная квоты (доли экспорта и импорта в ВВП). Если в 1960 г. доля экспорта в ВВП составляла 11,3%, а импорта — 18,9%, то в 1970 г. эти показатели составляли, соответственно, 29,7 и 29,7, а в 1984 г. — 58,0 и 45,7%¹¹. Хотя в последующие полтора десятилетия активизация внутреннего спроса в связи с ростом доходов населения способствовала некоторому снижению этих показателей: до 43,0 по экспорту и 37,5% по импорту в 1997 г.¹²

В структуре экспорта происходили быстрые сдвиги в пользу продукции с более высокой степенью обработки. В 1960 г. на долю сельскохозяйственной продукции приходилось 67,7% общего объема экспорта, а на долю промышленных товаров — 32,3%. В 1970 г. эти показатели составляли уже, соответственно, 21,4 и 78,6, а в 1980 г. — 9,2 и 90,8%¹³. Причем если в начале 60-х годов в экспорте доминировала пищевая промышленность, то к середине 60-х годов на первый план вышло производство текстиля и одежды, начиная с 70-х годов — бытовая электроника, а в 80-е годы — компьютерная индустрия. В то же время спрос на промежуточную продукцию со стороны экспортных отраслей обусловил потребность в развитии капиталоемких отраслей «вторичного» импортзамещения. Особенно активно они создавались в 70-е годы, когда на Тайване возникли значительные мощности в металлургии, химической, цементной промышленности и т. п. Таким образом, экспортная ориентация не только не исключает возможностей формирования многоотраслевого национального промышленного комплекса, а, напротив, создает экономически рациональные условия для этого процесса.

Экспортная ориентация способствовала тому, что у Тайваня образовался третий в мире по объему валютный резерв (с конца 80-х годов они стабильно превышают отметку в 90 млрд. долл.). Баланс по счету текущих операций стал положительным начиная с 1970 г., и с тех пор отрицательное сальдо возникало только в 1974-1975 гг. и в 1980 г. — в периоды мировых нефтяных кризисов. В то же время надо отметить, что благодаря экспортной ориентации Тайвань перенес нефтяные шоки гораздо легче, чем большинство развивающихся стран, и после кратковременных периодов замедления экономического роста и ускорения инфляции экономика быстро возвращалась на прежнюю траекторию подъема.

Благодаря занятию трудовых ресурсов в экспортных и сопряженных с ними отраслях уже к концу 60-х годов безработица на Тайване не превышала

2-3% трудоспособного населения и остается на этом уровне и поныне. В отличие от ситуации в большинстве развивающихся стран индустриализация на Тайване сопровождалась не ухудшением, а улучшением в распределении доходов, т. е. сглаживанием социального неравенства. Коэффициент Джини (показатель, характеризующий соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных социальных групп) снизился с 0,558 в 1953 г. до 0,440 в 1960 г.; 0,321 в 1970 г. и 0,303 в 1980 г., и только затем произошло некоторое его повышение (до 0,312 в 1990 г.)¹⁴. В итоге можно сказать, что выбор в пользу экспортной ориентации оказался эффективным не только в чисто экономическом, но и в социальном плане.

2. «Открытость» экономики и национальные экономические интересы

В работах экономистов неоклассического направления, посвященных тайваньскому «экономическому чуду», экспортная ориентация нередко отождествляется с моделью «свободного рынка», а экономический успех Тайваня связывается с быстрой и решительной либерализацией как во внутренней экономике, так и во внешнеэкономической сфере. Между тем реальный опыт Тайваня мало соответствует каким-либо идеологизированным схемам. В действительности результатом реформ начала 60-х годов было не установление режима «свободной торговли», а формирование своего рода дуальной экономики. В отношении компаний, осуществляющих экспортную деятельность, импортные таможенные пошлины и косвенные налоги были сведены к минимуму, и экспортеры могли ввозить необходимые им факторы производства по ценам, близким к мировым. В то же время в отношении производителей в импортзамещающих отраслях осуществлялась достаточно жесткая протекционистская политика. Но при этом оба сектора экономики взаимодействовали таким образом, что воздействие ценовой дисциплины внешних рынков ощущали на себе не только экспортеры, но и производители, ориентировавшиеся на внутренний спрос.

Сам механизм экспортной ориентации, во всяком случае - в 60-70-е годы, был устроен таким образом, что те положительные стимулы к росту производства и повышению эффективности экономики, которые связаны с энергией частного предпринимательства и рыночным саморегулированием, дополнялись целенаправленным воздействием государства на темпы и пропорции экономического развития. По-иному, собственно говоря, и быть не могло, если учесть, что в тот период институты рыночной экономики на Тайване по существу только создавались. Если в экспортных трудоемких отраслях доминировал малый и средний частный бизнес, то базовые отрасли, выпускающие промежуточную продукцию, создавались в рамках госсектора. Кредитная система состояла главным образом из государственных банков. Несмотря на достаточно высокую норму сбережений (с начала 60-х годов она составляла не менее 20% ВВП), объемы кредитования были не достаточны для удовлетворения спроса, и использование ограниченных финансовых ресурсов жестко ратционировалось государством. Фондовые рынки и рынки корпоративных облигаций пребывали в зачаточном состоянии. Процессы приватизации госпредприятий и финансовой либерализации развернулись на Тайване не ранее второй половины 80-х годов.

В таких условиях даже экспортные отрасли, по идее гораздо более либерализованные, чем другие сектора экономики, не могли существовать без активной финансовой поддержки государства. Тем более это касалось импортзамещающих капиталоемких отраслей, которые возникали не столько благодаря рыночным импульсам (с точки зрения «чисто рыночной» логики продукция таких отраслей было бы выгоднее импортировать), сколько благодаря созна-

тельной политике государства по созданию таких производств внутри страны, даже несмотря на высокие затраты в краткосрочной перспективе.

Результаты такой политики можно наглядно проследить по изменению товарной структуры тайваньского экспорта. В 60-70-е годы, когда Тайвань все еще обладал значительными резервами дешевой рабочей силы, в экспорте доминировали трудоемкие отрасли, прежде всего - текстильная промышленность и бытовая электроника. С начала 80-х годов, когда все более явной становилась проблема дефицита рабочей силы, в экспорте все большее значение стали приобретать более технологически насыщенные отрасли, прежде всего — компьютерная индустрия и точное машиностроение. Тем самым закладывались ориентиры хозяйственного развития на средне- и долгосрочную перспективу, несмотря на постепенную утрату конкурентных позиций в трудоемких отраслях, Тайвань благодаря заранее подготовленным позициям сохранял возможности экономического роста с опорой на экспорт.

Что же касается системы импортного регулирования, то она была «многоэшелонированной». Либерализация действительно имела место, но этот процесс был не одномоментным, а долговременным: начавшись в конце 50-х годов, он продолжается и сейчас. К тому же он не был линейным. Средневзвешенный импортный тариф был существенно снижен в 1960-1966 гг., но затем произошло его новое повышение, и новый тур тарифной либерализации начался только с середины 70-х годов. При этом импортные ограничения не преследовали цель экономии инвалюты - в ней не было недостатка уже с начала 60-х годов. Речь шла о тарифной защите производств, создаваемых внутри страны, и о мобилизации доходов для бюджета (в конце 70-х годов таможенные пошлины обеспечивали до 25% общих налоговых поступлений)¹⁵.

Система импортных пошлин была дифференцированной: в 60-70-е годы наименьшие пошлины (5-20%) были установлены на сельскохозяйственное и промышленное сырье; средние по размерам пошлины (20-40%) — на промышленные товары, используемые в образовании и здравоохранении; высокие пошлины (40-75%) — на большую часть ввозимых промышленных товаров, а максимальные (свыше 75%) — на предметы роскоши и на синтетическое сырье для текстильной промышленности¹⁶.

По-разному происходила и компенсация импортных пошлин по различным группам инвестиционных товаров, ввозимых ради последующего производства на экспорт. Возмещение пошлин по сырью и комплектующим происходило автоматически. Для того чтобы получить компенсацию пошлин, уплаченных при ввозе машин и оборудования, экспортер должен был доказать, что такие товары не производятся на самом Тайване. Беспшлинный ввоз оборудования для импортзамещающих отраслей допускался только по специальным детальным перечням, в которых указывались категории льготлируемых производств и минимально допустимые объемы выпуска продукции.

Еще более сложной была система нетарифных ограничений импорта, причем надо сказать, что решающую роль играли не официально установленные, а неформальные ограничения. Весь импорт на Тайване подвергался лицензированию. Товары подразделялись на три группы - «запрещенные к ввозу», «контролируемые» и «разрешенные к ввозу». В списки «контролируемых», наряду с предметами роскоши и продукцией военного назначения, был включен и широкий круг промышленных товаров, «производимых в стране в нужном количестве и удовлетворительного качества». Начиная с 1960 г. был введен порядок, по которому экспортеры могли получить лицензию на импорт сырья и оборудования, только если на самом Тайване аналогичной продукции не производилось или же цены на нее были более чем на 10% выше цен импортных аналогов.

Официально доля «запрещенных к ввозу» и «контролируемых» товаров уже к середине 70-х годов была сведена к минимуму: их совокупный удельный вес в структуре импорта снизился с 43 в 1968 г. до 3,5% в 1976 г.¹⁷ Но реальная картина намного сложнее. Некоторые группы товаров были разрешены к ввозу только из определенных стран. Например, в 70-е годы допускался импорт одежды только из Европы и Америки, т. е. тем самым от тайваньского рынка отсекались ведущие конкуренты из других азиатских стран. Импорт машин и оборудования обычно разрешался только их конечным пользователям. Ввоз товаров для последующей перепродажи на внутреннем рынке разрешался только ограниченному числу фирм, в основном государственным, а частные компании могли заниматься такого рода бизнесом, только если они удовлетворяли определенным минимальным критериям уставного капитала и экспортировали товаров на определенную сумму.

Но что еще более важно, помимо официального перечня «разрешенных к ввозу товаров», существовал и более узкий, секретный и недоступный для иностранцев перечень. И для того чтобы реально получить в банке необходимую для импорта валюту, тайваньская компания должна была доказать государственным органам, что аналогичный товар местного производства не удовлетворяет ее не только по цене, но и по качеству и по условиям поставки. На практике зарубежные фирмы нередко предпочитали помочь тайваньскому поставщику модернизировать производство, так как это требовало меньших усилий, нежели получение импортной лицензии. Таким образом, экспортеры стимулировались к закупкам необходимых товаров у тайваньских смежников, и в то же время угроза допуска на внутренний рынок большего объема импорта удерживала поставщиков от завышения цен¹⁸.

Политика тайваньских властей по отношению к иностранному капиталу также эволюционировала с течением времени, и также была весьма дифференцированной. В 50-е годы практически единственным видом внешних финансовых ресурсов была официальная помощь США. Помимо чисто военной помощи, в 1951-1968 гг. было предоставлено экономической помощи на общую сумму в 1,5 млрд. долл.¹⁹ Направления ее использования постепенно менялись. В начале 50-х годов прямые перечисления американских средств в госбюджет Тайваня и безвозмездные поставки товаров первой необходимости сыграли важную роль в подавлении инфляции. В дальнейшем, с достижением финансовой стабилизации, поступающие средства стали использоваться главным образом на непосредственное финансирование крупных инвестиционных проектов госсектора в промышленности и инфраструктуре, а также на оплату труда иностранных специалистов.

Прямых иностранных капиталовложений в 50-е годы практически не было, несмотря на политическую близость Тайваня с западными странами. Впоследствии поощрение прямых инвестиций стало одним из важных направлений политики экспортной ориентации. Но реально, вопреки часто бытующему мнению, значение иностранного капитала для экономического развития Тайваня никогда не было определяющим. К примеру, в течение 70-х годов на иностранные капиталовложения приходилось только 3-10% национального фонда накопления²⁰. Подходы государства в отношении допуска иностранных инвесторов в отдельные сектора экономики весьма различались. Если в экспортном секторе речь шла об активном поощрении инвестиций, то в импортзамещающих отраслях деятельность иностранного капитала достаточно жестко ограничивалась. Надо отметить также, что в экспортном секторе приоритеты политики по отношению к иностранным инвестициям менялись по мере индустриального созревания экономики. Это можно проследить по типологии свободных экономических зон на Тайване. Если созданные в 60-70-е годы зоны экспортной переработки были ориентированы на развитие трудоемких отраслей,

то основанный в 1980 г. промышленный парк Синьчжу представляет собой место сосредоточения современных наукоемких производств.

На первый взгляд, тайваньская система регулирования деятельности иностранных инвесторов достаточно либеральна. Скажем, список отраслей, официально закрытых для инвестиций из-за рубежа, с самого начала был очень не велик, и речь в нем шла в основном об отраслях ВПК, производстве предметов роскоши и т. п. Но реально, как и в случае с внешней торговлей, действовало несколько уровней контроля.

На Тайване до сих пор действует не регистрационный, а разрешительный порядок создания предприятий с иностранным участием. При принятии решения, утверждать или нет какой-либо инвестиционный проект, государственные органы исходят из того, насколько он перспективен с точки зрения освоения новых рынков, передачи технологий, развития сопряженных отраслей и т. д. Иностранцам инвесторам могут быть предъявлены требования об обязательной экспортной направленности производства, о гарантиях использования продукции тайваньских субпоставщиков в пределах не менее заранее оговоренной доли и т.д. В отраслях, работающих на внутренний рынок, иностранные инвесторы, как правило, могут создавать только совместные предприятия, а не филиалы полной собственности. При этом вклады иностранных партнеров в уставный капитал СП в форме прав на технологию обычно ограничиваются 15%-ми уставного капитала с тем, чтобы побудить иностранных инвесторов принять реальное финансовое участие в «запуске» новых производств²¹.

Еще более жесткий контроль осуществляется в отношении иностранных инвестиций не производственного, а чисто финансового плана. Создание на Тайване филиалов иностранных банков было разрешено только в 1969 г., и поныне им не доступны многие виды операций в местной валюте. Либерализация режима иностранных портфельных инвестиций началась по существу только в 90-е годы. Но и после того, как иностранные инвесторы были допущены на местный фондовый рынок, их деятельность подвергалась достаточно жестким ограничениям - с помощью установления совокупного лимита на иностранное участие в капитализации тайваньского фондового рынка, лимитов на участие отдельного иностранного инвестора в акционерном капитале тайваньской компании и на суммарное участие иностранцев в капитале одной компании. И нужно отметить, что во многом благодаря этим мерам контроля тайваньский фондовый рынок сумел «устоять» в ходе регионального финансового кризиса 1997-1998 гг.

До середины 80-х годов тайваньское правительство жестко ограничивало также и экспорт капитала самих тайваньских компаний. Делалось это с целью концентрации финансовых ресурсов на решении приоритетных задач во внутренней экономике. Одним из главных доводов в пользу отхода от такой политики послужило накопление огромных валютных резервов, что создало значительное инфляционное давление, прежде всего на рынках недвижимости. Начиная с 1987 г. условия вывоза капитала с Тайваня постепенно либерализуются. Но при этом правительство продолжает оказывать воздействие на процесс зарубежного инвестирования с тем, чтобы гарантировать соблюдение интересов национальной безопасности. В частности, власти стремятся не допускать чрезмерной концентрации тайваньских вложений в материковом Китае, опасаясь, что это повлечет за собой установление чрезмерной зависимости от процессов на материке. В качестве альтернативы правительство предлагает тайваньским бизнесменам вкладывать средства в экономику стран Юго-Восточной Азии - этот курс получил название «политики продвижения на Юг». Кроме того, правительство нередко использует зарубежные капиталовложения тайваньских фирм, особенно государственных, как средство борьбы за дипломатическое признание острова. К примеру, инвестиции в некоторых

странах Латинской Америки, поддерживающих официальные отношения с Тайванем, часто совершаются несмотря на их заведомо малую экономическую эффективность²².

3. Тайваньский опыт и российские реалии

При оценке, возможно ли использовать в российских условиях те или иные позитивные наработки тайваньского опыта, необходимо учитывать объективно существующие отличия современного народного хозяйства России от тайваньской экономики как периода 50-70-х годов, так и периода 80-90-х годов. Если Тайвань в течение второй половины XX в. переживал процессы первичной индустриализации, то в России сейчас стоит задача структурной перестройки индустриального комплекса, сложившегося в советский период и пережившего глубокий спад в 90-е годы. Россия - это страна, обладающая значительным внутренним рынком, крупнейшими в мире запасами полезных ископаемых, развитой научно-технологической базой. Поэтому отечественная экономика имеет гораздо большие, чем тайваньская, потенциальные возможности для развития с опорой на импортозамещение, для "подстраховки" платежного баланса с помощью сырьевого экспорта, для поиска экспортных "ниш" на мировых рынках наукоемких товаров и услуг. Вместе с тем существуют очевидные параллели между уровнем развития рыночных институтов в современной России - с одной стороны, и на Тайване 50-70-х годов - с другой. Да и сам современный этап интеграции российской экономики в мировое хозяйство вполне можно сопоставить с ситуацией во внешнеэкономических связях Тайваня в конце 50-х - начале 60-х годов.

Российский кризис 1998 г. очевидным образом продемонстрировал исчерпанность сложившейся модели экономического взаимодействия страны с внешним миром. Крупномасштабный отток из России иностранных портфельных инвестиций совпал по времени с падением мировых цен на энергоносители, и в совокупности эти обстоятельства привели к быстрому исчерпанию валютных резервов страны. Результатом стало разрушение механизма "валютного коридора" и многократная девальвация рубля. Невозможным стал и нормальное обслуживание государственного внешнего долга, накопившегося вследствие многолетнего привлечения кредитов международных финансовых организаций и продажи нерезидентам государственных долговых обязательств.

Правда, в течение 1999 г. новое повышение мировых цен на нефть в купе с эффектом девальвации способствовали увеличению объемов российского экспорта, общему оживлению деловой активности в стране, и как следствие - росту бюджетных доходов и пополнению валютных резервов. Но по большому счету это не меняет ситуацию в принципе. В любом случае страна не может бесконечно жить за счет своих природных ресурсов. И не только потому, что экономическая стабильность может быть в любой момент подорвана неблагоприятным изменением цен. Высокие цены на сырье тоже грозят России неприятностями в виде так называемой "голландской болезни", когда массивный сырьевой экспорт ведет к такому укреплению национальной валюты, что это делает неконкурентоспособной всю остальную экономику. Точно так же очевидно, что Россия не может бесконечно зависеть от средств зарубежных кредиторов. Страна должна сама зарабатывать себе на жизнь путем вывоза на мировые рынки конкурентоспособных товаров с высокой степенью обработки.

России нужна комплексная система развития национального экспортного потенциала, включающая в себя меры и фискального, и монетарного, и собственно внешнеторгового характера. И с точки зрения весьма полезным было бы задействование методов экспортной ориентации, впервые апробированных на Тайване в конце 50-х - начале 60-х годов - в период, когда тайваньская

экономика столкнулась с невозможностью финансировать экономический рост за счет аграрного экспорта и зарубежной финансовой помощи.

Уже в ближайшей перспективе целесообразно было бы пойти на существенное снижение налоговой нагрузки для экспортеров продукции обрабатывающей промышленности. Полезным может быть и селективное предоставление таможенных льгот экспортерам - с тем, чтобы облегчить им доступ к оборудованию и материалам, которые они не могут приобрести на внутреннем рынке. В дальнейшем, по мере укрепления финансовых возможностей государства необходимыми представляются активизация государственного экспортного кредитования, а также стимулирование к участию в этом процессе частных банковских структур. С учетом интересов экспортеров должна строиться и валютная политика. В то же время поощрение экспорта не должно быть только экономическим. Укрепление экспортной мощи страны может и должно быть одним из общенациональных ориентиров в формирующейся идеологии новой России. В этой связи целесообразным представляется моральное поощрение ведущих экспортеров, например - через систему престижных премий.

Заслуживает пристального внимания и тайваньский опыт импортного регулирования. Возможно, что крупномасштабная либерализация российского внутреннего рынка для импортных товаров в 1992 г. и была оправдана как метод ликвидации товарных дефицитов и сдерживания роста цен. Но с тех пор ситуация радикальным образом изменилась. Основным приоритетом экономической политики является уже не подавление инфляции, а стимулирование экономического роста, и оно может осуществляться в том числе и за счет мер разумного протекционизма. Косвенно об этом свидетельствует и происшедшее после 1998 г. оживление экономического роста благодаря процессу импортозамещения. Условия для этого были созданы девальвацией, вследствие которой экономика стала более "закрытой" для подорожавших импортных товаров.

Понятно, что усиление протекционистских тенденций в российской политике может вызвать негативную реакцию у международных организаций, таких, как МВФ, ВТО и т.д. Но обострения отношений вполне можно избежать, если Россия сможет по примеру Тайваня сделать свою импортную политику "многоэшелонированной". Тайваню на протяжении всего периода 50-90-х годов удавалось сохранять общую линию на импортную либерализацию и обеспечивать в то же время защиту внутреннего рынка путем различного рода дополнительных и неформальных ограничений импорта. Но следовать тайваньскому примеру важно и в другом. Импортный протекционизм должен быть именно оружием развития национальной промышленности, а не просто средством создания "тепличных" условий для предприятий, в принципе не способных адаптироваться к условиям рыночной экономики. В этом плане особый интерес представляет тайваньский опыт распространения ценовой дисциплины внешних рынков от экспортных к импортзамещающим отраслям.

В области привлечения иностранного капитала в российскую экономику тоже нужна комплексная стратегия, увязанная с общими ориентирами экономического развития, сочетающая в себе меры по поощрению иностранных инвестиций и меры, обеспечивающие защиту национальных экономических интересов. До сих пор же российская политика базировалась на достаточно наивных представлениях о том, что демонстрация идеологической общности с западными предпринимателями и скорейшее уравнивание в правах национальных и иностранных инвесторов сами по себе будут достаточными стимулами для массивного притока иностранного капитала.

Если России и имеет смысл прибегать в дальнейшем к кредитам международных финансовых организаций, то важно заранее предусмотреть перспективные направления в использовании таких средств. Задействовать их в

будущем нужно не на затыкание очередных бюджетных "дыр", а на цели стимулирования экономического роста, в частности - путем финансирования за счет этих денег приоритетных инвестиционных проектов в промышленности и инфраструктуре. Напомним, что именно такой была динамика использования американской финансовой помощи на Тайване в 50-60-е годы.

Что же касается иностранных предпринимательских инвестиций, то основной акцент необходимо перенести с привлечения портфельных инвестиций на стимулирование прямых вложений в реальный сектор экономики. При этом вполне допустимо предоставление иностранным инвесторам налоговых и таможенных льгот, льгот в оплате услуг естественных монополий, в землепользовании и т.д. В то же время государству следует более активно, чем это делалось до сих пор, использовать меры воздействия на поведение иностранных инвесторов. Могут применяться такие оправдавшие себя в условиях Тайваня методы, как требования об использовании местных субпоставок в заранее оговоренных пределах, о гарантиях финансового участия инвесторов в освоении передаваемых технологий и т.д.

В целом можно сказать, что тайваньская практика внешнеэкономического регулирования привлекает, прежде всего, своим сугубым прагматизмом, отсутствием идеологической зашоренности — будь то на либеральных постулатах или изоляционизме. Возможно, в этом и состоит главный урок тайваньского опыта для нашей страны.

1. Wade R. *Governing the Market. Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization*. Princeton, 1990. P. 76.
2. *Economic Growth and Structural Change in Taiwan. The Postwar Experience of the Republic of China*. Ed. by W. Galenson. Ithaca-London, 1979. P. 281.
3. *Ibid.* P. 290.
4. Wade R. *Op.cit.* P.64.
5. Gold T. *State and Society in the Taiwan Miracle*. Armonk, 1986. P.73.
6. *Economic Growth and Structural Change in Taiwan*. P.316.
7. Haggard S. *Pathways from the Periphery. The Politics of Growth in the Newly Industrializing Countries*. Ithaca-London? 1990. P. 93-96.
8. Wade R. *Op.cit.* P.139-148.
9. Рассчитано по: *Doing Business with Taiwan*. Taipei, 1992. P.8.
10. Рассчитано по: Чжан Вэйминь, Чжан Хунци. Бросая вызов «четырем маленьким драконам». Кто будет пятым «драконом Азии»? Пекин, 1997. С.299 (на кит.яз.); БИКИ. 1999. 20 мая.
11. Чжан Вэйминь, Чжан Хунци. Ук. соч. С.323, 327.
12. Рассчитано по: БИКИ. 1999. 20 мая.
13. *World Bank Economic Review*. 1995. № 3. P. 522.
14. Kuo S. *The Taiwan Economy in Transition*. Boldoer. 1983. P. 95-97; *World Bank Economic Review*. 1994. № 3. P. 402-403.
15. *Developmental States in East Asia*. Ed. by G.White. London, 1988. P. 49.
16. Wade R. *Op.cit.* P. 122.
17. *Developmental States in East Asia*. P. 50-51.
18. Wade R. *Op.cit.* P. 128-136.
19. Gold T. *Op.cit.* P. 69.
20. Wade R. *Op.cit.* P. 149.
21. *Ibid.* P. 150-157.
22. Гоцзи маои вэньти. 1995. № 6. С. 43-48.

Государственное регулирование импорта товаров и капиталов в Монголии

© 2000

Л. Ходов

Монголия - республика в центре Азии с населением почти в 2,5 млн. чел. и территорией - 1565 тыс. км². Наряду с монголами в стране живут казахи. Монголия - одна из самых богатых полезными ископаемыми стран мира. Несмотря на недостаточное исследование природных ресурсов страны, в ее недрах обнаружены и добываются уголь, руды цветных и редких металлов, золото, олово, железная руда и драгоценные камни.

К природным ресурсам страны относятся леса, большие массивы пастбищ, обеспечивающие многовековые традиции животноводства. Обладая значительными ресурсами, Монголия представляет собой интересный объект приложения иностранного капитала.

Разнообразие природно-климатических условий, степи и пустыни, сохранившиеся в первозданном виде, кочевой образ жизни значительной части населения, своеобразная история и культура народа превратили Монголию в один из самых экзотических объектов международного туризма, охоты, научных экспедиций.

Монголия была первым государством, вступившим вслед за нашей страной на путь социалистических преобразований и пережившим аналогичные успехи и разочарования. На протяжении десятилетий развитие республики проходило под лозунгом "От феодализма к социализму, минуя капитализм".

Экономика.

За 70 лет социалистического развития в ранее отсталой Монголии была построена сеть автомобильных дорог, аэропортов, железная дорога, связавшая ее с Россией и Китаем, созданы крупные объекты энергетики и добывающей промышленности, ряд предприятий легкой и пищевой промышленности, сформировался рабочий класс, интеллигенция.

К концу 80-х годов в экономике и общественной жизни накопились серьезные трудности и противоречия. В силу ряда объективных и субъективных причин экономика страны оказалась в застойном состоянии. Из сельского хозяйства, представленного в основном животноводством, десятилетиями изымались средства на цели индустриализации, что явилось одной из главных причин снижения поголовья скота. Рост экономического потенциала происходил в значительной степени за счет внешних источников финансирования, которые обеспечивали 70% капиталовложений и 40% фонда потребления респуб-

лики. На долю СССР приходилось 98% всех иностранных кредитов, полученных МНР.

Переход страны от централизованной плановой системы к рыночному хозяйству ознаменовался приватизацией промышленности, торговли, транспорта и скота - главного богатства монгольского сельского населения. Внешнеэкономические связи республики стали переориентироваться с нашей страны на Японию, Республику Корея, страны ЕС и США, заметно возросла торговля с Китаем. От этих стран и от международных организаций в Монголию с начала перестройки до 2000 г. поступила помощь и кредиты более чем на 1 млрд. долл. США.

Несмотря на то, что кризис в промышленности, вызванный перестройкой социально-экономической системы, преодолен, экономическое положение в стране тяжелое, сократился внешнеторговый оборот. У республики огромный внешний долг, в первую очередь перед Россией, снизилось поголовье скота, не работают некоторые предприятия.

Пришедшее к власти в 1990 г. новое руководство страны осуществляет постепенный переход к рыночной экономике. Согласно правительственной программе, ключевые отрасли - энергетика, транспорт, связь - должны оставаться в руках государства. В других отраслях экономики поощряются частная и другие формы собственности, в т.ч. и собственность совместная или полная иностранных физических и юридических лиц.

Главное направление осуществляемой перестройки структуры экономики страны - углубление переработки продукции животноводства и полезных ископаемых, а также развитие высокотехнологичных производств с привлечением иностранного капитала.

Внешняя торговля.

Традиционные товары экспорта Монголии - продукция животноводства, горнодобывающей и легкой промышленности. Возможности монгольского экспорта руд цветных металлов, урана, необработанных полудрагоценных камней кожевенного сырья очень велики. В соответствии с этим более половины экспорта Монголии - минеральное сырье и топливо: руды и концентраты цветных и редкоземельных металлов, каменный уголь, а остальное - кожа и изделия из нее, мясо и продукты его переработки, ковры, строительные материалы. Около 60% импорта приходится на машины и оборудование, другие важные товарные группы - металлы, прокат, химикалии, промышленные товары народного потребления.

Состояние и проблемы

российско-монгольских экономических отношений.

С момента завоевания Монголией независимости и образования республики Советский Союз на протяжении 70 лет являлся ее главным экономическим и политическим союзником и партнером. Накануне перестройки более 90% внешнеторгового оборота Монголии приходилось на страны СЭВ, в т.ч. почти 80% на СССР. Основная часть объектов инфраструктуры, добывающей и перерабатывающей промышленности построены на советские кредиты и с помощью наших специалистов. Большинство представителей технической, научной и творческой интеллигенции, административных и военных кадров учились, проходили практику, повышали квалификацию в нашей стране. Русский язык является неофициально вторым языком в стране.

Объективная неизбежность тесного хозяйственного сотрудничества между нашими странами вызвана не только традициями, многолетними связями,

но и географическими факторами и соответствием возможностей российского экспорта потребностям Монголии в российских товарах и услугах, как производственного, так и потребительского назначения.

Трудности в монгольской экономике, вызванные переходом к рыночному хозяйству, к концу 1996 г. были в основном преодолены. Теперь восстановление объема товарооборота между нашими странами, базирующееся на новой основе, зависит от потребности России в товарах монгольского экспорта - продукции горнодобывающей промышленности, животноводства. Значительную часть этих товаров Монголия все равно не сможет сбыть на рынках Восточной Азии и Западной Европы из-за неэффективности перевозки громоздких грузов.

Товарооборот между нашими странами при социализме сводился для МНР с отрицательным сальдо, оно покрывалось ежегодными кредитами под 2% годовых сроком на 12 лет. За период 1981-1990 гг. с советской помощью в Монголии было построено 870 хозяйственных объектов. К 1990 г. общая задолженность МНР перед СССР составила 9,7 млрд. руб.

В течение последних лет российский-монгольский товарооборот уменьшается по нескольким причинам: во-первых, Российская Федерация не в состоянии в прежних масштабах предоставлять кредиты для покрытия дефицита монгольского торгового баланса, и поэтому российский экспорт в МНР сокращается; во-вторых, с 1991 г. обе стороны перешли во взаимной торговле на мировые текущие цены и расчеты в СКВ; в-третьих, на некоторые традиционные товары российского экспорта мировые цены подвержены сильным колебаниям, например на нефтепродукты.

Сказывается и общая кризисная ситуация в российской экономике, особенно в ее восточных регионах; падение производства и связанное с ним сокращение экспортных возможностей и импортных потребностей; трудности у обеих стран с обратимой валютой; организационные проблемы, вызванные отказом от монополии внешней торговли.

Особые возможности существуют для прямых инвестиций в экономику республики. Огромный долг Монголии перед Россией можно было бы превратить в российскую собственность на монгольской территории.

Трудности с оплатой поставок из-за рубежа, с которыми сталкиваются в настоящее время монгольские импортеры, уже сейчас можно было бы преодолеть за счет бартерного обмена российских товаров на монгольские продукты питания, кожу, некоторые потребительские товары, концентраты руд, ювелирное сырье.

Рыночная психология пока неглубоко укоренилась в монгольском обществе - страна никогда не жила при капитализме. Товарно-денежные отношения ограничивались базарами на перекрестках караванных путей и в 2-3 городах. Торговый и ростовщический капитал был почти исключительно иностранного происхождения.

Школу рыночного хозяйства население республики начало проходить сравнительно недавно. Частное предпринимательство представлено семейными хозяйствами животноводов, мелкими и средними торговыми и ремесленными фирмами, приватизированными объектами в сфере обслуживания и местной промышленности. Эти предприятия - импортеры потребительских товаров, в частности технических, транспортных средств, горючего, медикаментов, запасных частей.

На рынке бытовых электротехнических, электронных и фармацевтических изделий наблюдается сильная конкуренция со стороны фирм из Юго-Восточной Азии и Китая. Однако на монгольском рынке из-за удаленности южнокорейских, тайваньских, сингапурских и малайских производителей и неразвитости путей сообщения конкурентоспособны лишь относительно доро-

гие и компактные бытовые приборы. В то же время на рынке потребительских товаров есть ниша, которую фирмы стран - "азиатских тигров" заполнить не могут: механические швейные машины, мясорубки, простой инструмент, простые станки, метизные товары, которые традиционно поставлялись из нашей страны. В настоящее время эту потребность пытаются удовлетворить китайские экспортеры. Жаль было бы терять рынок потребительских товаров Монголии, тем более что российские товары знакомы населению республики в течение многих десятилетий, ими пользовались поколения монголов. Это относится и к российским лекарствам и ветеринарным препаратам.

Несмотря на острый недостаток иностранной валюты в Монголии, некоторые фирмы осуществляли туда поставки партии потребительских товаров на условиях выставления импортерами безотзывного аккредитива и на бартерной основе. В частности были поставлены шторы, покрывала, одеяла, махровые полотенца в обмен на войлок, кожевенное сырье, облепиховое масло и продукты питания.

Значительный интерес представляет монгольский рынок оборудования и средств транспорта. Наметившееся оживление горнодобывающей промышленности в связи с возрастанием экспорта концентратов руд требует нового оборудования добывающих и обогащительных производств, запасных частей, инструментов. Все установленное оборудование, как правило, советского производства, местные кадры учились и привыкли на нем работать.

Несмотря на проведенное за последние годы акционирование, большинство крупных предприятий остались в государственной собственности. Заказы этих предприятий представляют значительный интерес для российской промышленности. Есть смысл принимать участие в выполнении заказов и подрядов, когда они сопровождаются гарантией монгольского банка или полномочного правительственного учреждения.

Далее рассмотрим порядок государственного регулирования ввоза иностранных товаров в Монголию.

Лицензирование.

Монополия внешней торговли отменена. В соответствии с действующим законодательством все хозяйственные субъекты имеют право заниматься внешнеторговой деятельностью.

Постановлением Совета Министров МНР от 29 ноября 1989 г. Министерству внешних экономических связей и снабжения разрешено выдавать лицензии на самостоятельное ведение экспортно-импортных операций государственным и кооперативным предприятиям и организациям, а также совместным предприятиям, которые в состоянии сбывать на внешнем рынке свою продукцию. Однако в действительности до сих пор практически значительная часть импорта осуществляется через государственные специализированные по товарным группам внешнеторговые объединения, подобные существовавшим до перестройки в СССР.

Фирмы, имеющие право заниматься внешней торговлей, перед заключением контрактов на ввоз в Монголию алкогольных напитков, химических товаров и оружия должны предварительно получить импортные лицензии.

Наряду с таможенными пошлинами со всех импортных товаров взимается дополнительный сбор с импорта в размере 10% от таможенной стоимости¹.

С разрешения Министерства внешнеэкономических связей и снабжения иностранные компании могут открывать свои представительства. Разрешения надо получать заново каждые 3 года.

Порядок расчетов и платежей.

Валютная система в стране либерализована. Отечественные и иностранные физические и юридические лица могут открывать в Монголии валютные счета и распоряжаться средствами на них. Нет никаких предписаний о продаже валютной выручки или ее части государственному банку за национальную валюту. Валютная выручка может быть свободно переведена за границу.

С принятием нового закона о банках в Монголии создана двухступенчатая банковская система, состоящая из Центрального и коммерческих банков. Закон разрешает открытие частных национальных, совместных с иностранным капиталом банков, а также филиалов иностранных финансовых институтов.

Западные фирмы при крупных экспортных поставках в Монголию, как правило, наряду с банковским кредитом обеспечивают себя гарантиями специальных государственных организаций (организаций страхования экспорта или страхования экспортного кредита). Получить такую гарантию на кредит в связи с поставкой товаров в Монголию в странах ЕС довольно трудно.

Сопроводительные документы².

Документы о стране происхождения товара не требуются. На коносаментах не нужно подтверждения. Счета по торговым операциям составляются в пяти экземплярах. В них должны содержаться обычные сведения: название товара, вид и маркировка упаковки, цена, получатель и пр. Кроме того, надо указать номера аккредитива и контракта. Подтверждение счетов не требуется. Накладные, отправляемые с товарами, составляются в двух экземплярах.

Прочие документы³.

Особый сертификат производителя (Manufacturer's quality and guarantee/weight certificate) надо представить в двух экземплярах.

Страховое свидетельство (сертификат) следует прилагать в четырех экземплярах.

Посылки принимаются весом до 20 кг (авиапочтой - до 10 кг), при этом следует приложить один международный посылочный формуляр и одну таможенную декларацию о содержании посылки, заполненных на одном из следующих языков: английский, русский, немецкий.

Маркировка товаров обычная, специальных предписаний по ней нет.

Особые предписания: при ввозе одежды, бывшей в употреблении, необходим сертификат о дезинфекции.

Языки, употребляемые во внешнеэкономической деловой документации и переписке: английский, русский, немецкий.

Политика привлечения иностранных инвестиций.

Важное место в правительственной программе занимает переориентация внешнеэкономических связей. Центральной задачей становится инвестиционное сотрудничество с промышленно-развитыми странами. Монголия предлагает партнерам из этих стран принять участие в создании экспортной базы в легкой, пищевой, химической промышленности, машиностроении, микроэлектронике, производстве средств связи, измерительной аппаратуры. Власти рассчитывают на привлечение капиталов из США, Японии, Южной Кореи, а также средств монгольской эмиграции по образцу и подобию Китая.

Монгольская сторона поощряет иностранные инвестиции по следующим направлениям:

- производство продукции на экспорт с целью замещения импорта;

- наукоемкие производства;
- выпуск изделий с высокой степенью переработки;
- развитие инфраструктуры, в т.ч. энергетики, транспорта, связи;
- развитие международного туризма.

В июле 1990 г. Великий народный хурал утвердил "Закон об иностранных инвестициях". Новый закон допускает инвестиции в любую отрасль народного хозяйства страны, защищает интересы иностранных вкладчиков и должен стимулировать приток капиталовложений в страну. Упрощен порядок создания совместных предприятий. Для этого надо подать заявление о создании совместного предприятия и проект учредительного документа в Совет Министров. Решение выносится в течение 60 дней. Организация с иностранным капиталом регистрируется в Министерстве финансов.

Совместные предприятия осуществляют экспортно-импортные операции, связанные только с основной деятельностью.

Расчеты и платежи СП с монгольскими организациями производятся по ценам мирового рынка или договорным ценам, в тугриках и в другой взаимосогласованной валюте.

СП уплачивают в госбюджет дифференцированный налог с прибыли. Размер налога не должен превышать 40%. Налог выплачивается в той валюте, в которой была получена прибыль. СП могут освобождаться от уплаты налогов на прибыль на 3 года после начала их деятельности. При переводе иностранными участниками причитающейся им доли прибыли за границу налог не взимается. Экспортные и импортные товары, связанные с производственной деятельностью СП, освобождаются от уплаты таможенных пошлин. Иностранные граждане, работающие в СП, освобождаются от уплаты налога при переводе их доходов за границу.

СП могут иметь счета в Госбанке МНР в тугриках и других валютах.

В законе не указан порядок выплаты вклада монгольской стороны. Не опубликован также правовой механизм экономического стимулирования иностранного партнера в подготовке местных технических и управленческих кадров. Не определен порядок создания производственной и социальной инфраструктуры, пенсионного обеспечения, охраны труда и окружающей среды.

В "Законе об иностранных инвестициях" ограничена материальная ответственность сторон; стороны несут ответственность только за нарушение данного закона. Гарантируется неприкосновенность иностранных вложений, они не могут быть национализированы⁴.

Массового притока иностранных капиталовложений в экономику МНР ни в форме создания объектов в полной иностранной собственности, ни в виде участия СП не наблюдается, хотя отдельные примеры есть.

Активность западных и японских инвесторов на монгольском рынке сдерживается из-за слабого знания ими возможных сфер вложения капитала, преобладания связей с республиками бывшего СССР, низкой квалификации рабочей силы, неразвитости инфраструктуры. Некоторую активность проявляет мелкий и средний китайский капитал, прежде всего в торговле и ремеслах.

Монгольское правительство проводит политику создания свободных экономических зон, в т.ч. на востоке страны (угольное месторождение Таван-Толгойт), а также сдачи Японии отдельных территорий в концессию.

Хотелось бы надеяться, что несмотря на глубокие изменения в экономическом и социальном строе России и Монголии их хозяйственные связи сохранятся и будут развиваться. Для этого есть достаточно причин.

Географически Монголия расположена между Россией и Китаем. Ближайший промышленно развитый район - Южные части Западной и Восточной

Сибири, традиционно служившие поставщиками машин, оборудования и потребительских товаров в МНР, а также потребителями товаров ее традиционного экспорта. все центры монгольской экономики связаны транспортными путями с промышленными городами Южной Сибири.

Сложившиеся в течение семи десятилетий отношения специализации и кооперирования не могут быть в короткие сроки безболезненно нарушены. Это принесло бы заметный ущерб экономикам обеих стран, в первую очередь Монголии.

Промышленность, транспорт, связь, сельское хозяйство МНР оснащены советским оборудованием. На предприятиях, построенных с помощью нашей страны, в настоящее время производится около 60% валовой промышленной продукции МНР. Все это оборудование требует запасных частей, замены, промышленное производство нуждается в некоторых материалах, комплектующих. Потребительский спрос традиционно ориентирован на определенные российские товары.

Массовая продажа основных товаров монгольского экспорта - полезных ископаемых и животноводческого сырья, а также мяса в развитые страны Западной Европы, Америки и Юго-Восточной Азии - маловероятна из-за чрезвычайной удаленности и насыщенности этих рынков. В связи с этим Монголия является естественным и перспективным торговым партнером России.

-
1. Neue Züricher Zeitung. Februar 2000.
  2. Ratschläge für die Ausfuhr. Commerzbank, Ausgabe 2000.
  3. Ibid.
  4. Asia Magazine. Dez. 2000.

Подходы к принципу самоопределения в Китае (XX в.)

© 2000

А. Москалев

Нередко говорят о трудностях дефиниции понятия самоопределения и в особенности установления «правил» применения этого принципа¹. Апеллирование к статье 1 Устава ООН, в которой сказано, что «все народы имеют право на самоопределение», а также ссылки на другие документы международного характера, такие, как «Международный пакт о гражданских и политических правах» и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», мало проясняют суть дела, поскольку во всех подобного рода пактах предлагаются лишь общие формулировки, которые могут интерпретироваться по-разному в зависимости от тех или иных обстоятельств места и времени. Впрочем, от таких договоров и не следует требовать рецептов на все конкретные случаи решения проблем, связанных с реализацией принципа самоопределения. Но нельзя не замечать и того, что к концу века накопилось немало соображений, помогающих, с учетом практического опыта, придти к определенным выводам более или менее универсального порядка, находить некоторые достаточно общие критерии, позволяющие четче очерчивать рамки применения принципа самоопределения в разнообразных условиях стран и регионов мира. Так, конструктивным представляется высказывавшееся положение о целесообразности различать юридический и политический аспекты самоопределения. Согласно этой разделяемой «многими специалистами международного права» концепции, «в юридическом плане право на самоопределение признается за всеми народами и нациями. А вот определение формы, в которой реализуется это право в каждом конкретном случае (отделение, автономия, федерация и т.п.), является политическим вопросом»². Иначе говоря, самоопределение в содержательном плане отнюдь не ограничивается одной лишь сецессией (как это полагают многие теоретики в КНР). Действительно, автономия, а в КНР и некоторые другие способы решения национальных проблем (о чем будет сказано ниже), представляют собой формы самоопределения, поскольку ими предусматривается та или иная степень самостоятельности национальностей в решении внутренних вопросов своего жизнеустройства³.

I

Отмечая, что «после окончания европейской войны» народы стали придавать особое значение принципу самоопределения, Сунь Ятсен заявлял, что «среди наций мира наш Китай (в этом отношении) в особенности представляет самую большую проблему»⁴. Здесь основатель Республики явно имел в виду не право народов своей страны на самоопределение, а самоопределение ханьского Китая, высвобождение его (и прежде всего ханьской нации) от пут, как он говорил, «неравноправных договоров». Он приводил в пример Сиам и Японию как единственные в то время «полностью независимые государства Восточной Азии»⁵. Такой подход нашел отражение и в Декларации 1-го Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана, в которой первая сторона принципа национализма формулировалась Сунь Ятсеном как «достижение китайской нацией (чжунго миньцзу) собственного освобождения»⁶ (этноним чжунго миньцзу эквивалентен у Сунь Ятсена этнониму «ханьцы»).

В то же время «признание права всех национальностей Китая на самоопределение», о чем говорилось в той же Декларации, носило абстрактный характер: оставалось неясным, как понималось здесь самоопределение, каким образом можно было реализовать этот принцип. Важно также учитывать, что данное положение едва ли составляет органическую часть системы взглядов Сунь Ятсена; оно скорее выглядит как нечто привнесенное извне. Действительно, по всей видимости, так и было.

Несколько позднее, в «Программе государственного строительства», Сунь Ятсен снова употребил термин «самоопределение» в таком контексте: «Малым национальностям страны правительство обязано оказывать помощь, содействовать обретению ими способности к самоопределению и самоуправлению» (автономии)⁷. Замечу, что последнее словосочетание — «самоопределение и самоуправление» — противоречиво само по себе, поскольку, как уже говорилось, самоуправление является одной из форм самоопределения.

Сунь Ятсен был знаком (видимо, лишь в самых общих чертах) с позицией В.И. Ленина по вопросу о самоопределении «угнетенных наций» мира (Сунь Ятсена волновала прежде всего эта сторона вопроса, причем в применении к ханьцам), он упоминал и о В. Вильсоне, «стоявшем за "самоопределение национальностей"»⁸. То, что Сунь Ятсен видел реальными носителями идеи самоопределения именно ханьцев, вытекало из его оценки национальной ситуации в Китае: в условиях давления со стороны держав только ханьцы, как он не раз повторял, могли «постоять за себя», тогда как другие, в частности, маньчжуры, монголы, тибетцы, не вызывали у него доверия в силу того, что эти народы, как он говорил, оказались в сферах влияния Японии, России, Англии⁹ соответственно. Получалось, что самоопределение могли реализовать только ханьцы, которые, в понимании Сунь Ятсена, и должны были сделать Китай подлинно независимым государством.

Что касается монголов Внешней Монголии, то Сунь Ятсен хотя и не считал малые народы страны способными к самоопределению, был вынужден признать, что монголы все же «откололись от Китая» и создали «независимое государство», в связи с чем он выражал надежду, что они «снова соединятся с Китаем»¹⁰. Действительно, Сунь Ятсен считал, что отпадение монголов Внешней Монголии нарушает единство Китая и, более того, утрата Монголии, по его словам, «гибельна для Китая»¹¹. Кстати, еще в 1912 г. Сунь Ятсен в одном из своих интервью говорил, что Китай, по мере восстановления сил непременно вернет свои утраченные территории¹². Таковой была позиция Сунь Ятсена по вопросу о самоопределении. Его отношение к отделению от Китая той или иной неханьской национальности было весьма негативным.

Совсем иначе смотрел в середине 20-х годов на неханьские народы Китая Дай Цзитао. В своей лекции «Взгляд на государство с точки зрения учения о трех народных принципах» (1925 г.) он, в частности, развивал идею о необходимости «уважать независимость» Монголии и Тибета. Дай Цзитао подтверждал, что «мы (т.е. Гоминьдан. – А.М.) готовы предоставить всем нациям страны права равенства и самоопределения»¹³. В понимании Дай Цзитао, самоопределение – это прежде всего возможность выхода из состава страны. Правда, он считал, что не все народы Китая «имеют потребность и способность к независимости». По его словам, к примеру, мяо и мусульманам независимость не нужна и они к ней не способны¹⁴. Монголы же и тибетцы, по мнению Дай Цзитао, особо выделяются среди прочих национальностей страны. При этом он утверждал, что монголы Внутренней Монголии, непосредственно соприкасаясь с Собственно Китаем, ассимилируются ханьцами. Поэтому, согласно Дай Цзитао, самостоятельными могут быть лишь монголы Внешней Монголии на севере и тибетцы на юго-западе Китая. Во Внешней Монголии «монголы уже создали свое национальное государство», и это «очень хороший прецедент»¹⁵, считал Дай Цзитао. По его мысли, стремление монголов к независимости еще более сближает их с «китайской нацией» (чжунго миньцзу, – у Дай Цзитао этот этноним, как и у Сунь Ятсена, равнозначен этнониму «ханьцы»), имеющей такие же устремления. Поскольку же «англичане <...> подстрекают тибетцев, стремясь вызвать у них враждебные чувства к китайцам, <...> нам нужно проявлять уважение в отношении тибетской независимости, свободы Тибета, <...> дабы объединить угнетенные народы на борьбу против империализма <...>»¹⁶. Разделяя в то время идею мировой революции и рассматривая революцию в Китае как ее часть (эти мысли нашли выражение и в лекции, на которую я здесь ссылаюсь), Дай Цзитао полагал, что Гоминьдану «необходимо признать движение за независимость Тибета»¹⁷. И хотя это движение «еще не проявилось в полной мере, китайцы должны быть готовы к тому, чтобы поддержать его»¹⁸. Резюмируя, Дай Цзитао подчеркивал, что коль скоро «мы сами (т.е. ханьцы. – А.М.) стоим за национальную независимость, нам не следует быть против независимости и других народов, причем нам не только не нужно противиться этому, но и необходимо помогать им (стать независимыми)»¹⁹.

В дальнейшем, как известно, позиция Китайского Гоминьдана (и в том числе Дай Цзитао) по вопросу о самоопределении изменилась. В резолюции по политическому отчету III Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1929 г.) тема национального сплочения проходила красной нитью. Необходимо осуществить «тесное единение ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй (т. наз. «мусульман». – А.М.), – говорилось в резолюции, – дабы создать сильную государственную нацию и обеспечить Китаю равноправное положение на международной арене»²⁰. В качестве одной из целей политики в отношении национальностей в той же резолюции указывалось на необходимость «добиваться развития способности национальностей к самоуправлению». О развитии «способности к самоопределению»²¹ (как было у Сунь Ятсена) речь уже не шла. О необходимости развивать у (неханьских) национальностей страны «способность к самоуправлению», а также «усиливать сплоченность государственной нации»²², говорилось и в Декларации 1У Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана (1935 г.)²³.

Внеочередной съезд Китайского Гоминьдана (1938 г.) открыто высказался против принципа самоопределения национальностей (имея в виду, конечно, сецессию), что мотивировалось агрессией Японии против Китая и тем, как она манипулировала принципом самоопределения с целью расчленения Китая. В Декларации Внеочередного съезда по этому поводу, в частности, говорилось, что 1 съезд Китайского Гоминьдана дал всем национальностям Ки-

тая «очень важное обещание» относительно того, что на основе «свободного волеизъявления», может быть создана «свободная и единая Китайская Республика». Но вследствие иностранной агрессии, пояснялось в Декларации, «самоопределение национальностей», к которому на словах призывает Япония, на деле означает лишь раздробление территории Китая. Китай слишком велик, говорилось в Декларации, чтобы Япония могла разом проглотить его, поэтому, она хочет добиться расчленения Китая на мелкие куски, чтобы разделаться с ним по частям. «Только после победы в войне сопротивления можно будет образовать свободную и единую Китайскую Республику, в которой свободно объединятся все национальности»²⁴, подчеркивалось в Декларации.

V Всекитайский съезд Китайского Гоминьдана, состоявшийся в мае 1945 г. (когда война на Дальнем Востоке еще не была закончена), не внес ничего нового в позицию этой партии по вопросу о принципе самоопределения. Однако на съезде прозвучало важное заявление по Монголии и Тибету. Было дано обещание: «предоставить Внешней Монголии и Тибету право на широкую автономию»²⁵. Тем самым, Гоминьдан намеревался не только сохранить Тибет в составе Китая, но и надеялся «вернуть» в лоно родины монголов Монгольской Народной Республики. Итак, Китайский Гоминьдан после Сунь Ятсена постепенно пришел к выводу о нецелесообразности продолжать поддерживать пункт Декларации I съезда этой партии о праве всех народов Китая на самоопределение. Иначе говоря, Китайский Гоминьдан продемонстрировал неприятие самоопределения в форме сецессии. Что касается автономии (причем «широкой автономии»), то такое право было обещано лишь части монголов, а также тибетцам. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться.

II

КПК до образования КНР поддерживала право народов Китая на самоопределение, в чем, конечно, сказались влияние Советского Союза и Коминтерна. В известной в свое время теоретической статье «К постановке национального вопроса в Китае» Г.С. Кара-Мурза разъяснял, что «с точки зрения большевистского разрешения национального вопроса в Китае», необходимо «в первую очередь» признать право народов «на государственное отделение»²⁶. Чтобы это требование не выглядело абстрактно, нужно было четко определить, какие народы должны отделиться, а какие нет. При этом первые (отделяющиеся) у Кара-Мурзы считались «исторически революционными», а вторые – реакционными²⁷. Отсюда автором названной статьи формулировалась задача: «мы должны выделить (в Китае. – А.М.) те действительно некитайские народы и национальные группы, которые в процессе исторического развития показали закономерность постановки вопроса об их самостоятельном национальном существовании <...>»²⁸. И китайские коммунисты поставили требование самоопределения национальностей – вплоть до отделения – во главу угла своей программы по национальному вопросу.

Как свидетельствует текст Декларации II съезда КПК (1922 г.), уже в то время КПК поддерживала идею образования «трех автономных государств – в Монголии, Тибете и Хуэйцзяне»²⁹, которые затем предполагалось «снова объединить и образовать Китайскую Федеративную Республику»³⁰.

Такая позиция КПК обосновывалась в Декларации тем, что Китай в национально-территориальном отношении состоит из ряда качественно различных частей. КПК выделяла четыре такие части: так называемый «Собственно Китай» (Чжунго бэньбу), а также три региона с неханьским населением – Монголию, Тибет и Синьцзян. По поводу неханьских районов в Декларации говорилось, что «они не только исторически являются районами издревле компактно заселенными инородческими национальностями (ичжун миньцзу), но и

в экономическом отношении в корне отличаются от провинций Собственно Китая <...> Поэтому, если силой заставить этих инородцев, ведущих совсем иную хозяйственную жизнь, объединиться с Собственно Китаем, который находится под властью милитаристов и сам не является единым, то в результате это приведет лишь к разрастанию владений милитаристов и помешает монголам и другим народам пойти по прогрессивному пути самоопределения и самоуправления <...>». Присутствующее в Декларации противоречивое словосочетание «самоопределение и самоуправление» наглядно демонстрирует то, как КПК понимала тогда смысл принципа самоопределения: вполне очевидно, что под «самоопределением» здесь имеется в виду возможность отделения, которому неправомерно противопоставляется самоуправление (автономия), также являющееся одной из форм самоопределения. Но именно это словосочетание через два года попадает в суньятсеновский текст (о котором я говорил выше), что указывает на буквальное заимствование Сунь Ятсеном некоторых идей китайских коммунистов, причем сформулированных не вполне корректно.

Как указывалось в разделе 3 Декларации II съезда КПК, китайская федерация должна иметь свободный характер, иначе говоря, за народами Монголии, Тибета и Синьцзяна признавалось право выхода из состава Китая.

Более определенно, хотя и предельно кратко, о самоопределении национальностей окраин Китая говорилось на III съезде КПК (1923 г.). В принятой съездом Программе партии содержалась такая формулировка: «Взаимоотношения Тибета, Монголии, Синьцзяна, Цинхая с Собственно Китаем определяются посредством самоопределения национальностей упомянутых территорий»³¹.

В резолюции У1 съезда КПК (1928 г.) говорилось о праве национальностей Китая на самоопределение в общем плане – вне связи с какими-то определенными регионами страны³².

Позиция КПК по вопросу о самоопределении национальностей получила новое развитие в 30-е годы. Она была изложена в документах I и II всекитайских съездов Советов рабочих, крестьянских и солдатских представителей Китая. Примечательно, в частности, что в «Резолюции по вопросу о национальных меньшинствах Китая», принятой I съездом Советов (1931 г.), предусматривалась тройкая форма реализации права на самоопределение. Как гласил текст Резолюции, «трудящиеся массы <...> национальностей сами решают: желают ли они выйти из Китайской Советской Республики и самостоятельно создать собственное государство или желают войти в Советскую Федерацию или же в пределах Китайской Советской Республики создать автономные районы»³³.

В статье 14 обнародованной I съездом Советов Китая «Конституционной программы» говорилось: «Монголы, хуэй (мусульмане. – А.М.), тибетцы, мяо, ли, корейцы и другие проживающие в пределах Китая (национальности), могут войти в Китайскую Советскую Федерацию, выйти из Советской Федерации или же создать собственный (автономный) район – все это решается самими национальностями согласно их собственной воле»³⁴. Тем самым, позиция КПК по вопросу о самоопределении наиболее корректно (с теоретической точки зрения) формулировалась в указанных документах начала 30-х годов.

В последующие годы в различных документах КПК неоднократно подтверждалось право неханьцев страны на самоопределение вплоть до отделения. Один из лидеров КПК Лю Шаоци в октябре 1937 г. высказывал в отношении принципа самоопределения такую мысль: «Если не будем признавать право наций на самоопределение, то не сможем иметь равноправного объединения национальностей»³⁵. В дальнейшем, однако, руководство КПК резко изменило свою позицию в этом вопросе, хотя, как оказалось, это изменение стало временным.

На шестом расширенном пленуме ЦК КПК 6-го созыва (1938 г.) Мао Цзэдун в своем докладе выдвинул три основных принципа национальной политики: «равноправие», «самоуправление», «объединение». О самоопределении и федерации речь уже не шла. Отсутствие упоминания о самоопределении свидетельствовало о том, что последнее все же связывалось прежде всего с сессией. В резолюции пленума говорилось: «Сплотить все народы Китая (ханьцев, маньчжуров, монголов, хуэй, тибетцев, мяо, яо, и, фань и др.) в единую силу, совместно бороться за выживание в войне сопротивления Японии»³⁶. И далее: «Также нельзя допустить появления советского или социалистического по своему строю государства (в Китае)». Согласно резолюции пленума, Китай должен стать «демократической республикой нового типа – Китайским Народными Государством (Чжунхуа Миньго)³⁷ трех народных принципов»³⁸. Эта установка, тем самым, сводила на нет решения китайских Советов и в отношении принципа самоопределения. Новая позиция КПК явилась следствием принятия решения о сотрудничестве с Китайским Гоминьданом в условиях единого антияпонского фронта.

Однако на VII Всекитайском съезде КПК (1945 г.) Мао Цзэдун, выступая с докладом «О коалиционном правительстве», вновь назвал принципы самоопределения и федерации в числе программных требований КПК. Мао Цзэдун, в частности, заявил, что конкретная программа партии «требует <...> позволить всем национальным меньшинствам воспользоваться правом на национальное самоопределение, а также правом образования совместно с ханьской нацией, основываясь на принципе добровольности, федеративного государства»³⁹.

Следует, однако, отметить, что после своего УП съезда КПК, как правило, уже не поднимала вопрос о праве на отделение неханьских народов страны, продолжая в то же время пользоваться термином самоопределение. Это хорошо видно на примере политики КПК в отношении монголов Внутренней Монголии. Взяв в 1947 г. под свой контроль процесс образования автономии во Внутренней Монголии (на территориях, контролировавшихся коммунистами), КПК, всячески сдерживая сепаратистские устремления монголов, тем не менее, убеждала их, что «КПК ведет последовательную борьбу за право народов, населяющих Китай, на национальное самоопределение». Это слова из выступления на учредительном съезде по образованию автономной Внутренней Монголии главы делегации КПК Чжан Цихуа⁴⁰. Правда, Улаанху (Уланьфу) на том же съезде сказал даже большее. Он уверял монголов, что в дальнейшем «мы (т.е. монголы Внутренней Монголии. – А.М.) не вступим в общество старой демократии, а по желанию скотоводов и крестьян мы вступим в федеративное государство, либо воссоединимся с независимым государством – Халхой»⁴¹.

И даже в сентябре 1949 г., в преддверии открытия в Пекине сессии Народного Политического Консультативного Совета Китая (НПКСК), лозунг самоопределения фигурировал в выступлениях руководящих деятелей КПК. В данной связи показателен доклад Чжоу Эньлая «Некоторые проблемы НПКС», с которым он выступил 7 сентября 1949 г. перед съехавшимися в Пекин делегатами НПКСК (еще до официального открытия его 1-й сессии). Чжоу Эньлай, в частности, уверял делегатов, среди которых были представители и некоторых неханьских национальностей Китая, что «всякая национальность равно имеет право на самоопределение, и в этом не может быть ни малейшего сомнения»⁴². В том же докладе, однако, Чжоу Эньлай, говоря о форме государства, подчеркнул, что преобразование Китая в федеративное государство нецелесообразно. «Мы (т.е. КПК. – А.М.) стоим за национальную автономию <...>», заявил Чжоу Эньлай. И далее: «Нам нужно <...> сплотить все национальности в одну большую семью, пресечь империалистическое провоцирование раско-

ла»⁴³. Сохранение пункта о самоопределении национальностей в числе требований, касавшихся национального вопроса, как считало руководство КПК, как раз и может побудить империалистов на «провоцирование раскола» Китая.

III

Чтобы исключить возможность подобного развития событий, со времени образования КНР КПК вообще перестает употреблять термин «самоопределение» в каких бы то ни было документах или законодательных актах: он отсутствует и в главе «Национальная политика» Общей программы НПКСК, и в Конституции, и в других законах страны. Это отражает понимание Компартией Китая данного принципа прежде всего как права на сецессию (вопреки быломu пониманию тройкой возможности его реализации). Как пояснялось в одном из первых (после образования КНР) документов КПК по проблеме самоопределения - «Указаниях ЦК по вопросу о «праве на самоопределение» национальных меньшинств» (октябрь 1949 г.), «больше уже не следует акцентировать этот лозунг (речь идет о праве народов Китая на самоопределение. - А.М.), дабы не дать империалистам и реакционным элементам из среды национальных меньшинств страны воспользоваться этим и столкнуть нас на пассивную позицию. Сегодня следует подчеркивать дружеское сотрудничество и взаимную сплоченность всех национальностей Китая»⁴⁴.

Негативное отношение к вопросу о праве национальностей на самоопределение не означает, однако, что в КНР вообще ничего не пишут и не говорят об этом принципе. Напротив, обсуждение в стране принципа самоопределения национальностей превратилось в своего рода «перманентную» тему. Правда, обсуждения ведутся в строго заданных рамках - в плане отрицания «уместности» использования данного принципа в условиях Китая после того как была образована КНР. В дискуссиях на эту тему обнаруживаются два подхода к самоопределению.

Согласно первой (преобладающей) точке зрения, самоопределение - это синоним сецессии. Так, Ма Вэйлян, автор статьи о теории Мао Цзэдуна по национальному вопросу, считает возможным говорить о «переходе (КПК) от права наций на самоопределение к праву на автономию»⁴⁵. Здесь для китайского исследователя самоопределение - это, так сказать, «право на выход» (из состава Китая), тогда как автономия - это уже не самоопределение. Совершенно очевидно, что такой подход теоретически несостоятелен, поскольку основан на одностороннем подходе к понятию самоопределения. Точно так же китайские исследователи Ли Инъай и Хуан Шижун в своей совместной статье писали, что «самоопределение, федерация и районная национальная автономия являются тремя способами <...> решения национального вопроса»⁴⁶. Некоторые китайские авторы, видимо, в связи с тем, что право на сецессию не может быть признано в КНР, утверждают, что принцип самоопределения национальностей «непригоден» для Китая⁴⁷.

Приведенные высказывания китайских авторов были сделаны десять и более лет тому назад. Изменилась ли с тех пор позиция китайских исследователей? Вот мнения, появившиеся в работах, опубликованных в Китае в самое последнее время. В книге Лю Э и Хэ Жуня, изданной Центральным университетом национальностей, который, как известно, проводит теоретические исследования по национальному вопросу, о самоопределении говорится следующее: «Оно (право на самоопределение. - А.М.) представляет собой своего рода демократическое право. Такое же, как право на развод <...>». «Оно выставляется (как требование) в условиях существования национального гнета, в особенности империалистического гнета <...>». «Вопрос о правомерности требования отделения такой-то нации в таких-то условиях определяется пролетарской по-

литической партией, исходя из интересов пролетарской революции <...>. Можно было бы продолжить цитирование этих двух авторов, но их позиция и так понятна: для них право на самоопределение – это только право на отделение, это, как они пишут, «развод»⁴⁸. О какой-либо иной трактовке принципа самоопределения национальностей речь в названной книге не заходит. Между тем можно напомнить, что в мировом сообществе вообще складывается мнение относительно целесообразности исключения права на отделение из самого понятия «самоопределение»⁴⁹. Это лишний раз говорит о том, что трактовка самоопределения китайскими авторами носит односторонний характер. Возможно, это следствие неблагоприятных условий для разработки данной проблематики китайскими учеными. Действительно, в 80-е–90-е гг. в КНР почти не выходило в свет специальных исследований по данной теме.

Лишь в 2000 г. в журнале Миньцзу яньцзю появилась информация об издании в 1999 г. в Синьцзяне монографии, посвященной, судя по названию, вопросу о самоопределении: «Самоопределение национальностей – это все же национальный раскол», и большая ее часть отведена этой актуальной для Синьцзяна проблеме. Собственно вопрос о самоопределении занимает в работе скромное место: разделу «Что такое ‘самоопределение национальностей’» (автор – Пань Чжипин, директор Института Центральной Азии АОН Синьцзяна, он же главный редактор и один из основных ее авторов) отведено примерно 35 страниц (из 380 страниц текста монографии). В указанном разделе много исторических экскурсов и цитат из сочинений различных европейских авторов, в которых затрагиваются различные аспекты понятий “нация” и “самоопределение”. Позиция автора в отношении самоопределения – весьма негативна. Примечательно, что в предисловии к книге Пань Чжипин ссылается на “прогноз” одного, как он пишет, английского специалиста, который предрекает, что самоопределение якобы может стать “проклятием XXI века”⁵⁰.

Как замечает Пань Чжипин, в теоретическом плане идея “самоопределения национальностей” относится к сфере того, что на Западе называют “правами человека” – наряду со “свободой, равенством и братством”. Однако в наши дни, как он полагает, “в государствах, в которых народ уже взял политическую власть (в свои руки), оно (самоопределение. – А.М.) превратилось в способ, с помощью которого Запад (пытается) развалить эти государства”. Пань Чжипин признается, что придерживается позиции синьцзянского ученого Азиза Юсуфа, выступившего в 1990 г. со статьей “Раздувание в Синьцзяне (лозунга) “самоопределения национальностей” по существу означает проведение национального раскола” (главный тезис уйгурского ученого заключен в самом названии его статьи). Как подчеркивает Пань Чжипин, работу, начатую Азизом Юсуфом, необходимо продолжать в том же духе, дабы “широкие кадры и массы узнали, что в нашей стране (т.е. в Китае. – А.М.) проводить “самоопределение национальностей” равнозначно проведению национального раскола”. Подобного рода работы, заключает Пань Чжипин, имеют “стратегическое значение”, так как они противодействуют синьцзянскому сепаратизму и “независимости Тибета”⁵¹.

Как пишет автор рецензии на эту книгу, Цзи Дачунь, у авторов работы, «кажется, нет исчерпывающего обсуждения <...> в особенности (вопроса) о соотношении автономии и самоопределения»⁵². Цзи Дачунь в данной связи напоминает, как В.И. Ленин в свое время признавал, что федерация и автономия, «говоря абстрактно», входят в понятие самоопределения. Цзи Дачунь справедливо полагает в данной связи, что, тем самым, В.И. Ленин «не противопоставлял территориальную автономию и самоопределение национальностей», он, напротив, «включал автономию в (понятие) «самоопределения»⁵³. В своей рецензии Цзи Дачунь в то же время замечает, что «то самоопределение, о кото-

ром мы говорим, прежде всего должно быть вопросом борьбы против колониального господства империализма, вопросом патриотизма и независимости народов колониальных и полуколониальных стран». Исходя из этого, считает автор рецензии, можно подойти и к правильной трактовке самоопределения. Цзи Дачунь склонен считать «правильным» самоопределение всей китайской нации (чжунхуа миньцзу). И когда кто-то в Китае пытается сегодня поднять знамя «самоопределения национальностей», то это, как пишет китайский рецензент, – прямой призыв к национальному расколу⁵⁴. Таким образом, как явствует из рецензии, авторы монографии еще не вполне разобрались с вопросом о соотношении понятий самоопределения и автономии. Автор же рецензии, насколько можно судить по его замечаниям, отдавая себе отчет в том, что автономия – это также самоопределение, все же предпочитает присоединиться к мнению тех китайских исследователей, которые считают, что самоопределение в Китае – это самоопределение всей китайской нации (чжунхуа миньцзу).

Согласно этой точке зрения (она представлена лишь у некоторых теоретиков национального вопроса), самоопределение представляет собой как бы «коллективное волеизъявление» всех народов КНР. Известный теоретик Чжан Чжи писал об этом в 50-е годы так: «После образования КНР общее отечество всех национальностей обрело полную независимость. Все национальности получили освобождение и равноправное положение. И нужно сказать, что все национальности осуществили (тем самым) подлинное самоопределение»⁵⁵. В дальнейшем, как подчеркивал Чжан Чжи, какого-то иного самоопределения быть уже не может: «если найдутся люди, которые захотят еще какого-то самоопределения национальностей, то это будет означать, что в действительности они будут <...> вынуждать национальные меньшинства выйти из большой семьи родины <...>, что может быть выгодно только империализму и реакционным силам внутри национальностей»⁵⁶. Автор, таким образом, опять возвращается к пониманию самоопределения как сецессии.

Сходной точки зрения придерживался в те же годы теоретик национального вопроса Лю Чунь. По его словам, национальности Китая в 1949 г «сами избрали свой путь: единая Китайская Народная Республика уже стала явью, великая многонациональная родина уже получила полную независимость, все национальности уже обрели освобождение, и их положение полностью равноправно. Эта победа всех национальностей имеет огромное историческое значение. Она уже закреплена в Конституции нашей родины и навсегда будет озарять своим сиянием скрижали истории человечества, и следует признать, что все национальности (Китая) осуществили (тем самым) подлинное самоопределение». И далее: «Трудно вообразить, чтобы <...> (в этой ситуации) у нас возникла какая-то необходимость выставлять и реализовывать лозунг самоопределения национальностей»⁵⁷. Касаюсь ситуации с монголами Внутренней Монголии, среди которых слышались голоса в пользу выхода из состава КНР и «воссоединения с другим государством», Лю Чунь подчеркивал, что выставление в подобной ситуации «лозунга самоопределения национальностей» явилось бы потаканием темным замыслам тех, кто хочет «расколоть Китай и разрушить сплоченность национальностей»⁵⁸.

Несколько иначе ту же мысль высказали в 80-е годы Цзян Пин и Хуан Чжу. Отмечая, что КНР – единое многонациональное государство, что в Китае все национальности равноправны и осуществляют районную национальную автономию, что все районы национальной автономии являются неотъемлемой частью КНР и что все эти вопросы были «полностью обсуждены и согласованы» с представителями всех национальностей и, тем самым, представляют собой проявление их свободной воли, оба автора делают вывод, что «это также пред-

ставляет собой национальное самоопределение всех национальностей нашего Китая, имеющее всемирно-историческое значение»⁵⁹.

Итак, подход к самоопределению второй группы авторов связывает то общее, что носителем права самоопределения здесь выступают не индивидуальные национальности, а весь народ КНР в целом, то есть, вся китайская нация (чжунхуа миньцзу). Это весьма напоминает некоторые высказывавшиеся Сунь Ятсеном мысли, о которых говорилось выше.

Таковы основные подходы к принципу самоопределения, существующие на сегодняшний день в КНР. Приходится констатировать, что у большинства китайских авторов доминирует односторонний взгляд на самоопределение как на эквивалент сепаратизма. Отсюда их негативное отношение к этому принципу в применении к условиям КНР, утверждения о том, что принцип самоопределения национальностей якобы «непригоден» для Китая.

Между тем на самом деле самоопределение национальностей существует в КНР с момента ее образования, и дело тут не столько в том, что имело место самоопределение всей китайской нации (чжунхуа миньцзу чжэнтэ дэ цзыцзюэ)⁶⁰, сколько в том непреложном факте, что районная национальная автономия, осуществляемая в КНР, есть одна из форм самоопределения. Более того, введенный в КНР институт национальных волостей, дополняющий систему районной национальной автономии, — это также форма самоопределения, поскольку она аналогичным образом дает возможность компактным группам неханьских национальностей (в случае национальных волостей — мелким компактным группам) самостоятельно решать некоторый круг вопросов в рамках «внутренних дел» (нэйбу шиу) каждой данной национальности. Но, насколько я могу судить по доступным мне китайским материалам, китайские исследователи до сих пор полагают, что в их стране в самоопределении национальностей нет необходимости, и оно даже могло бы нанести вред единству государства.

Что касается подхода КПК к принципу самоопределения в доэпохуэньский период, то в теоретическом отношении он был вполне корректен — особенно в первой половине 30-х годов (документы Китайских Советов). Пожалуй, единственная «погрешность» (на которую я указал во втором разделе статьи) состояла в необдуманном, как я полагаю, соположении «самоопределения» и «самоуправления» в Декларации II съезда КПК. Совсем, правда, другой вопрос: целесообразно ли было и в то время подходить к проблеме самоопределения национальностей так, как это делала КПК?

Появление в декларации I съезда Китайского Гоминьдана положения о «праве всех народов Китая на самоопределение» было, несомненно, результатом влияния на эту партию и прежде всего на Сунь Ятсена национальной политики Советского Союза, а также позиции китайских коммунистов по вопросу о самоопределении наций. На некоторых членов Гоминьдана (в частности, Дай Цзитао) принятие этого пункта произвело большое впечатление. Но позиция Китайского Гоминьдана по этому вопросу не отличалась теоретической ясностью. К тому же эта партия вскоре вообще отказалась от поддержки этого принципа, усмотрев в нем опасность для сохранения территориальной целостности страны (в этом опять же проявился односторонний подход к данному принципу).

Таковы, в общих чертах, особенности подходов к принципу самоопределения в Китае в XX в. До образования КНР этот принцип использовался и КПК, и Гоминьданом в качестве политического лозунга, который провозглашался или снимался в зависимости от отношения партий к политической ситуации в стране. Со второй половины века самоопределение национальностей реализовалось в КНР в формах территориальной национальной автономии и национальных волостей, хотя официально эти формы самоопределением не

признавались. Поскольку же научное обсуждение данной проблематики в КНР по существу только начинается, можно полагать, что в ближайшие годы китайские теоретики еще будут корректировать свою позицию по этому важному вопросу.

1. В данной связи, см., например, статью профессора Темплского университета (Филадельфия, США) Р. Осборна «Национальное самоопределение и целостность государства» // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 122-126. Из последних обобщающих работ можно указать на раздел «Право на самоопределение...» в книге: Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. *Этносоциология*. М., 1999. С. 45-48, в котором излагаются различные подходы к пониманию проблемы права наций на самоопределение.
2. Предисловие. Национальный вопрос в современном мире // *Национальный вопрос за рубежом. Правовые формы и практика регулирования межнациональных отношений*. Исследование роли национального фактора в политике (ответственный редактор академик В.Н. Кудрявцев). М., 1989. С. 10.
3. Кстати, эта сторона самоопределения в свое время получила довольно удачное толкование в Советской исторической энциклопедии (М., 1967. Т. 10. С. 67. Статья «Национальный вопрос»).
4. Сань минь чжуи цзюйти баньфа (Конкретные пути реализации Трех народных принципов) // *Го фу цюань шу* (ПСС Отца Республики). Тайбэй, 1970. С. 889.
5. Там же.
6. Чжунго Гоминьдан ди-и цы цюань го дайбяо дахуэй сюаньянь (Декларация 1-го Всекитайского съезда Китайского Гоминьдана) // *Сунь Чжуншань сюань цзи* (Избранные сочинения Сунь Ятсена). Пекин, 1957. Т. 2. С. 525.
7. Цзянь го да ган (Программа государственного строительства) // *Сунь Чжуншань сюань цзи*. Т. 2. С. 569.
8. На Ленина и на Вильсона Сунь Ятсен ссылался, в частности, в своей 4-й лекции по национализму (1924 г.) См.: *Сунь Чжуншань сюань цзи*. Т. 2. С. 631, 628-629.
9. Сань минь чжуи цзюйти баньфа. С. 889.
10. Хуаньянь мэngu дайбяо цзи Гоминьдан цюань го дайбяо дэ яньшо (Речь на приеме монгольского представителя и представителей Гоминьдана от провинций Китая) // *Сунь Чжуншань сюань цзи*. Т. 2. С. 519.
11. «Всем соотечественникам известно, что гибель (т.е. утрата. – А.М.) Монголии это гибель нашего государства», говорилось в тексте одной из телеграмм Сунь Ятсена, относящихся к 1912 г. (см. *Го фу цюань шу*. С. 52).
12. *Го фу цюань шу*. С. 496 (Сунь Ятсен говорил, что у Китая в то время «не было сил, чтобы контролировать Монголию»).
13. Дай Цзитао сяньшэн вэньцунь цзай сюй бянь. Ся цэ (Второе дополнение к собранию сочинений Дай Цзитао). Тайбэй, 1968. Т.2. С. 671.
14. Там же. С. 670.
15. Там же. С. 672.
16. Там же.
17. Там же. С. 674.
18. Там же.
19. Там же. С. 677.
20. Чжунго Гоминьдан ди-и-эр-сань-сы цы цюань го дайбяо дахуэй хуэйкань (Материалы I, II, III, IV Всекитайских съездов Китайского Гоминьдана). Нанкин, 1934 (репринт: Тайбэй, 1973). С. 137.
21. Там же. С. 137-138.
22. Под государственной нацией Китайский Гоминьдан (после Сунь Ятсена) понимал совокупность всех народов страны (подробнее об этом см. в моих тезисах: *Единая нация в трактовке Китайского Гоминьдана* (конец 20-х-30-е гг.) // *Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX – начале XXI века*. Тезисы докладов VIII Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир...» М., 1997. С. 42-45.
23. *Го фу цюань шу*. С. 333.

24. Там же. С. 338.
25. Там же. С. 343.
26. Г. Кара-Мурза. К постановке национального вопроса в Китае // Проблемы Китая. 1934. № 13. С. 51.
27. Там же.
28. Там же.
29. Под Хуэйцзяном (досл. «Мусульманский край») имелась в виду провинция Синьцзян.
30. Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цзыляо (Справочные материалы по изучению истории КПК). Пекин, 1961. Кн. 1. С. 42.
31. Цит. по: Ли Цзыюань. Лунь миньчжу гэмин шици во дан миньцзу гунцзо дэ лиши цзинъянь (Исторический опыт работы нашей партии в области национального вопроса в период демократической революции) // Чжунго шаошу миньцзу. 1991. № 9. С. 14.
32. Чжунго гунчаньдан лиши сюэси цанькао цзыляо. Кн. 1. С. 178.
33. Сувайай Чжунго (Советский Китай). М. - Л., 1933. С. 200.
34. Там же. С. 43.
35. Цит. по: Сун Ялань. Ши лунь дан дэ миньцзу цюйюй цзычжи чжэнцэ дэ синчжи цзи ци лилунь цзичу (Опыт рассмотрения формирования политики партии по районной национальной автономии и ее теоретических основ) // Чжунго шаошу миньцзу. 1991. № 8. С. 15.
36. Чжун гун лю чжун цюань хуэй цзюэи хэ сюаньянь (Резолюция и Декларация шестого пленума ЦК КПК). Чунцин, 1938. С. 10.
37. Термин миньго (Народное государство) в сочетании Чжунхуа Миньго обычно переводится как «Китайская Республика», что в общем соответствовало реальному статусу страны в послесиньхайский период. Но, строго говоря, «миньго» это все же не «республика», что видно, к примеру, из употреблявшегося Сунь Ятсеном обозначения: «гунхэ миньго» – «республиканское народное государство» (См. Го фу цюань шу. С. 458).
38. Имеется в виду учение о «трех народных принципах» Сунь Ятсена. См.: Чжун гун лю чжун цюань хуэй цзюэи хэ сюаньянь. С. 14.
39. Мао Цзэдун сюань цзи (Избранные сочинения Мао Цзэдуна). Далянь, 1946. Т. 1. С. 104. При переиздании сочинений Мао Цзэдуна в первой половине 50-х гг. положения о самоопределении и федеративном национально-государственном устройстве Китая были из текста доклада изъяты. Вместо них появилось положение о предоставлении национальным меньшинствам права на национальную автономию.
40. Автономный район Внутренняя Монголия Китайской народной Республики. М., 1980. С. 55 (работа написана анонимными авторами МНР).
41. Имеется в виду МНР. См.: там же.
42. Цит. по: Цзян Пин. Гуаньюй чжунго гунчаньдан миньцзу ганлин дэ лиши фачжань (Об историческом развитии программы КПК по национальному вопросу) // Чжунго шаошу миньцзу. 1990. № 10. С. 20-21.
43. Там же.
44. Дан дэ гунцзо (Партийная работа). 1949. № 28. (25 ноября). С. 15.
45. Ма Вэйлян. Сюэси Мао Цзэдун тунчжи гуаньюй миньцзу вэньти дэ лилунь (Изучать теорию товарища Мао Цзэдуна по национальному вопросу) // Юньнань миньцзу сюэюань сюэбао. 1984. № 1. С. 10.
46. Ли Инъай, Хуан Шижун. Яо лиши дэ бяньчжэн дэ кань чжунго гунчаньдан цаоци дэ миньцзу чжэнцэ (К национальной политике КПК в ранний период ее деятельности нужно подходить исторически и диалектически) // Чжунго шаошу миньцзу. 1990. № 5. С. 25.
47. Ван Юй. Чжунго гунчаньдан дуй макэсычжуи миньцзу лилунь дэ юньюн хэ фачжань (Об использовании и развитии Компартией Китая марксистской теории по национальному вопросу) // Чжунго шаошу миньцзу. 1991. № 7. С. 17.).
48. Лю Э, Хэ Жунь. Миньцзу лилунь хэ миньцзу чжэнцэ ганъяо (Основы теории национального вопроса и национальной политики). Пекин, 1999. С. 105.
49. Этингер Я. Межнациональные конфликты в СНГ и международный опыт // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 94.

50. Миньцзю цзыцзюэ, хайши миньцзю фэньле. Миньцзю хэ дандай миньцзю фэньлечжуи / гл. ред. Пань Чжипин. Урумчи, 1999. С. 7 (авторами работы также являются: Ван Чжицзюань, Ван Минъе и Ши Лань).
51. Там же. С. 180-181.
52. Цзи Дачунь. Миньцзю цзыцзюэ хэ чжунхуа миньцзю дэ цзыцзюэ. – «Миньцзю цзыцзюэ хайши миньцзю фэньле» и шу ду хоу (Самоопределение национальностей и самоопределение китайской нации. – После прочтения книги «Самоопределение национальностей – это все же национальный раскол») // Миньцзю яньцзю. 2000. № 2. С. 101.
53. Там же.
54. Там же. С. 102.
55. Чжан Чжиин. Ши лунь чжунго жэньминь миньчжу тунъи чжаньсянь (Опыт рассмотрения единого народно-демократического фронта Китая). Пекин, 1958. С. 249.
56. Там же. С. 248-249.
57. Лю Чунь. Вэй шэмо во го цзецзюэ го нэй миньцзю вэньти шисин миньцзю цюйюй цзычжи (Почему в нашей стране при решении национального вопроса проводится районная национальная автономия) // Фаньдуй дифан миньцзучжуи вэй цзяньшэ цзуго шэхуэйчжуи да цзятин эр фэньдоу (Бороться против местного национализма за построение большой социалистической семьи родины). Пекин, 1958. С. 78-79.
58. Там же. С. 79-80.
59. Цзян Пин, Хуан Чжу. Гуаньюй данцянь миньцзю гунцзо дэ жогань вэньти (Некоторые проблемы текущей работы в сфере национального вопроса) // Жэньминь жибао. 1982. 3 мая.
60. Цзи Дачунь. Упом. соч. С. 102.

Еще раз о "Северо-Западном плане" Сунь Ятсена

© 2000

М. Крюков

Вопрос о том, каковы были побудительные мотивы Сунь Ятсена, сформулировавшего в 1918 г. свой военный "Северо-Западный план", имеет первостепенное значение для понимания характера взаимоотношений лидера Гоминьдана с Советской Россией. Однако изучена данная тема еще далеко недостаточно. До сих пор исследователи располагают на сей счет лишь весьма фрагментарной информацией: операция готовилась в условиях секретности и причастные к ней лица старались не оставлять следов. Однако сегодня мы все же можем охарактеризовать ее более детально, чем это было сделано ранее.¹

Сунь Ятсен и Кантонское правительство

Д-р Сунь Ятсен неоднократно вносил в разработанный им план существенные уточнения, обусловленные сдвигами во внутривластной ситуации в Китае и прежде всего теми изменениями, которые в 1917-1921 гг. претерпевали его взаимоотношения с Южным (Кантонским) правительством.

Общеизвестно, что после того, как в 1917 г. фактическая власть в Пекине перешла в руки Дуань Цижуня, а законно избранный парламент был распущен, доминантой политической деятельности д-ра Суня стала борьба с Пекинским правительством под знаменем "защиты конституции". В августе 1917 г. он вместе со своими сторонниками прибыл в Кантон, после чего группа собравшихся там членов китайского парламента на своей чрезвычайной сессии приняла решение о создании южного Военного правительства. Затем состоялись выборы главы правительства - Главнокомандующего вооруженными силами. Сунь Ятсен получил абсолютное большинство голосов и 10 сентября официально вступил в должность. В результате Китай оказался разделенным на две части, каждая из которых находилась под юрисдикцией своего правительства (с той только разницей, что Пекин был признан державами, а Кантон - нет). При этом лидеры, обоих правительств считали своей исторической миссией свержение противника и объединение страны, полагая главным средством для достижения этой цели применение военной силы.

Однако вновь созданное Кантонское правительство фактически было не в состоянии успешно осуществлять даже свои повседневные функции. Целый ряд утвержденных сессией парламента министров не спешил принимать назначение; никак не реагировал на приглашение прибыть в Кантон и приступить к исполнению служебных обязанностей один из двух заместителей Главнокомандующего - военный лидер провинции Юньнань Тан Цзияо. При этом распоряжения главы правительства зачастую открыто саботировались мест-

---

Крюков Михаил Васильевич, профессор Тамканского университета (Тайвань).

ными военными и прежде всего губернатором Гуандуна Мо Жунсинем, одним из руководителей гуансийской милитаристской группировки.

В конце концов рассерженный Сунь Ятсен приказал своему военноморскому министру Чэн Бигуану подвергнуть резиденцию слушника обстрелу из корабельных орудий, но адмирал отказался выполнить приказ. Решив, что на карту поставлен его авторитет, глава правительства в сопровождении нескольких военных лично прибыл на крейсер "Тунъань" и потребовал от его капитана открыть огонь по губернаторской канцелярии. Тот сделал вид, что не расслышал обращенных к нему слов. Тогда главнокомандующий отдал приказ непосредственно орудийному расчету, и по Кантону было произведено несколько десятков залпов.²

Вопреки мнению Г. В. Ефимова о том, что этот конфликт не получил дальнейшего развития³, случившееся вскоре возымело более чем серьезные последствия. Среди парламентариев стало распространяться мнение о том, что в целях стабилизации положения целесообразно внести поправку в закон о Военном правительстве, с тем чтобы во главе его стоял не один Главнокомандующий, имевший право единолично принимать важнейшие решения, а орган коллективного руководства в виде Директории, состоящей из нескольких управляющих.

Сунь Ятсен воспринял слухи о готовящейся реформе крайне болезненно, не без оснований усматривая в этом покушение на его властные полномочия. Но все его попытки воздействовать на законодателей оказались тщетными: 4 мая 1918 г. чрезвычайная сессия парламента большинством голосов приняла решение о внесении изменений в закон о Военном правительстве. Сунь Ятсен объявил, что слагает с себя обязанности Главнокомандующего.⁴ Одновременно он поручил своим помощникам выяснить, сможет ли он поселиться на территории французской концессии в Шанхае.⁵

Тем временем 18 мая парламент принял новое "Положение о Военном правительстве", а спустя два дня были проведены выборы членов Директории. Наибольшее число голосов получило семь человек: Сунь Ятсен, Цзнь Чуньсюань, У Тинфан, Тан Цзияо, Лу Жунтин, Тан Шаои и Линь Баои. Сунь Ятсен никак не реагировал на обращение парламента, призвавшего вновь избранных управляющих без промедления приступить к своим обязанностям. 21 мая он покинул Кантон и направился в Сватоу, затем выехал на Тайвань, оттуда - в Японию. 26 июня Сунь Ятсен прибыл в Шанхай.

В официальной хронике событий периода Китайской Ресублики, изданной в 1981 г. на Тайване, сообщается, что сразу же после прибытия в Шанхай Сунь Ятсен перестал интересоваться политикой и сосредоточился на написании своих трудов.⁶ Эта версия, популярная также и в нашей литературе⁷, тем не менее совершенно не соответствует действительности. На самом деле после того, как в июле ему было прислано официальное удостоверение управляющего, Сунь Ятсен изменил свое первоначальное решение не иметь дела с реорганизованным Военным правительством и принял назначение, хотя и остался в Шанхае (свои новые обязанности он исполнял теперь через своего специально назначенного представителя). 7 октября 1918 г. д-р Сунь вместе с другими управляющими впервые подписал официальный документ Военного правительства.⁸

Конец 1918 г. был отмечен всплеском политической активности Сунь Ятсена - в качестве члена Директории он направляет письма президенту Вильсону и послу США в Китае Рейншу, обращается к Военному правительству и парламенту с изложением своей программы внешней политики, подписывает приказы и обращения Директории и т.д.

Однако в начале 1919 г. характер взаимоотношений Сунь Ятсена с Военным правительством резко меняется. Именно в это время он впервые пишет

Чэнь Цзюньмину о том, что занялся исключительно сочинительской деятельностью и совершенно не интересуется тем, что происходит в мире.⁹ После этого он объявляет о том, что временно приостанавливает полномочия своего представителя в Директории¹⁰; в июне последний был вообще отозван Сунь Ятсеном в Шанхай.¹¹ А 17 июля д-р Сунь в письме одному из его сторонников называет своих коллег по Военному правительству "гуансийскими бандитами", которые "смотрят на гуандунцев как на черных рабов, сдирают с них кожу, пожирают их заживо".¹² Чтобы понять подлинные причины, заставившие Сунь Ятсена столь резко изменить свое отношение к Военному правительству, необходимо вспомнить о том, что в конце 1918 г. д-р Сунь вступил в неофициальный контакт с возглавляемой Дуань Цижуюем и Сюй Шучжэном ("Маленьким Сюем") северной милитаристской группировкой. Дуань Цижуй предложил Сунь Ятсену не только сотрудничество, но и финансовую помощь; лидер Гоминьдана ответил согласием. Позднее д-р Сунь признал, что его первые контакты с Дуань Цижуюем относятся именно к концу 1918 г.¹³

2 августа 1919 года Сунь Ятсен написал письмо У Тинфану, также являвшемуся одним из руководителей Кантонского правительства. В нем он убеждал адресата, что для борьбы с засильем военных им необходимо одновременно уйти с поста управляющего.¹⁴ Не дожидаясь ответа, Сунь Ятсен 7 августа направляет в парламент телеграмму о том, что далее не может нести ответственность за действия правительства и уходит в отставку.¹⁵ Парламентарии пытались отговорить Сунь Ятсена от этого шага, но он подтвердил, что решение его окончательное, хотя впредь он "не намерен ослаблять усилий, чтобы исполнить свой личный долг по спасению Родины".¹⁶ Одновременно он потребовал формального роспуска Военного правительства, которое "наносит вред стране и используется бандитами в своих корыстных целях".¹⁷

2 сентября Сунь Ятсен вновь требует от парламента лишить правительство его полномочий¹⁸, а затем направляет письмо Директории, в котором заявляет, что служить Родине можно и не будучи членом Военного правительства; если после 10 августа будут опубликованы какие-либо документы, под которыми стояла бы его подпись, он не несет за это никакой ответственности.¹⁹

Анализируя позицию Сунь Ятсена, занятую им в августе-сентябре 1919 г., Г. В. Ефимов писал: "Сунь Ятсен решил больше не связывать себя с так называемым Военным правительством Юга... Порывая с директорией, он принимал тем самым решение о подготовке к вооруженной борьбе с гуансийской кликой. К тому времени директория сама себя изжила".²⁰ Сказанное справедливо, но только отчасти.

Дело в том, что сразу же вслед за этим Сунь Ятсен вновь изменил свое решение. У Тинфан не поддержал инициативу Сунь Ятсена относительно немедленного разрыва с Директорией и в свою очередь предложил ему не спешить с отставкой.²¹ Его доводы показались д-ру Суню заслуживающими внимания. Поэтому, несмотря на свои прежние официальные заявления, в конце октября - начале ноября 1919 года вновь подписывает обращения Директории в качестве одного из управляющих.²² Лишь в самом конце 1919 года Сунь Ятсен принимает решение окончательно разорвать свои отношения с некогда созданным им правительством.

29 марта 1920 г. член Директории, министр финансов У Тинфан, являвшийся вторым лицом в Военном правительстве, неожиданно покинул Кантон и уехал в Гонконг, захватив с собой своего сына и около 2 млн. юаней казенных денег; вскоре после этого объявился в Шанхае. Это радикальным образом изменило ситуацию в Военном правительстве. Из числа семи управляющих Сунь Ятсен до этого участвовал в работе Директории через своего представителя; Тан Шаои никогда официально не принимал назначения; Линь Ба-

ои незадолго до этого подал в отставку; представитель Тан Цзяю, постоянно жившего в Куньмине, также отказался выполнять свои обязанности. Таким образом, с отъездом У Тинфана в составе Директории осталось лишь два управляющих - Цэнь Чуньсюань и Лу Жунтин. Правительство фактически перестало функционировать в качестве реального органа власти.²³

Учитывая эту ситуацию, 4 апреля 1920 года Сунь Ятсен дает указание Чэнь Цзюнмину начать в Фуцзяни подготовку к военному вторжению в Гуандун с целью уничтожения "гуансийских бандитов".²⁴ В августе войска Чэнь Цзюнмина выступили из Чжанчжоу и вскоре нанесли серьезное поражение армии Лу Жунтина. В этих условиях д-р Сунь снова (в который уж раз!) меняет свое отношение к Военному правительству. Он приходит к выводу, что Директория еще может пригодиться ему.

Когда предотвратить занятие Кантона войсками Чэнь Цзюнмина было уже невозможно, Цэнь Чуньсюань и Лу Жунтин объявили о самоликвидации Военного правительства и восстановлении юрисдикции Пекина на юге Китая. В этой ситуации находившиеся в Шанхае Сунь Ятсен, У Тинфан и Тан Шаои, а также поддерживавший их Тан Цзяю направили президенту Сюй Шичану телеграмму, в которой квалифицировали действия Цэня и Лу как лишенные законной силы.²⁵ Затем от имени четверки, составлявшей большинство членов Директории, выступил Чэнь Цзюнмин. Он со своей стороны уведомил иностранные посольства, что с того момента, когда У Тинфан покинул Кантон, фактической резиденцией Военного правительства стал Шанхай. Поэтому декларация Цэнь Чуньсюаня и Лу Жунтина означает лишь их личный отказ от своих должностей.²⁶

Сунь Ятсен возвратился в Кантон в качестве одного из руководителей Военного правительства - члена той самой Директории, с которой он некоторое время до этого официально порвал и ликвидировать которую призывал кантонских парламентариев. Не исключено, что кто-то может назвать это политической гибкостью, тогда как другой найдет более подходящим совершенно иное определение.

Первоначальный замысел

В архиве истории Гоминьдана в Тайбэе среди многих тысяч единиц хранения, имеющих отношение к политической биографии Сунь Ятсена, один документ представляет особый интерес с точки зрения обсуждаемой нами темы. Это письмо, адресованное лидеру Гоминьдана неким Чжан Танем. Там между прочим говорится следующее:

"Сейчас цель коренного переустройства нашего государства может быть достигнута только при условии искоренения бюрократического политического строя. А для того, чтобы искоренить бюрократический политический строй, есть только один путь - осуществление социализма. Если же наша партия стремится к осуществлению социализма, ей прежде всего необходим политический платцдарм... Я только что получил письмо от своего друга из Синьцзяна. Он пишет, что правительство Ленина собрало несколько десятков тысяч китайских рабочих и обучает их. Если бы во главе их стал офицер-китаец, под командованием которого они вступили бы в Синьцзян, три провинции - Шэньси, Ганьсу и Синьцзян - могли бы быть мгновенно захвачены..."²⁷

Автор письма просит Сунь Ятсена высказать свое суждение по поводу предложения использовать добровольцев из числа проживающих в России китайских иммигрантов для овладения северо-западными провинциями Китая и последующего "искоренения бюрократического политического строя" в стране, то есть прежде всего для свержения Пекинского правительства.

Сунь Ятсен иногда отвечал на письма сам, чаще - поручал составить ответ своему секретарю. В этот раз он написал на конверте: "Выяснить, кем передано и кто автор письма, составить соответствующий ответ и наградить".²⁸ Что скрывается за этой краткой надписью?

Исследователь истории Гоминьдана Ли Юньхань, впервые процитировавший в своей книге текст данного послания, склонен думать, что Сунь Ятсен "положительно оценил смелое предложение обустроить Северо-Запад, но счел не заслуживающим внимания рекомендованный для этого способ". Свое мнение тайваньский историк обосновывал тем, что Сунь Ятсен не вызвал Чжан Тяня для более детального изложения его идеи и не обсуждал содержание письма с другими деятелями Гоминьдана. Что до наложенной им резолюции, то она представляет собой не более чем обычный для эпистолярного стиля Отца Государства вежливый оборот.²⁹

Трудно согласиться с подобным рода выводом. Все без исключения пометки, сделанные Сунь Ятсеном на приходивших в его адрес письмах, в настоящее время опубликованы на Тайване в полном собрании его сочинений и доступны для исследователя. Знакомство с ними показывает, что в отдельных случаях д-р Сунь действительно предписывал своему секретарю "наградить" автора корреспонденции. Но это явно было исключение, а не правило: покинув Кантон, д-р Сунь крайне нуждался в деньгах и награждать кого бы то ни было просто из вежливости был не в состоянии.

С другой стороны, весьма многозначительно звучит указание составить "соответствующий" ответ. Его можно истолковать только в том смысле, что в окружении Сунь Ятсена уже обсуждалось нечто подобное предложению Чжан Тяня и потому секретарь знал, в каком духе следовало ответить. Некоторые данные говорят, как представляется, в пользу такого толкования.

28 января 1918 г. Сунь Ятсен говорил в своей речи в Кантоне: "Отныне ситуация в нашей стране требует внимания к Северо-Западу. Если нынешнее революционное правительство России сможет укрепить свое положение, мы можем ожидать в этом районе больших изменений".³⁰ Примерно в том же духе он высказывался в телеграмме одному из своих сторонников в провинции Сычуань 13 марта того же года: "С точки зрения борьбы войск, сражающихся за справедливость и будущих отношений с Россией непременно следует обратить внимание на Северо-Запад".³¹

В это время Сунь Ятсен возглавлял Военное правительство и его намерение активизировать свою деятельность на Северо-Западе следует понимать в контексте его общего стратегического замысла свергнуть Пекинское правительство. Достижение этой цели он увязывал с укреплением позиций большевистского правительства в России. Известно, что летом того же 1918 г. переехавший в Шанхай Сунь Ятсен направил в Москву приветственную телеграмму, в которой говорил об общности целей китайского и русского народов.³²

В конце письма Чжан Тяня стоит дата - 8 сентября. Какой год имеется в виду? Автор упоминает о своем первоначальном намерении самому отправиться в Россию, но этот план оказался неосуществимым ввиду того, что движение поездов по Транссибирской магистрали было прервано. Как известно, произошло это после чехословацкого мятежа весной 1918 г.; железнодорожное сообщение было восстановлено летом 1920 г.; предложение об использовании отрядов китайских добровольцев для создания платцдарма в северо-западных провинциях Китая должно относиться именно к этому промежутку времени. Весьма вероятно, что речь здесь идет именно о 1918 г.: ведь известие о прекращении движения поездов по Транссибирской железной дороге было для Чжан Тяня неожиданностью. Если такая датировка письма Чжан Тяня верна,

Сунь Ятсен получил его уже после того, как предпринял попытку вступить в контакт с большевистским правительством.

Миссия Абеля Цао

Почти одновременно с этим для обсуждения проблем, связанных с "Северо-Западным планом" д-р Сунь послал своего человека в Берлин.

7 ноября 1918 г. германское посольство в Норвегии сообщило в свой МИД о китайце, прибывшем по заданию Сунь Ятсена для переговоров по важным проблемам двусторонних отношений между Военным правительством Южного Китая и Берлином. Этот человек назвался Абедем Цао (его настоящее китайское имя было Цао Ябо); он утверждал, что его хорошо знает известный германский дипломат, бывший посол в Китае П. Хинтце.³³

Действительно, познакомились они еще в начале 1917 г., когда в Пекине оживленно обсуждался вопрос о вступлении Китая в войну на стороне Антанты. Посол Хинтце пытался удержать Пекинское правительство от этого шага, пообещав Дуань Цижюю солидное вознаграждение. Тот вел двойную игру, стараясь выяснить, на чью сторону ему выгоднее встать. 3 февраля Пекин заверил Хинтце, что Китай будет соблюдать нейтралитет, однако вскоре после этого китайский парламент принял решение о разрыве дипломатических отношений с Германией. В этой ситуации германский посол решает сделать ставку на Сунь Ятсена. Покидая Китай, Хинтце дал указание остававшемуся в Шанхае консулу Книппингу вступить в переговоры с д-ром Сунем. Для этого из Пекина в Шанхай был вызван тот самый Абель Цао, о котором сейчас идет речь. По словам Книппинга, этот человек не только был близок к Сунь Ятсену, но и пользовался его полным доверием.³⁴ Во время встречи с руководителем Гоминьдана, на которой присутствовал Цао, консул заявил, что Германия целиком и полностью на стороне справедливой борьбы Сунь Ятсена против Пекинского правительства и потому готова субсидировать дальнейшие антипекинские акции, выделив для этой цели 2 млн. долларов.³⁵ Полученные от немцев деньги Сунь Ятсен использовал на покрытие расходов по перебазировании 1-го флота поддержавшего идею "защиты конституции", из Шанхая в Кантон, а также на оплату подъемных членам парламента, согласившимся последовать туда же. Таким образом, Абель Цао в самом деле был знаком с Хинтце, тот подтвердил этот факт, и южнокитайскому эmissару в ноябре 1918 г. была выдана въездная виза. В конце ноября Цао прибыл в Берлин и был принят Хинтце. 1 декабря он представил в германский МИД подробный меморандум с изложением намерений Сунь Ятсена.

Первая часть этого документа была посвящена характеристике Военного правительства и вооруженных сил, которыми оно располагало. Цао Ябо начинает меморандум с утверждения о том, что Южное правительство функционирует в соответствии с волеизъявлением законно избранного китайского парламента, осуществляющего свою деятельность в Кантоне. Правительство это возглавляется семью высшими руководителями, первым среди которых в документе назван Сунь Ятсен. В его распоряжении находятся значительные по своей численности вооруженные силы: 100 тысяч солдат на территории провинций Гуандун и Гуанси (20 тысяч из этого числа контролируют половину провинции Фуцзянь), 30 тысяч в Цзянси и 50 тысяч в Хунани, а также армии в Юньнани и Гуйчжоу. Южному правительству подчиняется также 1-й флот, базирующийся в Кантоне. Помимо этого, находящаяся в Шэньси 30-тысячная армия, в составе которой китайцы и монголы, поддерживают постоянный контакт с тибетским и мусульманским населением. В противоположность кантонскому, пекинский парламента избран вопреки действующей конституции страны, продолжает Цао Ябо. Поэтому президент Сюй Шичан также занимает

свою должность незаконно. Он действует в интересах Англии и Японии. Члены пекинского правительства находятся на содержании у стран Антанты и являются их марионетками. Англия и Америка идут на уступки Японии и в случае, если японцы не будут проявлять активности в Индокитае, после войны им дадут возможность подчинить себе Китай.

Далее автор меморандума характеризует взаимоотношения Южного правительства с некоторыми руководителями провинций, формально находящихся под эгидой Пекина. Кантон оказывает влияние на ряд военных губернаторов: Нанкина - Ли Чуня, Цзянси - Чэнь Гуанъюаня, Хубэя - Ван Чжанъюаня и др. Некоторые другие, в частности в Фуцзяни и Чжэцзяне, подчиняются пекинскому правительству, но не обладают реальной силой. Поэтому фактически Пекин может опираться лишь на Чжили, Шаньдун, Шаньси, Хэнань и Маньчжурию. К тому же он испытывает финансовые трудности и не располагает достаточными запасами вооружения.

Что касается второй части меморандума Цао Ябо, то она содержала ряд конкретных предложений о южнокитайско-германском военном сотрудничестве с целью свержения Пекинского правительства: 1) для осуществления боевых операций на территории Китая используются отряды, сформированные из китайских иммигрантов и германских военнопленных, находящихся на территории России; 2) общая численность первых определяется в 12 тысяч человек, вторых - в 10 тысяч; 3) германская армия передает в распоряжение этих формирований от 3 до 5 аэропланов и оборудование, необходимое для производства вооружения; 4) во время похода на Пекин китайская сторона будет поставлять Германии продовольствие и иные товары; 5) после падения Пекинского правительства Германия будет оказывать Китаю финансовую помощь для строительства шоссе и железных дорог, развития системы образования и внедрения новых промышленных технологий. В свою очередь Китай будет снабжать Германию сырьем.³⁶

Предложения, переданные Цао Ябо в германский МИД, представляют собой не что иное, как первоначальный вариант "Северо-Западного плана" Сунь Ятсена. Два момента обращают на себя внимание: во-первых, д-р Сунь выступает в данном случае как один из управляющих Директории; во-вторых, непосредственной целью планировавшейся военной акции был поход на Пекин для свержения северного правительства. И то, и другое полностью соответствовало ситуации конца 1918 г., когда Сунь Ятсен активно сотрудничал с коллегами по Военному правительству и продолжал предпринимать шаги для осуществления своего плана похода на Пекин.

Однако программа сотрудничества, с которой Цао Ябо приехал в Берлин, была отвергнута германским правительством. В конце 1918 г. поражение немцев в мировой войне было уже предопределено, и Германии в этой ситуации было не до сомнительных авантур на далеком Дальнем Востоке. Хинтце дал резко отрицательный отзыв о плане Сунь Ятсена, сочтя его нереальным и даже фантастическим.³⁷ Первая попытка д-ра Суня опереться на иностранные штыки для решения внутренних проблем Китая кончилась неудачей.

Переговоры в особняке на улице Мольера, 29

Ранней весной 1920 г. в Шанхай для переговоров с Сунь Ятсеном прибыл советский эмиссар полковник М. Г. Попов.

О Попове и его секретной миссии в Китай советские исследователи, писавшие о взаимоотношениях Советской России и лидера Гоминьдана, до недавнего времени предпочитали вообще не упоминать (единственным исключением была книга Г. В. Ефимова³⁸, хотя и в ней не содержалось никакой информации о том, кем был этот полковник Попов). Тому были достаточно веские

причины: через десять лет после описываемых событий М. Г. Попов был обвинен в контрреволюционной деятельности и расстрелян. После этого его имя было навсегда, как казалось тогда исполнителям воли вождя, вычеркнуто из истории советской дипломатии.

Между тем, определяя кандидатуру эксперта, которому надлежало весной 1920 г. дать оценку плана Сунь Ятсена, в Москве по всей видимости учитывали следующие важные обстоятельства. Попов был профессиональным военным (с 1903 по 1918 г.г. он служил в армии, был участником русско-японской и первой мировой войн, в 1916 г. получил чин полковника, после революции был избран командиром полка); в свое время он окончил Восточный Институт во Владивостоке и хорошо владел китайским и японским языками; в 1907-1908 г.г. несколько раз бывал в Китае; в 1918 г. был назначен Наркоминделом на должность консула в Шанхае, но не смог приступить к исполнению своих обязанностей.³⁹

Во время визита в Шанхай весной 1920 г. полковник Попов встречался с бывшим премьер-министром Китайской Республики Тан Шаои, который в это время возглавлял делегацию Юга на мирных переговорах с Севером (Сунь Ятсен их практически игнорировал). По просьбе М. Г. Попова Тан Шаои передал ему текст секретных соглашений, заключенных Пекинским правительством с Японией в 1918 г.

Но главной целью пребывания полковника Попова в Шанхае были его переговоры с Сунь Ятсеном. Происходили они в обстановке полной секретности. Судя по всему, на этих встречах не присутствовала даже Сун Цинлин, которая была не только женой д-ра Суня, но и его верным секретарем. О содержании бесед, кроме двух непосредственных участников, знал еще только один человек -американец Дж. Сокольский, ведавший зарубежной корреспонденцией Сунь Ятсена и одновременно состоявший осведомителем генерального консульства США в Шанхае.⁴⁰ Именно из текста двух донесений Сокольского, представленных им консулу Э. Каннингаму, мы сегодня и можем судить о том что говорилось тогда в особняке на улице Мольера, 29.

Сопоставляя содержание этих переговоров с меморандумом Цао Яб мы обнаруживаем некоторые весьма существенные различия между двумя вариантами "Северо-Западного плана".

Сокольский пишет: "Д-р Сунь неоднократно говорил мне, что он собирается с помощью военной силы уничтожить гуансийские элементы на Юге. То же самое он сообщил большевистскому представителю в Китае г-ну Попову. Он спросил большевика, сможет ли Москва помочь ему в этих операциях".⁴¹ Таким образом, на этот раз содержание предложений Сунь Ятсена претерпело значительные изменения по сравнению с его более ранним планом: речь шла теперь не о походе на Север, а о боевых действиях против Кантонского правительства.

"Г-н Попов спросил [Сунь Ятсена], почему он не собирается прежде всего разгромить Маленького Сюя и Дуань Цижую, которым помогают японцы. Д-р Сунь Ятсен ответил, что сначала он должен очистить Юг от милитаристов и лишь после этого предпримет поход на Север".⁴² (Здесь сообщение Сокольского вполне точно передает замысел, ради осуществления которого Сунь Ятсен рассчитывал на помощь Красной Армии). Затем "г-н Попов спросил его, не допускает ли он возможность того, что аньфуисты сначала используют его, а потом уничтожат его точно так же, как с его помощью они покончат с (милитаристами) Юга. Сунь Ятсен ответил, что они не смогут сделать этого, так как он располагает превосходящими силами".⁴³

В одном из своих писем, датированном 26 марта 1920 г. Сунь Ятсен писал:

"Кое-кто полагает, что намерение прежде всего уничтожить наемников (на Юге) может иметь своим следствием раскол наших рядов и позволит вра-

гам воспользоваться этим. Они считают, что [немедленный] поход на север позволит нам завоевать поддержку большинства населения".⁴⁴ Возможно, что перед нами отголосок того столкновения мнений, которое имело место во время переговоров Сунь Ятсена и полковника Попова.

Как бы то ни было, доводы д-ра Суня о преимуществе его армии над врагом показались Попову неубедительными. В самом деле, если собственные вооруженные силы Сунь Ятсена обладали большей мощью, нежели армии его противников, сама идея направления в Китай советского экспедиционного корпуса утрачивала свой смысл. Были и другие соображения, которые также приходилось учитывать. В частности, театр военных действий был непомерно удален от тыла советских войск. Далее, в 1920 г. за плечами у красноармейцев были два года изнурительных боев с белогвардейцами, и Попов был прав, когда говорил, что "большевики устали от войны и хотят мира".⁴⁵ Всесторонне проанализировав предложения Сунь Ятсена, полковник Попов в конце концов пришел к выводу, что с чисто военной точки зрения "Северо-Западный план" неореален.

Более того, в результате переговоров у Попова сложилось весьма отрицательное отношение к самому автору этого плана. По его мнению, "Сунь Ятсен - старомодный милитарист, который не видит иных средств спасения родины кроме военных".⁴⁶

Попытка Сунь Ятсена заручиться поддержкой России для осуществления второго варианта своего военного плана и разгромить с помощью Красной Армии войска Южного правительства не дала результатов точно также, как идея использования германских военнопленных в боях на подступах к Пекину была отвергнута годом ранее в Берлине.

В Шанхай приезжает Лю Цянь

Г. В. Ефимов, использовавший приведенное М. Уилбуром сообщение Сокольского о переговорах Сунь Ятсена с полковником Поповым, писал:

"Достоверность этой информации требует, разумеется, тщательной проверки. Но проект плана свержения пекинского правительства с помощью революционных сил России имелся".⁴⁷ В свою очередь М. А. Персиц, на статью которого в данном случае ссылается Ефимов, сообщал, что в 1920 г. члены созданного при Дальбюро ЦК РКП(б) бюро китайских коммунистов выдвинули план организации вооруженного похода на китайскую столицу в целях свержения реакционного пекинского правительства; член бюро Лю Цзянь (Лю Цянь) ездил в Шанхай для согласования с Сунь Ятсеном этого военного плана.⁴⁸ Между тем, сегодня мы можем утверждать, что направляясь туда в начале августа 1920 г., он отнюдь не имел никакого военного плана и его переговоры с д-ром Сунем начались по инициативе последнего.

Лю Цянь, он же Федор или Федоров, был одним из руководителей организации китайских иммигрантов, созданной весной 1920 г. в Благовещенске и получившей претенциозное наименование "Китайская коммунистическая партия Амурской области". Сам Лю Цянь был склонен расценивать это как событие, коренным образом изменившее политическую ситуацию в Китае. В своем письме в Исполком Коминтерна от 28 июля 1920 г. он, в частности, писал: "Несколько месяцев тому назад в Амурской области организовали коммунистическую партию и начали привлекать в нее членов и вести агитацию. Через газеты это дошло до китайских стран и население воспрянуло духом и подняло восстание. Началась война между южным и Северным Китаем, фронт подходил к Пекину, в то время как Аньхой и Фуцзянь находились под властью генералов. Что касается Шаньдуна, Циндао и Маньчжурии, то там будет скоро объявлена решительная война Японии".⁴⁹

Вполне очевидно, что вышесказанное не имело никакого отношения к реальным событиям, происходившим летом 1920 г., когда в Китае разразилась война между Дуань Цижунем и У Пэйфу, закончившаяся победой последнего. Но Лю Цянь, возможно, искренне верил в то, о чем писал. Поэтому он и отправился в Шанхай, чтобы обсудить там перспективы развития китайской революции.

Свой отчет Амурскому обкому ВКП(б) Лю Цянь начинает с сообщения о том, что встречался с Сунь Ятсеном, но разъясняет при этом, кто такой этот Сунь Ятсен. Ясно, что его беседы с лидером Гоминьдана не были запланированы и санкционированы партийными инстанциями Благовещенска.

Лю Цянь утверждает, что его пребывание в Шанхае завершилось заключением соглашения с лидером Гоминьдана.⁵⁰ Поэтому в Благовещенск Лю Цянь вернулся не один: с ним для дальнейших переговоров отправился Ли Чжанда - один из ближайших соратников Сунь Ятсена.

По возвращению в Шанхай Ли Чжанда опубликовал путевые заметки о пребывании в Благовещенске.⁵¹ Следует подчеркнуть, что этот документ требует к себе осторожного отношения. Миссия Ли Чжанда носила сугубо секретный характер и в своем дневнике он стремился не столько рассказать о переговорах на Амуре, сколько, напротив, замаскировать их.

Приведу в качестве примера следующее утверждение Ли Чжанда. Однажды Лю Цянь обратился к нему с вопросом о том, не мог бы Сунь Ятсен оказать материальную помощь возглавляемой им организации. Ли Чжанда ответил, что не уполномочен обсуждать такого рода проблемы.⁵² Данное сообщение вряд ли достоверно, ибо в действительности дело обстояло как раз наоборот: с просьбой об оказании материальной помощи к Благовещенску обратился Сунь Ятсен. Его пожелание было удовлетворено, и д-р Сунь в своем письме руководителям Амурской области благодарил за полученные деньги.⁵³ Тем не менее, публикация Ли Чжанда содержит упоминания о некоторых важных фактах, в частности, сообщает о созданной Лю Цянем организации (из конспиративных сообщений три иероглифа, обозначающие ее название "Гунчаньдан", т.е. "Компартия" в печатном тексте были заменены квадратиками).

Кроме того, заметки Ли Чжанда снимают разночтения относительно времени его визита в Благовещенск, а это позволяет в свою очередь более или менее точно датировать переговоры Сунь Ятсена и Лю Цяня. Лю и Ли выехали из Шанхая 28 августа и добрались до Благовещенска ровно через месяц; 28 сентября они были приняты местными руководителями Яковлевым и Матвеевым.⁵⁴ Если учесть, что 28 июля Лю Цянь был еще дома, его встреча с Сунь Ятсеном могла иметь место не раньше и не позже второй половины августа 1920 г. Между тем 12 августа войска Чэнь Цзюньмина уже выступили из Чжанчжоу, имея приказ освободить Кантон от гуансийцев⁵⁵; через десять дней Сунь Ятсен получил депешу о поражении, нанесенном войскам Лу Чжунтина⁵⁶. Это радикальное изменение ситуации на Юге нашло непосредственное отражение во время переговоров Сунь Ятсена с Лю Цянем.

Из доклада Лю Цяня мы узнаем, эти переговоры завершились соглашением по ряду вопросов. Первый из них был сформулирован следующим образом:

"Немедленное объединение революционных китайских сил, находящихся на территории Южного Китая, Центральной России и Дальнего Востока, дабы совместно - в полном контакте могли подготовить почву для выступления против существующего на Севере реакционного правительства". Далее стороны условились о том, что "для этого необходимо иметь руководящий центр на территории Дальнего Востока, откуда будут даны директивы как Югу, так и организациям, находящимся в Советской России". Наконец, "местом концентрации войск, имеющихся в Советской России, и Южного Китая намечена провинция Синьцзян, на границе Семипалатинской и Семиреченской областей,

что около Китайского Туркестана, где и в настоящее время идет частичная вербовка добровольцев. По стратегическим соображениям это место является одним из лучших, откуда бы могли свободно двинуть войска на Север".⁵⁷

Таким образом, в августе 1920 г. во время переговоров с представителем Благовещенска Сунь Ятсен вернулся к первому варианту своего "Северо-Западного плана", главной целью которого было свержение Пекинского правительства. Осуществить эту цель предполагалось главным образом за счет военных формирований китайских добровольцев, проживавших в России. Именно это, надо полагать, имел в виду Лю Цянь, когда он упоминал о "революционных китайских силах", находящихся на территории Центральной России и Дальнего Востока. В то же время в докладе утверждается, что "переговоры относительно слияния войск уже велись китайскими войсками в Центральной России с главой Юга - Сунь Ятсеном. Первые изъявили полное свое согласие выступить в полном контакте с Югом".⁵⁸ Здесь мы имеем дело либо с ошибочным истолкованием действительно имевших место фактов (возможно, Лю Цянь узнал о контактах Сунь Ятсена с полковником Поповым, который, однако, как мы только что видели, отнюдь не выражал своего согласия "выступить в полном контакте с Югом"), либо эти детали были домыслены кем-то из участников шанхайской встречи.

Лю Цянь добавлял при этом, что "для живой связи с Сунем делегируются в Москву два представителя, которые ожидают здесь (т.е. в Благовещенске. - М. К.) в недалеком будущем".⁵⁹ Комментируя это место первоисточника, авторы публикации доклада писали, что "в конце 1920 г. в Благовещенске побывал член Гоминьдана Ли Чжанда".⁶⁰ В действительности же в тот момент, когда Лю Цянь писал это, Ли Чжанда уже находился в Благовещенске; речь, таким образом, о нем идти не могла. Судя по всему, под представителями Гоминьдана, которые должны были на некоторое время задержаться на Амуре по пути в Москву, следует понимать Ляо Чжункая и Чжу Чжисина. Именно их, как о том сообщил А. Потапов, в августе 1920 г. намеревался отправить в Москву Сунь Ятсен⁶¹, но их поездка в Россию так и не состоялась.

Информация, сообщенная Соколовым-Страховым

Во время своего пребывания в Благовещенске Ли Чжанда встречался не только с руководителями Амурской области, но и с приехавшим из Москвы К. Соколовым-Страховым, который затем сам побывал в Шанхае. В своем отчете тот упоминает о беседах с Ли Чжанда (его он называет "Лизуитаном"), а это в свою очередь позволяет уточнить некоторые факты, известные нам из путевых заметок кантонского представителя и отчета Лю Цяня.

Прежде всего, мы можем сопоставить содержание плана, обсуждавшегося в Шанхае Лю Цянем и Сунь Ятсеном, с тем, что на этот счет говорил Ли Чжанда Соколову-Страхову. "Первой задачей партии Гоминьдан и кантонского правительства является уничтожение феодализма в стране. Этого, по их мнению, можно достигнуть только лишь путем гражданской войны, в результате которой, они уверены, должен быть неминуемый разгром пекинского милитаристического правительства", - так, по словам Соколова-Страхова, его собеседник Ли Чжанда определил стратегические задачи Гоминьдана.⁶² Автор доклада продолжает:

"Военный договор, который мыслил заключить д-р Сунь Ятсен, сводился к тому, чтобы Красная Армия начала свое наступление весной (1921 г. - М. К.) со стороны русского Туркестана на Синьцзян в направлении на главный город юго-западной китайской провинции Сычуань [г. Чэнду]. В этой провинции по словам Лизуитана, числилось около 40 тысяч членов партии Гоминьдан, которые подготовлены к такому обороту дел и с радостью встретят Крас-

ную Армию".⁶³ Однако руководители Амурской области, приветствовавшие идею сотрудничества с Гоминьданом, не выразили особого энтузиазма по поводу перспектив прямой советской интервенции в Китае.

Поэтому во время встречи в Благовещенске в ноябре 1920 г. Ли Чжанда сообщил Соколову-Страхову, что "он хочет поехать в Москву и что он имеет предложить советскому правительству от имени доктора Суня заключить соглашение относительно совместных действий в Китае".⁶⁴ О своем намерении поехать из Благовещенска в Москву упоминает и сам Ли Чжанда, причем в этом месте заметок он по существу невольно проливает свет на истинные цели своего путешествия на Амур: "Внимательно проанализировав ситуацию, я пришел к выводу, что русские не разрешат Лю (Цяню) осуществить набор добровольцев. К тому же он оказался не тем человеком, которому можно было доверять. Я опасался, что он обманет меня, но действовать самостоятельно не мог. Тогда я и решил ехать в Москву... Я обратился в Комиссариат внешних сношений с просьбой выдать мне визу для поездки в Москву, но русские не дали на это разрешения, и поездка сорвалась".⁶⁵

Таким образом, и эта попытка получить согласие Советского правительства на осуществление "Северо-Западного плана" оказалась безрезультатной. Вскоре после возвращения Ли Чжанда из Благовещенска благодаря военным успехам Чэнь Цзюньмина д-р Сунь вернулся в Кантон, а затем был избран там Чрезвычайным президентом Китая. После этого он стал возлагать надежды главным образом на признание своего правительства Соединенными Штатами Америки и другими великими державами. План приглашения в Китай частей Красной Армии был положен под сукно.

Он вновь был извлечен на свет божий в 1922 г., но фактически это был уже совершенно иной план. Сунь Ятсен писал А. Иоффе: "Я могу сейчас двинуть почти сто тысяч человек из Сычуани через Ганьсу во Внутреннюю Монголию и в конечном итоге получить преобладание на исторической линии наступления, которая лежит к северо-западу от Пекина. Но мы хотим получить помощь в виде вооружения, боеприпасов, техники, специалистов и тд."⁶⁶ На первый взгляд здесь были налицо все компоненты первоначального военного плана Сунь Ятсена:

Северо-Запад, Сычуань, поход на Пекин. Но главный стержень первоначального замысла отсутствовал. Речь теперь шла не о советской вооруженной интервенции, а лишь о том, чтобы большевики оказали Гоминьдану военную и экономическую помощь.

Почему "Северо-Западный план" был отвергнут Москвой?

Лет двадцать тому назад мы, не задумываясь, ответили бы на этот вопрос известной формулой: революции не экспортируются. Сегодня мы знаем, что именно экспорт революции был той фундаментальной идеей, на которой в первые годы после Октября зиждилась вся внешнеполитическая концепция большевиков. Когда в 1918 г. Ленин принял решение о создании регулярной Красной Армии, в соответствующем декрете утверждалось, что целью ее является "поддержка для грядущей социалистической революции в Европе".⁶⁷

Впрочем, вскоре не Запад, а Восток стал привлекать главное внимание советских руководителей. В августе 1919 г. Троцкий направил в ЦК доклад, в котором, в частности, говорилось: "Нет никакого сомнения, что на азиатских полях мировой политики наша Красная Армия является несравненно более значительной силой, чем на полях европейской. Перед нами здесь открывается несомненная возможность не только длительного выжидания того, как развернутся события в Европе, но и активность на азиатских направлениях. Дорога в

Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию".⁶⁸

Еще до этого на письменный стол председателя СНК легли конкретные предложения калмыцких товарищей: "Пока мы отрезаны от Центральной Азии и лишены возможности активных там действий, но нужно заблаговременно приготовиться к тому, чтобы в тот момент, когда вновь будет проложен путь в Сибирь и Туркестан, вызвать осложнения и на спокойных ныне участках границы Индии. Для начала многого не потребуется - и достаточно сильный эффект можно произвести и с малыми средствами".⁶⁹

Ленин не оставил эти предложения без внимания, наложив на них резолюцию:

"По-моему, направить к Чичерину для подготовки мер".⁷⁰ Вслед за этим он отдал распоряжение: "В Туркестане необходимо спешно создать хотя маленькую, но самостоятельную базу: делать патроны (станки посылаем), ремонтировать военное снаряжение".⁷¹

Конкретная ответственность за создание этой военной базы была возложена на командующего Туркестанским фронтом Фрунзе. В январе 1920 г. он просил Реввоенсовет ускорить доставку в Среднюю Азию оружия и денег, поскольку "предстоят значительные расходы в связи с организацией революционных войск на территории Персии и Индии".⁷²

В марте 1920 г. в Москве было принято решение о начале военной интервенции в Персии. В результате действий Красной Армии в начале июня на территории Персии была создана Гилянская республика.⁷³ В этой стране, как казалось тогда, удалось осуществить нечто аналогичное тому, что составляло суть "Северо-Западного плана" Сунь Ятсена. Почему же персидская операция не была повторена в Китае?

Если бы Ленин получил план Сунь Ятсена в конце 1918 или в начале 1919 г., инициатива приглашения частей Красной Армии в Китай пришлось бы как нельзя более кстати. Советские руководители настраивались в это время на то, чтобы кавалерийским маршем дойти не только до Пекина, но и до Дели. Но Сунь Ятсену не повезло. Прямого контакта с Москвой у него не было, Сибирь была в руках белых, а технические средства связи были ненадежны. О плане Сунь Ятсена руководители РСФСР узнали много позже.

В начале лета 1920 г., когда в Москве стало известно о том, что военный эксперт полковник Попов дал отрицательную оценку "Северо-Западному плану", ситуация уже во многом изменилась. Персидская авантюра затягивалась, части Красной Армии готовились к вступлению на территорию Польши, а сил для того, чтобы вести за границей войну на три фронта, у РСФСР не было.

Еще в апреле Троцкий неожиданно дезавуировал свою идею о том, что до Лондона проще всего дойти через Бомбей: "До упрочения положения на Западе и улучшения нашего промышленного и транспортно-состояния советская экспедиция на Востоке может оказаться не менее опасной, чем война на Западе".⁷⁴

В результате всего этого Сунь Ятсену так и не удалось увидеть осуществленной свою заветную мечту объединения Китая с помощью красноармейских штыков.

1. Проблема "Северо-Западного плана" впервые была поднята китайскими исследователями несколько лет тому назад. См.: Ян Куйсун. Сунь Чжуншань ды сибэй цзюньши цзихуа цзи ци яочжэ (Военный "Северо-Западный план" Сунь Ятсена и его крах) // Лиши яньцзю. 1996. №3. С.96-108; Ли Юйчжэнь. Сунь Чжуншань юй гунчань гоцзи (Сунь Ятсен и Коминтерн). Тайбэй, 1996. С.362-391.

2. Лу Данылин. Цзунли паоцзяо Мо Жунсинь (Вождь преподавал урок Мо Жунсиню) // Гэмин вэньсянь. 1969. N49. С.135-136.
3. Ефимов Г.В. Сунь Ятсен. Поиск пути. 1914-1922. М., 1981. С.91.
4. Сунь Ятсен - Сунь Хунъи, 5 мая 1918 г. // Гофу цюаньцзи (Полное собрание произведений Отца Государства). Тайбэй, 1989. Т.5. С.71.
5. Сунь Ятсен - Ван Чжаомину, 8 мая 1918 г. // Там же. С.73.
6. Чжунхуа миньго шиши цзяо. Миньго ци нянь, и чжи лю юэфэнь (Хроника важнейших исторических событий Китайской Республики. Год 1918-й, январь - июнь). Тайбэй, 1981. С.782.
7. С. Л. Тихвинский пишет, в частности, о том, что "убедившись в ненадежности такой опоры, как милитаристские армии, и не видя выхода из создавшегося положения, Сунь Ятсен на время отошел от практической политической деятельности. Поселившись летом 1918 г. в Шанхае на территории французской концессии, он приступил к работе над давно задуманным трудом "Программа строительства государства"..." (Тихвинский С. Л. Завещание китайского революционера. М., 1986. С.126).
8. Сунь Ятсен - членам Кантонского парламента, 7 октября 1918 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.87.
9. Сунь Ятсен - Чэнь Цзюнмину, 4 февраля 1919 г. // Там же. С.121.
10. Сунь Ятсен - Се Чи, 13 февраля 1919 г. // Там же. С.124.
- П. Сунь Ятсен - Се Чи, июнь 1919 г. (точная дата отсутствует) // Там же. С.149.
12. Сунь Ятсен - Чэнь Гэнжу, 13 июля 1919 г. // Там же. С.150.
13. Сунь Ятсен - Линь Сюмэю, 17 августа 1919 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.157.
14. Сунь Ятсен - У Тинфану, 2 августа 1919 г. // Там же. С.153.
15. Сунь Ятсен - членам Кантонского парламента, 7 августа 1919 г. // Там же. С.155.
16. Сунь Ятсен - Люй Цзяньцю, 27 августа 1919 г. // Там же. С.159.
17. Сунь Ятсен - Линь Сэню и У Цзинлюню, 29 августа 1919 г. // Там же.
18. Сунь Ятсен - Линь Сэню, 2 сентября 1919 г. // Там же. С.162.
19. Сунь Ятсен - Военному правительству, 9 сентября 1919 г. // Там же. С.164.
20. Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. С.114.
21. У Тинфан - Сунь Ятсену, 16 сентября 1919 г. // Гэмин вэньсянь. 1954. N7. С.96.
22. Члены Директории - Цзинь Юньпэну, 31 октября и 1 ноября 1919 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.171, 174.
23. Bergholz to the Secretary of State, April 8, 1920 // Unites States Department of State Decimal Files (USDS), 893.00/3355.
24. Сунь Ятсен - Чэнь Цзюнмину, 4 апреля 1920 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.208.
25. Сунь Ятсен - Сюй Шичану, 23 октября 1920 г. // Там же. С.266.
26. W.Adams to the Secretary of State, November 6, 1920. Enclosure #1 // USDS, 893.00/ 3645.
27. Чжан Тань - Сунь Ятсену, 8 сентября (указание на год отсутствует) // Архив истории Гоминьдана, 016/530.
28. Там же.
29. Линь Юньхань. Цун жун гун дао цин дан (От союза с коммунистами к чистке партии). Тайбэй, 1973. С.115.
30. Выступление Сунь Ятсена на приеме в честь руководителей полицейского управления Кантона, 28 января 1918 г. // Гофу цюаньцзи. Тайбэй, 1989. Т.2. С.516.
31. Сунь Ятсен - Хуан Фушэну, 13 марта 1918 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.42.
32. Текст телеграммы не сохранился, но Чичерин, отвечая на нее, выражал свое согласие со словами Сунь Ятсена о том, что "У русской и китайской революций одни и те же цели". См.: Чичерин - Сунь Ятсену, 1 августа 1918 г. // Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т.1. С.415.
33. Der Kaizerliche Gesandte an A. A., 7. November 1918 // Politische Akten des Auswaertigen Amtes in Bonn (PA), China 7, Bd. 11-12, A47626.
34. Knipping an Herrn Grafen von Hertling, 20. Dezember 1917 // PA, China 7, Bd. 9-10, A42651.
35. Там же.
36. Hintze an A.A., 1.Dezember 1918 // PA, China 7, Bd. 11-12, A53674.
37. Там же.
38. Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. С.119.
39. Подр. см.: Крюков М. В. Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М., 2000.

40. О Дж. Сокольном см.: Cohen W.I. The Chinese Connection. Roger S. Green, Thomas W.Lamont, George E.Sokolsky and American-East Asian Relations. Columbia University Press, New-York, 1978.
41. E.Cunningham to the Secretary of State, May 26. 1920 //USDS, 893.00/3376.
42. Там же.
43. Там же.
44. Сунь Ятсен - Ван Вэньхуа, 26 марта 1920 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.200.
45. E.Cunningham to the Secretary of State, March 30. 1920 //USDS, 761.93/142.
46. Там же.
47. Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. С.119.
48. Персиц М. А. Восточные интернационалисты в России и некоторые вопросы национально-освободительного движения (1918 -июль 1920) // Коминтерн и Восток. М., 1969. С.87-88.
49. Лю Цянь - в Исполком Коминтерна, 28 июля 1920 г. // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 495, оп. 154, д. 5, л.1.
50. Лю Цянь - в Амурский обком РКП(б), 5 октября 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. С.42.
51. Ли Чжанда. Шича синьэ жицзи (Записки о пребывании в новой России) // Чжунго гоминьдан тунсюнь. 1921, N64. С.93-95.
52. Там же. С.94.
53. Бушуев - Трилиссеру, 16 ноября 1920 г. // Центральный государственный архив Дальнего Востока, ф. 10006, оп. 2, д. 6.
54. Ли Чжанда. Записки о пребывании в новой России. С.94.
55. Чжунхуа миньго шиши цзяю. Миньго цюю нянь (Хроника важнейших исторических событий Китайской Республики. Год 1920-й). Тайбэй, 1981. С.408.
56. Сунь Ятсен - Чжао Юсиню, 23 августа 1920 г. // Гофу цюаньцзи. Т.5. С.232.
57. Лю Цянь - в Амурский обком РКП(б), 5 октября 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. С.42-43.
58. Там же. С.43.
59. Там же.
60. Там же. С.44.
61. А. С. Потапов - Г. В. Чичерину, 12 декабря 1920 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. С.46.
62. К. Н. Соколов-Страхов о Кантонском правительстве, 21 апреля 1921 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. С.59.
63. Там же. С.60.
64. Там же.
65. Ли Чжанда. Записки о пребывании в новой России. С.94.
66. Сунь Ятсен - А. А. Иоффе, 20 декабря 1922 г. // ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. - С.153.
67. Пайпс Р. Русская революция. М., 1994; Т.2. С.288.
68. Троцкий - в ЦК РКП(б), 5 августа 1919 // Российский государственный военный архив, ф. 33987, оп. 2, д. 32, л. 279-280.
69. А. Чапчаев и А. Амур-Санан - Ленину, 14 июля 1919 г. // РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 183.
70. Там же.
71. Ленин - Ш. Элиаве, 16 октября 1919 г. // Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891-1922. М. 1999. С.302.
72. Фрунзе - Троцкому, 25 января 1920 г. // Российский государственный военный архив, ф. 33988, оп. 2, д. 119, л. 57.,
73. Подр. см.: Персиц М. А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран. 1920-1921 гг. М., 1996. С.18-21.
74. Там же. С.11.

Русские в Китае

Из истории Харбинского политехнического института (К 80-летию основания ХПИ)

© 2000

Л. Маркизов

В этом году исполняется 80 лет со дня основания Харбинского политехнического института. Эта дата всколыхнула воспоминания о далеком прошлом. Вот что писал об этом председатель Союза русских инженеров в Маньчжурии (1941-1953гг.) Н.П.Калугин: 5 августа 1920 года был объявлен прием прошений для поступления на два первых курса дорожно-строительного (путейского) и электромеханического факультетов. 17 октября 1920 года начались регулярные занятия. Сначала был учрежден техникум, а затем 2 апреля 1922 года его переименовали в Политехнический институт. Первым директором был назначен Алексей Алексеевич Щелков, а после него (когда управление КВЖД стало осуществляться СССР и Китаем на паритетных началах в 1924 г.) Леонид Александрович Устругов¹.

Г.В.Мелихов отмечает в своей монографии², что большая заслуга в создании института принадлежала управляющему КВЖД Б.В.Остроумову, председателю правления Общества КВЖД доктору Ван Цзинчуню, товарищу правления С.И.Данилевскому, которые обеспечили самую широкую поддержку будущему институту и способствовали удовлетворению его материальных запросов.

Китайский генерал Чжан Хуансян - председатель правления Общества по заведыванию Русско-китайским политехническим институтом, отмечая значение этого учебного заведения, говорил, что в бытность его начальником штаба Охранных войск КВЖД в 1920 г. небольшой инициативной группой частных лиц был организован Русско-китайский техникум с подготовительным китайским классом при нем. Большая заинтересованность в высшем техническом образовании заставила уже в 1922 г. преобразовать техникум в Политехнический институт с двумя факультетами: дорожно-строительным и электромеханическим и развить Подготовительные классы до трехгодичного курса³.

Такая структура Института существовала до 1935 г. Находясь в полной зависимости от политической ситуации в Маньчжурии, Институт со всем оборудованием перешел (после продажи КВЖД) в ведение японской администра-

---

Маркизов Леонид Павлович, кандидат технических наук, заслуженный деятель науки и техники Республики Коми. Жил в Китае (Харбине, Шанхае) в 1918-1945 гг.

ции. Преподавание стали вести на японском языке, русский персонал остался не у дел, и сначала его сократили, а затем вообще распустили.

В начале 1936 года власти Маньчжоу-го решили дать возможность окончить Институт тем студентам, которые уже там учились, но приема на первый курс для обучения на русском языке больше не было. Редактором назначили японца М. Судзуки, однако деканами факультетов оставались русские профессора - инженерно-строительного Юрий Осипович Григорович, электро-механического - Александр Константинович Попов.

Возвращаясь мысленно в 1936-37 и 1937-38 учебные годы и листая свою студенческую зачетную книжку, вспоминаю добрыми словами профессоров, преподавателей, инженеров, чьи подписи напомнили о тех годах, когда мы у них учились⁴. Это были крупные специалисты, многие из них создали научные труды, изданные на английском, немецком, французском, русском языках, имели ученые звания и степени. В то время издавались многотомные "Известия и труды Русско-китайского политехнического института". Статьи печатались на русском языке с аннотациями на одном из европейских языков, которым владел автор данного научного труда. Каждый том представлял собой объемную книгу в кожаном переплете страниц по 400-500. Все они хранились в моей технической библиотеке. После продажи КВЖД они не издавались.

Декан одного из факультетов профессор Ю.О.Григорович преподавал нам "Основания и фундаменты", "Железнодорожный путь, его устройство и ремонт", "Металлические конструкции", "Деревянные мосты", "Мосты больших пролетов", руководил курсовым и дипломным проектированием.

Один из первостроителей восточной линии КВЖД профессор Сергей Александрович Савин поистине научил нас не только азам строительного искусства, он читал нам курсы "Аналитической геометрии", "Сопротивления материалов", "Статики сооружений", "Расчета статически неопределимых конструкций". По последней дисциплине расчетные формулы едва умещались на огромной доске почти во всю стену аудитории. Вспоминаются также четкие лекции Михаила Михайловича Эрихмана. Он вел курс лекций по железобетонным конструкциям и специальные разделы по сопротивлению материалов.

Я учился на отделении путей сообщения. Инженер Николай Александрович Павлов читал нам курс "Соединения путей", который мы называли "стрелки". Владимир Васильевич Колошин - "Тепловые расчеты железных дорог". Даниил Николаевич Депп - "Железнодорожные станции", "Обеспечение безопасности движения на железных дорогах", "Общие основы эксплуатации железных дорог", "Изыскания железных дорог", "Сооружение тоннелей", "Составление смет и технических отчетов".

В Институте со дня его основания преподавал Дмитрий Александрович Борейко - военный инженер, а до революции военный летчик, работавший в Гатчинской авиашколе. Нам он читал лекции по теоретической механики и руководил курсовыми упражнениями. В 1945 г. был репрессирован СМЕРШем и погиб осенью того же года в концлагере в г. Уссурийске.

Убеленный сединами Николай Семенович Кислицин обучал нас проектированию и строительству гидротехнических сооружений - плотин, дамб и т.п. Профессор Виктор Аркадьевич Кулябко-Корецкий - читал курс по основам теплотехники, технологии металлов и теплофизики, а по электрофизике - А.К.Попов. Много времени уделял студентам Владимир Николаевич Флеров. Он вел такие предметы, как "Начала строительного искусства и технология строительных материалов", "Геодезия" (с летней практикой геодезических съемок за р. Сунгари), "Безрельсовый транспорт" (автомобильные дороги), "Водоснабжение и канализация". Добрых слов заслуживает также оставшийся в нашей памяти Александр Януарьевич Чернявский, который знакомил нас с

гидравликой, отоплением и вентиляцией. Николай Николаевич Захарьин - опытный химик с большим стажем на европейских химических заводах - преподавал нам теоретический курс химии и руководил лабораторными работами. Профессор Петр Федорович Федоровский вел курс архитектуры и связанное с ней рисование. С Николаем Капитоновичем Пафнутьевым мы изучали "Детали машин"; позднее он уехал в США и был там крупным специалистом в этой области. А.М.Смирнов преподавал геологию и петрографию. Высшей математикой с нами занимался А.А.Васильев, начертательной геометрией - А.Я.Боголюбский.

Профессор Ю.О.Григорович руководил дипломным проектом, который я выполнял по его идее. Я благодарен ему за то, что он "подталкивал" на принятие нестандартных решений в проектах.

Все его напутствия до сих пор не забылись, и мне часто помогали на моем многолетнем пути, когда приходилось менять конкретную специализацию в пределах своей профессии. Например, требовалось быть то специалистом по гражданским и промышленным сооружениям, то шахтостроителем, то осваивать крупнопанельное строительство, то заниматься экономическими вопросами строительства, организацией управления и планирования предприятий с использованием сетевых графиков, новых технологий.

С первого же года существования техникума и затем института нам особенно хорошо запомнился профессор Владимир Александрович Белобродский. Он преподавал на электромеханическом факультете, но его деловые советы полезны были и нам, строителям и путейцам. В.А.Белобродский - крупный теплотехник. Он читал лекции и руководил практическими занятиями, а также научными работами по исследованию актуальных технических проблем того времени. Широкий диапазон его научных интересов позволял Владимиру Александровичу знакомить студентов с новейшими достижениями техники, а теплотехническая лаборатория ХПИ, оборудованная по его проекту, давала возможность ставить перед студентами и серьезные задачи и вместе с тем вести исследовательские работы, необходимые для солидного научного учреждения. Эти работы носили законченный характер и многие из них явились ценным вкладом в науку. Это прежде всего исследования каменных углей, залегающих в недрах Маньчжурии, искусственное получение жидкого топлива, изучение различных строительных материалов с точки зрения их теплопроводности, наилучшая утилизация топлива при сжигании его в комнатных печах (определялись оптимальная конструкция отопительного прибора и способ сжигания топлива, как один из вопросов режима экономии).

В беседах В.А.Белобродский советовал нам, студентам, после получения дипломов поработать и в других местах, применяя и расширяя полученные знания и практические навыки. Многие воспользовались его советами и работали в различных странах мира.

В 1939 г. русский ХПИ перестал существовать, но троих профессоров японская администрация пригласила остаться советниками. Это были профессора Ю.О.Григорович, А.К.Попов и В.А.Белобродский. Харбинский Политехнический институт стал называться на "маньчжурском языке" (так в Маньчжоуго стали называть китайский язык) "Хаэрбин гао дэн гун э сюэ сяо" (без иероглифа "да", означавшего бы "вуз": "Да сюэ сяо"). Оставаясь советниками, В.А.Белобродский и А.К.Попов открыли "Харбинский русский техникум", который просуществовал около 6 лет и в июне 1945 г. он был также закрыт. А для желавших получить высшее политехническое образование на русском языке был открыт политехнический факультет в Северо-маньчжурском университете Маньчжоуго.

Инженеры, окончившие Харбинский политехнический институт в разные годы, разъехались буквально по всему миру и были на хорошем счету в тех фирмах, где работали. Например, Юрий Васильевич Каунов работал в Сингапуре и Шанхае, Александр Георгиевич Сакович - в Сингапуре, затем в США, Андрей Самуилович Вальс - в Циндао и Ташкенте. Выпускник ХПИ Михаил Васильевич Карбышев был техническим руководителем на строительстве св. Алексеевского храма в Харбине (в Модяоу), Василий Георгиевич Мелихов и Дмитрий Васильевич Родин возглавляли строительные работы на фанерном заводе бр.Лидделл в Харбине. Павел Евсеевич Кравченко, Николай Генрихович Менниг, Борис Павлович Стоянов работали в инженерном департаменте Харбинского муниципалитета.

Уже упоминавшийся нами Н.П.Калугин вспоминает, что в 1945 г. положение Харбинского политехнического института изменилось. Он был восстановлен снова с русским административным и академическим персоналами и занятиями на русском языке, имел три факультета - строительный, электромеханический и транспортный. Как вспоминает П.К.Фиалковский⁵, заместителем директора института, фактически руководившим учебным процессом, стал профессор Ю.О.Григорович. П.К.Фиалковский учился в институте в те годы и написал воспоминания об этом периоде его истории.

В 1949 г. Политехнический институт перешел в ведение Министерства промышленности Китая. Он стал Научно-технологическим университетом с обучением на китайском языке. Были построены новые корпуса. Сейчас Университет выпускает инженеров 59 специальностей. По численности студентов он является вторым в Китае после "Цинхуа" в Пекине.

Датой своего основания это высшее учебное заведение справедливо считает 9 сентября 1920 года.

-
1. Калугин Н.П. Юбилейная дата Харбинского политехнического института // Русский Харбин. М., 1998. С. 57-60.
  2. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.), М., 1997. С. 119-163.
  3. Маркизов Л.П. Все остается людям. К 100-летию Харбина // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 4. С. 118-122.
  4. Маркизов Л.П. Листая зачетную книжку. Воспоминания окончившего ХПИ в декабре 1937 года // Русская Атлантида. Челябинск, 1999. № 2. С. 23-25.
  5. Фиалковский П.К. В его стенах все мы были молоды. ХПИ 75 лет // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 3. С. 115-118.

Предприниматель В.Ф. Ковальский и его роль в развитии Маньчжурии

© 2000

А. Хисамутдинов

Можно спорить об интересах, которые преследовала Россия, прокладывая через Маньчжурию Китайско-Восточную железную дорогу: было это желанием получить больше прибыли или попыткой присоединить позднее к Российской империи огромный край? Но очевидно, что благодаря русским инженерам и администраторам, а также предприимчивости российских коммерсантов Северно-Восточный Китай стал быстро развиваться. Одним из таких предпринимателей здесь стал Владислав Федорович Ковальский¹. Он родился 27 июня 1870 г. в уездном городке Ново-Утице Подольской губернии. В 12 лет ушел из дома, отправившись бродить по свету. У него была навязчивая идея эмигрировать в Америку. Прошло десять лет, пока он смог заработать на билет и подняться пассажиром на борт судна Добровольного флота.

Пароход, на котором отправился в Новый свет 23-летний Ковальский, зашел по пути во Владивосток. Этот город поразил Владислава своей необычностью: сопками, по которым взбирались небольшие домишки, огромным количеством китайцев. Он быстро сошелся с местными поляками, потомками тех, кто как и его дед, были сосланы сюда после Польского восстания 1863г. Они уговорили его задержаться: здесь больше возможностей заработать на жизнь, чем в Америке.²

В то время на строительстве Уссурийской железной дороги была настоящая горячка. Не проходило и дня, чтобы не объявляли подряда на производство работ. Ковальский получил его сразу же. Поставили его во главе китайцев - рабочих и дали переводчика. Китайцы любили его, как вспоминал его дочь, они ценили доброе отношение. Как-то произошел такой случай. Он рабочими ехал на ручной вагонетке. Вдруг резкая остановка - большая змея лежала на рельсах. Папа схватил змею - у него были сильные руки и поднял ее. Она обернула его правую руку. Он раскрутил ее и бросил со словами: "Я тебя не убью. Иди и скажи своим родным и знакомым, что не все люди злые". Китайцы были поражены, они все по очереди подходили к нему, кланялись и называли "Человек-Тигр". Может потому, что он был рыжий, а главное - оценили его смелость"³.

Везло В.Ф. Ковальскому на людей. Особенно он дорожил дружбой с Дмитрием Леонидовичем Хорватом, будущим знаменитым начальником Китайско-Восточной железной дороги. Они познакомились в 1895 г., когда молодой подполковник Хорват приехал из Закарпатья. Офицер понравился всем своей любезностью, опытностью и хозяйской хваткой. На следующий год закипела работа по строительству КВЖД. Из Владивостока, куда приходили кру-

---

Хисамутдинов Амир Александрович, кандидат исторических наук, докторант Дальневосточного государственного технического университета.

госветным путем пароходы с необходимым для стройки оборудованием в трюмах, сотнями приезжали специалисты-путейцы. В Хабаровске и Уссурийском крае стали нанимать рабочих. На Уссури и других реках собирали самоходные баржи, строили дома, заготавливали лес. Всем этим пришлось заниматься и Владиславу Ковальскому, получившему подряд на поставку строительного леса. Проведя в тайге немало дней, он досконально изучил все свойства местной древесины: мог на глаз оценить качество леса, составить необходимые карты.

Уже тогда Ковальского отличала житейская непритязательность, без нужды он не тратил ни копейки. На далекой окраине деньги зарабатывались легко, но также просто их можно было прокутить. Молодой же предприниматель Ковальский отказывался даже от лишнего стакана чая в придорожной "забегаловке", тем более никто не видел его в ресторане обмывающим удачную сделку, он не заглядывал даже в самый популярный во Владивостоке центр, где собирались деловые люди - ресторан "Тихий океан". Но упрекнуть в скупости Ковальского тоже никто не мог: его рабочие получали полноценную зарплату, правда, от них требовалась и соответствующая работа.

Это был звездный час В.Ф. Ковальского, которого захватил азарт созидания и преобразования края. С 1899 г. он стал работать на строительстве КВЖД. "На этот раз, - вспоминал он, - подрядчиком по земляным работам к инженеру Н.С. Свягину на станции Пограничная. Все три выемки там моей работы. С инженером поладили. Свягин был редкий инженер и по уму, и по талантности, и по опытности. Как вспомнишь, в какой простой обстановке жили: в деревянном сарае смастерили сцену, устроили театр, давали любительские спектакли. Приходили все служащие во главе со Свягиным. В антрактах музыка-аристон. Дешево и сердито. По окончании моего подряда Свягин дал мне рекомендательное письмо к Тихомирову Тихону Михеичу. Помню, прием был нелюбезный, Тихомиров был недоволен, что ему навязывают незнакомого человека. Однако подряд дали: земляные работы между Даймагоу и Мулиной. Работал и в Ханьдаохэдах у инженера Дроздова на лесных заготовках. А потом поручили мне делать "Петлю" между Гаолинцзы и Шитоухэцзы. Набрался я тут мороки - до сих пор забыть не могу. Приходилось и земляные работы делать, и скалы рвать динамитом. Главное - работа была срочная. Инженер Югович требовал, чтобы "Петля" в 1903 году была готова во что бы то ни стало. Дорогу нужно сдавать в эксплуатацию, и торопились закончить постройку хотя бы вчерне. Торопил меня Югович ужасно. В случае неисправности мне грозил такой денежный расчет за работы, который разорил бы меня вконец. Но все окончилось благополучно: работы заканчивал я уже при Хорвате, но все же в срок, в 1903 году сдал свой подряд. Работать приходилось день и ночь, круглые сутки не переставая"⁴.

Энергия Ковальского была ключом, и он быстро расширил свое производство. В том же 1903 г. стал компаньоном на мукомольном предприятии. Уже после окончания русско-японской войны, в 1906 г. он организовал "Общество Соединенных Маньчжурских мельниц", которое получило в долгосрочную аренду Сунгарийскую мельницу, построенную на средства железной дороги. У железнодорожников дело не получалось, но Ковальский смог наладить производство.

Не всем коммерческим начинаниям Владислава Федоровича сопутствовал успех. После удачного дела с мельницей по совету правления КВЖД Ковальский решил купить лесопилку в устье Сунгари и заняться лесопромышленностью. Он приобрел восемь пароходов у Русско-азиатского банка и задумал сплавливать лес по рекам. Но в мелкую воду плоты не двигались, а в весеннюю и летнюю, в половодье, их разметывало, так как большинство рек текло с гор. На том предприятии Ковальский потерял 200 тысяч золотых рублей, но урок, полученный им, стоил большего - не слушать совета, а все считать са-

тому. Окружающие отметили, что молодой коммерсант не испытывал особых огорчений от неудачи, а с азартом окунулся в новое дело.

Вспоминая богатства Уссурийской тайги, Ковальский старался поближе познакомиться и с природой Маньчжурии. Он решил пешком обойти все окрестности, а это было не так просто. В то время Маньчжурская тайга кишела хунхузами, и там правил закон сильного. На пути Ковальского неоднократно встречались грабители, но друзья всегда успевали предупредить Владислава Федоровича об опасности. Верным другом на всю жизнь стал для него и проводник, китаец Ту-бин, имевший тесные связи с местными жителями.

Спрос на лесоматериал был тогда ничтожен, рынок весьма беден, и получить соответствующий кредит было трудно. Частично это объяснялось непростыми местными условиями - отсутствовали дороги, а неформальными владельцами этих медвежьих углов являлись хунхузы. Ковальский пропустил мимо ушей многочисленные советы, и в 1911 г., получив свою первую концессию на станции Яблона, занялся лесопромышленностью. Интуиция не подвела предпринимателя - лес оказался превосходным, а сбыт вполне достаточным для получения крупных кредитов. Тогда-то Ковальский и стал одним из самых влиятельных и богатых промышленников Русского Дальнего Востока.

Концессия В.Ф. Ковальского была крупнейшей на Дальнем Востоке и занимала площадь в 5410 кв. верст. Благодаря ему колонизировалась огромная территория. То, какое значение имела концессия Ковальского для Маньчжурии и в целом для Китая к 1923 г. описано в книге: "Местное население, состоявшее до возникновения концессий преимущественно из звероловов и бродячего элемента, достигло лишь нескольких десятков тысяч человек, главным образом мужчин, тогда как в настоящее время оно простирается до одного миллиона (включая женщин и детей). Этот пустынный край колонизируется в настоящее время исключительно китайцами. Они поступают первоначально рабочими на земляные и всевозможные лесные работы фирмы, а затем, заработав и скопив необходимые деньги, приобретают живой и мертвый инвентарь, занимают свободные земли и благодаря относительной безопасности в районе концессий от хунхузов переходят на сельское хозяйство, которое и является для колонистов их основным занятием. Зимой же и вообще в свободное от полевых работ время они работают на лесных концессиях, что дает им возможность иметь солидный подсобный заработок. По имеющимся в распоряжении фирмы В.Ф. Ковальского данным, население указанной территории собрало в 1921 году со своих полей десятки миллионов пудов хлебных продуктов (бобы, гаолян, гудза, пшеница, гречиха, ячмень, кукуруза, пайцза, мицза, рис) и до миллиона пудов продуктов технических растений (конопля, индиго, табак, мак и прочее), не считая продуктов огородничества, скотоводства и птицеводства"⁵.

Перед началом первой мировой войны резко увеличился рынок продажи леса, в особенности был заманчив экспорт в Англию, но война перечеркнула многие надежды. Правда, к этому времени начался бум на строительстве жилья на линии КВЖД и в Харбине, открывались новые предприятия. Немало приехало и новых коммерсантов. Не успокаиваясь на достигнутом, Ковальский стал экспортировать лес в Японию и китайские провинции.

Перспективы развития своей компании В.Ф. Ковальский видел в интенсификации производства и расширении ассортимента. Он здраво рассчитал, что лучше вывозить готовую продукцию, а не просто лес. С этой целью первым в Маньчжурии открыл фанерное производство, задумал построить писчебумажную и целлюлозную фабрики, бондарный и дубильный заводы, появились и другие разработки. Он считал, что ручной труд должен уйти в прошлое, пришло время машин, которые значительно улучшат качество выпускаемой продукции. Вначале оборудование привозилось из России, затем из

Германии и Америки. Многое из задуманного Ковальским было претворено в жизнь уже позднее. Понимая рискованность вложения средств только в один вид производства, он включался и в другие сферы промышленности, был пионером по переработке бобовых. Неплохо проявил себя и в горной промышленности: с 1921 по 1924 гг. арендовал Чжалайнорские копи.

Оставил свой след В.Ф. Ковальский и в строительстве Харбина. В свое время ему принадлежал самый красивый особняк, построенный по проекту итальянца Александра Бернарти. Дом занимал почти полквартала и выходил на три улицы: Больничную, Николаевский переулок и Стрелковую. Позднее в этом здании находилось правление Южно-маньчжурской железной дороги. Теперь же в нем размещается музей Мао Цзэдуна.

В нем сегодня ничто не напоминает о первом владельце этого замечательного дома.

Владислав Федорович был и видным общественным деятелем Маньчжурии. Являясь бессменным уполномоченным Харбинского общественного управления, он терпеливо просиживал многочасовые пленарные заседания. У него было влиятельное положение в Биржевом комитете Харбина, но многие отмечали, что Ковальский никогда не проделывал каких-либо коммерческих операций, ничем не высказывал своей личной заинтересованности. За свою общественную и благотворительную деятельность он был награжден многими российскими орденами, в том числе и орденом Святого Владимира. Исключительную роль играл Ковальский в польской колонии. Не забыв идеалов своих предков, он поддержал независимость Польши. Ставшая к тому времени свободной, родина его предков по достоинству оценила общественную активность Ковальского и наградила его своим орденом. Но он не был националистом, - помогал русским, евреям, китайцам. В период своего расцвета Ковальский тратил до 100 тысяч золотом в год на благотворительные нужды. Он много сделал для открытия Харбинского политехнического института, вложив в него немало своих личных средств. Владислав Федорович охотно откликался на нужды народного просвещения, перечислял немало денег во многие школы Маньчжурии. Большую помощь, которую трудно переоценить, предприниматель оказал российским эмигрантам, вынужденным покинуть Приморье в 1922 г. В частности, известный писатель-натуралист Н.А. Байков нашел приют для себя и своей семьи на концессии Ковальского.

В последние годы жизни В.Ф. Ковальский отошел от дел. Причиной этого могли быть коммерческие неудачи, связанные с передачей дороги в советское владение, а также непростые политические события в Северо-восточном Китае, японская оккупация Маньчжурии, да и солидный возраст коммерсанта. Вот что писали его современники: "Необычайная физическая и духовная энергия, большой ум и смелый, предприимчивый характер дали Ковальскому возможность сделаться миллионером, крупнейшим дельцом, большим общественным деятелем, щедрым и широким благотворителем. В нем не было ничего показного. Искательства в характере, услужничества никакого, простота манеры доходила до крайности. Никогда никаких ролей он не разыгрывал, ни перед кем не унижался и не пресмыкался. Его деловые приемы и манера держаться в обществе напоминали пионеров торгово-промышленной деятельности в пустынных прериях, тех пионеров, о которых рассказывают бесчисленные истории, полные смелого предпринимательства. Многие детали из жизни В.Ф. Ковальского напоминают образы таких пионеров. Прежде всего были у него исключительная энергия и выносливость, бесконечное терпение, любовь к труду, готовность работать без конца день и ночь, если этого требуют интересы дела. Кто видел В.Ф. Ковальского в городе в часы его отдыха и развлечений, тому покажутся такие утверждения несколько неожиданными. А

между тем, этот спокойный, флегматичный и даже вялый на вид человек способен работать до упаду, не обращая внимания на холод, зной, усталость, голод, жажду. И таковым оставался он до самой смерти"⁶.

Владислав Федорович Ковальский скончался 22 ноября 1940 г. Обилие некрологов, опубликованных в харбинских газетах, а также множество народа, проводившего в последний путь русского пионера освоения Маньчжурии, говорили о глубоком уважении к нему многих людей.⁷

Незадолго до смерти Ковальский попросил не произносить у гроба речей, и это было выполнено. К сожалению, на харбинском кладбище уже не найти место его упокоения. Но память о В.Ф. Ковальском бережно сохраняется среди потомков тех, кто когда-то жил в тех краях и работал рядом с ним.

-
1. Петренко А. В.Ф.Ковальский - выдающийся хозяйственник Маньчжурии // На сопках Маньчжурии. 1996. № 34. С. 4.
  2. Владислав Федорович Ковальский о самом себе // Харбинская старина. Харбин, 1936. С. 15.
  3. Собр. А.А.Хисамутдинова. Воспоминания А.В.Ковальской (Аризона, США).
  4. Владислав Федорович Ковальский о самом себе. С. 16.
  5. Лесные концессии В.Ф.Ковальского в Северной Маньчжурии, их современное положение и ближайшие перспективы. Харбин, 1923. С. 7-8.
  6. Тищенко П. Сошел в могилу один из строителей края. Со смертью В.Ф.Ковальского ушла в прошлое целая страница истории Маньчжурии. (Некролог) // Копия из газеты без названия и даты.
  7. Собр. А.А.Хисамутдинова. Воспоминания А.В.Ковальской (Аризона, США).

Цивилизация палингенезиса в даосизме

© 2000

А. Лукьянов

В данной статье предпринята попытка конкретизации мировоззренческих параметров древнекитайской философии с помощью понятий «палингенезис» (от греч. πάλιν - "назад", "обратно", "опять", "снова" и γένεσις - рождение, происхождение) и «ценогенезис» (от греч. καινός - "новый" и γένεσις). Оба понятия являются производными от терминов «палингенезы» и «ценогенезы», которые были введены в научный оборот Э.Геккелем при обосновании им в 1866 г. биогенетического закона. В биологической науке понятие "палингенезы" означает «признаки отдаленных предков, проявляющиеся у их потомков лишь в период зародышевого или личиночного развития и отсутствующие у них во взрослом состоянии», а ценогенезы - «приспособления, появляющиеся у организма на ранних (зародышевой, личиночной) стадиях... и не сохраняющиеся у взрослой особи»¹.

Привлечение подобных «биологических» терминов в историко-философский анализ не является неким новшеством или условностью. Во-первых, сама древнекитайская философия, в особенности даосизм и ицзинистика, активнейшим образом использует "эмбриологические" наименования, что в равной мере характерно и для древнеиндийской и древнегреческой философии. Во-вторых, в историко-философской науке, уже давно используется биологическое понятие "генезиса", которое имплицитно подразумевает возможность сопряжения с ним других подобных понятий. В данном случае генезис сопрягается с палин и цено и прилагается к анализу китайской философии, что помогает выявить амбивалентный характер ее начала и обозначить направления ее развития.

В соответствии со своим содержанием понятие "ценогенезиса" следует отнести к конфуцианскому учению, в истоках которого не только обнаруживают себя признаки приспособления к новой цивилизации и науке (хао сюэ - любить науку), но имеет место и теоретическое развитие этих признаков в сторону будущего. «Человек может развить дао, но не дао человека» - гласит основополагающий конфуцианский памятник «Лунь юй», определяя антропологическую перспективу дао (ХУ.29)*. В свою очередь понятие "палингенези-

---

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.

* Здесь и далее при ссылках на «Лунь юй» в круглых скобках сначала указывается номер главы, затем номер параграфа в общепринятой разбивке текста. При ссылках на «Дао дэ цзин» в круглых скобках указывается номер параграфа. Перевод фрагментов

са" относится к даосистскому учению, в истоках которого проявляются признаки далекого родового прошлого. Даосизм подхватывает эти признаки и при "отрицании науки" (цзюэ сюэ) осуществляет теоретическую регенерацию доисторического социального предка – природно-родового организма. «Кто посвящает себя дао, с каждым днем уменьшает. Уменьшает и уменьшает до тех пор, пока не достигнет недеяния: недеяния и не недеяния» – говорит основополагающий даосистский памятник «Дао дэ цзин», определяя *природную ретроспективу* дао (§48). Тем самым содержание понятий «палингенезис» и «ценогенезис» в их проекции на даосизм и конфуцианство расширяется. Они означают теперь не только временное проявление признаков «старого» и «нового» в момент.

Зарождения философских учений Конфуция и Лао-цзы, но и генетическое удержание и развитие названных признаков: в конфуцианстве со знаком плюс (эволюция), в даосизме – со знаком минус (инволюция). Между даосистским палингенезисом и конфуцианским ценогенезисом располагается X-генезис, в котором признаки «старого» и «нового» проявляются одновременно. Учение X-генезиса (для обозначения которого пока не найдена адекватная словесно-понятийная форма) запечатлено в «И цзине». Оно теоретически развивает эти признаки, будучи обращенным к настоящему.

Триединство названных генезисов позволяет уточнить и детализировать понятие *начала китайской философии*. Обычно зарождение и развитие как западной (древнегреческой и древнеиталийской), так и восточной (древнекитайской и древнеиндийской) философии рассматриваются в однонаправленной линейной перспективе – как движение «от мифа к логосу». Согласно этой формуле, философия постепенно рождается из мифа, превосходит его и обретает свободу в форме индивидуального философского творчества. Однако при этом отмечается, что в мифологии, лежащей между мифом и логосом, миф (прошлое) *встречается* с логосом (будущее). Такой ракурс видения отодвигает на второй план однонаправленную генетическую линейность движения «от мифа к логосу», в результате чего *начало философии* получает новую смысловую транскрипцию. Она показывает, что философия имеет не один, а два генезисных вектора. Эти векторы извне – от мифа и логоса – обращены вовнутрь, к мифологическому центру, где миф (прошлое) и логос (будущее) встречаются и нивелируют друг друга. Вследствие этого рождение философии приобретает характер вневременного (вечность) и внесодержательного (тайна) акта: китайская философия постоянно рождается и это рождение не имеет начальной и конечной точек. Вернее, в эмпирической истории у китайской философии есть мгновение начала, но оно же и мгновение конца рождения философии, которое растягивается на столетия переходного от рода к государству периода. В противоположность эмпирической метафизическая история, т.е. собственно теоретическое мгновение рождения философии, не знает подобных временных масштабов. Здесь присутствует только пульсирующая мифологическая вечность.

Эта вечность акта рождения философии обусловлена тем, что миф и логос, сближаясь, не сталкиваются в противоборстве, а попадают на спираль архетипа у син – "пяти движений". В движении по спирали они *одномоментно* становятся в отношении абсолютного различия (на витках спирали) и абсолютного тождества (в центре спирали) и синтезируют *начало философии*. Оно читается как «мифо-логос» со стороны мифа, «логосо-миф» со стороны логоса и как то и другое – в центре, с обеих сторон одновременно. Здесь формируется подлинный тайный лик философского корня дао. Этот корень, вечно молодой и вечно старый, зовется гу – "древность". Прорастая из корня древности, китайская философия устремляется и в молодость, и в старость; она развивается от осуществлен по изданию «Чжу цзы цзи чэн» («Собрание сочинений всех философов»). Шанхай, 1986. Т.1,3.

философской древности настоящего (философская мифология) в прошлое (философия мифа) и в будущее (философия логоса), что являют нам даосизм, конфуцианство и ицзинистика.

В конфуцианстве самое существование философии ставится в зависимость от древности. Конфуций называет философию хао сюэ, т.е. "любовью к учению", "любовью к мудрости", и сопрягает ее с искренней философской верой (синь) (YIII.13). Однако и веру, и любовь к мудрости он считает производными от веры и любви к древности (хао гу): «Передаю, но не создаю, верю в древность и люблю ее» (YII.1). Философское творчество – расширение человеком дао – возможно только как расширение пути для поступи древности. Решая задачу создания новой цивилизации (вэнь мин), Конфуций одухотворяет и освящает ее историческое начало в древности, олицетворяет это начало в персонах совершенных правителей и архивирует в узорах Неба (=Космоса). Он превращает Небо в визуально наблюдаемую нетленную книгу древности, в которую заносятся идеалы будущего. Мироззренчески ориентируя свое учение в будущее, Конфуций на самом деле только воплощает в действительности разрастающуюся живым древом древность. Любовь к древности центрирует конфуцианский социоприродный космос и становится двигателем пяти нравственных принципов, нанизанных на объемную модель архетипа у син – человеколюбие, долг, ритуал, знание и вера. Согласно Конфуцию, эта мудрая любовь отличается и от знания, и от наслаждения: «Знать – совсем не то, что любить, а любить – совсем не то, что наслаждаться» (YI.19). В древности (гу) Конфуций выбирает составляющую *старой древности* и вносит в человеческую Поднебесную идеи своего дао под видом философского культа предков.

В свою очередь, Лао-цзы задает древности (гу) синхронную вертикальную (небесную) и диахронную горизонтальную (земную) пространственно-временные координаты. В вертикальном пределе Неба древность сопрягается с дэ (нравственным аналогом дао) и направляется на умиротворение Поднебесной. Согласно космо-логической модели даосизма, вертикальная небесная ось, соединяющая Небо и Землю, снимает в тождестве противостояние противоположностей и не допускает их противоборства. Этим качеством «не ведения борьбы» Лао-цзы наделяет и дэ обосновывая свою антивоенную доктрину: «Лучший из воинов не прибегает к силе... Умелый побеждать врага с ним не соприкасается... Это и называется не ведущей борьбы дэ... Это и называется сочетанием с древним пределом Неба» (§68).

В горизонтальной диахронии древность, полагая начало всему, сопрягается с дао и вместе с ним управляет бытием настоящего: «Только крепко держась древнего дао, чтобы править ныне существующим, можно познать древнее начало. Это и есть путеводная нить дао» (§14). В центре космического объема горизонталь древнего дао пересекается с вертикалью древнего дэ. Здесь дао и дэ попадают в середину спирали архетипа у син и насыщают ее древностью. Эта спираль своим движением тклет полотно дао-дэ и вместе с дао-дэ рассредоточивает древность по всему объему Поднебесной. В отличие от конфуцианства даосизм выбирает в древности составляющую *молодой древности* и проповедует идеи своего дао в Поднебесной под видом культа природной молодости.

Свое место в координатах древности обретает и «И цзин». Поскольку ицзиновское учение занимает промежуточное положение между даосизмом и конфуцианством, то и для него выбирается соответствующая пространственно-временная координата. «"Перемены" произросли в средней древности»², – говорит ицзиновский комментарий «Сици чжуань».

Таким образом, в начале китайской философии лежит *древность*, которая замыкает на себя векторы работы философского мышления. Это сообщает китайским теориям цивилизации особое построение, направленность и смысл.

Именно древность обнажает сущность цивилизаций и демонстрирует глубину тончайших тайных синтезов человека: конфуцианство учит, каким человек может быть в условиях цивилизации *ценогенезиса*, т.е. искусственной цивилизации; ицзинистика учит, каким человек может быть в условиях сопряжения цивилизаций *палингенезиса* и *ценогенезиса*, т.е. единства естественности и искусственности; даосизм учит, каким человек может быть в условиях цивилизации *палингенезиса*, т.е. естественности. Мы обратимся к даосистской теории, основы которой заложены в «Дао дэ цзине».

Философская алхимия палингенезиса. Чем глубже мы вчитываемся в «Дао дэ цзин», переводим его понятия на свой язык, разгадываем его символы и восстанавливаем текстовую архитектонику, тем смысл этого памятника становится все менее и менее понятным. Постепенно он превращается в тайну, не поддающуюся научным (в нашем сегодняшнем понимании науки) историко-философским препарированиям. От прикосновения научной логики текст «Дао дэ цзина» мгновенно мертвеет, растекается иероглифической массой, из которой может быть вылеплена любая текстовая конфигурация (на сегодняшний день известно более 80 текстовых фигур «Дао дэ цзина»). При всей серьезности своего содержания, текст памятника как будто иронизирует над современным исследователем.

На первый взгляд у текста «Дао дэ цзина» есть вполне определенный автор. Это Лао-цзы или тот (те), кто скрывается под этим именем. Лао-цзы выступает в «Дао дэ цзине» сразу в нескольких ролях. Вот он ученик – правда, ученик дао (§53). Вот он отец учения – правда, космогонического учения о дао (§42). Вот он правитель – правда, правитель со статусом “естественности” (цзы жань) (§17). Вот он вождь Поднебесной – правда, вождь духовной Поднебесной, обретший в велико-крошечном дао три драгоценности сань цай (§67).

Ученик, создатель учения, правитель, вождь – все это знакомые нам социальные роли, которые как будто делают понятным гражданский образ Лао-цзы. Однако в то же время он тот, кто обладает первозданной бесстрашной духовностью и охраняет саморазвитие вещей (§37), тот, кто достиг предел: пустоты-энергии и созерцает мировой круговорот вещей (§16), а также тот, кто еще даже не стал ребенком и, как эмбрион, таится в материнском космическом лоне (§20). Эти роли Лао-цзы не укладываются в рамки человеческой биографии. Он попросту вылетает из этого мира в космический мир естественного дао и претерпевает физическую, духовную и ментальную инволюцию. При такой характеристике Лао-цзы – это не имя человека или автора памятника, а обобщающий символ, соединяющий в себе старость (лао) и младенчество (цзы).

В современной синологической литературе «Дао дэ цзин» фигурирует главным образом в качестве философского произведения. Судя по типу мировоззрения, изложенному в «Дао дэ цзине», эта оценка справедлива. Однако, в таком случае, каковы же собственно философская квалификация памятника, его целевая направленность и адресат?

«Дао дэ цзин» написан не для философов и не «для широкого круга читателей». Текст предназначался для правителей Поднебесной – причем не столько для утверждения их власти, сколько, в конечном счете, для ее искоренения. Политическая максима, которую задает Лао-цзы, сводит статус правителя к чисто номинальному – анонимному – присутствию: «Лучший правитель тот, о котором низы знают лишь то, что есть таковой» (§17). При этом Лао-цзы не рассуждает, не доказывает и не ищет истины в философском споре: «Искусный (=добрый) не спорит, спорящий не искусен. Знающий не многознающ, многознающий не знающ» (§81). Лао-цзы проповедует, вещает и заклинает: «Дао постоянно и безымянно... Если хоу и ваны (князья и цари) смогут блюсти его, то мириады вещей сами покорятся» (§32); «Желая встать над народом, не-

пременно говори, что ты ниже его. Желая встать впереди народа, непременно ставь себя позади него» (§66).

Необходимо отметить, что Лао-цзы основывается на *готовой теории* и использует *готовый образ* субъекта этой теории – духовного человека (шэн жэнь), который осуществляет на практике мессианскую идею спасения вещей и людей Поднебесной (§27). В востоковедческой литературе шэн жэнь традиционно трактуется как совершенномудрый человек. Такая трактовка затемняет сущностные свойства этого субъекта. Качество шэн определяется мифологией демиурга Паньгу, или «свернутой спиралью древности», которую воспроизводит запись трактата III в. «Сань у ли цзи»: «Небо и Земля пребывали в хаотической смеси, подобной содержимому куриного яйца. Паньгу зародился в середине. Минуло 18 000 лет, Небо и Земля отделились друг от друга: ян, будучи чистым, образовал Небо, инь, будучи мутной, образовала Землю. Паньгу находился в середине между ними и в один день претерпевал девять метаморфоз. Дух (шэнь) содержался в Небе, душа (шэн) содержалась в Земле. Небо в день поднималось на один чжан, Земля в день утолщалась на один чжан, Паньгу в день вырастал на один чжан. Так продолжалось 18 000 лет. Небо достигло предела высоты, Земля достигла предела глубины, а Паньгу предела роста. Вот почему Небо и Земля отстоят друг от друга на 90 000 ли»³. Из этой записи видно, что шэн составляет понятийный бином с духом шэнь и имеет значение земной души. Поэтому правильнее было бы переводить шэн жэнь как «душа-человек», а еще точнее – как «душа-женщина». Такой совершенномудрый человек (будем по традиции называть его так) не создается и не воспитывается искусственно. Генеалогия шэн жэнь, как убеждает нас мифология Паньгу, уходит в вечную древность, в мировое начало. Подобно дао, совершенномудрый не имеет внешнего облика. Не случайно Конфуций говорил, что ему не удалось встретить совершенномудрого человека (YII.26). В соответствии со своим положением совершенномудрый владеет особыми способами осуществления социокосмических функций управления и обучения: «Совершенномудрый человек правит службу недеяния, ведет учение без слов» (§2). При этом он зачинает вещи, но ими не управляет, рождает, но ими не обладает, пестует, но не является их материнской опорой, завершает, но не ставит это себе в заслугу. По сути, шэн жэнь – это не человек, а какое-то метафизическое существо. Конфуций его не встречал, а вот Лао-цзы встречал, и не только называет его, но и подробно изображает в различных космогонических функциях.

Нигде на страницах «Дао дэ цзина» Лао-цзы не говорит о своей причастности к сотворению совершенномудрого человека. Более того, он хорошо чувствует разделяющую их дистанцию. Лао-цзы мог либо угадать и расколдовать это метафизическое существо, либо воспринять его образ из древности, унаследовав его вместе с теорией происхождения мира и цивилизации. Эта теория, в свою очередь, также не укладывается ни в какие чисто философские рамки. Она открывается положением о рождении двух космических младенцев (эмбрионов) – младенца-дао и младенца-дэ. Младенец-дао рождается во вращающейся космической реторте, разгоняющейся с помощью подвижной оси (наподобие юлы). Пустота этой реторты раскручивается до вихревой вспышки, после чего стремительность вращения стихает, токи слабеют, свечение умеряется, пыль осаждается и в центре остается первородный младенец-дао. Он воплощает предсуществование мира дао (§4). Младенец-дэ – это бессмертный двуполо-бесполоый эмбрион, поющая животворная энергия, с которой считывается формула гармонии и достигается просветление (§ 55). Сюда добавляются некоторые рационально-познавательные компоненты, но это не меняет сущностной характеристики данной теории: она является самой настоящей философской алхимией, протекающей в молчании и чистом покое тела, души и разума совершенномудрого человека.

Лао-цзы использует эту теорию уже как готовую. Время и путь ее прихода в Поднебесную не просматриваются, в предфилософии она не встречается, хотя подлинно мифических и реально-фантастических элементов в ней очень много. Остается предположить, как это ни парадоксально, что данная теория или пришла из будущего, или досталась в наследство от предшествующей цивилизации (ведь Лао-цзы говорит, что младенец-дао «предшествует первопредкам»), которая строилась не на технической, а на органической основе. Лао-цзы постоянно оперирует с самовращающейся пустотой (вакуумом, выражаясь современным языком), живыми энергиями, свечениями и сияниями, люминисцирующими космическими эмбрионами, органическими трансформациями человека, ментальными озарениями и т.д. Адекватное осознание всего этого не под силу дискурсивной логике, у ученого низшего порядка такое дао вызывает только смех (§41). А между тем все, чем оперирует Лао-цзы, непосредственно относится к языку, логике и стилю мышления даосской философии алхимии.

Стиль мышления философской алхимии палингенезиса. Этот стиль определяется моделью генезиса философии, где генетические векторы направлены вовне – от центра (от древности) и вовнутрь – к центру (к древности). Такая центробежно-центростремительная направленность противоположностей задает траекторию *обратности* (фань): противоположности расходятся по спирали у син от центра, становясь в отношении линейной противонапряженной (и противонапряженной) гармонии различного (хэ), и сходятся в центре, становясь в отношении точечной гармонии тождественного (тун). При движении к периферии происходит усиление линейной натяженности и ослабление точечной, и наоборот, при движении к центру ослабляется линейная и усиливается точечная натяженность. Центр, которому Лао-цзы отдает предпочтение в стилистике дао, есть силовая точка предельной слабости (жо) противоположностей в их обращении (фань) в центре на самих себя. Видимо, это и подчеркивает Лао-цзы в общей функциональной формуле дао: «Обратность – движение дао, ослабление – действие (функция) дао» (§40).

Эту центробежно-центростремительную противонаправленность, ведущую к гармонии различного и тождественного, Лао-цзы иллюстрирует примером двух дао в одном символе лука: «Небесное дао подобно натягиванию лука: верх в нем опускается, низ в нем поднимается, излишек в нем сокращается, недостаток в нем восполняется. Дао Неба сокращает излишек и восполняет недостаток. Если же взять человеческое дао, то здесь не так: [оно] изымает, где недостаток, и отдает туда, где избыток (77).

Формула центробежно-центростремительной обратности дао задает матрицу формирования понятий, которую можно назвать матрицей словесно-понятийного палиндрома. Подлинные понятия-палиндромы дао выглядят как триады, целый ряд которых приводится в «Дао дэ цзине»: дэ бу дэ (добродетель-не-добродетель), вэй у вэй (деяние-не-деяние), сюэ-бу-сюэ (учение-не-учение), чжи бу чжи (знание-не-знание), ши бу ши (служение-не-служение). Эти палиндромы имеют тройное прочтение. Слева направо и справа налево они читаются одинаково и подразделяются на пары понятий: первый иероглиф соответствует одному понятию, два остальных – другому. Например, вэй у вэй и слева, и справа читается как «деяние недеяния», чжи бу чжи – как «знание незнания» и т.д. При таком прочтении оба понятия в пределах одного категориального палиндрома оказываются одинаковыми, но одинаковое не дает гармонии различного (хэ) и тождественного (тун). Поэтому центр палиндрома снабжается не только отрицанием у «нет», но и двойным отрицанием у у (или у бу – «не нет»), что торжественно утверждают (есть). Полная форма палиндрома, – например с понятием вэй, – приобретает вид *вэй у (=бу) у вэй* и читается с одной стороны с одним отрицанием, с другой – с двумя (т.е. с утвер-

ждением): *вэй у вэй вэй у бу вэй* – т.е. “*деяй недеяние [и] деяй не недеяние*”. Следуя данной форме палиндрома Лао-цзы расписывает все пять нравственных категорий спирали архетипа у син: «Верхнее дэ не дэ, поэтому есть дэ. Нижнее дэ не теряет (не отрицает) дэ, поэтому не дэ... (§38). Обратный тип данного палиндroma (или палиндромом иньского ряда дэ, в центре которого стоит отрицание), представляет собой палиндром янского ряда дао, в центре которого стоит утверждение. Его пример встречается в первой же строке «Дао дэ цзина»: *дао кэ дао фэй чан дао* (“*дао, которое может быть названо дао, не есть постоянное дао*”). Этот тип палиндroma представлен здесь в развернутом виде, демонстрирующем противостояние входящих в него понятий. Он приводится к тому же виду иньского палиндroma: *А нет-не нет (есть) А*, но как уже было подчеркнуто, представляет собой обратный янский вариант. В палиндромах обоих типов понятийные стороны превращаются в противоположности, которые снимаются в третьем чтении по центральному отрицанию-утверждению: оно соединяет противоположности (очевидные при чтении палиндroma слева и справа), нейтрализует их противостояние и погружает в молчаливое сокровенное тождество (юань тун). Последнее не имеет словесной формы выражения, поэтому Лао-цзы замечает: «Знающий не говорит, говорящий не знает» (§56).

Сокровенное тождество совмещается Лао-цзы с безымянным младенцем-дао и описывается посредством все той же самой алхимической процедуры, протекающей в космической реторте: «[О бездна-пучина!] Закрывает свое лоно, затворяет свои врата, стихает ее стремительность, слабеют ее путы, умеряется ее свечение, осаждается ее пыль – это и называется сокровенным тождеством... [С ним] невозможно соединиться, [от него] невозможно и отделиться. [Ему], нельзя принести пользу, [ему] невозможно нанести и вред. [Его] невозможно сделать дорогим, [его] невозможно сделать и дешевым. Поэтому [сокровенное тождество] и является ценностью для Поднебесной» (§56).

Образую диалектический аппарат мышления палингенезиса, категориальные палиндромы упорядочиваются с помощью спирали архетипа у син. В ней пять элементов ян располагаются по вертикали и пять противоположных по заряду элементов инь – по горизонтали, в центре они сопрягаются и образуют элемент тождества цзы⁴. В отсчете от центрального элемента цзы каждая из последовательностей элементов ян и инь внутренне подразделяется на две зеркальные (обратные) триады инь-цзы-ян. В свою очередь, триады вертикали и горизонтали тоже соотносятся между собой по принципу зеркальности. Палингенезисные иньские и янские понятийные триады проецируются именно на триады инь-цзы-ян и раскручивается в спирали у син, в чем и состоит характерная логика мышления палингенезиса. Во первых, это мышление строится в виде зеркальных (относительно среднего элемента) триад (*дао кэ дао / дэ бу дэ, вэй у вэй / вэй ю вэй* и т.д.); во-вторых, оно протекает в форме статико-динамической объемной спирали архетипа у син; в-третьих, аналогично алхимическому рождению младенца-Дао, при завершении каждого полного спирального цикла оно порождает светоносный (гуан) мыслительный образ дао – образ-Первопредок дао (*сян ди чжи Дао*) (§4); в-четвертых, оно тяготеет к тождеству зеркальных спиральных оборотов противоположностей; в пятых, это тождество словесно не выражается. Если же тождество дао озвучивается в слове, то противоположности «различно именуются» (§1) и отливаются в форму парадокса: «Светлое Дао подобно темному. Наступающее дао подобно отступающему. Совершенное дао подобно ущербному. Верхнее дэ подобно [нижнему] руслу... Чистая правда подобна мутной смеси» и т.д. (§41). Противоположности *изрекаются*, но между ними остается их неизреченное тождество.

ню покоя и чистоту. Вещи попарно творятся, а я созерцаю их возвращение. Вещей многое множество, но каждая возвращается к их общему корню. Возвращение к корню называю покоем, покой называю судьбой возвращения, судьбу возвращения называю постоянством. Знание постоянства называю просветленностью» (§16). Знание постоянства делает человека всеобъемлющим, совмещающим на идеальном уровне (т.е. на уровне бестелесной идеи естественности) и Человека, и Небо, и дао, и Вечность (п.16). Превращая дао и дэ в главные категории, Лао-цзы сопрягает их с естественностью (цзы жань) и постоянством (чан): «Дао почитаемо, дэ ценимо, нет над ними судьбы, они в постоянной естественности (чан цзы жань)» (§51). Лао-цзы и порознь называет дао и дэ постоянными дао и дэ (§28, 32, 37).

Таким образом, стиль мышления даосистского палингенезиса, во-первых, моделируется в соответствии с формулой начала философии, для которой характерны *обратность* и *ослабление* противостояния противоположностей в центре объемной спирали архетипа у син. Во-вторых, система мышления палингенезиса выстраивается из категорий-палиндромов; они совмещаются с триадами элементов архетипа у син и образуют мыслительную спираль палингенезиса. Последняя встраивается в объемную космологическую структуру и обретает космо-логическую определенность. Центр этой спирали занимает совершенномудрый человек (духовный человек). В-третьих, процесс мышления в космо-логическом объеме протекает в ритмах естественности и приобретает специфику философской алхимии: единое дао высвечивается в эмбриологических образах на младенцах дао и дэ древности. При этом сам совершенномудрый человек срастается в центре космо-логической системы с постоянством (§ 1), фильтрует через это постоянство каждую категорию (чан дао, чан дэ и т.д.) и достигает тем самым просветления (мин) первичной истины (тайны) и сущности *самости* всех вещей. Из глубин вечности он выманивает органические образы архетипа Дао; он разгадывает тайну дао или, точнее, алхимически взращивает ее в себе. В-четвертых, подход к осознанию цивилизации палингенезиса предполагает признание реальности и знание изложившей выше космо-логической специфики стиля и логики мышления палингенезиса.

Космогония палингенезиса. Теория построения цивилизации, которая предполагает мировоззренческое тождество человека и природы, не может обойтись без космогонии, полагающей начала этой цивилизации. В даосистском учении космогония является ключевым звеном, очерчивающим смысловую и структурную парадигму всех составляющих теории цивилизации.

Реконструированная даосистская космогония рисует приблизительно следующую картину возникновения мира. Мир естественности (цзы жань) зарождается во вселенской пустоте. Пустота имеет перпендикулярную (горизонтально-вертикальную) напряженность энергий инь и ян. Сплошная нитевая напряженность инь и ян в точках пересечения образует точечное поле цзы, с которым составляется триада инь-цзы-ян. Поле цзы вносит дискретность в континуальность инь и ян и центрирует пустоту. Под действием собственной энергетической триады инь-цзы-ян пустота сворачивается в сферу-куб: в центре располагается ядро цзы, оно окружается неподвижным кубом инь (впоследствии куб дэ), который обнимается подвижной сферой ян (впоследствии сфера дао). Сфера и куб воплощают вселенскую энергетическую континуальность инь и ян, а вселенская дискретность проявляется на поверхности сферы расположенными по вертикали пятью полями ян и на поверхности куба расположенными по горизонтали пятью полями инь. В центральном ядре цзы поля сходятся по парам, обмениваются статико-динамическими характеристиками (нейтрализуются) и расходятся на соответствующие траектории. Горизонтально-вертикальная система полей инь-цзы-ян сферо-куба образует структурно-

функциональный архетип у син. В полном цикле у син свивает объемную спираль, несущую всеобщий генетический код вселенской пустоты. Замкнутая в объеме сферо-куба дао-дэ вселенская пустота становится живой пустотой космоса. Пустота космоса в качестве энергий содержит в себе телесные вещи (у), мыслительные образы (сян), духовные точки-зерна или духовно-энергетические семена (цзин), внутри которых таится вера (синь), она же генетическая инь-формация. «Объем пустого дэ следует только дао - говорится в «Дао дэ цзине». Дао - живое существо, туманное, неразличимое! О, неразличимое! О, туманное! Внутри него содержатся образы. О, туманное! О, неразличимое! Внутри него содержатся вещи. О, глубокое! О, сокровенное! Внутри него содержатся духовные семена. Эти духовные семена в высшей степени подлинны. В них содержится вера. С древности и поныне имя его (=дао-дэ) не исчезает, в нем вижу начало всех начал» (§21).

Таково вселенско-космическое лоно дао-дэ, реторта, в органических спиральных токах которой синтезируется двуполо-бесполая пиллюля - люминисцирующий энергиями инь, цзы, ян младенец дао-дэ. Он пролог существования (жо цунь) (§4), бессмертная вечность и поющая гармония (хэ), несущая палингенезисную константу постоянства (чан), наделяющую разум просветленностью (озарением - мин) (§55). Этот младенец дао-дэ рождает и пестует мириады вещей (§10, 51), они тоже дети (цзы), наделяемые энергиями инь и ян - «вещи несут за плечами инь и на руках держат ян» (§42). Они совершают цикл естественности, вычерчивая генетическую и информационную спираль дао-дэ и сохраняя единство во множественности.

Эта космогония представляла собой метафизическую область для тогдашней цивилизации, которую даосизм пытался обратить в цивилизацию естественности.

Даосистская цивилизация палингенезиса. Лао-цзы при жизни созерцает трагическую и неприглядную картину хаоса Поднебесной, в которой царит не-дао: поля заросли, амбары до дна опустели, обобранный налогами народ голодает, нравы упали, душевная прямота превратилась в хитрость, добро - в зло, разум людей опутан заблуждениями. А правители одеваются в шелка, пресыщаются яствами и копят богатство с излишком (§53, 58, 75). Они набирают войска и занимаются любимыми играми - войной.

В чем причина этого? Лао-цзы усматривает ее в приходе техногенной цивилизации, принесшей с собой насилие. С насилием появились и *имена* (32), т.е. бытие подверглось искусственной иерархизации, противной естественной природе вещей и человека. Техногенная цивилизация началась с меча и огня и ведет к затяжной мучительной гибели. Чтобы спасти Поднебесную, необходимо остановить дальнейший ход этой цивилизации, причем, как утверждает Лао-цзы, нужно *знать* как остановить. Он предложил такой способ трансформации бытия, который до сих пор остается загадкой, вызывает удивление и недоверие, а при доверии к нему заставляет пересмотреть наши традиционные взгляды на историю земных цивилизаций.

Главой великого дела спасения Поднебесной Лао-цзы называет совершенномудрого человека (шэн жэнь), того самого, который «правит службу не среди людей, он в то же время является метафизическим субъектом, равным дао и дэ в порождении мириад вещей в мире естественности. А потому только ему доступно видение естественной сути вещей, скованных насилием техногенной цивилизации. Эта суть непреходяща и служит совершенномудрому основой его метода: он «опирается на естественность мириад вещей и не смеет действовать» (§64). Опора на естественность, недеяние, молчание сопрягаются у совершенномудрого с бесстрастностью, несоперничеством и ненасилием.

Современному читателю покажется странным, что древний даосский совершенномудрый человек молчит в недеянии, и вместе с тем учит Поднебесную и ведет ее к спасению. Разъяснение этому мы находим в тексте «Дао дэ цзина». Во-первых, совершенномудрый человек являет собой Великий Образ дао, а к тому, «кто держит Великий образ, приходит вся Поднебесная, приходит и не испытывает вреда, находит мир, уважение, радость и угощение» (§35). Великий Образ – это планетарный образ синоцентрического человечества, его родовой архетип, в котором открывается ретроспектива возвращения к естественности. Во-вторых, этот образ читается посредством веры (синь), которая сокрыта в животворной энергии (цзин) тела, духа и сознания каждого индивида. При характеристиках бестелесного дао и цзы жань Лао-цзы неоднократно приводит формулу «Там, где доверия недостает, селится недоверие». В-третьих, совершенномудрый человек вносит ритм в жизнь Поднебесной, он центрирует ее и уравнивает в ней женско-мужские противоположности инь и ян. Он делает свое сердце сердцем всех человеческих родов, впитывает им хаос Поднебесной и превращается в ее ребенка (§ 49), которому только и дается в руки Великий Образ дао.

Великий Образ, вера и дитя – это не религиозные символы, не сладкая приманка для отчаявшихся людей, а первый ориентир и первый шаг на пути к палингенезисной цивилизации. Человечество Поднебесной нужно подготовить, чтобы мог осуществиться цивилизационный поворот. Прежде всего, выступая против конфуцианской цивилизации ценогенезиса, Лао-цзы в космических масштабах снимает человеколюбие (жэнь) как сущностную характеристику человека: «Небо и Земля не проявляют человеколюбия, и потому мириады вещей живут как трава и собаки. Совершенномудрые люди не проявляют человеколюбия, и потому все роды человеческие живут как трава и собаки (растения и животные)» (§5). Вместе с человеколюбием Лао-цзы устраняет долг (и), мудрость и умничание, искусность и выгоду. Все это появляется от недостатка культуры (вэнь) (§19). Вероятно, Лао-цзы имеет в виду и цивилизационный аспект, поскольку культура (вэнь) в сочетании с просветленностью (мин) образует понятие цивилизации (вэнь мин). Следовательно, по заключению Лао-цзы, заличная цивилизация, в которой набирает силу конфуцианство, ущербна.

Правителям и всему аппарату управления Лао-цзы настоятельно рекомендует «осуществлять неслужение» и следовать «недеянию и не недеянию» постоянного дао, ибо только так достигается подлинное овладение Поднебесной и открывается путь саморазвитию (цзы хуа) вещей (§37, 48). Политические отношения больших и малых царств должны строиться по принципу биологических отношений мужского и женского начал (§61). Государственное законодательство должно быть отменено, так как «когда в Поднебесной растет число запретов и табу – народ все более беднеет... когда множатся статьи законов и приказов – все больше появляется воров и разбойников» (§57). Армию нужно разоружить, когорты рассыпать, боевой устав нивелировать – «не наступать на цунь, не отступать на чи... двигаться без движения... сдерживать без солдат» (§69). Науку необходимо отбросить – «отбросишь ученье, исчезнет и скорбь» (§ 20), мудрых и достойных не превозносить (§3), богатство не копить и не ценить (§9), народ не просвещать (§65), письма забыть и вернуться к вязанию узелков на веревках, царства сделать маленькими, сухопутные и водные коммуникации прервать, технику отставить, в нравах и облике вернуться к простоте и безыскусности (§80). Словом, каждый день нужно без борьбы и насилия «уменьшать и уменьшать» все приобретения техногенной цивилизации в целях достижения «недеяния и не недеяния».

Недеяние и не недеяние – это точка и момент равновесия и постоянства, момент покоя космического сферо-куба на острие мировой оси, который дает возможность повернуть в сторону палингенезиса на бесконечно малом энер-

гетическом импульсе. Это момент покоя и резонанса вселенной, при котором поворот осуществляется на энергии естественности, на сущностной *самости*, безошибочно выбирающей угол и направление поворота. Дао здесь теряет характеристики сжатия или расширения, оно выходит (проваливается) за границы вечности и бесконечности, приобретая новое измерение. «В Поднебесной все называют мое дао великим, в подобии ничему не подобным – говорит Лао-цзы. Поскольку велико, постольку и в подобии ничему не подобно. Если же уподобить вечности, то и она будет крошечной» (§67). Вместе с собой (точнее говоря, в себе) дао выводит тело, дух и мышление человека в новое измерение и задает параметры новой цивилизации, визуально не наблюдаемой и не слышимой в наличном цивилизационном мире: «Смотрю на него – не вижу... Слушаю его – не слышу... Ловлю его – не обретаю... Эти три [качества] нельзя разграничить, потому как смешаны и образуют одно-единое. Его верх не светлый, его низ не темный, непрерывно вьется, его невозможно назвать. [Оно] нашло пристанище в невещественном. Это и есть изображение без изображения, образ без вещества» (§14). Дао этой новой цивилизации здесь, среди людей, но оно «невидимо», «неслышимо», «неосвязаемо».

Однако так ли уж нова эта даосистская цивилизация палингенезиса? Во-первых, если она абсолютно нова, то мы никогда не услышали бы от Лао-цзы о древнем дао и не смогли бы именовать эту цивилизацию палингенезисной. Во-вторых, сам Лао-цзы отмечает, что «совершенномудрый человек... учит неучение, возвращается к тому, что пройдено многими людьми, опирается на естественность мириад вещей и не смеет деять» (§64). Иначе говоря, он возвращается к бреши, которую пробили люди в оболочке естественности. Цивилизация естественности уже была, она некогда состоялась и Лао-цзы возвращает в нее человечество Поднебесной.

Первое, что испытывает человек в своей душе, едва допустив возможность возврата в естественность, это страх, страх в его пределе: с одной стороны, страх утраты приобретенного посредством науки, с другой – страх обладания неведомым, страх физического, духовного и ментального перерождения. Лао-цзы и сам предупреждает об этом, рисуя параллель двух миров: один мир сияющего благополучия толпы, другой мир космического лона эмбриона естественности – эмбриона нового человека:.

Отбросьте ученье, исчезнет и скорбь.

Насколько здесь одно отлично от другого?

Настолько ровно, насколько зло расходится с добром!

То, чего боится человек, нельзя не бояться.

О ширь пустотная, без края и без центра!

Среди людей согласие, веселье,

как будто делают Великое закланье в день наступления весны,
когда она в свои владенья входит.

Один лишь я сокрыт в тиши без всяких признаков живого,
подобный эмбриону, еще не ставшему ребенком.

В усталости скитаюсь по простору,
как будто некуда пристать.

У всех людей достаток неизбывный,
один лишь я как тот, кто все отверг.

Я сердце глупого. О тьма космической утробы!

Миряне все сиянием полны,

один лишь я во мраке мрачном.

Миряне любознательны в исканьях,

один лишь я в безумной тьме.

[Вокруг] то безмятежность, которая подобна глади океана,

то ветра смерч, который не дает волнам остановиться.
 В толпах людей везде есть применение разумным силам,
 лишь я наивной глупостью подобен дикарю.
 От всех других я отличаюсь тем,
 что Мать кормящую цену (§20).

Войти в мир естественности удалось не только Лао-цзы, туда возвращались и люди древности. Лао-цзы показывает, каков был их путь по вектору генерации дао в Поднебесной. Эта генерация, зафиксированная и в «И цзине»⁷, состоит из трех ступеней: первая – ступень пульсирующего во вселенской инь-янской энергии Дао, вторая – ступень наследующего дао добра (шань) и третья – завершающей добро природы (натуры) человека (син). Все три ступени – дао, добро и природа (натура), суть только генетическая трансформация совокупной энергии инь и ян, т.е. это три младенца – цзы, совмещающие инь и ян. Вектор вхождения в энергию естественности обратен вектору генерации дао в Поднебесной. Достигшие верхнего уровня растворяются в энергетической пустоте и заново в этом мире не рождаются: «В древности те, кого добро обратило в дао, проникли в тончайше-сокровенное начало (=пустоту). [Они] сокрылись в такой глубине, что [их] невозможно постичь... Как первозданный хаос они подобны мутному. Любой из них может, будучи мутным, успокоить себя и постепенно очиститься. Любой из них может, будучи спокойным, привести себя в вечное движение и постепенно родиться. Однако, тот, кто хранит это дао, не страждет наполнения. А так как не наполняется, то может сокрыться и заново не родиться (в человеческой природе)» (§15).

Лао-цзы узнал путь вхождения в энергию естественности древних людей и сам побывал в лоне Матери-пустоты. Осуществляя цель спасения всех людей и вещей Поднебесной, он открывает этот путь каждому человеку. Прежде всего человек должен составить три триады – телесную, духовную и идеально-мыслительную из совокупности самого себя и трех гносео-онтологических диад (мужское и женское, слава и позор, белое и черное). Совершив это, человек превращается в энергосодержащие каналы и объемы Поднебесной – ложбину, образец (форму) и русло. Далее в процесс включается постоянное дэ (чан дэ). Оно свертывает этого человека-ложбину, человека-образца, человека-русло и возвращает его в состояние физического младенца, в идеально-мыслительное беспредельное и духовную простоту:

Кто знает свое женское, хранит свое мужское,
 становится ложбиной Поднебесной.

Ставшего ложбиной Поднебесной
 постоянное дэ не оставляет и возвращает в младенца.

Кто знает свое белое, хранит свое черное,
 становится образцом для Поднебесной.

Ставшему образцом Поднебесной
 постоянное дэ не наносит вреда и возвращает его в беспредельное.

Кто знает свою славу, хранит свой позор,
 становится руслом Поднебесной.

Ставшим руслом Поднебесной
 постоянное дэ овладевает во всей полноте и возвращает в
 духовную простоту (пу).

Духовная простота рассеивается и становится [духовным]
 сосудом.

Совершенномудрый человек использует его и становится
 чиновным вождем.

Вот почему Великое правление не разрушается (§28).

Духовный сосуд (шэнь ци) - это и есть первоизданный образ цивилизации палингенезиса. Ниже, в §29 «Дао дэ цзина» Лао-цзы прямо говорит, что эта новая Поднебесная есть духовный сосуд, на который нельзя воздействовать силой и который нельзя силой удержать. Он появляется из рассеивания антропоморфной духовной простоты, а поскольку последняя нераздельна с физическим младенчеством и мыслительной беспредельностью, то те же качества обретает и духовный сосуд. Руководит им метафизический совершенномудрый человек, который и выступает гарантом нерушимого Великого правления. Совершенномудрый человек ничего не меняет в этом духовном сосуде, это - сплошь спирально вьющаяся и танцующая генетическая гармония естественности, каждый оборот которой увенчан рождением физического, духовного и идеально-мыслительного феномена.

В «Дао дэ цзине» Лао-цзы одновременно дает два цивилизационных плана: один - цивилизации техногенной, другой - цивилизации естественности. Их взаимная проекция, присутствующая в тексте «Дао дэ цзина», создает иллюзию мистичности учения Лао-цзы: дао как будто в Поднебесной, оно «справа и слева», и в то же время оно недосягаемо, так что человеку приходится искать к нему мистические пути. Однако содержание «Дао дэ цзина» - это не абстрактная теория философа-фантазера. Здесь воспроизводится еще не вполне понятое нами учение об органическом палингенезисном спасении Поднебесной, расшифровка которого позволяет сегодня высказать некоторые гипотезы и сделать первые предварительные выводы.

Прежде всего, философия палингенезиса, которая в учении Лао-цзы осмыслена в категориях возвращения человека к исходной естественной телесно-духовно-идеальной сущности, обладает всеми правами на то, чтобы стать одним из основных направлений мировой историко-философской науки. Лао-цзы дает новый образ философии, куда закладывается новый тип цивилизации. Древнекитайский мыслитель не изобретает идею палингенезиса - это естественное направление движения мысли, он лишь философски озвучивает его. Это движение вырабатывает и особую стилистику, в соответствии с которой категории палингенезиса принимают органические и эмбриологические наименования.

Далее следует предположить, что цивилизация естественности, или естественного дао-дэ, некогда имела место в действительности, но человечество нарушило ее меры, техногенезис прорвал ее оболочку и Лао-цзы пытается вернуть человека к исходному состоянию гармонии с миром. Он занимается философской алхимией в буквальном смысле этого слова: превращает искусственную колбу Поднебесной в духовный сосуд, содержащий эмбрион нового великого человека. Обоснованность идеи палингенезиса Лао-цзы подтверждает экспериментом, сам входя в дао и превращаясь в космический эмбрион. Хотя этот эксперимент не укладывается в рамки критериев современной науки, в ключе новейших данных психологии Лао-цзы весьма точно описывает пренатальный период развития человека.

Наконец, учение Лао-цзы, или точнее, система идей о социальном палингенезисе, известная как учение Лао-цзы, существует два с половиной тысячелетия. Можно ли обнаружить исторические свидетельства попыток практического осуществления этого учения? К сожалению, надо констатировать, что в известной нам истории Китая цивилизация палингенезиса не состоялась, хотя последователи Лао-цзы возглавляли народные восстания, организовывали секты и даже управляли Поднебесной.

Тем не менее, в династийной истории Китая есть один феномен, интересный именно с точки зрения возможной палингенезисной цивилизации. Это первое централизованное государство, империя Цинь (221-202 до н.э.), просуществовавшая

всего 19 лет⁸. Император Цинь Ши-хуан руководствовался легистской социально-политической концепцией (хотя по некоторым сведениям исповедовал даосизм). Он запретил конфуцианство, приказал сжечь конфуцианские книги, а самих конфуцианцев физически уничтожить. Даосизм же, напротив, был включен в теорию управления империей. Зачем же отточенной легистской доктрине понадобился даосизм, который, помимо всего прочего, никак не вписывался в учение легистов? Действительно, если Лао-цзы неустанно говорил о ненасилии и несоперничестве, то легисты проповедовали насилие и соперничество, они создали мощные карающие органы, сильную армию, выработали непререкаемый свод писанных законов, передав власть в Поднебесной одному человеку – императору, наделенному божественным титулом *хуан-ди*. Легизм дал простор развитию науки и техники, осуществил грандиозное строительство, легистское царство Цинь в мгновение ока завоевало и подчинило всю Поднебесную.

Прервав ценогенезис конфуцианской цивилизации, т.е. устранив противоположную даосизму цивилизационную ветвь, легизм соединил учение даосизма – вопреки содержанию последнего – с насилием и техникой. Это породило невиданную цивилизационную мутацию и дало мощнейший энергетический, физический, духовный и интеллектуальный всплеск. Следует признать, что циньская империя – не рядовое династийное правление и не просто один из периодов китайской истории. Цинь – это мутационная духовная цивилизация, существовавшая, пусть очень недолго, как синтез естественности и искусственности. Подчинившись инерции ценогенезиса, Поднебесная оказалась не готова к такому типу цивилизации. Она не смогла выдержать ее бремени и оказалась от нее, склонившись к конфуцианскому варианту ценогенезисной цивилизации в эпоху Хань (206 до н.э. – 220 н.э.)

Даосизм, до настоящего времени не исчезающий из культуры дао, несомненно, заслуживает более пристального внимания как теория и практика палингенезиса. Учитывая метаморфозы других восточных и западных цивилизаций, даосизм (в его синтезе с легизмом как примером мутационных цивилизаций) выходит за локальные рамки китайской культуры, а потому его философский анализ может внести существенный вклад в общую методологию сравнительного изучения мировых культур.

-
1. Словарь иностранных слов. М., 1984. С.357, 553.(комментарий на приложенные слова-афоризмы)
  2. Сицы чжуань. Нижний раздел, 7 // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов). Т. 1. Пекин, 1985.
  3. Юань Кэ. Чжунго гудай шэньхуа (Мифы древнего Китая). Пекин, 1985. С.39.
  4. О дешифровке архетипа у син см.: Лукьянов А.Е. Понятие философии у древних китайцев // ПДВ. 1998. №2. С.135-140.
  5. Чжуан-цзы // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Т.3. Шанхай, 1986. С.9-10.
  6. Там же. С.10-12.
  7. Сицы чжуань. Верхний раздел, 5 // Сы шу у цзин (Четыре книги [и] Пять канонов). Т. 1. Пекин, 1985.
  8. См.: Переломов Л.С. Империя Цинь – первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н.э.). М., 1962.

Культура

История памятника А.С.Пушкину в Шанхае

© 2000

Л. Черникова, Бэй Вэньли

У памятников, как и у людей, тоже может быть своя история, своя судьба. Судьба этого памятника и трагична, и поучительна.

Единственный в Азии памятник А.С.Пушкину находится в Шанхае. Он является молчаливым свидетелем пребывания в городе русских в 30-40-годы ХХ века. После октябрьских событий и гражданской войны в России Китай принял несколько десятков тысяч эмигрантов. Начиная с 1920-х годов, русские стали перебираться в Шанхай. Наибольший наплыв белоэмигрантов Шанхай пережил в 30-е годы, после захвата японцами Северо-Восточной части Китая – Маньчжурии. Тогда число русских в Шанхае достигло почти 50 тысяч¹. Несмотря на оторванность от родины и не востребованность на чужбине, шанхайские русские стремились всячески сохранять свою национальную самобытность и культуру.

В феврале 1937 года исполнялось 100 лет со дня смерти А.С.Пушкина. Русское общество в Шанхае решило широко отметить день памяти поэта и установить его памятник в месте компактного проживания русских (на территории французской концессии). Был специально учрежден Пушкинский комитет, куда вошли не только наиболее уважаемые в среде эмиграции люди, но и почитающие великого русского поэта китайские, английские и французские интеллигенты². Комитет провел конкурс творческих работ, отобрав 6 наиболее приемлемых проектов памятника. Было решено органично объединить все положительные стороны проектов, поручив создание памятника творческой группе под руководством скульптора М.Н.Павловского. Управление французской концессии выделило участок земли под памятник, а впоследствии это место получило название площади Пушкина. Были собраны необходимые для установки памятника средства, сам проект и работу над скульптурой русские художники и архитекторы провели бесплатно, считая своим долгом внести таким образом собственную лепту в увековечение памяти поэта³. Создатели памятника Пушкину считали необходимым не только воспроизвести столь знакомый всем образ великого русского поэта, но и сделать так, чтобы памятник органично вписался в архитектурный облик города.

Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Башгосуниверситета, стажер Восточнокитайского педагогического университета (г. Шанхай).

Бэй Вэньли, кандидат филологических наук, преподаватель Института иностранных языков факультета языков европейских стран Восточнокитайского педагогического университета (г.Шанхай).

В конце января 1937 года в Шанхае начались торжества, посвященные памятной дате. В них приняли участие эмигрантские благотворительные и просветительские общества, студенты и школьники, священнослужители русской церкви в Шанхае, представители китайской, французской и английской общественности. Торжества открыл Генеральный консул французской концессии. В тот же день состоялся концерт во французском клубе. В главном русском храме в Шанхае (Свято-Николаевском соборе) был проведен торжественный молебен за упокой души погибшего поэта. В эти и последующие дни прошло несколько литературных и музыкальных пушкинских вечеров⁴. Утром 11 февраля 1937 года состоялось торжественное открытие памятника А.С.Пушкину. На церемонии присутствовали Генконсул Франции в Шанхае, руководство Управления французской концессии, русская эмигрантская и французская общественность, представители китайской армии и шанхайской милиции. Все это свидетельствовало о том, насколько значительным было это событие в жизни города, и что имя А.С.Пушкина вызывает большую любовь и уважение у многочисленных почитателей во всем мире.

При большом скоплении народа взору присутствующих открылась оригинальная стелла с бронзовым бюстом поэта. На памятнике была высечена надпись на русском, китайском и французском языках: "1837-1937. Пушкин - в сотую годовщину смерти"⁵. Лицо поэта обращено на север, в сторону далекой родины. Думается, для всех русских это было символично, как бы говорило о чаяниях потерявших родину людей, думающих о прошлом и будущем далекой России.

По обеим сторонам памятника в парадной форме встал почетный караул из предпринимателей-эмигрантов и офицеров бывшей русской армии, что придавало церемонии открытия особую торжественность и блеск. Тогда же епископ шанхайский Иоанн сказал проникновенные слова о необходимости сохранять русский язык и культуру вдали от России, о большом значении пушкинского наследия для каждого русского человека и для всех просвещенных людей мира. Впоследствии архитектурный ансамбль памятника и прилегающая площадь, создающие атмосферу спокойствия и отдохновения, стали популярным местом отдыха многочисленной эмигрантской и китайской публики. Этот уютный уголок, где любили встречаться влюбленные, стали называть "Уголкем Пушкина".

Однако этой идиллии не суждено было продлиться. Через полгода, в июле 1937 года началась антияпонская война. Надо признать, 1937-1941 гг. считались относительно безопасными для иностранцев. Так, в русско-, франко- и англоязычной эмигрантской литературе Шанхай в эти годы называли единственным островком мира в море войны⁶. В частности, русская эмиграция особых тритеснений со стороны японцев не испытывала, жила относительно спокойной гихой жизнью, наслаждаясь прелестями мирного времени, не желая признать, что война уже стоит на пороге их дома. Лишь в декабре 1941 г., после начала войны на Тихом океане, этой патриархальной жизни в Шанхае пришел конец. Для русских эмигрантов, как и для других эмигрантских концессионеров, началась самая тяжелая, самая темная пора⁷.

В годы оккупации японскими войсками многие памятники китайской культуры и искусства были разрушены или закрыты. Поэтому не только для русских, но и для патриотов-китайцев уцелевший от бомбежек и погромов памятник Пушкину стал местом поклонения и своего рода демонстрацией независимости, символом свободы и непокорности оккупационному режиму. Не было дня, чтобы у памятника не были возложены цветы или "Уголок Пушкина" пустовал. Естественно, это вызывало недовольство японских властей. Вот почему в одну из ноябрьских ночей 1944 г. памятник был тайно снесен японцами, а бронзовый бюст поэта отправлен на переплавку для военных целей. Более полугода спустя японцы покинули Шанхай⁸.

Во время войны против Японии и военных действий в Маньчжурии (август-сентябрь 1945 г.) большая часть эмигрантов проявляла лояльное отношение к советским войскам. В среде эмиграции произошло своего рода разделение

*Современный памятник
А.С. Пушкину в Шанхае*

деньги, но и китайская интеллигенция также внесла свой солидный вклад. Китайские писатели и театральные деятели обращались к общественности с призывом помочь восстановить памятник русскому поэту. Нередко сразу после таких выступлений начинался сбор средств среди публики¹¹.

В феврале 1947 г. исполнялось 110 лет со дня смерти поэта. В китайском отделении ТАСС решили принять участие в мероприятиях, посвященных этой дате. Был организован Комитет по восстановлению памятника А.С.Пушкину, его председателем стал начальник отделения ТАСС в Китае В.Н.Рогов. За 4-5 месяцев было собрано достаточное количество средств, которые переправили в Москву, в комитет по делам эмиграции. В Москве специалисты Государственной Третьяковской галереи, получив деньги, материалы и фотографии первого памятника А.С.Пушкину, разработали под руководством архитектора В.Н.Домогацкого проект. Вскоре медный бюст А.С.Пушкина был отлит. Он был черно-фиолетового цвета, но в нем сразу узнавался пресветлый лик великого поэта. Памятник вызывал светлые надежды у исстрадавшихся за войну людей. В октябре 1947 г. бюст поэта прибыл в Шанхай, некоторое время выставлялся для всеобщего обозрения в редакции газеты "Новая жизнь", а в декабре был установлен на месте старого памятника¹².

На церемонии открытия присутствовали Генеральный консул СССР Халин, председатель советского общества по внешним связям Крюков, руково-

на тех, у кого появилась возможность вернуться на родину, и тех, кто был этого лишен⁹. Эти две группы эмигрантов имели теперь сложные взаимоотношения, но когда речь зашла о восстановлении памятника А.С.Пушкину, разногласий не оказалось. Эмигрантская печать несколько раз поднимала вопрос о восстановлении памятника, однако послевоенная разруха не давала возможности всерьез заняться этим. И до войны-то небогатая русская эмиграция, теперь тем более переживала трудности и с трудом справлялась с хозяйственными проблемами. Наконец, 14 ноября 1946 г. в русской газете "Новая жизнь" появилась большая статья о необходимости сбора средств на строительство нового памятника¹⁰. Это вызвало горячий отклик всех русских людей, начались денежные пожертвования. Не только шанхайские русские (среди них поэты, журналисты художники) жертвовали

дитель советского эмигрантского комитета Хутров, а также представитель китайской общественности, в том числе Сун Цинлин (супруга Сунь Ятсена), мэр Шанхая У Гочэн, Сюй Гуанпин (вдова Лу Синя)¹³. Памятник в основании представлял собой широкий круглый многоступенчатый цоколь с высоким трехгранником с вогнутыми гранями на нем. Сверху на круглом постаменте был установлен бюст поэта. По трем сторонам памятника выгравировано: "Русский поэт Александр Пушкин, к столетию памяти. 10 февраля 1937 г. поставлен, в феврале 1947 г. восстановлен". Эти надписи также были сделаны на 3-х языках: непосредственно под бюстом - на русском, на боковых гранях - на китайском и английском языках. Поэт по-прежнему смотрел на север. Памятник был открыт при большом скоплении народа. Теперь, на этой церемонии, значительную роль уже играли советские официальные лица и представители ТАСС, деятели советской части эмигрантского общества - "возвращенцы". Церемонию открытия вел председатель советского эмигрантского комитета Хутров. Звучала китайская и русская речь. В частности, мэр Шанхая сказал: "Мы считаем, что Пушкин - великий поэт, ведь он писал о вещах, которые находят отклик у каждого образованного человека. И сам Пушкин говорил о том, что призвание поэта - будить в народе любовь к свободе и счастью. Поскольку каждый человек стремится к этому, мы считаем, что Пушкин может и имеет право быть в Шанхае"¹⁴.

Что касается судьбы русской эмиграции, то через 2 года после этих событий почти никого из русских в Шанхае не осталось: одни - "возвращенцы" - уехали на родину (и там по большей части были репрессированы), а другие "под угрозой надвигающихся красных китайских войск покинули Шанхай в самые последние минуты... В 1945-46 гг. несколько сот русских еще оставалось в Шанхае, но тем не менее русскому Шанхаю, культурному центру Дальнего Востока пришел конец"¹⁵. А восстановленный памятник по-прежнему собирал под своей сенью интеллигентную публику, художников, поэтов, влюбленных, а то и просто желающих отдохнуть шанхайцев. Место было тихое, чистое, памятник возвышался над окружающими домами и придавал местности вид спокойный и величественный. Как вспоминали старые шанхайцы, здесь хотелось просто посидеть, помолчать, вспомнить прошлое и по мечтать о будущем.

Однако судьба второго памятника А.С.Пушкину тоже оказалась трагичной. В 1966 г. в Китае началась "культурная революция". Наибольший всплеск экстремизма пришелся на август этого страшного года, когда все объекты иностранной и "буржуазной" культуры подверглись остракизму и разрушению. Тогда же хунвейбины, подстрекаемые неумелой пропагандой, осквернили все памятники русско- и советско-китайской дружбы. Не избежал этой участи и памятник А.С.Пушкину. Он был полностью разрушен, скульптура разбита¹⁶. Правда, до сегодняшних дней по Шанхаю ходит легенда о том, что жители соседних домов в ту же ночь нашли скульптурную голову поэта и хранили ее без малого 20 лет. Пытаясь найти очевидцев тех событий, мы обошли все дома вокруг памятника и выяснили, что в августе 1966 г. он был разбит на мелкие части. Однако один из жителей подобрал и сохранил медный осколок скульптуры как память о поэте и о прекрасных днях своей юности. Сохранились также фотографии его семьи на фоне памятника. Сейчас этого человека уже нет в живых, а его семья переехала в новый район. Но факт этот свидетельствует о трогательной любви и самоотверженности простых людей, не побоявшихся сохранить память о поэте.

Отрадно также то, что именно по инициативе шанхайцев вновь был поднят вопрос о восстановлении памятника А.С.Пушкину. С окончанием страшного десятилетия "культурной революции" сначала робко, затем все более настойчиво общественность Шанхая, его интеллигенция и простые жители стали выступать за реставрацию утраченного городом "Уголка Пушкина". Вняв требованиям горожан, в 1986 г. Народное правительство г.Шанхая приняло решение памятник А.С.Пушкину восстановить, поручив комитету по городской архитектуре разработать проект и смету расходов¹⁷.

Мы встретились с известным китайским скульптором и художником господином Гао Юнлуном. Вот что он нам рассказал: "Когда городской комитет по архитектуре поручил мне возглавить творческий коллектив для работы над памятником А.С.Пушкину, я испытал большую радость и необыкновенный прилив творческих сил. Имя А.С.Пушкина для меня не случайно. Еще со школьных лет я не только изучал творчество Пушкина по программе, но и был знаком со всеми перипетиями судьбы его памятника в Шанхае. Моя семья жила на территории французского сэттльмента, и я знал и любил бывать с друзьями на площади поэта. Хорошо помню, как открывали первый памятник, мне тогда было 10 лет. Можно сказать, обстановка в Шанхае 30-х годов оказала на многих подростков моего поколения большое влияние. Это был центр культуры, здесь часто проводились вечера музыки и поэзии, здесь была художественная школа, консерватория, дворец творчества. Может быть, это помогло мне в дальнейшем выбрать профессию художника и скульптора. Тогда памятник и прилегающая площадь возвышались над низкими особняками в европейском стиле, здесь была особая атмосфера, горожане здесь любили отдыхать.

Помню и второй памятник, я закончил тогда художественную школу и собирался учиться в Художественной академии в Пекине. Второй памятник был очень похожим на первый. Когда его открывали, было приятно увидеть, наконец, возвращенного на прежний пьедестал поэта, как будто повстречался со старым другом. Это было ощущением всех, что присутствовал тогда на церемонии открытия. Поэтому, когда мне поручили работу над скульптурой А.С.Пушкина, я почувствовал одновременно радость и ответственность, понимая всю трудность своей задачи. Мы работали очень быстро - через 9 месяцев скульптурная композиция была готова. Трудность заключалась в том, что у нас не было никаких материалов, кроме собственных впечатлений и маленькой фотографии второго памятника. Если специалисты Третьяковской галереи в Москве в 1947 г. во время реставрации имели проект первого памятника, то мы были лишены такой возможности. В то же время это давало нам полную творческую свободу, мы постарались сохранить в нашем памятнике преемственность традиций и все же разработали собственный проект. Это была авторская работа, ее никак нельзя было назвать слепым копированием. Памятник был отстроен заново, от основания до вершины. Работая над скульптурой А.С.Пушкина, я опирался главным образом на творческие работы советского скульптора М.К.Аникушина других российских художников и скульпторов. И все же хочу подчеркнуть, что это была самостоятельная работа китайского коллектива, в которой мы выразили свое отношение и понимание А.С.Пушкина, если хотите, свое ощущение поэта". Мы задали знаменитому скульптору несколько вопросов.

- Считаете ли Вы, что работа над памятником А.С.Пушкину - это своеобразный "знак судьбы"?

- Именно так, и я горжусь, что этот "знак" коснулся меня. Вообще после "культурной революции" у нас, художников, скульпторов, архитекторов, было много работы. Многое нужно было восстановить. В частности, мы трудились также над восстановлением знаменитого буддийского монастыря "Тинь Ан Сы" в Шанхае, разрушенного хунвейбинами. Мы тогда восстановили все скульптуры, а ведь их более 200. Восстанавливали также другие здания и сооружения, лепнину, барельефы и т.д. - все, что было разрушено. Тогда, в начале 1980-х гг. перед нами стояла задача восстановить "лицо" Шанхая, его культурный облик. И все же для меня работа над скульптурой А.С.Пушкина - особенная. Это первая и единственная работа на иностранную тему.

- Вы можете припомнить какие-то особенные свои ощущения, мысли, действия, связанные с работой над памятником?

- Более всего меня тогда поразило отношение окружающих людей к нашей работе. Это была такая всеобъемлющая забота о А.С.Пушкине и нашем творческом коллективе, что это невозможно забыть. Когда мы начали монтаж архитектурной композиции, множество людей интересовалось, когда же, наконец, памятник Пуш-

кину будет открыт. Приходили жители соседних домов, рассказывали о памятнике, вспоминали, давали советы, как лучше восстановить обстановку прежних памятников. Тогда же, в частности, пришел тот человек, что сохранил осколок медного бюста, показывал фотографии. И руководители города также, чем могли, старались нам помочь. Пришли к нам на помощь и специалисты-переводчики, творческая интеллигенция, китайские "пушкиновееды", которые рассказывали нам о поэте. Это очень помогало. Тогда же мы познакомимся с замечательным человеком, переводчиком пушкинских стихов, профессором литературы Восточнокитайского педуниверситета Юй Чжэнем. Это был умный и интересный собеседник. Он, по счастливому совпадению, жил рядом с "Уголком поэта" и шутя называл себя "соседом Пушкина". Он перевел множество стихотворений, поэм, сказок русского поэта на китайский язык. Знал о поэте очень много. Он был очевидцем нападения на памятник хунвейбинов в 1966 году. Конечно, ни о какой чудом уцелевшей скульптуре говорить нельзя - профессор Юй Чжэнь видел, как, обвязав веревкой, хунвейбины буквально вырвали ее из постамента и проволокли по бульварным мостовым города, разбив на мелкие куски. Сам же постамент был взорван. Мне кажется, что забота о восстановлении памятника Пушкину объясняется еще стремлением шанхайцев "искупить вину" за ужасные годы хаоса и разрушений, желанием восстановить имидж просвещенного города. А может быть, для многих горожан памятник стал светлым воспоминанием о годах их молодости, любви, надежд, ведь это место, повторяю, было местом романтических встреч влюбленных, здесь собиралась просвещенная публика, читались стихи, велись беседы на разные темы, предавались мечтам. В любом случае мы тогда были очень тронуты заботой многих, разных по положению, культурному уровню и достатку людей.

- Значит, памятник там быстро построили по требованию шанхайцев, а не в связи с улучшением советско-китайских отношений и ожидавшимся визитом М.С.Горбачева?

- Тогда, в 1987 г., ни о каком визите Горбачева еще никто не думал. Визит М.С.Горбачева был совершен позже - в 1989 г., когда Дэн Сяопин и советский руководитель встречались в Пекине. Интересно, что супруги Горбачевы тогда прилетали в Шанхай всего на один день и возложили цветы к памятнику. На этой церемонии М.С.Горбачев сказал, что когда составляли программу визита, было решено обязательно приехать сюда.

- Скажите, а почему, в отличие от предыдущих двух памятников, бюст Пушкина сейчас "смотрит" на юг, а не на север, как раньше? Чем продиктовано это решение?

- Двумя соображениями. По китайской традиции окна домов, гостиные должны выходить на юг, навстречу солнцу. Считается, что если в доме много света, много тепла - это приносит благополучие и здоровье членам семьи. Человека, который пользуется всеобщим уважением, всегда сажали лицом к югу, на самое лучшее и почетное место для гостей. Императорские дворцы строили фасадом на юг. Лучшие комнаты и дома китайцев по традиции обращены на южную сторону. Мы постарались соблюсти эту традицию. Кроме того, как скульптор и художник, я знаю, что обращенная к солнцу скульптура лучше смотрится, лучше освещена. Мы уважаем замысел предыдущих авторов, однако, считаем, что наши доводы также целесообразны. Из этих соображений и надпись под бюстом Пушкина высечена на китайском языке, а надпись на русском языке оказалась на боковой грани памятника.

- Современная писательница Чэнь Даньян, посетившая недавно пушкинский уголок, написала о своих ощущениях: памятник стал как будто ниже, нос у скульптуры уже не так остр, как раньше, и даже небо над ним вдруг стало не таким синим¹⁸. Чем вызваны такие впечатления?

- Да, в самом деле, архитектурный облик города за последние 10 лет сильно изменился. Прежние низкие дома снесены, территория вокруг памятника застроена высотными домами, что зрительно сделало его как будто ниже. Более того, высотный дом рядом с "Уголком Пушкина" выкрашен в красный цвет, что также

скрадывает пространство. А на северо-запад от памятника другое здание отделано цветным стеклом и, когда светит солнце, отражение слепит глаза, мешает нам увидеть синеву неба, сам памятник. Теперь с некоторых точек памятник уже невозможно сфотографировать. В этом явлении я с грустью вижу погоню за сиюминутным результатом, а про Пушкина и архитектурную композицию площади забыли. Мы работали по другому принципу - стремились органично вписать памятник в окружающий ландшафт и архитектурный ансамбль. Сейчас превалирует стремление к материальному, а о духовности забывают. Жаль. Я не ретроград, понимаю, что без материального тоже нельзя, но по моему мнению, одновременно нельзя забывать о культуре, о душе, о вечности.

Третий памятник А.С.Пушкину был торжественно открыт в августе 1987 г. Он стоит на пересечении трех шанхайских улиц. Основанием ему служат сходящиеся к центру трехступенчатые мраморные окружности. На них установлен вогнутый трехгранник с бюстом А.С.Пушкина. На гранях надписи на китайском и на русском языках - "Памятник известному русскому поэту господину Пушкину. 1799-1837".

По русской традиции, если какое-то дело удастся с третьего раза, то это обещает самый хороший, самый долговременный результат. У нас есть надежда, что памятник Пушкину простоит еще долго. В третий раз - это уже на века, на столетия. Китайский скульптор Гао Юнлун тоже надеется на это. Он говорит: "Надеюсь, что никакие силы не смогут больше разрушить наш памятник, ведь он стал символом свободы и прогресса. История памятника А.С.Пушкину в Шанхае свидетельствует о том, что эпоха разрушений и невзгод всегда сменяется эпохой просвещения и созидания, что никакие события не смогут вычеркнуть из людской памяти имена выдающихся гениев человечества".

1. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток, 1999. 276 с.; Шанхайская заря. 1935. 22ноября. Там же. 1935. 5апреля. С. 5.
2. Ван Чжичэн. Шанхай Э цяо ши Шанхай. 1993. С. 619.
3. Слово. 1936. 30октября. С. 6; там же; 1936. 9 октября. С. 4; Жиганов В.Д. Русские в Шанхае. 1936. С. 143-146.
4. Ван Чжичэн. Указ. соч. С. 104.
5. Слово. 1937. 13февраля.
6. Dong S. Shanghai. 1842-1949. The Rise and Fall of a Decadent City. N.Y., 2000. P. 251.
7. Ван Чжичэн. Указ. соч. С. 621.
8. Там же. С. 621.
9. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение... (русская эмиграция в Китае в 20-40-е годы). Владивосток, 1998. С. 220.
10. Новая жизнь. 1946. 14ноября.
11. Ван Чжичэн. Указ. соч. С. 621.
12. Там же. С. 622; Шидай цзачжи. 1947. № 230. С. 18; Дагунбао. 1947. 29декабря.
13. Ван Чжичэн. Указ. соч. С. 622. Шидай жибао. 1947. 29декабря. Шэньбао. 1947. 29декабря.
14. Там же.
15. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Указ. соч. С. 220-221.
16. Pushkin Statue, orthodox church and Friendship Mansion. Legacy of White Russians. // Shanghai Star. February 4, 2000. P. 9.
17. Чэнь Даньянь. Шанхай-ды фэн хуа сюэ юэ. Пекин, 1998. С. 94-95.
18. Чэнь Даньянь. Указ. соч. С. 96.

Творчество Чжан Сяньляна в оценке современной критики

© 2000

О. Родионова

Каждый век приносит человечеству свой исторический опыт. XX-й век в этом отношении не стал исключением, на каждую страну пришлось своя доля событий, которая пополнила ее кладовые исторического наследия. Очень бурно новое столетие ворвалось в Китай, нарушив относительное спокойствие, царившее в великой Поднебесной, обнажив все неприглядные стороны империи и поставив ее народ перед необходимостью коренных перемен. Но особенно нещадно колесо истории прошло по Китаю в период с 1958 по 1976 гг., оставив глубокую отметину в душе каждого китайца. Для большинства из них события этих лет стали психологически и физически тяжелым испытанием. Основная тяжесть пришлось на поколение, которое в настоящее время в Китае называют старшим. Именно этим людям историей было определено не только воочию наблюдать за происходящим, но и стать непосредственными участниками той политической лихорадки, которая трясла Китай, не давая ни малейшей передышки его народу. К поколению пострадавших относится и широко известный в Китае писатель Чжан Сяньлян, жизненный путь которого наглядно демонстрирует превратности судьбы, ставшие, увы, нормой в тогдашнем Китае. Но он, как и некоторые другие писатели той поры, нашел в себе силы для того, чтобы горький опыт прошедших лет превратить в источник творчества, из которого он по сей день черпает вдохновение.

Старшее поколение сегодняшнего Китая лучшие годы жизни искренне посвятило общему делу построения идеального общества. Но слепая вера и последующее разочарование в идеалах привели его к острому душевному кризису. Люди столкнулись с печальным фактом тщетности своих усилий и надежд. Этот психологически болезненный процесс у каждого протекал и протекает по-разному. Особенно отчетливо его можно наблюдать, анализируя произведения писателей этого поколения. При попытке оценить творчество Чжан Сяньляна, мы обнаруживаем, что оно неоднозначно и зачастую носит такой же противоречивый характер, как и эпоха, которая воспитала писателя.

Чжан Сяньлян родился в декабре 1936 г. в г.Нанкине. По одному из источников, в 1949 г. после прихода к власти коммунистов его семья разорилась, Чжан Сяньлян не имел возможности поступить в высшее учебное заведение из-за "низкого социального статуса" и потому отправился на Северо-Запад Китая для занятий там сельским хозяйством. Однако другие источники утверждают, что в 1955 г., по окончании пекинской средней школы высшей ступени он по собственному желанию поехал в одну из деревень уезда Хэлань в северо-западной провинции Нинся - там какое-то время работал писарем, а годом позже его в качестве преподавателя направили в школу кадров в г.

Иньчуань. В 1956 г. Мао Цзэдун провозгласил начало движения "пусть расцветают сто цветов...", которое позже было расценено в Китае как прием для "выманивания змей из своих нор". В жестокой кампании "борьбы против правых" (1957 г.) все, кто так или иначе выступал против политики Мао, были объявлены "правыми" и либо посажены в тюрьму, либо подвергнуты остракизму. Чжан Сяньлян не избежал этой участи, как оказалось позже, "по недоразумению". В 21 год он был брошен в тюрьму за то, что писал "неправильные" стихи. В 1957 г. Чжан Сяньлян только-только начинал заявлять о себе как поэт. Но уже в то время журнал "Яньхэ", начиная с января 1957 г., регулярно помещал его стихотворения. В том же году журнал опубликовал письмо Чжан Сяньляна в редакцию ("Яньхэ". 1957. № 8), послужившее причиной обвинения поэта в сумасбродстве, а также его стихотворение "Дафэнгэ" ("Песнь могучего ветра" // Яньхэ. 1957. № 7), за которое его и посадили в тюрьму. Будучи заклеянным в поляризованном тогда китайском обществе, Чжан Сяньлян стал естественной мишенью для последующих кампаний, одна за другой охватывавших страну. По этой причине следующие 20 лет, с 1958 по 1978 гг., Чжан Сяньлян постоянно находился в центре повышенного внимания партийно-государственных органов, в связи с чем успел испытать ужасы тюремной жизни, прошел через различного рода трудовые лагеря, отработал в госхозе. Естественно, что в этот период своей жизни он был обречен на творческое безмолвие.

Чжан Сяньляна реабилитировали в 1979 г. Тогда ему принесли формальные извинения за "несправедливое обращение", и Чжан Сяньлян, все еще находясь в Нинся, активно включается в творческую деятельность. В 1979 г. Чжан Сяньляна назначают редактором журнала "Шофан" ("Север"), издаваемого в Нинся. Уже в 1981 г. выходит его сборник рассказов "Душа и плоть". В 1980 г. он вступает в Союз китайских писателей. В настоящее время он является членом его президиума, а также возглавляет Нинсяхуэйские отделения Союза писателей и Ассоциации деятелей литературы и искусства (с 1984 г.). Кроме того, он был избран членом НПКСК 6-го, 7-го и 8-го созывов.

Чжан Сяньлян создал ряд произведений, в которых описывает непосредственно увиденное и испытанное им самим в лагерях. Среди написанного им китайская критика выделяет следующие произведения: "Душа и плоть", "Старик Син и собака", "Сыновья реки", "Мужской характер", "Женщина - половинка мужчины", "Мимоза", "Привыкая умирать", "Мое дерево Бодхи" (дерево, под которым, согласно легенде, Будда Шакьямуни достиг просветления. - Прим. О.Р.) и др. Три из них получили награды как лучшие произведения, сам писатель удостоен звания "заслуженного деятеля культуры". На какое-то время после июньских событий 1989 г. Чжан Сяньлян наряду со многими другими работниками культуры был занесен в "черный список", но в 90-х годах появляются его новые работы. Чжан Сяньляном была создана Западно-китайская киностудия, которая прославилась как "Нинсяхуэйский Голливуд" и стала туристической достопримечательностью. Десять из его произведений были экранизированы, двадцать семь переведены на иностранные языки и изданы за рубежом, в том числе на русский язык были переведены пять произведений Чжан Сяньляна: "Душа и плоть", "Горький родник", "Любовь за решеткой", "Мимоза", "Женщина - половинка мужчины".

В общем потоке литературы нового периода фигура Чжан Сяньляна является очень заметной, ей уделяется пристальное внимание на страницах критических журналов, его имя часто рассматривается в одном ряду с Ван Мэном и другими крупными мастерами современной прозы. Критики отмечают, что его произведения, начиная примерно с 1980 г., пользовались огромной популярностью. На Тайване он является самым известным континентальным автором после А Чэна. Чжан Сяньлян, по мнению многих, оказывает значительное влияние на литературные круги. В статье Цзэн Чжэннана приводятся

несколько лестных откликов покойной Дин Лин на творчество Чжан Сяньляна. При этом, оценивая зрелость его произведений, отмечается, что "он не принадлежит к тем, кто совершенно безоружный ворвался на литературную сцену, он встал на литературную дорогу, будучи серьезно подготовленным"¹.

В данной работе предполагается познакомить читателя с мнениями ряда китайских и зарубежных критиков и литературоведов о творчестве этого известного в литературных и читательских кругах писателя. С этой целью использованы материалы из журналов "Вэньсюэ пинлунь" (1980-1999 гг.) и "Вэньбао" (1982-1985 гг.), а также статьи англоязычных авторов, что говорит об известности Чжан Сяньляна не только в Китае. За указанные годы в журналах "Вэньсюэ пинлунь" и "Вэньбао" было опубликовано 14 статей, посвященных непосредственно Чжан Сяньляну и его творчеству, и 28 статей, где его произведениям уделено значительное место.

Особого внимания, судя по количеству статей, удостоилась его повесть "Люйхуашу", вышедшая в 1983 г. (в переводе И.Смирнова - "Мимоза" // ИЛ. 1988. № 8), признанная многими как "лучшее произведение революционного реализма"². Произведение вызвало настолько бурную дискуссию, что, например, журнал "Вэньбао" открыл в связи с этим специальную рубрику, где из номера в номер печатались отзывы на эту повесть. В одном из них указывается, что со времени публикации "Мимозы" всего вышло более 30 критических статей, среди газет и журналов, поддерживавших дискуссию, называются, в частности, "Жэньминь жибао", "Гуанмин жибао", "Чжунго цинняньбао", "Вэньсюэбао" и ряд других³.

Что касается другого известного произведения Чжан Сяньляна, то критика часто упоминает его ناشумевшую повесть "Наньжэньдэ и бань ши нюйжэнь", написанную в 1985 г. (в переводе Д.Сапрыки - "Женщина - половинка мужчины". М. 1990); большей части русской читательской аудитории Чжан Сяньлян знаком именно по этой повести. Подтверждением резонанса, который повесть вызвала в литературных кругах, может служить выпущенный в Китае в 1987 г. сборник критических статей "О повести "Женщина - половинка мужчины"", в котором представлены 44 отзыва.

Интересно отметить, что эти повести входят в цикл "Записки материалиста". Он объединяет 9 произведений, главным героем которых является Чжан Юнлин. Согласно своему плану, Чжан Сяньлян намеревался писать по одному произведению для данного цикла каждые два года⁴. В предисловии Чжан Сяньляна к "Мимозе" говорится, что цикл будет включать 5 повестей, в которых жизнь главного героя протекает до 1979 г. и 4 - описывать его жизнь после 1979 г.⁵

По мнению многих критиков, в произведениях Чжан Сяньляна есть множество деталей, которые связывают героя и его создателя в одно целое, из-за чего эти повести считают автобиографическими, к тому же этот эффект усиливается повествованием от первого лица. Автор одной из статей Шао Яньсян пишет: "О судьбе Чжан Сяньляна я знаю лишь то, что жизнь его была сломана из-за стихотворения "Песнь могучего ветра" в 1957 году, но о его дальнейшей судьбе можно узнать из его же произведений"⁶. Действительно, слишком много фактов из жизни, даже хронологически, совпадают. Интересные выводы с привлечением психоанализа делает Юй Липин. Он полагает, что жизненный путь героев Чжан Сяньляна, и в особенности Чжан Юнлина, есть "проекция с жизни автора". А цикл "Записки материалиста" - это по сути и есть его биография. Так, известно, что в произведении "Чувзнь" ("Первый поцелуй") Чжан Юнлин предстает перед читателем как сын главы семейства в благополучной семье Чжанов. В "Мимозе" ему 21 год, он направлен в деревню на Северо-западе как "правый", в "Женщине - половинке мужчины" ему 31 год, и читатель находит его в исправительном лагере. Как отмечает Юй Липин, жизненный путь героя очень схож с судьбой автора⁷. Да и сам автор по-

могает развеять сомнения касательно автобиографичности цикла в предисловии к английскому изданию "Мимозы"⁸. Другим подтверждением того, что автор находится во власти воспоминаний, лично им пережитого, является его роман "Сигуань сыван" ("Привыкая умирать"). Хронологический ряд событий в жизни главного героя, вынесенный переводчиком английского издания в отдельную таблицу, предшествующую тексту, наглядно показывает читателю, знакомому с биографией Чжан Сяньляна, все очевидные совпадения в биографии главного героя и автора.

Что касается литературного направления, то китайские и российские критики причисляют Чжан Сяньляна к течению, которое известно как "литература ран и шрамов", позже трансформировавшемся в "литературу дум о прошедшем". Совершенно естественно, что, работая в этом русле, писатель создает произведения, имеющие горьковатый привкус жизни. Суровая реальность рождает суровый реализм. Чжан Сяньлян побывал на самом дне жизни и этим все сказано. Как отмечает западный критик Катрин Шепхерд, Чжан Сяньлян описывает тюремную жизнь безжалостно, ничего не скрывая, так, что "читатель может почувствовать зловонный запах матрасов и зуд от колоний вшей"⁹. Находясь в лагере перевоспитания, Чжан Сяньлян вел дневник, записи которого, по утверждению писателя, очень хорошо отражают обстановку в Китае в начале 60-х, то, как "365 дней переживались в труде, изнеможении, голоде, воровстве, драках, наказаниях и проработочных собраниях". Катрин Шепхерд пишет: "Чжан Сяньлян не ест мяса и даже не переносит вида домашней птицы. Память о том, как вместо дынь [на полях] он находил раздутые туши мертвых животных, сделала его вегетарианцем. Но в то время, чтобы не умереть, он вынужден был есть и такое"¹⁰.

Как отмечает Цзэн Чжэньнань, "Чжан Сяньлян не уклоняется от описания горестей своей эпохи, но его нельзя назвать певцом одних лишь скорбей, он всегда был несколько отличен от писателей течения "литературы ран и шрамов", он явно отвлекает читателя от данной темы"¹¹. Следует отметить, что со временем оттенок трагедийности в творчестве Чжан Сяньляна становится менее явным и иногда даже совсем исчезает. Тем не менее, стиль его произведений позволяет читателю прочувствовать весь груз забот, которые тяжелым камнем лежат у него на сердце. Его душевные муки чувствуются в строках письма, написанного в марте 1982 г. писателю Мэн Вэйцзаю: "Жизнь для меня уже не является ударом, она превратилась в пилу со стальными зубьями, которая постоянно пилит меня"¹².

Цзэн Чжэньнань все творчество Чжан Сяньляна делит на два периода: первый является как бы исповедью того, что ему пришлось пережить за долгие годы, второй период знаменует смену идейного направления и соответственно новый этап творчества¹³. Чжан Сяньлян живо откликается на изменения в жизни, иногда темы новых произведений уводят нас в прошлое, но основное внимание уделяется отображению реальности, трудностям, связанным с политическими и экономическими реформами. В предисловии к своему сборнику Чжан Сяньлян отмечает, что в рассказах он старается никогда не придерживаться одного стиля, ему очень близок экспериментаторский дух. Автор считает, что обладает необходимой проницательностью и новаторским чувством и перечисляет свои достижения: "В Китае (на континенте) я первый написал эротическое произведение ("Женщина - половинка мужчины". 1985), произведение о городских реформах ("Мужской характер". 1983 г.), произведение о первой школьной любви ("Доброе утро, друзья". 1986 г.), произведение об упадничестве интеллигенции ("Привыкая умирать". 1989 г.)". В связи с последним, Чжан Сяньлян как бы снимает претензии романа Цзя Пинва "Потерянная столица" на первенство в данной теме, отмечая, что тот был написан на 5 лет позже¹⁴. Говоря о новаторстве, можно отметить, что роман "Привыкая умирать" также получил высокую оценку создателя. В предисло-

вии к английскому изданию отмечается, что книга "написана в новой форме поэтической прозы и знаменует новую эру в написании романов в Китае"¹⁵.

По одной из существующих классификаций школ и направлений китайской литературы нового периода некоторые произведения Чжан Сяньляна связывают со школой "культурных корней". Важнейшими чертами такого рода произведений является отображение местного колорита, наличие в них описаний специфической региональной жизни. Большую часть таких произведений в литературе "корней", по мнению Мяо Цзюньцзе, составляет так называемая "литература о Западе". Речь идет о писателях, которые пишут о западном Китае. В связи с освоением северо-западных регионов Китая, многие из современных писателей имели личный опыт знакомства с их жителями¹⁶.

У Чжан Сяньляна мы находим, по крайней мере, четыре произведения, которые критики относят к данной категории. Таковыми являются "Душа и плоть", "Мимоза", "Горький источник", "Старик Син и собака". Два последних рассказа входят в антологию, выпущенную в Нью-Йорке в 1988 г. под названием "Китайский вестерн: рассказы из современного Китая". Но если говорить о том, что задачей "культурных корней", будь то литература о западном Китае либо других регионов, является все-таки описание местного колорита, обычаев, традиционных ценностей, то у Чжан Сяньляна такого рода акцент отсутствует. Основная причина того, что он пишет о Западе - это, по моему мнению, то, что именно там находились трудовые лагеря, в которых он отбывал свой срок. Таким образом, Запад Китая для Чжан Сяньляна скорее - фон, чем тема его произведений. Более правильным было бы считать Чжан Сяньляна летописцем лагерной жизни, подобно А.Солженицыну или В.Шаламову, тем более, что ряд заголовков статей о нем говорит о близости ему этой темы.

Имя Чжан Сяньляна связывают также с таким новым направлением в литературе как "безыскусственный реализм" ("пусу сяньши чжуи"). Как отмечает А.Н.Желуховцев, "писатели данного направления находятся под обаянием экзистенциальной философии и сосредоточились на изображении "примитивного бытия". Их тема - повседневный приземленный быт простых людей с демонстративно полным отказом от романтизации"¹⁷. Тем не менее, Чжан Сяньляну удалось достичь явных успехов, освещая тему жизненных потребностей человека. Показательным в этом отношении китайские критики считают его повесть "Женщина - половинка мужчины", в которой затрагивается вопрос близости природы человека и животных, идет речь об обаянии в условиях хаоса примитивных животных инстинктов и плотских желаний. Как отмечают известные литературоведы Чжан Цзюн и Чжу Чжай, Чжан Сяньлян, используя неприкрашенные описания повседневного быта, глубоко раскрывает человеческую природу.

Продолжая разговор о направлении, в котором работает писатель, следует учесть тот факт, что современная китайская литература, находясь в непрерывном, динамичном развитии, рождает новые направления и течения, при этом часто трудно провести между ними четкие границы. Так в 1986-1987 гг. литературные критики отметили бум эротической литературы. В этом жанре создавали свои произведения Лю Синью (рассказ "Место любви"), "Чжан Цзе ("С любимыми не расставайтесь"), Мо Инфэн ("Женщина и двое мужчин") и многие другие.

Чжан Сяньлян первый коснулся ранее запрещенной темы. А его повесть "Женщина - половинка мужчины", как отмечают Чжан Цзюн и Чжу Чжай, было первым из современных произведений, в котором автор, поднимая эротическую тему, углубился в китайскую историю. Вплоть до недавнего времени в Китае утверждалось, что у человека должна быть только душа, все, что связано с плотью - уродливо и низменно. А у Чжан Сяньляна мы наблюдаем переосмысление ценности интимной жизни. Критики замечают интересную деталь: сам Чжан Сяньлян еще раньше в своей повести "Душа и плоть" под-

черкивал преимущество души над плотью. В повести же "Женщина - половинка мужчины" Чжан Сяньлян говорит о том влиянии, которое имели на жизнь людей традиционные китайские моральные догмы и запреты.¹⁸

Отголоски неприязненного отношения к эротической теме проявляются в той осторожности, с которой некоторые китайские критики обсуждают данную проблему в наши дни. Так, в статье Чэнь Боцзюня особый упор делается на умении отличать эротическую литературу от порнографической. Повесть "Женщина - половинка мужчины" вызвала различные оценки в литературных кругах. Что касается восприятия повести читателями, то критик отмечает необходимость повышать уровень их эстетического воспитания. Он указывает на то, что многие из них, не будучи нравственно подготовленными и читая обрывки эротических сцен, не способны понять трагизма, который несет в себе сюжет.¹⁹

Многие критики рассматривают Чжан Сяньляна как писателя, без сомнения, обладающего чувством социальной ответственности, склонностью к политико-экономическим исследованиям. Цзэн Чжэньнань пишет, что, хотя Чжан Сяньлян долгое время подвергался репрессиям в отдаленной Нинся и был исключен из гражданской жизни, он старался быть в курсе экономических и политических событий, всегда поддерживал общественные реформы, доказательством чего могут быть его произведения. "Более двадцати лет из него выжимали жизненные соки, и в этих неимоверных условиях он прочитал большее количество работ теоретиков марксизма"²⁰. По словам самого Чжан Сяньляна, многолетние трудности превратили его из простого интеллигента в настоящего марксиста. Чжан Сяньлян пишет, что "Капитал" Маркса стал для него "источником света для понимания многих вещей"²¹. Время от времени в его произведениях у главного героя Чжан Юнлина появляется в руках толстый том "Капитала", который он читает в убогой хибарке, освещенной тусклым светом керосиновой лампы. Сам Чжан Сяньлян написал большое количество очерков на тему, связанную с развитием экономики в Китае, часть из них, по его словам, была уничтожена во время различных кампаний, часть сохранилась в его уголовном деле.²² Пожалуй, наиболее существенной работой этой области является его публицистическая книга "Немного о Китае", идея написания которой вынашивалась, по словам автора, не один день.²³

Главных героев Чжан Сяньляна, равно как и самого автора, часто привлекают вопросы, связанные с экономическими реформами в Китае. Писатель при этом пытается выразить свои идеи, что, как отмечает китайская критика, сказывается не всегда положительно на его произведениях. Например, в повести "Лун Чжун", как считает Се Юнван, экономические размышления превалируют над образами, и поэтому с литературной точки зрения это произведение нельзя назвать удачным. В то же время он, будучи приверженцем реформ, дает интересный анализ изменений в деревенской жизни (напомним, что будучи осужденным, Чжан Сяньлян работал в трудовых бригадах при госхозах) и перо его, как отмечает тот же критик, рождает произведения яркие и глубокие.²⁴ Такой является повесть "Сыновья реки".

В повести "Женщина - половинка мужчины" мы также сталкиваемся с переплетением политики и лирики. По словам Марты Эвери, переводчика повести "Женщина - половинка мужчины" на английский язык, "китайский читатель считает данное произведение очень сильным, оно затронуло глубинные процессы современного Китая"²⁵. Вот что думает сам Чжан Сяньлян о социальном характере своих произведений. В предисловии к сборнику он пишет: "С тех пор как я получил право на издание текстов, писательство никогда не было для меня самоцелью, профессией, средством зарабатывания на жизнь. Писать для меня - значит участвовать в общественной жизни. Для меня главное - поступок, а не произведение. В 1919 г. (на самом деле, в 1918 г. - Прим. О.Р.) Лу Синь провозгласил: "Спасайте детей", - прошло более чем полвека, и этот призыв становится все более актуальным, можно увидеть, что сама по себе литература слаба в своих функциях. Десят-

ки томов произведений великого мастера лишь слегка заделали нацию ... в них не было пользы для нации. Если бы Лу Синь увидел сейчас кино о русско-японской войне, когда китайцам сносили головы, то он бы уже не думал, что литература способна спасти нацию, скорее пригодился бы доктор..."²⁶.

Чжан Сяньлян не испытывает, как другие писатели, возмущения по поводу исчезновения "чистой литературы", отмечая, что с самого начала главным считал заботу о современном обществе, а не "чистую литературу", из-за чего ему однажды и пришлось оказаться в забытом всеми уголке на северо-западе Китая. Он говорит, что выбрал форму "политических рассказов", которые не производят на людей впечатления литературных произведений, хотя "политическая правда дотрагивается до литературных корней, что привлекает к произведениям большую читательскую аудиторию"²⁷, Чжан Сяньлян в письме к Мэн Вэйцаю открыто признает, что "топчется за пределами того, что называется искусством", поскольку 22 года изоляции, естественно, ограничили его во всем, что касалось данной сферы и это явно дает о себе знать. Тем не менее, воодушевляемый народом, теми надеждами, которые возлагаются на него старшим поколением, он осознает, что нельзя стоять на месте в своем творчестве²⁸.

В мае 1985 года Чжан Сяньлян выступил в США на конференции, посвященной вопросам современной литературы, с докладом "Художественные поиски китайских писателей сегодня", в котором дал реальную и глубокую оценку положению современной литературы в Китае, указав на ее конкретные недостатки и достоинства²⁹. Выступление привлекло к себе внимание, получив одобрительные оценки как китайских, так и зарубежных критиков, подтверждением чего могут служить приводимые ими в статьях большие цитаты из данного доклада, перепечатки его зарубежными изданиями. Таким образом, можно говорить о некотором влиянии, которое оказывает Чжан Сяньлян на развитие литературной критики.

Создавая свои произведения, Чжан Сяньлян очень тщательно вырисовывает образы персонажей, всегда стремясь показать их эстетическую красоту. Особенно это касается женских образов. В их изображении - наблюдения писателя за всеми женщинами, с которыми он сталкивался в жизни. Вообще, о его особом отношении к женщине можно судить хотя бы по названию той же повести "Женщина - половинка мужчины". Уже в нем заложено несогласие с тем отношением к женщине, которое ранее было в традиционном Китае, когда она рассматривалась лишь как орудие для продолжения рода. Ни о каком равноправии, более того, сравнении с мужчиной, не могло быть и речи. Таким образом, в произведении Чжан Сяньляна китайский читатель находит новый подход к образу женщины.

Критики считают Чжан Сяньляна мастером создания женских образов. Так Цзэн Чжэньнань пишет о том, что "Чжан Сяньлян подарил Китаю галерею портретов женщин, которые достойны такого же восхищения, как и образы женщин в русской литературе XIX века"³⁰. Се Юнван отмечает то, что "у Чжан Сяньляна, похоже, нет женщин, к которым можно питать отвращение; когда он пишет о них, то в душе невольно рождается чувство нежности". Сам Чжан Сяньлян говорит, что все его женщины-труженицы - это "прекрасные феи его снов", которые приходили к нему в горькие минуты жизни. У каждой из этих фей были свои несчастья, но от них, по словам Се Юнвана, веет нежным, теплым весенним ветерком³¹. Женские образы Чжан Сяньляна, несомненно, вызывают симпатию у читателя, а сам автор в большинстве произведений, словно желая как-то облегчить нелегкую участь своих героинь, подводит их судьбы к счастливой развязке.

Интересные психоаналитические выводы делает Юй Липин. Он отмечает, что "у всех женских образов Чжан Сяньляна есть нечто общее - это исходящий от них материнский свет. Все они по-матерински любят героев Чжан Сяньляна, а их, в свою очередь, привлекает любовь, забота, благодушие и понимание женщин". Юй Липин также замечает, что почти все героини писателя являются либо женами, либо вдовами. У всех, кроме героини повести "Женщина - половинка мужчины", уже есть дети, но интересно то, что основным объектом их любви является не

собственный ребенок, а главный герой, в чем автор статьи усматривает связь с личными переживаниями Чжан Сяньляна. При этом он проводит параллель с его отношением к матери, к которой, судя по поведению главного героя, сам Чжан Сяньлян испытывает любовь и сострадание³².

Критик Ван Нин, вводя в сферу психоанализа произведение "Женщина - половинка мужчины", считает его примером проявления фрейдистской теории либидо. Он также отмечает, что автор следует некоторым фрейдистским шаблонам в данной области: "подавление и вытеснение", "сублимация" и др.³³. Сам Чжан Сяньлян признает правоту некоторых из критиков, трактующих поведение его персонажей с точки зрения психоанализа. Так, в книге "Немного о Китае" он соглашается с мнением тех, кто наблюдает у его главного героя "привязанность к матери", но поясняет, что это не "эдипов комплекс", это та любовь к матери, которая перерастает в любовь к стране, то есть к Китаю³⁴. Данная книга, как и все без исключения произведения Чжан Сяньляна, являются примером патриотизма и искренней любви к Китаю и своему народу. Одним из первых показательных в этом отношении произведений китайская критика считает его повесть "Сыновья реки", которую по сути можно считать гимном китайской нации³⁵.

При этом Чжан Сяньлян не испытывает обиды на свою судьбу, и некоторые его произведения способны даже озадачить критиков. Вот какой отзыв получило у Катрин Шепхерд произведение "Мое дерево Бодхи": "Будда достиг просветления, медитируя под деревом Бодхи, но трудно понять, как может Чжан Сяньлян сравнивать две декады своего заключения с прекрасным уединением под тенистым деревом... Данное произведение - это своеобразное напоминание о том, как упруг и стоек человеческий дух"³⁶. Критик Шао Яньсян пишет: "Чжан Сяньлян больше приобрел, чем потерял, он победил жизнь, создал ее заново, что намного тяжелее, чем просто уйти из нее"³⁷. Сам писатель отзывается о трудных временах так: "Это был тот случай, когда катастрофа имела и некоторые положительные моменты. После сильнейшего прессинга... душа писателя стала неисчерпаемым источником переживаний, что способствовало написанию произведений"³⁸. Говоря о своей судьбе, писатель вспоминает слова Ромена Роллана о том, что "характер определяет судьбу" и тут же замечает, что "...судьба может определить характер. У меня такая судьба, по этому такой характер. Ухабистая дорога жизни - тоже богатство, взлеты и падения дали мне возможность для соприкосновения с разными людьми, поэтому в моих произведениях нет шаблонности и однообразия"³⁹.

Как указывает М.Эвери, аудитория Чжан Сяньляна в Китае включает большое число молодежи. Для них он человек, который не только испытал все то, о чем пишет, но и один из немногих представителей старшего поколения, не сломавшихся под ударами жизни⁴⁰.

Долгое время, проведенное в неволе, породило одиночество и скорбь, но не привело Чжан Сяньляна к отшельничеству, напротив, он всегда тянулся к народу, новой эпохе, при этом стремился, чтобы его произведения отображали дух общества.

Основываясь на критическом материале, освещающем творческий путь Чжан Сяньляна, можно сделать следующие выводы. Во-первых, содержание создаваемых Чжан Сяньляном произведений находится в непосредственной связи с его личным опытом, с его внутренним миром. Во-вторых, все его творчество пронизано духом времени, в котором живет автор и, как следствие, имеет тенденцию изменяться в соответствии с его запросами, что во многом приводит к расширению тематики произведений. В-третьих, при создании своих произведений писатель ведет постоянный эстетический поиск, добываясь их высокого художественного уровня.

1. Цзэн Чжэньнань. Глубокое и широкое отображение облика эпохи (о Чжан Сяньляне)// Вэньсюэ пинлунь. 1984. № 1. С. 48.
2. Различные взгляды на произведение "Мимоза"// Вэньбао. 1984. № 10. С. 33.
3. Там же.
4. Zhang Xianliang. *Mimosa* (Preface to the English Edition of *Mimosa*)// *Chinese Literature*. 1985. Spring. P. 80.
5. Лань Лин. Превзойти себя, превзойти историю (образы героев в "Мимозе")// Вэньбао. 1984. № 10. С. 28.
6. Шао Яньсян. Случайно уцелевший, а не цепляющийся за жизнь// Вэньбао. 1984. № 5. С. 24.
7. Юй Липин. Читая прозу Чжан Сяньляна.// Вэньсюэ пинлунь. 1988. № 1. С. 170.
8. Zhang Xianliang. Указ. соч. С. 78.
9. Shepherd C. *Never a Day of Sunshine. A Dark Account of Prison Life in Mao's China*// www.pathfinder.com/asiaweek, 1996. С. 1.
10. Там же.
11. Цзэн Чжэньнань. Указ. соч. С. 51.
12. Чжан Сяньлян. Письмо Чжан Сяньляна Мэн Вэйцаю.// Жэньминь вэньсюэ. 1982. № 6. С. 98.
13. Цзэн Чжэньнань. Указ. соч. С. 49.
14. Чжан Сяньлян. Сюаньци цзыской (Предисловие к сборнику). www.sinc.sunysd.edu/stu/yihe/novels/zhangxianliang.html, - 1994. С. 2.
15. Zhang Xianliang. *Getting Used to Dying*. London: Collins, 1991. С. 3.
16. Miao Junjie. *A Preliminary Study of Literary Schools in the New Era*.// *Chinese Literature*. 1988. Autumn. P. 184.
17. Желоховцев А.Н. Новые тенденции в китайской литературе. - Литература и искусство КНР начала 90-х годов. М., 1995. С. 32.
18. Чжан Цзюн, Чжу Чжай. Новые течения в современной литературе. Пекин, 1997. С. 182-188.
19. Чэнь Боцзюнь. Размышления о появлении эротической литературы в новый период// Вэньсюэ пинлунь. 1990, № 3. С. 31.
20. Цзэн Чжэньнань. Указ. соч. С. 48.
21. Чжан Сяньлян. Указ. соч. С. 99.
22. Там же.
23. Чжан Сяньлян. Немного о Китае. Пекин, 1997. С. 3.
24. Се Юнван. От "Лунчжуна" до "Сыновей реки"// Вэньбао. 1983, № 6. С. 12.
25. Avery M. *Translator's introduction* // "Half of Man is Woman". N.Y.: W.W.Norton, 1988. С. 2.
26. Чжан Сяньлян. Указ. соч. С. 1-2.
27. Там же.
28. Там же. С. 101.
29. Zhang Xianliang. *The Artistic Quest of China's Authors Today*. - *Chinese Literature*. 1986, Spring. P. 152-156.
30. Цзэн Чжэньнань. Указ. соч. С. 56.
31. Се Юнван. Указ. соч. С. 14.
32. Юй Липин. Указ. соч. С. 170.
33. Ван Нин. Отражение фрейдизма в современной китайской литературе// Жэньминь вэньсюэ. 1989. № 2. С. 106-108.
34. Чжан Сяньлян. Указ. соч. С. 3.
35. Се Юнван. Указ. соч. С. 14.
36. Shepherd C. Указ. соч. С. 1.
37. Шао Яньсян. Указ. соч. С. 25.
38. Zhang Xianliang. Указ. соч. С. 153.
39. Чжан Сяньлян. Указ. соч. С. 1.
40. Avery M. Указ. соч. С. 2.

Кинорежиссер Чжан Имоу: становление мастера (к 50-летию со дня рождения)

© 2000

С. Торопцев

Китайский кинорежиссер Чжан Имоу, «дьявольский талант», возглавивший в КНР «Список 10 крупнейших деятелей культуры 90-х годов», неоднократный призер Каннского, Венецианского, Берлинского и многих других фестивалей, номинант самой престижной в мире премии «Оскар», подошел к такому рубежу, когда его творческий путь целесообразно рассматривать в единстве с жизненным, чтобы биографические моменты помогли осветить и прояснить художественные мотивы творчества.

Процесс этот сложный и опасный. Психологическая аура творчества такова, что по-настоящему, искренне, всей душой погруженный в нее человек отстраняется от бытовых мелочей, занимающих столь большое место в обыденном существовании. Условно говоря, съемочная площадка и кухня - не две грани бытия одной личности, а сферы реализации разных личностей. Между ними есть несомненная связь, но она столь глубинна, что констатировать ее лишь по внешнему поведению, поступку - поверхностно и неточно.

Поэтому к мемуарным свидетельствам следует относиться с большой долей настороженности и скепсиса, просеивая приводимые факты через строгое сито аналитического восприятия именно художественной личности, выражающей себя в созданных произведениях. Тем более что механизм воспоминаний несовершенен (нередко дает сбои - разного рода недостоверности) и субъективен (факт окрашивается оценкой, вольно или невольно его преобразующей).

И тем не менее полезно осторожно выстроить две линии - жизни и творчества, надеясь, что они где-то пересекутся, и этот контрапункт окажется весьма информативным. Для этой статьи основной биографический материал взят из мемуарной книги «Минувших дел повествование», написанной Сюа Хуа, первой женой Чжан Имоу,¹ и обширной статьи «Человек из царства Цинь» режиссера Чэнь Кайгэ, соученика и соратника Чжан Имоу², а также собран по крупицам из многочисленных интервью прославленного кинематографиста.

Поколение Чжан Имоу принадлежит двум эпохам - тоталитарной и ограниченно-рыночной, смежным во времени, но столь разным по социальным векторам, что стыковка их, произведенная Историей, с неизбежностью должна была вызвать тектонические взрывы в сознании если не всех, то наиболее чутких представителей этого поколения. Путь Чжан Имоу наполнен поисками, метаниями, неуверенностью, в той или иной мере сублимированными в его кинематографических произведениях.

Его предки перебрались в город Сиань, центр провинции Шэньси, из уезда Линьтун, где вблизи освященной веками древней столицы Чанъань много позже было открыто величественное захоронение первого китайского императора Цинь Шихуана в окружении шести тысяч терракотовых воинов.

Чэнь Кайгэ шутя говорил Чжан Имоу, что тот похож на сурового воина Цинь Шихуана, и если он будет снимать какой-нибудь абсурдистский костюмный фильм, то выведет такую армию на древний тракт и на крупном плане даст лицо Чжан Имоу как истинного потомка жителей империи Цинь. Родовые корни, полагает Чэнь Кайгэ, и определили такую характеристическую черту Чжан Имоу, как осознание своей сопричастности историческому величию родины, а также, добавлю я, особо болезненное переживание, психологическую невозможность утраты этой сопричастности. Чжан Имоу не видит себя вне Китая и китайских проблем, решительно отвергает работу за рубежом, достаточно презрительно отзывается об иностранцах, которым не дано понять Китай даже после овладения языком, и это не поза, а его глубинная сущность; английский язык у него, по его собственному признанию, один из самых худших среди режиссеров пятого поколения. «Почему Китаю не иметь своего места в мире, китайцы же не дрянь какая-то, - раздраженно заметил он как-то. - Почему непременно надо учить ваш английский, а не наш китайский? Китайцам не следует принижать себя»³

Сам будущий кинооператор, актер, режиссер родился, по авторитетному свидетельству журнала «Дандай дяньин» (Дандай дяньин. 2000, №1), в городе Сиань 14 ноября 1950 г. Правда, не менее авторитетный Шанхайский кинословарь, изданный в 1995 г., на стр.1317 указывает 1951 год, с чем согласен режиссер Чэнь Кайгэ, который учился вместе с Чжан Имоу, да и сам журнал «Дандай дяньин» несколько лет назад указывал тоже 1951 г. Расхождения, вероятно, обусловлены несовпадением европейского солнечного и китайского лунного календарей, а также «осколками» национальной традиции начинать возраст ребенка не с момента его появления на свет, а со времени зачатия, но скорее всего тем, что возраст мешал Чжан Имоу поступить в институт, где существовал возрастной ценз, и он хотя бы на год скостил его. Однако сам Чжан Имоу назвал 1998 г. своим «годом судьбы», значит, ему тогда исполнилось 48 лет, то есть он родился в 1950 г.

Разночтение это в итоге оказывается несущественным для определения характера ребенка, в основу которого явно легли дисгармонические противоречия. Он был рожден в элитной семье. Отец к 1949 г., когда ему стукнуло 26, стал уже майором; дядя окончил военную школу Ванпу (где училось высшее руководство как Гоминьдана, так и КПК), получил руководящий пост в генеральном штабе и вместе с Чан Кайши в 1948 г. покинул материк. Второй дядя - тоже выпускник Ванпу, но менее удачливый: не принятый гоминьдановской элитой, он решил переметнуться к их политическим противникам, а обставил это легкомысленными шуточками типа «старине Чану мы не нужны, пойду-ка я к старине Мао», что в КНР отнюдь не способствовало формированию его благонадежного образа.

Семья надеялась, что первенец еще выше поднимется к вершинам чиновной или армейской карьеры, о чем свидетельствует имя, данное ему дедом: «Имоу» означает «завет, передаваемый потомкам» (впоследствии, ближе к концу 70-х, Чжан Имоу сменил иероглиф «и» своего имени на созвучный, но с иной жизненной установкой - «искусство», и обновленное имя «Имоу» теперь стало означать «художественные замыслы»).

Однако резкая перемена социально-политических критериев, случившаяся в 1949 г., перечеркнула эти надежды. Семья попала в категорию неблагонадежных, тем более что и мать была врачом, то есть принадлежала к интеллигентской прослойке, которой, по утвердившимся установкам, надлежало перевоспитываться. Последовавшие за провозглашением КНР репрессии отучили отца улыбаться, и он, педантично, по 2 часа ежедневно, занимаясь домашним воспитанием трех своих сыновей (не доверяя полностью этот важный процесс государственной школе),

никогда не хвалил их, не поощрял, видимо, выдвигая на первое место возвращение чувства долга. Когда в 1985 г. Чжан Имоу за «Желтую землю» получил на всекитайском конкурсе «Золотой петух» приз «лучшего оператора», отец написал ему: «Твой приз и реклама в прессе по этому поводу - дело хорошее и в то же время плохое. Другим призерам такой рекламы не сделали. Мы с твоей мамой считаем, что три тысячи юаней приза - это слишком много, ты должен от них отказаться, и трехкомнатной квартиры тоже не принимать, что ты с ней будешь делать в Гуанси, ты же там живешь один. Ну, разве что двойной оклад можешь принять, это тебе вознаграждение за труды».

«Социально-политическая ущербность» Чжан Имоу входила в резкое, драматическое, почти трагическое противоречие с общей атмосферой в стране, до краев переполненной экзальтированным ожиданием перемен. Менялись критерии, нормативы, и жизнь, по крайней мере того слоя, к которому по рождению принадлежал Чжан Имоу, утратила стабильность и перспективы. «Ты должен особенно хорошо учиться, сынок, потому что ты не такой, как все», - напутствовала его мать, отправляя в школу №30 города Сиань, не элитное, а самое заурядное учебное заведение (надо заметить, что 1957-58 г.г. - время резких политических противоречий, «кампаний идеологического перевоспитания», безжалостной «борьбы с правыми», расслоившей общество, авантюристического «большого скачка», подорвавшего экономику). Там он и познакомился со своей будущей женой Сяо Хуа.

Именно ей он доверил «боль в сердце, которую невозможно выразить кистью». Эта боль лишала его жизнь гармонии, усиливала ранимость, тяжкое ощущение социальной неполноценности, отверженности, страх одиночества. «Из-за всего этого, - признавался он Сяо Хуа, - я так надеюсь на твое понимание и дружбу!» Чэнь Кайгэ рассказывает, сколь нехотя Чжан Имоу поведал друзьям, что носил клеймо «связи с Тайванем» и «двадцать с лишним лет невнятная бумажонка из личного дела травила его».

Сяо Хуа в своих мемуарах живописует одну интимную сценку, которая как раз и кажется камертоном социально-политической атмосферы в стране и открывает нам, сколь тяжел был черный камень, лежавший на душе Чжан Имоу.

Они решили пожениться и уединились в хижине для судьбоносного разговора. Дверь была заперта, свет погашен, девушка нежно проводила ладонью по его лицу, мягкая атмосфера расслабляла, но они не находили слов, чтобы нарушить молчание. И вдруг, обняв ее, он тяжело засопел и с натугой произнес сиплым голосом: «Есть одна вещь, которую я должен был рассказать тебе, но не решался. Последние дни все думаю об этом... У меня плохое происхождение, не просто плохое, а серьезное, я исторический контрреволюционер! Если ты сама не врубаешься, твои родители тебе объяснят, они не примут меня... Ни один родитель не примет. Я сын контрреволюционера, и счастье, любовь - это не для меня...» И он, вспоминая Сяо Хуа, зарыдал.

Даже если сам Чжан Имоу скажет мне, что такой сцены не было, что она выдумана, я приму его возражение лишь частично. Ибо все это читается в его творчестве.

Глубокие душевные травмы, особенно у чутких, легко ранимых натур, сублимируются в художественном творчестве, но с трудом преодолеваются лично, нередко деспотически подчиняют себе человека, искажая его жизненный путь далеко не всегда в объективно желаемом направлении. Даже в 1999 году на кинофестивале в Венеции Чжан Имоу выглядел, как «суровый человек с четко очерченным лицом, запечатлевшим переживания», хотя на публике «одевал на лицо восточную улыбку»⁴.

Отец невесты прореагировал так: «Мы с матерью решили не давить, но у какого же родителя не болит сердце за дочь? В культурную революцию плохое происхождение доводит до гибели, и столько людей это уже погубило!»

Закончить Чжан Имоу удалось лишь неполную среднюю школу (предположительно в 1965 г.), и в 1968 г. его, если дословно перевести устойчи-

вое выражение того резкого и сумбурного времени, «воткнули в бригаду» в деревне уезда Ганьсюань в двадцати ли от Сиани, чтобы «промыть мозги» крестьянским трудом. Меньшие братья остались без присмотра (родителей еще раньше разбросали по разным точкам «перевоспитания»), и один из них тяжело и безнадежно заболел. А Чжан Имоу, как живописует Чэнь Кайгэ, «стал выглядеть, как тудяга-крестьянин. Ощутил вкус нищеты. Пахота весной, жатва осенью, прорыв дамбы как раз в минуты отдыха, череда непрерывных дней на этой вековой пашне, и десятки человек ютятся в одной конуре».

Тем не менее, в своей последующей жизни он не раз возвращался в эти края - реально или виртуально. Летом 1982 г., сдав выпускные экзамены в Пекинском институте кинематографии, он вместе с женой навестил места «трудового перевоспитания», а тремя годами раньше в свой первый сценарий вставил желтую собачонку и бригадира из той прошлой жизни. Больше того, эти годы переструктурировали жизненный опыт городского мальчика, и в его последующем творчестве деревня вышла на авансцену как наиболее органичное пространство для проявления национального духа. Он сам недавно сформулировал: «Еще в 1979 году мы не понимали, что такое город, и лишь в 80-е начали сблизиться с городской культурой... А деревенская культура, дух, мышление пахаря - это наша сущность, передававшаяся от поколения к поколению, и это проблема не отсталости или развития, а духовной сути, преодолевающей внешнее, и эта духовная суть вошла в сегодняшний день, храня нашу идентичность»⁵. В самом его облике журналисты увидели «почвенность».⁶

Через три года его перевели на ткацкую фабрику города Сяньян провинции Шэньси, куда, кстати, приняли с трудом - все из-за той же неблагонадежности: дважды созывали собрание, долго обсуждали, потратив «силы девяти волов и двух тигров», прежде чем решились на столь рискованный шаг - принять контру, пусть даже уже немного «перевоспитанную» крестьянским трудом, в пролетарские ряды. Но уж слишком хорош он был на баскетбольной площадке!

В ответах журналистам Чжан Имоу, уже ставший прославленным режиссером, постоянно подчеркивает свое «упрямство» как специфическую черту, характерную для шэньсийцев⁷. Но ведь это «упрямство» можно было направить на достижение самых разных целей. Вероятно, все та же политическая неблагонадежность помешала ему побывать в пионерах, без чего в КНР его детской поры ребенок не мог ощущать себя встроенным в систему (а без встроенности не было и полноценности). Значит, одно из возможных приложений «упрямства» - реабилитация в глазах власти предрекших, чтобы в грохоте начавшейся в 1966 г. «культурной революции» стать полноценным хунвэйбином - бойцом армии председателя Мао. Отправившись на «перевоспитание» в деревню, Чжан Имоу присоединил к скудному скарбу бюст Мао Цзэдуна. Не мог отличаться от других? Или не хотел?

Я склоняюсь к первому варианту. Хотя бы уже потому, что рядом с бюстом в котомке лежала свирель, а нарисованные Чжан Имоу портреты Мао Цзэдуна в стандартном солнечном ореоле, которыми он завесил свою дверь в деревне, разительно отличались от шаблонных, и это было не столько изображение объекта, сколько характеристика самого субъекта, автора.

Через рисунок начался путь Чжан Имоу в творчество. В школе он считался лучшим художником, пока осенью 1965 г. к ним в класс не пришла Сяо Хуа и не опередила его, приковав к себе внимание самолюбивого соученика.

Путь к размышлениям для Чжан Имоу открыла литература. «Я человек рефлексирующий», - охарактеризовал он сам себя⁸. Он был разборчивым и независимым читателем. В «годы хаоса», когда в Китае едва ли не единственным не отвергнутым писателем считался Лу Синь, Чжан Имоу относился к нему скептически, хотя признавал, что его рассказы помогают глубже понять реальность. И в эти же самые нигилистические времена он шепотом пересказывал Сяо Хуа взволновавшие его новеллы Пиранделло (каким-то образом умудрился достать потрепанную книжицу в «вычищенном» Китае начала 70-

х!). Книги были его страстью, он собирал их, и когда в 1982 г. после окончания института ему пришлось по распределению уезжать в город Наньнин, большую часть его багажа составили коробки с книгами.

Живопись и литература, индивидуализированное восприятие реальности и рефлексия сублимировались у раннего Чжан Имоу в фотографическое искусство, к которому он обратился в 1972 г., когда после деревни устроился работать на ткацкую фабрику в городе Сяньян. Простудировал специальную литературу, старые, 50-60-х годов, комплекты журнала «Дачжун шэин» («Массовое фото»). Трудной проблемой было приобретение фотоаппарата, цена которого значительно перекрывала мизерную зарплату. Мемуаристы (Чэнь Кайгэ) рассказывают, что Чжан Имоу купил камеру на деньги, полученные от донорства, однако другие (Сяо Хуа) опровергают эту версию и предлагают иную: Чжан Имоу отчаянно экономил - в Сиань на свидания с Сяо Хуа ездил более дешевым ночным поездом, от вокзала шел пешком, перестал покупать мыло, зубную пасту. И через 2 года, наконец, сумел купить отечественный фотоаппарат «Чайка» - с двумя объективами и вспышкой. Для того времени это была неплохая техника, и мало кто обладал такой.

Чжан Имоу любил делать серии - несколько фотографий, объединенных темой: «Китайские девушки», «Вот наше поколение», заснеженные пейзажи «Затерянные в облаках», виды Пекина, куда он съездил в апреле 1974 г. Они публиковались в журнале «Чжунго шэин» («Китайское фото»), и Чжан Имоу серьезно помышлял о карьере фотографа. В мае 1978 г. он представил свой альбом на операторский факультет Пекинского института кинематографии, который после «хаоса культурной революции» возобновил набор студентов. Это еще не было окончательным выбором профессии, он лишь хотел «переломить судьбу», а до того нацелился было на физкультурный институт, затем на художественный, к операторской же специальности обратился, думая, подучившись, вернуться к фотографии.

Весьма интересно отношение Чжан Имоу к содержанию и смыслу образования и его социальному статусу. В 1973-74 гг. Сяо Хуа пыталась поступить в институт, но Чжан Имоу решительно отсоветовал ей делать это. На это у него были два возражения. Первое носило личный характер: Чжан Имоу боялся, что поступление Сяо Хуа в институт прервет их отношения, поскольку она войдет в иной круг общения, изменятся их статусные уровни, а контакты с ним по-прежнему будут строго контролироваться и ограничиваться (долгие десятилетия официальные отношения полов в КНР подлежали общественному регулированию, все связи фиксировались, тем более на оборонном предприятии, где в то время работала Сяо Хуа, поэтому в первой половине 70-х они, учитывая «социальную ущербность» Чжан Имоу, старались не афишировать свои отношения и встречались тайно; студентам же разрешений на брак не давалось, и даже сейчас это все еще проблема).

Второе возражение Чжан Имоу против поступления носило уже другой характер: «Чему тебя может научить нынешний институт?» - категорически заявил он Сяо Хуа. Однако через 4 года зримые политические сдвиги в стране переменили его взгляды (не следует исключать тут и «мужской эгоизм» и - особенно - творческую одержимость Чжан Имоу; вероятно, он уже тогда подсудно ощутил в себе то, что сформулирует позднее: «Мои цели не имеют предела, я никогда не остановлюсь и не стану размениваться по мелочам!»).

При поступлении в Пекинский институт кинематографии Чжан Имоу пришлось включить свое «упрямство» и преодолевать преграды, хотя уже и не политического свойства - время уже показывало некоторые намеки на перемены. На его фотографии обратили внимание. Чэнь Кайгэ вспоминает о неоднозначных оценках и спорах. Сяо Хуа приводит фразу преподавателей: «Еще не было абитуриента с такой хорошей фотографической основой». Снимки выбивались из безликого ряда, показывая индивидуальность автора. Но на опера-

торском факультете существовал возрастной ценз - 22 года, а Чжан Имоу в 1978 г. исполнялось 28 лет. Его даже к экзаменам не допустили.

Тут, кстати, произошел эпизод, весьма красноречиво говорящий об огромной целеустремленности Чжан Имоу, который раз и навсегда выбранной цели (искусство) абсолютно подчинил жизнь, быт, удовольствия, даже мораль («Чувствуешь ли ты себя независимым от денег и женщин?» - спросил он как-то приятеля. Тот ответил отрицательно, и Чжан Имоу подытожил: «Так ты не такой, как я»). Вместе с ним подали заявления еще двое сианьцев, их допустили до экзаменов, и Чжан Имоу стал помогать им готовиться, так объясняя этот свой будто бы альтруизм: «Сейчас я им помогу, а когда они поступят, станут мне приносить книги по фотографии из институтской библиотеки. Я хочу учиться системно». Так прагматично он отвечал своим эгоцентрическим побуждениям, которые, однако, вели его не к наслаждению частной жизнью, а к ее сожжению на костре высокого искусства. Эта фраза, кстати, ставит под сомнение случайность выбора кинематографического института, о чем говорил сам Чжан Имоу в цитированной чуть выше фразе.

С помощью друзей альбом фотографий передали известному и влиятельному художнику Хуа Цзюнью, который сумел показать его министру культуры Хуан Чжэню, и в институт телефонировали о том, что министр рекомендует зачислить талантливого абитуриента вопреки правилам. За все годы встреч, замечает Сяо Хуа, она не видела его таким ликующим.

Уже вхождение Чжан Имоу в искусство оказалось разрушением сложившихся стереотипов. Но запредельность - его личностная черта, и таким он оставался во всем: в индивидуализированных портретах Мао Цзэдуна, что было весьма опасным своевольством, в утверждениях собственного стиля одежды: «поменьше, но самое лучшее, чтобы хорошо смотрелось» (и это в годы насаждения единообразной военизированной униформы!). Возможно, такими путями Чжан Имоу и уходил от привычных и одобрявшихся государственных шаблонов к активно подавлявшейся в КНР индивидуальности, от поверхностного типажа к рефлексирующей единичной личности.

Фотография для кинооператора - один из практических способов овладения техническими тонкостями ремесла, и в институтский период Чжан Имоу не расставался со своей «Чайкой». Его стиль обретал новые черты. Привычная для визуальных искусств КНР парадная, часто помпезная нормативность, четкая оформленность, неподвижность, однозначность сменялись у него художественной незавершенностью, многоплановостью, подчеркнутой динамичностью кадра. От стандартного официоза Чжан Имоу уходил в глубь национальных традиций, где все это давно было отработано как романтизированный стиль «сеи» («изображать мысль», то есть давать не объективированную картину действительности, а ее субъективный образ, осложненный авторским восприятием).

Об операторской дипломной работе Чжан Имоу (фильм «Красный слон» режиссера Тянь Чжуанчжуана, тоже весьма заметной фигуры в обновленном «новом кино» КНР) его коллега Чэнь Кайгэ отзовется так: «Это было здорово, а сам он казался недовольным».

В мае 1982 г. Чжан Имоу закончил институт, и лишь тогда смог официально оформить свои восемнадцатилетние отношения с Сяо Хуа браком. История с распределением тоже дает пищу размышлениям о характере Чжан Имоу. Не склонный к заниженной самооценке, он считал себя достойным Центра. Однако на студии столицы претендовать не мог уже хотя бы потому, что абсолютный приоритет давался выпускникам-пекинцам. Следующей в категории притязаний была солидно оборудованная и открывающая широкие перспективы Сианьская студия, правда, в то время она еще и не зарекомендовала себя, как было позднее, интересными «почвенными» поисками.

На съемках фильма "Большой парад". Крайний справа Чжан Имоу

Однако сианец Чжан Имоу отказался от борьбы за единственное место на Сианьской студии и по весьма любопытным соображениям. В Сиани были его родители со своими проблемами, которые именно ему как старшему сыну и пришлось бы разрешать, была Сяо Хуа, наконец, ставшая женой и организующая их семейный быт. Чжан Имоу же не хотел осложнять свою жизнь проблемами, далеко отстоящими от творческих: те яркие перспективы, которые он прозревал, требовали полной самоотдачи. «В семейной жизни, - позже писал Чэнь Кайгэ, - Чжан Имоу и искренен, и эгоистичен». Сам он уже на грани разрыва скажет Сяо Хуа с пронзительной горечью: «Человеку моей профессии нельзя обзаводиться семьей - и других мучаешь, и себя ограничиваешь».

Дело тут, конечно, не в профессии, а в самосожжении, свойственном таким натурам, как Чжан Имоу, причем на костре, который он жаждал распалить как можно сильнее. Истинные побуждения подобных людей далеко не всегда лежат там, где они доступны любому обывательскому взгляду.

Так, например, в 1984 г., когда какой-то период они с Сяо Хуа жили в Пекине, он купил абонемент на ретроспективу итальянских фильмов («Красная пустыня» Антониони и другие классические работы такого же уровня, которые совсем недавно в Китае безоговорочно отвергались и запрещались) и предложил было жене ходить по очереди, а потом заявил: «Тебе интересен лишь сюжет, а для меня это работа, мне необходимо просмотреть побольше фильмов». И Сяо Хуа делает вывод: «Некоторые из наших знакомых говорили, что я так хорошо заботилась о Чжан Имоу, что он вообразил себя центром вселенной и вовсе не думал о другом человеке». С точки зрения обиженной жены это, возможно, выглядит и так, но я бы здесь отделил бытовой эгоизм от профессионального эгоцентризма, категорически разбивающего мир на «искусство» и «все прочее». Сегодняшний Чжан Имоу, отвечающий самым высоким художественным критериям, уже заслужил хотя бы минимального снисхождения на бытовом уровне. Человек и художник в нем не сливались, а тянули в разные стороны, сотрясая его, разрывая на части. Даже по воспоминаниям Сяо Хуа, далеко не бесстрастным и, вероятно, не всегда объективным, Чжан Имоу предстает человеком неуверенным, постоянно страдаемым тревогой, смятением, поглощенным вечным поиском. «Я никогда не был доволен собой - ни в жизни, ни в искусстве», - откровенно сообщил он публике⁹.

Осознавая свою несовместимость с самим институтом брака, он все же тянулся к семье как к защите, способу пережить социальные бури, которые достаточ-

но потрепали его в жизни. Летом 1987 г. он писал жене со съемок «Красного гаоляна», своего режиссерского дебюта: «Хотя я мало бываю дома, но это - мой дом! Бывает, вечером, после дневной суеты, я чувствую себя дома таким счастливым. Это единственная моя тихая гавань, мое гнездо, вы с дочерью - мое душевное укрытие». А за год до того он вдруг задумал обустроить дом, начал рисовать воображаемую мебель, какой следовало бы его обставить (заметим, что это был «год великого перелома» для Чжан Имоу, когда, пройдя путь оператора и актера и уже обретя известность, он завершал внутреннюю психологическую реструктуризацию и переходил на режиссерскую стезю; в этот момент он как раз и нуждался в тихой гавани, из которой выведет свой корабль в открытый океан).

Он согласился поехать на отдаленную, маломощную провинциальную Гуансийскую студию в городе Наньнин. Поначалу воспринял это лишь как временное поражение («они еще поймут, что ошиблись и пригласят меня обратно», - так отозвался он об администраторах Института кинематографии). Но это оказалось в итоге тонко осмысленный и блестяще осуществленный план («черты иероглифов его имени в гадательной книге, - сообщает о Чжан Имоу журналист, - говорят о дальновидности».)¹⁰.

Традиционно путь кинооператора к самостоятельной работе складывался в КНР из таких этапов: 2-3 года в ассистентах («второй помощник», по китайской классификации), еще столько же в помощниках («старший помощник»), затем второй оператор («заместитель») на нескольких картинах и лишь после этого - самостоятельная постановка, то есть путь этот растягивался лет на 7-8. Чжан Имоу, который был значительно старше своих сокурсников, не хотел и не мог ждать. Кадровый голод на маленькой периферийной студии помог сократить ожидание.

Поначалу, однако, свободной камеры для нового оператора не нашлось, и он попросил жену сделать ему на заводе, где она работала, 30-килограммовую модель для тренировок. Вскоре его поставили помощником оператора на картину «Холодный взгляд» (Нинши) некоего заезжего столичного режиссера такой консервативной закалки, что претенциозный новичок демонстративно покинул съемочную группу и подбил приехавших с ним сокурсников режиссера Чжан Цзюньчжао, оператора Сяо Фэна и художника Хэ Цзюня потребовать от руководства студии самостоятельной работы.

Так был сделан первый шаг к фильму «Один и восемь» - фактическому началу «нового кино» Китая. Первого августа 1983 г. подписали приказ о формировании группы, а накануне у Чжан Имоу родилась дочь, и ликующие соратники в общем обсуждении выбрали ей имя Мо, что словарно означает «последний», «конечный»: это был намек на то, что день рождения дочки стал последним днем их «обыкновенной жизни», а на следующее утро началась «необыкновенная жизнь», которая должна привести к великим творческим победам.

Эта четверка дерзновенных молодых выпускников Пекинского института кинематографии, поощренная руководством Гуансийской студии, и стала костяком съемочной группы фильма «Один и восемь», который открыл новую эпоху китайского кино - углубления (в человека) и расширения (в мир). Все стадии превращения сценария в фильм они обсуждали вместе, порой до глубокой ночи, и самыми стойкими оказывались обычно Чжан Цзюньчжао и Чжан Имоу, а в самом конце работы, когда уже и постановщик ушел спать, окончательный вариант монтажной раскадровки будущего фильма до утра записывал Чжан Имоу.

Быть может, тогда-то он и убедился в реальности своей мечты стать режиссером. И укрепился в этом в 1986 г., когда вместо уехавшего на фестиваль постановщика У Тяньмина самостоятельно монтировал «Старый колодец», в котором был оператором и одновременно снялся в главной роли (получив за нее немалое количество внутренних и зарубежных призов).

Первоначальный вариант фильма «Один и восемь» утрачен, его надолго задержала цензура, потребовавшая многочисленных переделок, порой весьма принципиальных (например, в финале: обреченным, по сценарию, героям велено было добавить патронов, и они лихо расстреляли превосходящих врагов).

И все же, по выражению Чэнь Кайгэ, он стал «воплощением нашей мечты, фильмом, о каком мы давно мечтали, но какого до сих пор не видели... В нем воедино сплелись гнев, боль, решимость». В официальной фильмографии работ Чжан Имоу¹¹ говорится о «прорыве к специфике личности, незавершенных операторских композициях как методе построения экранного образа, динамизме кадра, раскрытии психологии персонажей с помощью элементов киноязыка». Сам Чжан Имоу вспоминал, что в работе над фильмом им владела «мысль штурмовать традиционные методы киносъемки..., мы терпеть не могли это застывшее китайское кино, и я горел за камерой»¹².

Фильм получил свою долю призов (в том числе и за операторское мастерство) и неофициальное восхищение на первых, еще закрытых профессиональных просмотрах. Однако весь букет официального признания и публичных наград достался «Желтой земле» той же Гуансийской студии. Запущенный в производство весной 1984 г., этот фильм опередил задержанную цензурой картину «Один и восемь», и именно «Желтая земля» формально открыла исторический счет работам «нового кино». Постановщиком был Чэнь Кайгэ, а Чжан Имоу – оператором.

В уже упоминавшейся фильмографии работ Чжан Имоу говорится, что оператор «с большей, чем литературные описания, чарующей силой создал образ желтой земли» (лессового плато, считающегося колыбелью китайской цивилизации), «это не воспроизведение на экране реальной реки Хуанхэ и куска земли вокруг нее, и это не натуральный фон как неотделимый элемент фильма. Формальные приемы фильма, можно сказать, придали силу повествованию, невыразимо усложнили человеческие чувства».

В беседе с журналистом (цитируется по сборнику «Разговор о «Желтой земле» (Хуашо хуан туди. Пекин, 1986) Чжан Имоу подчеркивал информативность отдельного кадра, связывающую его с общим замыслом фильма, важность самого предварительного, тщательно обдуманного замысла, который, «как в традиционной китайской живописи, предшествует произведению» и для «Желтой земли» заключен был в том, чтобы «показать бескрайность неба, глубину земли, бесконечность потока Хуанхэ, неисчерпаемость национального духа».

Оператор намеренно отказался от подвижной камеры, чтобы подчеркнуть вековую заторможенность забытой в провинциальной глуши деревушки; свой излюбленный желтый колорит обесцвечивал, выделяя сухость и безжизненность лессового плато. В операторской экспликации он заявил о намерении строить элементарные композиции, чтобы сложностью мизансцен не затемнять образа. Если в фильме «Один и восемь» общий образ картины создавали персонажи, представленные обильными крупными планами, то образ фильма «Желтая земля» возникал из картин самой желтой земли – лессового плато.

В совместной работе с Чжан Имоу на «Желтой земле» постановщик этого фильма Чэнь Кайгэ почувствовал, что тот «в искусстве любит масштаб, широту, любит соединять человека со средой и оставаться в границах этой структуры. Он любит молча размышлять, по сто раз пропуская мысль через себя, и руки его танцуют, ноги пляшут, словно у пьяного». В съемочной группе его называли «мастер Чжан» или «черноликий Чжан» – он мрачнел лицом, когда его камера сталкивалась с трудными проблемами.

Несколько последующих лет на фильм сыпались национальные и международные награды. Титул «лучшего оператора», полученный Чжан Имоу на престижном китайском конкурсе «Золотой петух», – начало последующего фейерверка громких призов – ошеломил его. Сяо Хуа вспоминает: «Он вернулся домой и принял молча кружить по комнате, потом пришел на кухню, где я готовила, и продолжал молчать... Его лицо пылало возбуждением... Он быстро взглянул на меня и выдал из себя: «Один человек по секрету передал мне сегодня, что за «Желтую землю» мне дали приз лучшего оператора... Пока это неофициально, еще не объявили».

С «Желтой землей» в марте 1985 г. Чжан Имоу впервые выехал за рубеж – на фестиваль в Гонконг (тогда он еще оставался английской колонией),

где его, бритоголового, принимали за японца, и после этого чисто выбритая голова стала его «фирменным знаком». В Гонконге, а через 2 месяца еще и в Канне живая, горячая, раскованная атмосфера международного кинофестиваля резко оттенила чопорную скованность подобных мероприятий в КНР, и Чжан Имоу зримо ощутил социально-психологическую грань между представителями двух несопоставимых и трудно контактирующих миров.

Итак, для его первых кинематографических поисков операторско-актерского периода характерен взгляд на реальность как на вторичный объект, чья ценность определяется теми интонациями, какие вносит воспринимающий ее субъект. Иными словами, цель - не воспроизведение реальности, а формирование образа, внушающего зрителю ее глубинную сущность.

При таком творческом методе сила воздействия образа определяется масштабностью субъекта. На авансцену выходит не реальность, а спонтанные рефлекторные реакции, в процессе формирования которых устанавливается прямая, на уровне подсознания, связь между автором произведения и воспринимающим его зрителем. «Фильм, - определял Чжан Имоу, - не вещает, он выплескивается»¹³.

Именно неподконтрольность таких связей, их независимость от цензуряющих инстанций серьезно препятствовали укреплению такого творческого метода в китайском искусстве первых трех десятилетий существования КНР. Ослабление цензурного давления способствовало появлению «нового кино», одним из наиболее ярких лидеров которого стал Чжан Имоу, опробовавший себя сначала как оператор, затем как актер, и ощутив узость этих рамок для масштаба своей личности, перешедший в 1986 г. в сферу режиссуры.

Автор фильма - режиссер, он более других участников кинематографического процесса свободен в реализации своего замысла. Чжан Имоу к 1985 году понял, что «до конца выражает идею фильм лишь искусство режиссера»¹⁴, и полностью утвердился в мысли вырваться за сковывающие рамки господствовавшей теории, «слишком опутанной нормативами», «показать брожение жизни, ее разгул, свободу без оков», «людей, живущих звучно, сочно, просто ... и ощущающих самих себя целым миром»¹⁵.

Так завершился процесс становления одного из самых ярких представителей сегодняшнего китайского киноискусства.

1. Сяо Хуа. Ванши юю; изд. «Вэньи» провинции Цзянсу, 1992
2. Журнал «Дандай дяньин», 1985, №4, с.101-107
3. Наньцзин жибао. 1988. 6мая.
4. Чжунго дяньин бао. 1999. 7октября.
5. Чжунго дяньин бао. 2000. 27января
6. Синь дяньин. 1988. 3марта.
7. «Шэньсиец не остановится, пока лбом стену не прошибет» - Дяньин ишу. 1999. №3
8. Дяньин ишу. 1999. №3.
9. Вэньхуэй дяньин шибао. 1988. 23апреля.
10. Чжунго дяньин чжоубао. 1992. 27августа.
11. «Дандай дяньин». 2000. №1. С.55
12. Дандай дяньин. 1988. №2. С.82
13. Чжунго дяньин чжоубао 1992. 27августа.
14. Вэньхуэй дяньин шибао. 1988. 23января.
15. Дандай дяньин. 1988. №2. С.82

Научная жизнь

Государственная премия Российской Федерации - академику С.Л.Тихвинскому

11 апреля 2000 г. в соответствии с Указом Президента РФ от 29 сентября 1999 г. "О присуждении Государственных премий Российской Федерации 1999 г. в области науки и техники" Президент РФ Путин В.В. вручил премию академику Сергею Леонидовичу Тихвинскому. В Указе говорится: "Рассмотрев предложение Комиссии при Президенте Российской Федерации по Государственным премиям Российской Федерации в области науки и техники, Президент Российской Федерации постановил: присудить Государственную премию Российской Федерации в области науки и техники и присвоить звание лауреата Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники Тихвинскому С.Л., академику, советнику Российской Академии наук, председателю Национального комитета российских историков - за цикл работ "Реформы и революции в Китае".

Академик Сергей Леонидович Тихвинский - известный и в нашей стране, и за рубежом историк, один из авторитетнейших востоковедов современности, глава отечественного китаеведения. Им опубликовано свыше 500 научных работ, притом, что он никогда не был сугубо кабинетным ученым. Деятельность С.Л.Тихвинского служит ярким примером успешного, плодотворного сочетания научного творчества с ответственной работой дипломата, организатора исторической науки, педагога и общественного деятеля. Он - советник Президиума Российской Академии наук, председатель Национального комитета российских историков, член бюро Отделения истории РАН, председатель Научного совета "История международных отношений и внешней политики России", главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, почетный президент Ассоциации китаеведов РАН, член многих ученых советов академических институтов, член Научного совета при МИД РФ, член редколлегий ряда научных журналов, иностранный член некоторых зарубежных академий и научных обществ, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, Чрезвычайный и Полномочный посол.

Многогранная деятельность академика С.Л.Тихвинского отмечена многими высокими наградами, в 1982 г. он был удостоен Государственной премии за цикл работ по внешней политике СССР и международным отношениям. И вот еще одна Государственная премия, на этот раз за цикл работ "Реформы и революции в Китае".

"Реформы и революции в Китае"- это обобщенное условное название огромного исторического полотна, воссозданного в многочисленных трудах ученого. Важнейшие из них посвящены трем выдающимся деятелям в истории

Китая конца XIX в. - первой половины XX вв. реформатору Кан Ювэю, революционеру-демократу Сунь Ятсену и видному революционеру, затем государственному деятелю КНР, одному из руководителей Компартии Китая Чжоу Эньлаю.

Начало цикла этих исследований было положено почти 60 лет назад, в 40-х годах, когда молодой аспирант и дипломат взялся за изучение внешнеполитических воззрений и революционной практики доктора Сунь Ятсена, темы, особенно актуальной в те годы для Китая. Кандидатская диссертация затем была переработана в монографию "Сунь Ятсен: внешнеполитические воззрения и практика" (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа. 1885-1925 гг.). М., 1964. Потом вышла еще одна монография о Сунь Ятсене "Завещание китайского революционера: Сунь Ятсен, жизнь, борьба и эволюция политических взглядов" (М., 1986.), сборники статей, где Тихвинский С.Л. был ответственным редактором, автором статей и вступительных статей, а также "Избранные произведения" Сунь Ятсена¹, инициатором издания, ответственным редактором и автором предисловия которых был Сергей Леонидович.

Монографии Тихвинского о Сунь Ятсене исполнены в жанре историко-биографических исследований: показ исторического процесса через призму биографий выдающихся деятелей той эпохи. Конец XIX - первая четверть XX вв. - один из важнейших, переломных периодов в истории Китая, стоявшего перед выбором пути обновления: идти ли путем реформ, либо путем революционных преобразований. Отсюда и тема докторской диссертации, а затем монографического исследования - лагерь реформаторов конца XIX века во главе с их лидером Кан Ювэем: "Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ювэй" (М., 1959, 1980). Тогда попытка провести в Китае реформы, поддержанные молодым императором Цзай Тянем (девиз годов правления Гуан-ской), встретила жесткое противодействие со стороны цинского двора во главе со вдовствующей императрицей Цыси. Реформы были свернуты, одни реформаторы казнены, другие скрылись за границей.

Это исследование стало логическим продолжением разработки ученым проблемы соотношения реформаторского и революционного потенциалов китайской нации, влияния выдающихся личностей на ход истории.

И наконец, еще одна, третья историческая фигура, к изучению которой перешел академик С.Л.Тихвинский - это Чжоу Эньлай, фигура, безусловно, знаковая для своей эпохи, для своей страны. Революционер, один из лидеров Компартии Китая Чжоу Эньлай вместе с тем был наиболее последовательным сторонником реализации идеи национального возрождения независимого, процветающего и могучего Китая, идеи, заложенной в учении Кан Ювэя и теоретических разработках Сунь Ятсена.

В руководстве КПК Чжоу Эньлай всегда занимал особое место. Он был, по образному определению академика В.С.Мясникова, революционером во имя реформ и реформатором во имя революции, понявшим, "что каждый новый революционный взрыв является ответом на попытку затормозить движение Китая по пути превращения в современную передовую державу. Для него революционный взрыв подобен взрыву в шахтном забое, без него не двинешься вперед, он - вынужденная мера, чтобы в упорном труде продвигаться к цели. Он - истинный творец обновления Китая. Тот "вечный работник", который не стремился к высшим постам и державному руководству, а был хранителем высшей идеи, идеи объединения страны и ее обустройства во имя народа. Он принял эстафету от Кан Ювэя и Сунь Ятсена"². Не случайно автор озаглавил монографию "Путь Китая к объединению и независимости: 1898-1949. По материалам биографии Чжоу Эньлая" (М., 1996).

Гигантский труд ученого по написанию этих трех историко-биографических исследований позволил ему проследить важнейшую закономерность в истории Китая конца XIX - первой половины XX вв., суть которой заключается в том, что когда власти сопротивляются проведению реформ, либо реформы пробуксовывают, наступает время революций.

Этот обобщенный вывод, построенный на анализе конкретных событий и исторических материалов, хронологически доведенных до наших дней, был сформулирован академиком С.Л.Тихвинским в докладе "Реформы и революции в Китае", с которым он выступил на юбилейном заседании Ученого совета Института Дальнего Востока РАН 2 сентября 1998 года, посвященном его 80-летию. В нем ученый фактически продемонстрировал универсальность отмеченной закономерности для истории Китая последнего столетия.

Отмечая такое важное событие - присуждение Госпремии РФ академику С.Л.Тихвинскому и присвоение ему звания лауреата Государственной премии РФ, научная общественность, ученики, последователи, коллеги и друзья поздравляют дорогого Сергея Леонидовича и желают ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, бодрости духа, осуществления научных замыслов, новых творческих успехов, добрых друзей, верных учеников!

*Институт Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала
"Проблемы Дальнего Востока"
Ассоциация китаеведов РАН
Общество российско-китайской дружбы*

-
1. Сунь Ятсен. 1866-1966: К столетию со дня рождения. Сб. ст., воспоминаний и материалов. М., 1966; Сунь Ятсен. 1866-1986: К 120-летию со дня рождения. Сб. ст., воспоминаний, документов и материалов. М., 1987; Сунь Ятсен, Избранные произведения. М., 1964; 2-е изд. испр. и доп. 1985.
  2. Мясников В.С. Вдохновение историка. Востоковедение и мировая культура. К 80-летию академика С.Л.Тихвинского. Сб. ст. М., 1998. С. 140.

Защита диссертаций по экономическим наукам в ИДВ РАН

Диссертационный совет (Д 002.54.02), рассматривающий диссертации по специальности 08.00.14 — мировое хозяйство и международные экономические отношения (по экономическим наукам) — действует в ИДВ РАН по рекомендации Экспертного совета ВАК РФ по экономическим наукам с марта 1997 г. Возглавляет совет главный научный сотрудник ИДВ РАН, доктор экономических наук, профессор Э.П.Пивоварова.

За период работы совета были рассмотрены с положительным решением по итогам защиты 5 докторских и 4 кандидатских диссертации, а также 2 докторских диссертации, направленные ВАК РФ на дополнительное заключение (коллективную рецензию).

До Суан Хоанг (гражданин Социалистической Республики Вьетнам), сотрудник Торгпредства СРВ в РФ защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Проблемы экономической интеграции стран Юго-Восточной Азии на современном этапе" (1997 г.).

Ле Тхань Льюнг (гражданин Социалистической Республики Вьетнам), научный сотрудник Института машиноведения РАН, кандидат экономических наук, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему "Внешнеэкономическая деятельность и ее влияние на развитие экономики во Вьетнаме (1975–1997 гг.)" (1998 г.).

Круглов Александр Михайлович, старший научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат экономических наук, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему "Роль и место сельской промышленности в экономике КНР" (1998 г.).

Дэмчичжавын Моломжамц (гражданин Монголии), член Правления Международного банка экономического сотрудничества, кандидат экономических наук, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему "Проблемы развития банковской системы Монголии" (1999 г.).

Чжэн Минь (гражданка Китайской Народной Республики), аспирантка ИДВ РАН с отрывом от производства, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Роль и место государственных промышленных предприятий в индустриальном строительстве в КНР" (1999 г.).

Цуй Шань (гражданка Китайской Народной Республики), аспирантка Московского университета потребительской кооперации с отрывом от производства, защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Становление и развитие СЭЗ КНР" (1999 г.).

Фам Куанг Хунг (гражданин Социалистической Республики Вьетнам), директор ИЧП "Ист" аспирант ИДВ РАН без отрыва от производства, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук на тему "Российско-вьетнамские внешнеэкономические связи: история, состояние, перспективы" (2000 г.).

Курбатов Владимир Петрович, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, кандидат экономических наук, защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук на тему "Развитие агросферы КНР (1950–1995)" (2000 г.).

Первый секретарь Департамента международных организаций МИД России, кандидат экономических наук Потапов Максим Александрович защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора экономических наук, на тему "Внешне-экономическая политика Китая".

Дано дополнительное заключение (коллективная рецензия) о диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук Чан Суан Выонга (гражданина Социалистической Республики Вьетнам) на тему "Основные проблемы и перспективы развития вьетнамской рыночной экономики до 2010 г." (2000 г.).

Дано дополнительное заключение (коллективная рецензия) о диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук Буй Куок Хунга (гражданина Социалистической Республики Вьетнам) на тему "Международный экономический кризис в Азии и его влияние на народное хозяйство Вьетнама" (2000 г.).

*Ученый секретарь Диссертационного совета ИДВ РАН,
кандидат экономических наук
В.Чуванкова*

Рецензии

Н.В.Моравский. Остров Тубабао. 1949-1951. Последнее пристанище российской дальневосточной эмиграции. М., 2000.

На 112 страницах книги Н.Моравского¹ читатель, интересующийся историей русского зарубежья, найдет много удивительного. Два года на острове жили, буквально "как робинзоны", более пяти тысяч русских людей из разных городов Китая - Пекина, Ханькоу, Тяньцзиня, Циндао, перебравшиеся ранее в Шанхай². По разным причинам они не выехали в СССР и были вынуждены обратиться за помощью об эвакуации к международным организациям.

Работа эта началась в декабре 1948 г. под эгидой подведомственной ООН Международной организации по делам беженцев (International Refugee Organization), которая направила правительствам ряда стран просьбу предоставить временное убежище нескольким тысячам беженцев из Китая. Единственным государством, откликнувшимся на это обращение в те нелегкие послевоенные годы, была Филиппинская республика.

И вот на необитаемом маленьком острове Тубабао, расположенном у южной оконечности острова Самар, в январе 1949 г. появились первые переселенцы. Всего примерно за четыре месяца из Шанхая морским и воздушным путем было вывезено более пяти тысяч человек.

Какова была жизнь, с которой пришлось столкнуться людям в этих экзотических краях? Как сложились их судьбы? Каковы были первые впечатления?

Н.В.Моравский, прибывший на Тубабао вторым рейсом парохода "Хва-льен", пишет: "Войдя в филиппинские воды, "Хва-льен" дошел до Манильского залива, у входа в который бросил якорь. Тут на мгновение мне показалось, что я попал в рай земной: безоблачное лазурное небо, зеркальная морская гладь, свежий ветерок, безмятежная тишина..." (с. 8-9). Но позже, когда после суточного карантина судно вошло на буксире в Манильский залив, впечатление резко изменилось:

"Тут было само воплощение ада - повсюду из-под воды торчали обугленные остовы сгоревших в боях американских и японских кораблей. На берегу виднелась Манила, большая часть которой была сметена с лица земли войной". (с. 9). Стояла тропическая жара (в феврале месяце!), кругом джунгли, кокосовые пальмы, острые коралловые рифы, периодами - проливные дожди. Жизнь в палатках. И напомним - остров был необитаем.

Тогда эти русские скитальцы еще не знали, что им придется прожить здесь не четыре месяца³, а два года.

Описание жизни русских переселенцев в этом необитаемом уголке земли и составляет содержание книги. Читатель узнает, как испытывался дух русского человека на прочность в столь необычных условиях. Ведь на Тубабао надо было не только приспособляться к тропическому климату и экзотической растительности, но и защищаться от змей, скорпионов, москитов, сколопендр и других ядовитых гадов. Надо было организовывать быт, создавать элементарные условия для выживания. Не забудем: в массе приехавших находились люди разных возрастов, женщины и дети, а в джунглях не было ни жилья, ни электричества, ни достаточного запаса воды для питья. Началось строительство всего, что необходимо для жизни. Помогли старые палатки и походные койки, оставшиеся от американских воинских подразделений, кое-какая утварь для кухонь. На всех мужчин распространялась трудовая повинность, а женщины посменно работали на общих кухнях, в палаточной больнице и конторе. Для охраны порядка были созданы собственная полиция⁴ и даже третейский суд.

Мужчинам пришлось расчищать джунгли, ставить палатки, латать прохудившиеся крыши и т.д.

Всего в палаточном городке было 14 районов. Еда готовилась на кухне отдель-

но в каждом из них. Автор вспоминает: "Никто на Тубабао не голодал, но пища была невкусной и не отличалась питательностью" (с. 35).

Еще хуже было с водой - сначала ее доставляли из речки вручную, а потом соорудили трубопровод и воду стали перекачивать. При каждой кухне установили "кипятилку", и, когда вода закипала, подавался сигнал (как не вспомнить китайские уличные большие самовары со свистком в "раннем" Харбине!).

Спустя какое-то время построили электростанцию, и электричество было проведено по всему городку. Работала больница - медиков, как и инженеров, в числе переселенцев было, к счастью, достаточно.

В первые же дни русское православное духовенство обустроило две палаточные церкви (рядом с одной из них даже возвели колокольню). За несколько дней до Пасхи 1949 г. сюда прибыл архиепископ Иоанн Шанхайский, который отслужил на Тубабао первую пасхальную службу. Строки из дневников А.Н.Князева, Т.А.Ступиной и Ольги Скопиченко, приводимые автором, рисуют почти неправдоподобную картину: чужая природа "жгучей красоты", и под этим тропическим небом - пасхальная заутреня! Разговеться было чем - благодаря изобретательности хозяек готовились пасхальные столы. И даже свадьбы справляли по церковному обряду (в белых платьях и с шаферицами!), о чем красноречиво говорит одна из фотографий, представленных автором в книге.

Среди переселенцев были люди разных конфессий. В этом необычном палаточном городке действовали еще и католическая церковь, молитвенный дом-палатка, где собирались баптисты и палатка-мечеть.

Очень пригодилась оставшаяся от американской военной базы на острове бетонная площадка⁵, на которой неутомимые носители русской культуры соорудили большую деревянную эстраду, окрестив это место "Красной площадью". Здесь проходили общие собрания, концерты и представления. Была показана постановка балетмейстера Ф.Шевлюгина "Цыганский табор", кружок русских скаутов под руководством Г.С.Марчевской

представил "Майскую ночь, или утопленницу". Под управлением П.Ф.Тевнева играл духовой оркестр. 8 июня 1949 г. состоялся вечер, посвященный 150-й годовщине со дня рождения А.С.Пушкина. Кроме того, регулярно отмечались разные юбилеи, выходили малотиражные газеты на ротапринте.

Значительный процент населения палаточного городка составляли дети от 5 до 14 лет. Все они учились. Огромную роль в жизни юных переселенцев сыграла скаутская дружина, созданная под руководством А.Н.Князева⁶. Первоначально она состояла из 400 человек. Молодежь оказывала помощь в больнице, на почте, на кухне и т.д. Каждое воскресенье устраивались костры - это было очень важно особенно тогда, когда не было электричества. Вряд ли, размышляет автор книги, кто-нибудь забудет эти минуты, когда над джунглями неслись слова гимна скаутской организации "Коль славен..." или песни на слова поэта Алексея Ачаира "На востоке заря..."

Даже тогда, когда наладился быт и люди стали привыкать к своему проживанию на этом одиноком острове, далеко не все было благополучно: болели и умирали люди, тропические ураганы и ливни временами сметали палатки. Не обходилось и без конфликтов. В результате одного из них из русской скаутской дружины ушли украинцы.

Кому-то удалось сразу покинуть этот остров с помощью родственников из США и других стран, приславших вызов. Многим пришлось подписать контракт на два года с Австралией⁷. Лишь к концу декабря 1951 г. последние обитатели городка (118 человек) покинули его после разрушительного урагана "Ами".

Обо всем этом и, прежде всего, о необычайной стойкости, выносливости и организованности людей, повествует небольшая книга Н.В.Моравского. На эту тему встречались публикации в русскоязычной зарубежной прессе, но такого подробного и документированного рассказа еще не было⁸. В книге приводятся отрывки из писем, дневников и документов, имена людей и точные даты событий, благодаря чему перед читателями предстает достоверная картина этого "последнего прибежища российской дальневосточной эмиграции".

1. Никита Валерианович Моравский родился в 1923 г. в Шанхае, в семье русских эмигрантов. Из Тубабао он эмигрировал в США в 1951 г., где преподавал русский язык, работал в средствах массовой информации, являлся атташе по культуре американского посольства в Москве. Статьи Н.В.Моравского публиковались в ряде русскоязычных изданий в США, а также в России в сб. "Культура Российского Зарубежья". (М., 1995.)
2. Большая часть русских эмигрантов уехала из Шанхая на родину в 1947 году.
3. Таков был первоначальный срок, установленный филиппинскими властями, после которого беженцы должны были переселиться в другие страны.
4. В полицию направлялись преимущественно мужчины среднего возраста, многие из них были воспитанниками кадетских корпусов или служили в волонтерском корпусе Шанхая.
5. Американская военная база была закрыта в 1947 г.
6. Алексей Николаевич Князев (1909-1993) окончил Харбинский политехнический институт в 1933 г. Работал в Харбине, Шанхае и Тяньцзине инженером. На протяжении многих лет был скаутмастером, занимался воспитательной работой среди русской молодежи.
7. Контракт предусматривал привлечение к любой физической работе, без учета специальности; проживание в Австралии отдельно от семьи в течение двух лет.
8. Журнальный вариант воспоминаний Н.В.Моравского о пребывании на о.Тубабао был впервые опубликован в ежегоднике "Россияне в Азии" (Торонто, 1997. № 4; 1998. № 5).

Юбилей ученого

Виталию Федоровичу Феоктистову 70 лет

"В учении нельзя останавливаться"
Сюнь-цзы

Всматриваясь в жизненный путь, пройденный Виталием Федоровичем за 70 лет, я поражаюсь, как много сделано этим талантливым и жизнелюбивым человеком, с которым меня связывают долгие годы совместной работы и дружбы.

В 1948 г. он поступил в ГИТИС на театроведческое отделение. Но через год интерес к Востоку перевесил увлечение театром. В.Ф. Феоктистов стал студентом китайского отделения Московского института востоковедения, который окончил с отличием в 1954 г. Его дипломная работа – "Выражение количества действия в китайском языке" – получила первую премию на Всесоюзном конкурсе студенческих научных работ 1954 г. После выпуска он был направлен в Китай, переводчиком на Выставку достижений СССР в социалистическом строительстве, действовавшую в Пекине и Шанхае. В апреле 1955 г. Виталий Федорович был переведен в группу советских советников при Госсовете КНР, а с 1957 г. возглавил обеспечивавший ее работу коллектив переводчиков.

По совету прибывших в Пекин в 1956 г. советских китаеведов-философов Н.Г. Сенина и Ян Хиншуна он начал заниматься историей китайской философии, приступив к изучению и переводу памятника "Сюнь-цзы" – сочинения великого энциклопедиста Древнего Китая Сюнь Куана (Сюнь-цзы, III в. до н.э.). Консультировать работу Виталия Федоровича согласился проф. Лян Цисюн, известный историк философии и текстолог, брат знаменитого реформатора Лян Цичао. Это была подлинная школа работы над древними текстами, включавшая методику отыскания адекватных значений иероглифов, искусство вхождения в "смысловое поле" древних философских текстов, наконец, овладение древнекитайским языком *гу-вэнь*. Из занятий с Лян Цисюном Виталий Федорович вынес убеждение, что без основательного освоения подлинников невозможна исследовательская работа над философскими памятниками Китая. Вторым выводом, который сделал для себя В.Ф. Феоктистов, – это необходимость внимательного отношения к комментариям предшественников. Работа В.Ф. Феоктистова над переводом "Сюнь-цзы" продолжалась с небольшими перерывами почти 15 лет.

Уже в период пребывания Виталия Федоровича в Китае проявилось его стремление не только изучать прошлое этой страны, но и активно участвовать в практической работе по реализации того духа дружбы и сотрудничества, которым были отмечены в 50-е годы советско-китайские отношения. Он познакомился с крупнейшим китайским драматургом Цао Юем, переводом пьесы которого "Восход" начал заниматься в тот период вместе с О.В. Васьковым. Затем он уже один перевел на русский язык пьесу того же драматурга "Синантропы" ("Бэйцзинжэнь"), которая до сих пор в ряде российских изданий фигурирует как "Пекинец" или "Пекинцы". Между тем Цао Юй в ответ на письменный запрос В.Ф. Феоктистова четко ответил, что именно так – "Синантропы" – следует понимать название пьесы. В 1960 г. переводы "Восхода" и "Синантропов" были выпущены издательством "Искусство" в

двухтомнике избранных пьес Цао Юя. Сам драматург, который мог читать по-русски, дал этим переводам не только высокую оценку, но и свою авторизацию. В 1958 г. Виталий Федорович вместе с друзьями-китаистами О. Васильевым и Ю. Лысенко осуществил перевод романа известной писательницы Ян Мо "Песнь молодости" ("Цинчунь чжи гэ"), посвященного революционной китайской интеллигенции 30-х годов. Роман вышел в 1959 г. в издательстве "Молодая гвардия", а затем массовым тиражом в "Роман-газете".

В то же время в "Восточном альманахе" увидели свет в переводе В.Ф. Феоктистова отдельные главы "Сюнь-цзы", позволившие советскому читателю впервые познакомиться с сочинениями древнекитайского мыслителя.

Работая в КНР, Виталий Федорович принимал активное участие во всех крупных мероприятиях Общества китайско-советской дружбы – юбилейных вечерах, концертах, на которых даже исполнял песни на китайском языке. Он организовал лекторий по истории и культуре Китая для советских специалистов, переводил лекции крупных китайских ученых – в том числе Го Можо, Фэн Юланя, участников Великого похода китайской Красной армии 1934-1935 гг., китайские кинофильмы. Вместе с ученым секретарем Института философии АОН Китая Чжоу Имином он написал статью "Развитие философской науки в Китае", которая была напечатана в советском журнале "Вопросы философии" в 1957 г. Это была первая публикация В.Ф. Феоктистова в солидном научном издании. В то же время по заданию Института философии АН СССР он перевел на русский язык сочинения крупного китайского философа Гун Цзычжэня (1792-1841), которые были опубликованы в книге "Избранные произведения китайских мыслителей нового времени" (М., 1961).

Возвратившись в 1958 г. в Москву, Виталий Федорович поступил в Издательство иностранной литературы, где заведовал сектором литератур стран Азии и Африки редакции художественной литературы, который в конце 50-х – начале 60-х годов выпустил в свет переводы произведений ряда крупных китайских писателей (Го Можо, Чжоу Либо, Ма Фэна и др.), сборник переводов китайских народных сказок и легенд "Глаза дракона", "Сказки народов Китая" (Гослитиздат, М., 1961).

В 1961 г. В.Ф. Феоктистова пригласили на работу в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) на должность заведующего отделом социалистических стран Востока. Он был избран членом Центрального правления, а в 1962 г. по совместительству стал ответственным секретарем Общества советско-китайской дружбы. Его отдел вел большую работу по ознакомлению общественности нашей страны с жизнью народов Китая, Монголии, Северной Кореи, Вьетнама, организовывал прием в СССР делегаций обществ дружбы этих стран с СССР. Будучи сотрудником ССОД, он в 1961-1964 гг. учился в заочной аспирантуре Института философии АН СССР. В 1965-1968 гг. В.Ф. Феоктистов был представителем ССОД в Республике Мали.

По возвращении в 1968 г. в Москву В.Ф. Феоктистов поступил на работу в созданный незадолго до того Институт Дальнего Востока АН СССР (ныне РАН) и целиком посвятил себя научной работе. Он начал заниматься изучением идейно-теоретической платформы КПК, взглядов Мао Цзэдуна, их связи с традиционной китайской мыслью. Но его работа над "Сюнь-цзы" продолжалась. В 1972 г. он защитил кандидатскую диссертацию о философии Сюнь Куана. В том же году в первом томе антологии "Древнекитайская философия. Собрание текстов" вышли в свет выполненные им переводы избранных глав "Сюнь-цзы", а в 1976 г. опубликована монография "Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. Исследование и перевод". В этой книге В.Ф. Феоктистов убедительно показал синтетический характер философии Сюнь Куана, вобравшей в себя важнейшие рациональные элементы китайской философии эпохи Чжаньго (V-III вв. до н.э.). Он пришел к выводу о конфуцианской основе взглядов Сюнь-цзы, которая была дополнена существенными элементами моизма, даосизма и легизма. Тем самым он оспорил мнение ряда китайских ученых, в частности Го Можо, о Сюнь-цзы как об

“эkleктике”, представителе “смешанной школы” (цзацзя). Исследование В.Ф. Феоктистова показало энциклопедичность Сюнь-цзы, самостоятельность и оригинальность его системы взглядов.

Сочинения Сюнь-цзы – образец не только философской, но и художественной прозы Древнего Китая. Перевод его трактатов требует не просто умения постигнуть их содержание, но и литературного дарования, дабы передать художественное своеобразие памятника. С обеими этими задачами В.Ф. Феоктистов справился превосходно, умело передав стиль письма философа: отточенность формы, ритмическую завершенность текста, его логическую последовательность. Проблема перевода древнекитайских философских текстов В.Ф. Феоктистов посвятил и ряд теоретических статей. Он доказывает необходимость логического и концептуального подходов к переводу, выступает против абсолютизации формально-лингвистического принципа, перенесения норм грамматики китайского языка на русский перевод, в результате чего скрадывается философский смысл китайского оригинала, а перевод подчас превращается в неудобочитаемый и плоский по смыслу текст. В настоящее время Виталий Федорович заканчивает полный перевод трактата “Сюнь-цзы” на русский язык, который, будем надеяться, увидит свет в ближайшие годы.

В ИДВ он с 1973 г. был заведующим сектором идеологии, возглавлял отдел идеологии, общественной мысли и культуры КНР. Результаты научных изысканий, которые он вел в 70-е – 80-е годы, воплотились в монографии “Эволюция идейно-теоретической платформы КПК в 1976-1987 гг.” (ИБ ИДВ № 9. М., 1991). В этом труде были проанализированы сложные идеологические процессы в КПК после смерти Мао Цзэдуна и формирование нового курса развития Китая, связанного с деятельностью “архитектора” китайских реформ Дэн Сяопина. В монографии подробно прослеживается процесс выработки Дэн Сяопином стратегии реформ и открытости Китая внешнему миру, определившей содержание и развитие политики реформ в КНР, ее позитивные итоги, завершившийся принятием концепции строительства социализма с китайской спецификой.

В конце 80-х – начале 90-х годов В.Ф. Феоктистов в качестве заместителя главного редактора провел большую организационную и творческую работу по подготовке первого в европейской синологии энциклопедического словаря “Китайская философия”, замысел которого принадлежал его главному редактору, директору Института, чл.-корр. РАН, проф. М.Л. Титаренко. К созданию словаря, вышедшего из печати в 1994 г., были привлечены ведущие ученые России и КНР.

В 1992 г., после создания в Институте системы научных центров, Виталий Федорович был назначен заместителем руководителя Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии. Центральное место в его научной деятельности в 90-е годы занимает изучение национальных особенностей духовной культуры Китая, в частности, классической китайской философии, ее роли в истории китайской цивилизации и в будущем развитии мировой философии. Важным компонентом этих исследований стала проблема выявления специфики китайской философии, ее категориально-понятийного аппарата в сравнении с западной философской традицией. Эти темы разрабатываются В.Ф. Феоктистовым в серии статей и докладов, с которыми он выступал на крупных научных конференциях, проходивших в 90-е годы в России, Китае, США и Канаде. Они публиковались в коллективных монографиях и сборниках: “Китайская философия и современная цивилизация” (М., 1997), “Востоковедение и мировая культура” (М., 1998), “Китай на пути модернизации и реформ. 1949-1999” (М., 1999), а также в периодической научной печати КНР и США. Доклады В.Ф. Феоктистова на международных научных симпозиумах в Пекине в 1994 и 1999 гг., посвященных юбилеям Конфуция и судьбам конфуцианства в XXI в., были опубликованы в сборниках материалов этих конференций и в центральных газетах Пекина, а также в ряде провинциальных научных журналов. Не

случайно на этих симпозиумах В.Ф. Феоктистов дважды был избран советником созданной в 1994 г. Международной конфуцианской ассоциации.

В своих докладах и публикациях Виталий Федорович выстраивает убедительную концепцию методологии изучения классической китайской философии. Его концепция основывается на признании китайской философии неотъемлемой частью мирового философского знания и ставит во главу угла выявление ее национальных особенностей. В.Ф. Феоктистов обосновывает тезис о рационалистическом и гуманистическом характере китайской классической философии, сыгравшей роль духовной доминанты в развитии китайской цивилизации. Национальная специфика китайской философии, по его мнению, проявляется прежде всего в целях философской рефлексии и в оригинальном понятийном аппарате, элементы которого не имеют точных аналогов в западной философской культуре.

В.Ф. Феоктистов решительно выступает против механического переноса категорий и понятий западной философской культуры на китайскую почву. Проанализировав особенности понятий китайской философии, он приходит к выводу об отсутствии в ее истории в чистом виде “борьбы материализма и идеализма”, о неправомерности деления китайских философов на материалистов и идеалистов как таковых. Он выдвигает новое определение китайской философии как учения о пределе бытия - “философии поиска начал сущего”: китайские мыслители сосредоточивали свое внимание не на познании отдельных вещей и явлений, а на выявлении “Единого”, “Первоначала”, “Великого предела” - онтологической сути и “предельного” состояния мира. Будущее китайской философии В.Ф. Феоктистов видит не в механическом ее “сочетании” с традицией Запада, а в органичном развитии китайского философского наследия на его собственной основе с использованием тех достижений западной культуры, которые помогают полнее раскрыть неповторимое богатство философской мысли Китая.

Наряду с научной деятельностью Виталий Федорович ведет большую педагогическую работу. В 1974-1976 гг. он преподавал историю древнекитайской философии на философском факультете МГУ первой группе российских студентов-философов, специализировавшихся на истории китайской философии и составивших ныне костяк профессиональных отечественных философов-китаеведов. С 1994 г. В.Ф. Феоктистов читает курс лекций по истории китайской философии на философском факультете Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), вызывающий огромный интерес у студентов. В ходе этой работы В.Ф. Феоктистов не только читает лекции, но и разрабатывает пособия и программы. Совместно с проф. А.Е. Лукьяновым он подготовил и издал первую в нашей стране подробную программу курса лекций “История китайской философии” для студентов философских факультетов высших учебных заведений России (М., 1998), которая получила первую премию на конкурсе учебных программ для российских вузов, проводившемся Институтом “Открытое общество”.

Многогранная научная и общественная деятельность Виталия Федоровича получила заслуженное признание в международных научных кругах. Он избран членом Международного общества китайской философии (США), советником Международной конфуцианской ассоциации (Пекин), постоянным членом правления Международной ассоциации ицинистики (Пекин), советником Института изучения идей Чжан Шаохуа (Пекин). В 1999 г. он был избран академиком Международной академии наук о природе и обществе (МАНПО). В.Ф. Феоктистов награжден медалью “За трудовое отличие” и медалью КНР “Китайско-советская дружба”.

От своего имени и от лица его коллег и учеников поздравляю Виталия Федоровича с юбилеем, желаю ему крепкого здоровья, дальнейших успехов в его научной и педагогической деятельности, способствующей взаимопониманию народов России и Китая, сближению их культур.

*Л. Переломов,
доктор исторических наук*

Григорьева Елена Алексеевна
(27.01.1936-30.08.2000)

30 августа 2000 г. скоропостижно скончалась Григорьева Елена Алексеевна, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, кандидат исторических наук.

Елена Алексеевна всю свою жизнь посвятила китаеведению. В 1959 г. после окончания Московского государственного института международных отношений она начала свой трудовой путь в Институте Китаеведения АН СССР. С 1964 г. по 1967 г. была научным сотрудником в Отделе Китая Института экономики мировой социалистической системы АН СССР. В январе 1967 г. она пришла в Институт Дальнего Востока, где работала по июль 1995 г.

Елена Алексеевна - крупный специалист по проблемам внешней политики Китая, окончила аспирантуру и в 1972 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему "История установления и развития межгосударственных договорных отношений КНР со странами мировой социалистической системы. 1949-1970 гг.". Ее многочисленные научные разработки по проблемам отношений КНР с социалистическими странами были опубликованы в Информационных бюллетенях ИДВ РАН, Ежегодниках "Китайская Народная Республика" за период 1974-1994 гг., а также в журнале "Проблемы Дальнего Востока." На всех этапах своей творческой деятельности Елена Алексеевна отдавала себя делу служения науке. Все ее научные труды, статьи и доклады на научных конференциях были отмечены глубиной исследования, новаторством, любовью к изучаемой стране, заботой об интересах Отечества. Ее отличали такие черты, как огромное трудолюбие, скромность, внимание и отзывчивость к окружающим ее людям, оптимизм.

Коллектив Института Дальнего Востока понес тяжелую утрату. Светлая память о Григорьевой Елене Алексеевне навсегда сохранится в наших сердцах.

*Дирекция и общественные организации
Института Дальнего Востока РАН
Редколлегия и редакция журнала
"Проблемы Дальнего Востока"*

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 10.08.2000 г. Подписано к печати 15.09.2000 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл.печл. 16,9. Усл. кр.-отт. 15,5 тыс. Уч.-издл. 14,6 Бум. л. 6,5
Тираж 904 экз. Зак. 3961.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117864, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2000 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6